

Научно-аналитический журнал

Православие в Балтии

№ **8** (17)

ISSN 2255-9035

Rīga 2018

Pravoslavije v Baltijā (Pareizticība Baltijā), Nr. 8 (17)

Zinātniski analītisks žurnāls

Rīga, LU Filozofijas un socioloģijas institūts, 2018, 246 lpp.

Православие в Балтии, № 8 (17)

Научно-аналитический журнал

Rīga, LU Filozofijas un socioloģijas institūts, 2018, 246 lpp.

Главный редактор:

Гаврилин Александр Валентинович

Редакционный совет:

Назарова Евгения, канд. ист. наук (Россия)

Шор Татьяна, Dr. phil. (Эстония)

Пермяков Виталий, Dr. theol. (США)

Миронович Антони, Dr. hab. hist. (Польша)

Епископ Каракасский и Южно-Американский Иоанн (Берзиньш) (Аргентина)

Крумнина-Конькова Солвейга, Dr. phil. (Латвия)

протоиерей Александр Берташ, кандидат богословия, кандидат
искусствоведения, научный сотрудник СПбГУ (Германия, Россия)

Богоявленская Светлана, Dr. hist. (Германия)

Пазухина Надежда, Dr. art. (Латвия)

Секретарь редакционного совета:

Андрей Гусаченко (Латвия)

Редактор-корректор: Житарева Марина

Компьютерная верстка: Кулис Марис

Publicēts saskaņā ar LU Filozofijas un socioloģijas
institūta Zinātniskas Padomes 2017. gada 2. oktobra lēmumu.

Izdevums sagatavots par Latvijas Universitātes Akadēmiskās attīstības
projekta AAP 2018/39 (Y5-AZ200-ZF-N-905) līdzekļiem.

Все присланные материалы проходят процедуру анонимного
рецензирования и утверждения редакционным советом.

Редакция не отвечает за точку зрения авторов статей, за опубликованные авторами
материалы. Право на публикацию представленных авторами материалов принадлежит
редакции. Представленные в редакцию материалы авторам не возвращаются.
Переиздание материалов журнала возможно лишь с разрешения редакции.

На обложке: Супральный Благовещенский православный монастырь (Вос-
точная Польша). 16, 17, 18, 19 вв., 80 гг. 20 века. Фотография 2017 года.

Pravoslavie v Baltii (The Orthodoxy in the Baltics), Nr 8 (17)

Scientific-analytical journal

Riga, University of Latvia, Institute of Philosophy and Sociology, 2018, 246 p.

General Editor:

Alexander Gavrilin, Dr. hist., Associate Professor (Latvia)

Editorial Board:

Evgeniya Nazarova, Dr. hist. (Russia)

Tatiana Shor, Dr. phil. (Estonia)

Permyakov Vitaly, Dr. theol. (U.S.A.)

Antoni Mironowicz, Dr. hab. hist. (Poland)

John (Berzins) Bishop of Caracass and South America (Argentina)

Solveiga Krumina-Konkova, Dr. phil. (Latvia)

Alexander Bertash, archpriest, Dr. Art, Dr. Theol. (Germany, Russia)

Svetlana Bogoyavlenskaya, Dr. hist. (Germany)

Pazuhina Nadezhda, Dr. art. (Latvia)

Editorial Board Secretary:

Andrejs Gusachenko (Latvia)

Literary editor: Marina Zhitareva

Layout: Maris Kulis

Pravoslavie v Baltii is a double-blind peer reviewed periodical with international editorial board. The aim of the magazine is to reflect the history of the church in the Baltic region in an objective manner. The publication does not have denominational restrictions, and it is not controlled by spiritual or secular censorship. It is published at least once a year in Russian and English.

Published materials cannot be reproduced without permission from the editor or editorial board.

© Latvijas Universitātes Filozofijas
un socioloģijas institūts, 2018

© Aleksandrs Gavriļins, 2018

© Rakstu autori

ISSN 2255-9035

Содержание / Contents

Предисловие / Introduction 7

Научные статьи / Scientific articles

Антони Миронович (Польша)

Antoni Mironowicz (Poland)

Супрасльский монастырь в конце XV – середине
XVI в. как религиозный и культурный центр 13
Suprasl monastery at the end of the XV – the middle
of the XVI century as a religious and cultural center

Протоиерей Александр Берташ (Германия-Россия)

Archpriest Alexander Bertash (Germany-Russia)

Православное церковное строительство в Лифляндской губернии
второй половины 1840-х–1860-х гг. и архитектор Н. Е. Ефимов 35
Architect N. E. Efimov and the Orthodox church building trends
in the governorate of Livland in the 1840-1860's

Михаил Шкаровский (Россия)

Mikhail Shkarovsky (Russia)

Спасо-Преображенский Валаамский монастырь
на территории Финляндии в 1940-е годы 69
Valaam Monastery of the Transfiguration of the Saviour in Finland in 1940ies

Александр Гаврилин (Латвия)

Alexander Gavrilin (Latvia)

Газета «Tēvija» о религии и Церкви на территории Латвии в 1941-1945 гг. 81
Newspaper «Tēvija» about the Church and religion in Latvia in 1941-1945

Анатолий Кинстлер (Германия)

Anatoly Kinstler (Germany)

Православная Миссия протоиерея Александра Черная в Гессен-Нассау. 95
Orthodox Mission of the Archpriest Alexander Chernay in Hessen Nassau

Сергей Мянник (Эстония)

Sergey Mannik (Estonia)

Митрополит Таллиннский и всея Эстонии Александр (Паулус) 123
Metropolitan of Tallinn and All Estonia Alexander (Paulus)

Регина Лаукайтите (Литва)

Regina Laukaityte (Lithuania)

Репрессии против духовенства Литовской
православной епархии в период сталинизма 149
The persecution of the Clergy of Lithuania's
Orthodox Diocese in the years of Stalinism

Мемуары / Memoirs

Воспоминания протоиерея Владимира Блазмы 165
Memoirs of the archpriest Vladimir Blazma

Публикация документов / Document publications

Латвийская епархия в 1945 году 203
The Orthodox Diocese of Latvia in 1945

Первый собор епископов Балтии. Об идее сотрудничества
православных церквей Финляндии, Эстонии и Латвии (1937–1939) 231
The First Congress of the Orthodox Bishops in Baltic States About
the Idea of cooperation of the Baltic Orthodox Churches in 1937-1939

Предисловие

Пожалуй, ни для кого не является секретом, что наряду с фундаментальными воспоминаниями, являющимися своеобразными вехами становления каждого человека, особое место занимают уникальные переживания личного характера. Как правило, наиболее выразительные из них – события детства, отрочества и юности. В жизни каждого воцерковленного христианина одним из ярчайших событий является вхождение в Церковь. Благодаря уникальности божественного промысла о каждом человеке, воцерковленный становится непосредственным свидетелем неповторимого явления благодати, которую в той или иной степени довелось пережить каждому неопиту. Неисповедимы пути Господни. Именно поэтому такими же неизведанными оказываются и стези обращения людей к Богу.

Человек, крещённый во младенчестве, воцерковленный родителями, сызмальства посещающий храм и воскресную школу, идет иным путём, чем тот, кто пришёл ко Господу в юношестве, в зрелом возрасте, либо на склоне лет, отягощённый жизненным опытом. Иной путь воцерковления был и у неопитов в период сравнительно недавних гонений на Церковь. Стези их возрастания были оттенены неким некомформизмом, диссидентством и даже своего рода исповедничеством. Неопиты наших дней сталкиваются с совершенно иными проблемами, значимыми в, казалось бы, благодатную эпоху свободного

вероисповедания. Однако именно невзгоды и гонения, а не время затишья и мира чаще всего сплачивают Церковь и паству. Зачастую саркастическое, а иногда и неприкрыто враждебное отношение общества к Православной Церкви, к духовенству и мирянам создает такой информационный фон, который окутывает сущность и духовную красоту православия. Наша информационная эпоха может явиться как в облике ликующего возгласа «осанна»*, подразумевающая доступность полезной информации буквально на расстоянии вытянутой до монитора руки, так и в рёве разгневанной толпы, вопиющей: «распни, распни!»**, очерняющей лик христианства информацией из того же виртуального пространства. К этому следует добавить разнообразие конфессий и величайшее множество «харизматических» «церквей», предлагающих ищущему человеку куда более «доступную» и «современную» интерпретацию христианских ценностей, нежели «консервативное» православие. Следует признать, что их материальная поддержка и доступность опережает миссионерскую деятельность и материальную помощь, совершаемую Православной Церковью, особенно в тех странах, где православие не является доминирующей конфессией. К тому же ангажированное, стереотипное коллек-

* Новый Завет. Евангелие от Иоанна, глава 12, стихи 12-13.

** Ibidem, глава 19, стих 6.

тивное восприятие зачастую порождает политические дразги и международные конфронтации с Православной Церковью, что негативно влияет на общественное мнение по отношению к православию. Прискорбно, но политическая суета вносит раздоры даже среди православных, воцерковленных христиан. И не только среди мирян. Иногда она поражает и духовенство, по ошибке принимающее амвон за трибуну политика. Как актуальны сегодня строки апостольского послания: у Господа нет «ни Эллина, ни Иудея,»* и все мы в первую очередь являемся гражданами «Небесного Иерусалима»**, неделимыми по политическим предпочтениям.

Несмотря на препоны, чинимые духом времени, необходимо помнить, как верным, так и оглашённым, что «от дней же Иоанна Крестителя доныне Царство Небесное силою берётся» и лишь «употребляющие усилие восхищают его,»*** независимо от того, каким образом, когда и почему человек пришёл ко Христу.

Новый номер журнала, как и прежде, состоит из трёх разделов: научные статьи, мемуары и публикации документов.

Первый раздел издания открывает публикация польского профессора Антони Мироновича, посвящённая истории Супрасальского монастыря (в XV-XVI веках), который был одним из наиболее значительных духовных центров Великого Княжества Литовского.

Статья российского историка, научного сотрудника Санкт-Петербургского государственного университета, протоиерея Александра Берташа – результат огромного труда учёного, посвящённого тради-

циям храмостроительства на территории нынешней Латвии и Эстонии в середине XIX века. В центре внимания автора – анализ творчества архитектора Н. Е. Ефимова и его влияния на православное храмостроительство в Лифляндской губернии в 40-60-х годах XIX века.

Ведущий российский специалист по истории Русской Православной Церкви в XX веке, Михаил Шкаровский, подготовил замечательное исследование, освещающее историю Спасо-Преображенского Валаамского монастыря на территории Финляндии в 40-е годы XX века. В это время древней обители пришлось пережить наиболее скорбные испытания, вызванные бедствиями советско-финляндской и Второй мировой войн, эвакуацией с острова и другими трагическими обстоятельствами.

В статье латвийского историка Александра Гаврилина анализируются материалы латышской газеты «Tēvija» – рупора национал-социалистической пропаганды, затрагивающие сферу религии и Церкви в 1941-1945 гг. Историк анализирует многочисленные публикации, в которых отражается политика нацистской Германии в отношении религии и Церкви.

В интереснейшем материале российского историка Анатолия Кинслера анализируется деятельность Православной Миссии Александра Черная в Гессен-Насау в 1933-1945 гг. По стечению обстоятельств, Германская епархия Русской Православной Церкви Заграницей, оказавшись в водовороте исторических событий, переживала сложнейший исторический период, вплоть до прямой угрозы к существованию. Несмотря на сложившуюся ситуацию, руководство Церкви самоотверженно пыталось поддерживать соотечественников, оказавшихся на территории Третьего Рейха в качестве рабочих или военнопленных.

Продолжая традицию жизнеописаний эстонского духовенства, эстонский иссле-

* Новый Завет. Послание к Колоссянам святого апостола Павла, глава 3, стих 11.

** Новый Завет. Откровение Иоанна Богослова, глава 21, стихи 19, 20.

*** Новый Завет. Евангелие от Матфея, глава 11, стих 12.

дователь Сергей Мянник в своей статье делится результатами научных исследований о деятельности митрополита Таллиннского и всея Эстонии Александра (Паулуса) (1872-1953 гг.).

В статье литовского историка Регины Лаукайтите рассказывается о гонениях на Церковь в Литовской епархии в сталинский период советской оккупации (в 1940-1941 и 1944-1953 гг.). В центре внимания автора – репрессии против духовенства, пик которых пришелся на 1949 г.

В рубрике «Мемуары» публикуются обширные воспоминания протоиерея Владимира Блазмы (Блюма) (1910-1977). В основном это воспоминания мирянина, без выраженного акцента на духовные переживания и воцерковление с последующим рукоположением. О. Владимир описывает широкий спектр фундаментальных исторических событий, а также различные аспекты жизни среднестатистического рижанина в межвоенный оккупационный период. Материал воспоминаний любезно предо-

ставила дочь Владимира Блазмы, Светлана. Предисловие, примечания и публикация воспоминаний подготовлены латвийским историком Андреем Гусаченко.

По сложившейся традиции в заключительном разделе журнала опубликованы уникальные исторические документы. В этот раз в роли авторов публикаций выступили ведущая сотрудница архива Эстонии Татьяна Шор и известный российский историк Русской Православной Церкви Константин Обозный. Публикация Татьяны Шор проливает свет на малоизученное историческое событие – Первый Собор епископов Балтии, проведенный в Финляндии в 1937 г. Константин Обозный, будучи специалистом по истории Православной Церкви во время Второй мировой войны, предоставил публикацию интереснейших документов, хранящихся в фондах архива Санкт-Петербургской епархии РПЦ МП и затрагивающих историю Латвийской епархии в марте – июне 1945 г.

Андрей Гусаченко

Научные статьи
Scientific articles

Антони Миронович (Польша)
Antoni Mironowicz (Poland)

Супрасльский монастырь в конце XV – середине XVI в. как религиозный и культурный центр

Suprasl monastery at the end of the XV – the middle of the XVI century as a religious and cultural center

Супрасльский монастырь в XVI в. был одним из наиболее значительных религиозных центров на территории Великого Княжества Литовского. Относительно его истории и возникновения в польской и зарубежной историографии было издано множество исследований¹. Основываясь на многочисленных источниках, мы знаем об основателях монастыря и его первых настоятелях. Согласно новейшим исследованиям история основания монастыря относится к 1495 (1492?) году, когда новогрудский воевода и одновременно господарский маршал Александр Ходкевич (около 1457-1549 гг.) создал монашескую обитель поблизости Грудка. Эта дата представляется наиболее аутентичной, учитывая, что ранее из татарского плена была освобождена жена Ивана Ходкевича – Агнешка, с сыном Александром и дочерью Аграфией. Во время возвращения из Золотой Орды Ходкевичи пригласили в свои земли монахов, которые искали убежища от турков. Согласно устной традиции, эти монахи ранее пребывали на Святой Горе Афон и в Киево-Печерской Лавре². Эту теорию под-

тверждает факт богатого духовного опыта насельников монастыря уже в начале XVI в., наличие в обители религиозной литературы и литургических книг, написанных на Балканах, а также позднейшие контакты супрасльского монастыря со Святой Горой Афон³. Особую роль при создании монашеской обители над рекой Супрасль сыграли Пафнутий Шегень и Александр Ходкевич⁴. По просьбе игумена Пафнутия Шегена, Александр Ходкевич около 1497 г. в Грудке построил или отремонтировал замок, который должен был оборонять монастырь.

С первых лет своей деятельности супрасльский монастырь поддерживал контакты с иными монастырями, в том числе и зарубежными, а вскоре стал одним из наиболее значительных религиозных центров в Великом Княжестве Литовском в XVI в. Тесные связи супрасльского монастыря с Киевом, Слуцком, Вильно, Москвой, Сербией, Валашией, Болгарией и со Святой Горой Афон позволили сконцентрировать в нём культурные ценности многих славянских народов. Этот наиболее западный

православный монастырь во второй половине XVI в. стал религиозным и культурным центром общеславянского значения.

Создание монастыря связано с личностью Пафнутия Шегеня, первого супрасльского игумена и автора «*Субботника или Поминника*»⁵. Из содержания записей в супрасльском «*Субботнике или Поминнике*» следует, что основателем монастыря был Пафнутий Шегень, родом из Бельска. Игумен Пафнутий сознательно записал в «*Субботнике или Поминнике*» свой мещанский род среди митрополитов, епископов, правящих православных князей и других знатных лиц в Великом Княжестве Литовском. «Здѣ родъ Пахнотієвъ и пана Ивана Сегеневичъ изъ братією его»⁶. Шегены были поставлены в один ряд с духовной и светской знатью. Возникает вопрос: подобное выделение своего рода было ли следствием только того факта, что первым супрасльским игуменом был его представитель Пафнутий, или же причиной было то, что впоследствии он стал епископом двух богатейших православных епархий – владими́ро-брестской (1512-1522 гг.) и луцко-острогской (1523-1528 гг.)⁷? Особым уважением и признанием род Шегенов пользовался также и по другим причинам.

Пафнутий Шегень стал не только основателем монастыря, но и его первым настоятелем. Именно он, преимущественно, озаботился при основании первых храмов материальным обеспечением монастыря и определением его статуса в Церкви. Не вызывает сомнений, что именно род Шегенов взял на себя финансовую ответственность при основании монашеской обители в Грудке. Трудно предположить, что такими средствами обладали недавно освобождённые из турецкого плена Ходкевичи. Отсутствуют также данные относительно других благотворителей в деле создания этого монастыря. Выбор на место настоятеля Пафнутия Шегена, родом из близлежащего

Бельска, а не опытного монаха со Святой Горы Афона или Киева, наводит на мысль, что в строительстве первых зданий монастыря финансово участвовали представители рода Шегенов. «*Субботник или Поминник*» однозначно свидетельствует, что монастырь был основан «верую и любовію желанієм и трудом многогрешнаго священно-инока Пафнотія, родом из Бельска». Следовательно, неслучайно представители этого рода были записаны в этом источнике после православных митрополитов, епископов и наиболее знатных мирян. Вероятно, в финансировании основания монастыря участвовал и бурмистр Бельска Иван Шегеневич, который сотрудничал с Ходкевичами, Радзивиллами, Сапегами и другими господарскими служащими.

«*Субботник или Поминник*» супрасльского монастыря, в котором первый игумен Пафнутий начал записывать имена умершей братии, появился в первые годы после основания обители. Для изучения обстоятельств возникновения монастыря и роли в этом процессе первого игумена обители Пафнутия Шегеня существуют два источника: «Хроника Супрасльской Лавры», которая была составлена около 1748 г., т.е. два с половиной столетия после основания монастыря,⁸ и вышеупомянутый «*Субботник или Поминник*». Об игумене Пафнутии, основателе супрасльского монастыря и первом его настоятеле, говорила запись в оригинальном «*Субботнике или Поминнике*»⁹. Информация «*Субботника или Поминника*» об игумене Пафнутии, как об основателе обители, могла отразиться в упомянутой «Описи», надписи на таблице, помещённой в иконостасе: «летописецъ церковный, што на тябле»¹⁰.

Информацию об игумене Пафнутии, как об основателе супрасльского монастыря, можно найти также в повествовании о создании обители в «Хронике Лавры Супрасльской»:

«Najprzód roku 1498 w Gródku tę ławę albo monaster fundować zaczął Pan Miłościwy Aleksander Chodkiewicz, wojewoda nowogródzki i marszałek wielki W. X. Lit. w dobrach swoich dziedzicznych, stąd o mil cztery, i tam na pierwszym tym funduszu osadził był zakonników św. Bazylego Wielkiego, żadnych jeszcze nie czyniąc im zapisów, i pierwszy był superior albo hegumen Paphnutiusz Sieheń. A gdy się te miejsce w lat dwie nie podobało zakonnikom (...) prosili fundatora (*Александра Ходкевича* – А. М.), aby na innym spokojniejszym miejscu ich ufundował. Ten Pan świętobliwy, pozwolił im onego samym upatrywać i obrać. A tak już mając fundatora konsens, zrobili krzyż drewniany i puścili z Gródka rzeką Suprasłem, tą intencją, gdzie na którym miejscu stanie, tym się mieli kontentować (...)

Традиция гласит, что монахи, помолившись, опустили в воду крест с частицей «святого древа»¹¹. Согласно этому источнику, сначала была построена небольшая деревянная церковь св. Иоанна Богослова и келии для насельников. В хронике дается информация, что при игумене Пафнутии в 1503 г. было начато строительство большой церкви. Упомянутые записи, касающиеся строительства церквей, относились к храмам в Грудке. «У пана Александра Ивановича Ходкевича у отчизной пуши Блудовской, на край реки Супрасли»¹². По случаю освящения новой церкви смоленский епископ Иосиф Солтан (1504-1507 гг.) пожертвовал монастырю богато украшенное Евангелие, а митрополит Иона III (1502-1507 гг.) крест с частицей Святого Креста¹³. Из надписей на боковых гранях креста следует, что дар митрополита Ионы имел место в присутствии смоленского епископа Иосифа, владыки влады-

миро-брестского Вассиана II (1500-1512 гг.), предстоятеля холмской епархии Александра (1503-1504 гг.)¹⁴, а также многих других представителей духовенства и мирян.

Факт присутствия на торжествах множества духовных и светских сановников указывал на значение этого монастыря. Была бы возможна подобная встреча в неприготовленном для этого месте, в самой пуще? Прибытие митрополита Ионы с тремя епископами (Иосифом, Вассианом, Александром) было важным событием и имело место в замке Александра Ходкевича. Не менее ценным был другой дар смоленского архиерея. Епископ передал монастырю копию Смоленской Иконы Богородицы, которая вскоре стала широко почитаться верующими¹⁵. Пожертвование монастырю митрополитом киевским Ионой креста с частицей Древа Креста Господня могло иметь место в день освящения большой церкви в 1503 г., о чём вспоминает «*Субботник или Поминник*»¹⁶. Этот факт подвергает сомнению достоверность легенды об опущении креста в реку Супрасль в 1500 г., так как в этом году монахи обители около Грудка ещё не обладали этой святыней.

Если дословно придерживаться записи в копии «*Субботника или Поминника*» от 1631 г., то возникновение монастыря в Грудке стоило бы отнести к 1492 г. «По благодати Святого Духа и Божественнѣй и Животданнѣй Троицы славимому Богу во лѣто от начала мира 7000 – го, индикта 3 – го, дозволениемъ вельможного пана Александра Ивановича Ходковича начаса съзидати сій монастыр оу его отчинной пуши Блоудовской, на край рѣки Супраслы, вѣрую и любовию, желаніемъ и трудомъ многогрѣшнаго свашченно-инока игумена Пафнотіа, родомъ изъ Бѣльска»¹⁷. Согласно вышеприведенной записи можно сделать вывод, что монастырь был создан уже в 1492 г. Возникает вопрос: было ли это только ошибкой переписчика монаха

Дарственная епископа Смоленского Иосифа Солтана на
землю для Супрасльского монастыря. 1504 г.

Biblioteka Muzeum Narodowego im Czartoryskich w Krakowie, nr 53 (MNK 540/13).

Стефана Коханевича, ошибались ли другие исследователи, изучая оригинал «*Субботника или Поминника*» начала XVI в.? Монастырь в Грудке над рекой Супрасль действительно мог быть основан в 1492 г, т.к. жена Ивана Ходкевича, Агнешка, дочь князя Ивана Бельского, освободилась из плена вместе с сыном Александром и дочерью Аграфией при помощи Казимира Ягелончика. Король умер в 1492 г, следовательно, это событие имело место между 1484 и 1492 гг.¹⁸

Функционирование монастыря поблизости двора в Грудке над рекой Супрасль оказалось неудобным. Жизнь двора затрудняла духовные практики, в особенности отшельническую жизнь монахов. По этой причине игумен с монахами попросили Александра Ходкевича перенести монастырь в другое место¹⁹. Монахи попросили перенести обитель вниз по течению реки

Супрасль. По просьбе игумена Пафнутия Шегеня Александр Ходкевич, «намолившись» с духовными лицами, выразил согласие на новое местоположение монастыря. Это событие имело место не ранее, нежели в 1507 г., когда другой благодетель монастыря, епископ смоленский Иосиф Солтан, стал киевским митрополитом. Его епископская хиротония имела место в мае 1507 г. Смена местоположения монастыря привела к тому, что часть монахов возвратилась в Киев, а оставшиеся переселились в место, называемое «Сухи Груд», дав, таким образом, начало Супрасльской Лавре²⁰. Если идея перенесения монастыря появилась в 1507 г., то обитель не могла сразу начать функционировать на новом месте. Необходимо было строительство новых храмов на месте «Сухи Груд». Вероятнее всего, монахи оставались поблизости замка в Грудке до конца 1507 г.

Источники, касающиеся истории супрасльского монастыря до его перенесения на новое место, не указывают его локализации, так как определяющим фактором был замок Ходкевичей. Только лишь позднейшие документы указывают точное расположение монастыря на берегу реки Супрасль, на месте Сухой Груд, между реками Березовка и Грабовка. Первоначально, в Грудке, монахи подвизались согласно с уставом святогорских скитов. Монахи проживали в своих келиях в лесу, собираясь в церкви только в субботу и воскресенье на совместные богослужения. Источники не указывают, в честь кого была освящена церковь, но, вероятно, это был храм в честь св. Иоанна Богослова, о котором говорит «*Субботник или Поминник*»²¹.

Московско-литовская война, имевшая место в начале XVI в., охватила преимущественно восточные рубежи Великого Княжества Литовского, особенно смоленскую область. Слуги Ходкевича проинформировали смоленского епископа Иосифа Солтана о создании православного монастыря на реке Супрасль. Смоленский архипастырь прекрасно понимал значение нового монастыря, и в 1504 г., когда он получил от польского короля Александра часть земельной службы в Суражской области за заслуги в войне с Московским Княжеством и как компенсацию за утраченные владения, передал её монастырю²². Формально эта передача имела место 11 мая 1506 г., когда епископ Иосиф наладил непосредственный контакт с Александром Ходкевичем²³. На основании доступных источников трудно определить, какую роль в этом пожертвовании сыграл игумен Пафнутий Шегень.

С уверенностью можно утверждать, что настоятель монастыря сотрудничал с епископом смоленским. Вероятно, с его помощью, а может быть, и по его просьбе, епископ Солтан вместе с ктиторм составил новый устав обители. Этот устав

заслуживает особого внимания, потому что он определяет принципы выбора нового настоятеля монастыря. В этом случае не ктитория, как было принято в Великом Княжестве Литовском, принимали решение о выборе игумена, а сами насельники монастыря. Монахи выбирали настоятеля из своей среды. Такой принцип выбора настоятеля свидетельствовал о высоком духовном опыте насельников обители. Численность монашествующих должна была быть большой, и большинство из них должны были иметь богатый опыт иноческой жизни²⁴.

Пафнутий Шегень достиг высокой организации монашеской жизни обители. Строгие правила жизни в новом монастыре должны были, по мнению ктиторов, привести к созданию обители, в которой пребывали бы иноки, обладающие высокой нравственностью и ведущие аскетическую жизнь. Своим обликом монахи должны были духовно привлекать к себе не только православных, но и иноверцев. Правила иноческой жизни в монастыре, составленные Александром Ходкевичем и Иосифом Солтаном, были высланы патриарху Иоакиму I²⁵ для утверждения. Король Александр лично проинформировал Константинопольского патриарха о создании Александром Ходкевичем монастыря в своих владениях, в Блудовских лесах, на берегу реки Супрасль. Также и сам владелец Грудка написал письмо патриарху, в котором информировал адресата о постройке «знаменитой церкви» в честь Пресвятой Богородицы и передаче средств для деятельности монастыря²⁶.

Патриарх Иоаким I с радостью принял вышеупомянутые письма, поблагодарил ктиторов монастыря Александра Ходкевича и еп. Иосифа Солтана за их труды и прислал благословение монастырю, призывая на него благодать Святого Духа. Патриарх утвердил также устав монаше-

ской жизни монастыря²⁷. В оригинальном патриаршем томосе, хранящемся в монастыре ещё в 1867 г., можно было прочесть очень интересные формулировки, которые отличались от копии, написанной на латинском языке.

«Іоакимъ милостью Божи Архієпискпъ Константинопольскій, Новаго Рима вселенскій Патіярх. Понеже славный краль и превеликій князь всей Литвы в своихъ писанихъ показаномъ и нашой сиренности, како маршалокъ его державы Благочестивый и православный и великолепный Панъ Александро, сынъ Пана Ивана Ходкевича, отъ своего имѣнія и отъ своего скарбу и отъ своего труда, на своей властной отчизне и дѣдине у пуци блудовской у скрай рѣки Супраслы, и сфудоменту созида и вънесе честный монастырь по имени Пречистыя Владичица наша Богородица, Честнаго Ея Благовѣщенія. Такъ же своимъ посланіемъ воспомяну намъ той православный Панъ Александро, Еже и сфудоменту воздвигну тую пречистую обитель, и приложи кней, отъ своее отчизны очемъ бы мѣла церково божия на вѣки стояти, и живущимъ вней чимъ бы мѣли поживитися во славу Христу Богу и родителемъ его впаметь вѣчную. Помеже онъ есть ктиторъ и смирение наше видячи его сердечную любовь еже имати к Богу, ижъ отъ своего труда и отъ своего скарбу, постави боголюбезно отъ фудоменту честию обитель. За то благославаемъ ктиторы, Пана Александра і епископа смоленского Іосифа и труды ихъ, да есть жертва ихъ совершена къ Богу, и отъ Господа Бога милости на нихъ да есть всій вѣкъ и вбудущий. (...)»²⁸.

Пафнутий Шегень старался обеспечить правовой статус и материальное положение

своего монастыря. Иосиф Солтан и Александр Ходкевич 26 февраля 1507 г. получили в Вильне от короля Сигизмунда Старого подтверждение передачи монастырю шести земельных служб, полученных смоленским епископом в 1504 г.²⁹. В другом документе еп. Иосиф Солтан просил Александра Ходкевича, господарского маршала, пуньского наместника, позаботиться о переданных монастырю владениях и об охране обители. «Нижли в опеку и от кривд боронити того имения и людей и земли полецаю и приказую пану Александру Ивановичу Ходкевичу, и по нем его детем и его счадком и их бояром и слугам, для того, иж тот монастырь у его отчизне стоит. Понежъ они суть ктиторы того монастыря, они мают от всих кривд боронити (...)»³⁰.

Нареченный в феврале 1507 г. на митрополичью кафедру Иосиф Солтан поддержал намерения монахов перенести обитель на новое место. Епископ Иосиф прекрасно понимал положение монастыря из личного опыта и убедил белорусского магната дать своё согласие на новое местонахождение обители. Анализируя первые записи Александра Ходкевича, касающиеся предоставления леса для строительства новых монастырских зданий, можно заключить, что первые постройки на месте Сухой Груд были деревянными. Однако вскоре появилась идея строительства каменного храма. Ввиду существовавшего на территории Великого Княжества Литовского официального запрета строительства каменных церквей, необходимо было согласие короля на строительство такого храма. Игумен Пафнутий Шегень обратился с такой просьбой к королю в начале 1509 г. В середине марта 1509 г. Сигизмунд Старый выразил своё согласие на строительство каменного храма. «Бил нам челом игумен Супрасльскій Пафнутій о том, чтож он працюю своею... (...) будовати монастырь в пуци пана Александра Ходкевича на реце

Супраслы и просил нас о том, чтоб дозволили церковь и монастырь муровати. Ино мы з ласки нашею на его чолобите дозволили ему церковь и монастырь муровати в той пуци пана Александра Ходкевича, где ся будет видеть ему угодно будовати»³¹.

Только после получения такого согласия игумен Пафнутий мог приступить к реализации своих планов. Строительство церкви началось в октябре 1510 г. В 1509 и в первых девяти месяцах 1510 гг. приготавливались необходимые материалы. В середине октября 1510 г. митрополит Иосиф Солтан посетил монастырь. Из грамоты Александра Ходкевича следует, что митрополит был «у монастыри на реке Супраслы»³². В своей привилегии от 15 октября 1510 г. митрополит написал, что: «нашею доброю волею и накладом сооружити монастырь иноком общаго равножительства у пана Александра Ивановича Ходкевича, у отчизной пуци Блудовской, на край реки Супраслы, на острове межи источников водных – речок Грабовки и Березовки»³³.

При настоятельстве Пафнутия Шегеня монастырь на реке Супрасль удостоился специального патриаршего внимания, а его игумен именовался: «игуменом Благовещенской патрiяшей обители». Трудно понять причины такого внимания к недавно созданному монастырю Константинопольского патриарха. Определённо для распространения на монастырь патриаршего патроната недостаточно было только просьбы его ктиторов.

Участие игумена Пафнутия в Поместном Соборе в Вильне имело существенное значение для монастыря и его настоятеля. Виленский Собор, заседавший в конце 1509 – начале 1510 гг., определил 15 принципов, которые должны были регулировать взаимоотношения духовной и светской власти. Целью было ослабление влияния мирян на церковные назначения и укрепление престижа духовной власти. Во время

заседаний были приняты постановления, касающиеся отношения духовенства к светской власти, определены принципы избрания кандидатов на церковные должности, были урегулированы вопросы, касающиеся жизни клира и церковного суда³⁴.

Виленский Собор рассматривал дело Супрасльского монастыря, который получил подтверждение своего статуса в специальном томосе Константинопольского патриарха Иоакима³⁵. Не вызывает удивления также тот факт, что на Соборе игумен Пафнутий упоминается вторым после Ионы, настоятеля Киево-Печерской Лавры³⁶, т.к. монастырь на реке Супрасль находился в непосредственной юрисдикции Константинопольского патриарха³⁷.

На Виленском Соборе 1509-1510 гг. было принято решение об избрании супрасльского игумена Пафнутия Шегеня на епископскую кафедру. Несколько епархиальных архиереев Киевской Митрополии были уже в преклонном возрасте. Особенно это касалось владими́ро-брестского епископа Вассиана II. По мнению митрополита Иосифа Солтана наиболее подходящим кандидатом на эту кафедру был игумен Пафнутий. Таким образом супрасльский игумен стал «нареченным» епископом и принял управление епархией после смерти епископа Вассиана II. Его кандидатура была поддержана не только митрополитом Иосифом, но и мирянами, православной элитой: князем Фёдором Ярославовичем, князем Константином Острожским, княжной Еленой Иоанновной и Александром Ходкевичем³⁸.

После избрания игумена Пафнутия владими́ро-брестским епископом, митрополит Иосиф Солтан 15 октября 1510 г. составил новый устав для Супрасльского монастыря³⁹. Совпадение по времени этих двух событий указывает на то, что оба иерарха стремились к сохранению контроля над развивающимся монастырём. В

свете нового устава игумен уже не имел таких прав, как Пафнутий Шегень. Устав определял роль монастыря в тогдашней церковной жизни. Митрополит желал, чтобы монастырь суровым правилом внутренней жизни возбуждал уважение в среде православных и иноверцев. Задачей монахов было укрепление веры среди православных жителей западных областей Великого Княжества Литовского, а в среде иноверцев развитие уважения к Церкви. В Уставе обращает на себя внимание запись, относящаяся к монашеской келии. Можно было в ней держать только одежду, книги и предметы, необходимые для монастырской работы. Митрополит Иосиф знал насельников монастыря, в среде которых было много образованных людей, умеющих читать, писать, переписывать и объяснять литургические тексты.

Возникает вопрос: с какой целью монастырь получил новый устав, имея уже правило монашеской жизни, подтверждённое специальным томосом Константинопольского патриарха Иоакима от 1505 г.? Новый устав определял принципы общежительного монастыря на месте нового расположения обители. Предыдущий устав определял полуотшельнические принципы монашеской жизни, которую иноки вели в окрестностях Грудка. Следует обратить внимание на строгость первого устава монашеской жизни в Супрасле. Многие иноки прошли все степени монашеского пострига и стали схимниками. В их среде было несколько отшельников, проживающих в отдельных келиях в лесу, вне монастыря. Изменение местоположения монастыря привело не только к перемене характера монашеской жизни с анахоретского (полуотшельнического) на ценобитическое (общежительное), но и уходом части иноков в Киево-Печерскую Лавру и на Святую Гору Афон.

Устав митрополита Иосифа от 15 октября 1510 г. не упоминал о построенной камен-

ной церкви. Следовательно, только после этой даты были начаты либо продолжены строительные работы храма Благовещения Пресвятой Богородицы. Из этого следует, что игумен Пафнутий Шегень начал, но не закончил строительство каменной Благовещенской церкви. С большой долей вероятности можно утверждать, что супрасльский игумен построил деревянную церковь св. Иоанна Богослова, которая была освящена 25 мая 1511 г. С этого момента уже как нареченный владими́ро-брестский епископ Пафнутий не пребывал в монастыре. Местом его резиденции был Брест, где, по всей вероятности, он и находился. Пафнутий оставил монастырь в очень хорошем духовном и материальном состоянии. Несколько десятков иноков с большим опытом монашеской жизни гарантировали стабильность обители. Широкие инвестиции, собрание богатой коллекции рукописей, начало строительства Благовещенской церкви – были возможны благодаря получению Пафнутием многочисленных даров и пожертвований со стороны представителей православной элиты, таких как княжна Елена, Александр Ходкевич, господарский маршал (в 1506-1509 гг.), Иван Сапега, подляшский воевода, или Иосиф Солтан, киевский митрополит⁴⁰. Первый игумен Супрасльского монастыря, уже неся архипастырское служение владими́ро-брестского и луцко-острожского епископа, не забывал о своём монастыре⁴¹. О его близких отношениях с монастырём свидетельствуют присланные им в монастырскую библиотеку рукописи и многочисленные записи в супрасльском *Субботнике или Поминнике* имён людей, проживавших на Волини и Полесье.

* * *

Супрасльский монастырь, как один из наиболее значительных центров мо-

нашеской жизни в Великом Княжестве Литовском в XVI в., поддерживал тесные контакты с подобными центрами в самом Княжестве и за границей. Близкие отношения монастыря с Киевом, Слуцком, Вильно, Москвой, Сербией, Валахией, Болгарией и Святой Горой Афон позволили сконцентрировать в нём культурные достижения многих славянских народов. Этот самый западный православный монашеский центр во второй половине XVI в. преобразовался в культурный центр общеславянского значения. Трудно указать другой центр, в котором в такой степени были сконцентрированы лучшие достижения различных областей культуры и в котором так интенсивно развивались контакты с культурой других славянских народов, а глубокие древние традиции органически вошли в жизнь последующих веков. Влияние культур восточнославянских и балканских народов проявилось на территории монастыря в архитектуре и в иконографии, внутреннем убранстве храмов и в собраниях монастырской библиотеки.

В библиотеке было множество примеров того, что Супрасльская обитель поддерживала близкие контакты с сербскими и болгарскими монастырями⁴². Традиция тесных контактов монастырей Великого Княжества Литовского с Сербией и Болгарией существовала уже в 1415 г., когда киевским митрополитом стал Григорий Цамблак⁴³. Из переписанных в Супрасле рукописей большим интересом пользовались похвальные слова Климента Охридского, *Поучение Доробя и з житием Саввы Освещенного и Иоана Злотоустого*⁴⁴, или же сочинения митрополита Григория Цамблака (*Похвала трем отрокам, Толкование о кубке Соломона и Житие славянского святого*), а в особенности его праздничные проповеди: *На рождество Иоанна Предтечи, На Успение и Похвальное слово Евфи-*

*мию Тырновскому*⁴⁵. Эти книги находились в монастырской библиотеке уже в первой половине XVI в.⁴⁶ Сочинения Григория Цамблака *Похвальное слово митрополиту Киприану и Похвальное слово Евфимию Тырновскому* содержат церковную сербскую и болгарскую терминологию.

Подтверждением связей монастыря с Сербией было включение в «Кодекс» XVI века жития св. Саввы Сербского, а в богослужебную Минею на февраль (сер. XVI в.) службы св. Симеону Сербскому⁴⁷. В Минеи на октябрь (сер. XVI в.) помещена служба св. Арсения Сербского с характерной записью: «в сей же день святого Уроша караля ктитора места сего, паче же новые сей церкви». Это замечание было переписано с сербской рукописи, которая находилась, по всей вероятности, в церкви Успения Пресвятой Богородицы в Неродимле на Косовом Поле, либо в монастыре Рождества Пресвятой Богородицы в Скопье⁴⁸, ктитором которых был канонизированный король Стефан IV Урош Душан (1308-1355 гг.). Рукописи, которые попадали в Супрасльский монастырь, теряли свой южнославянский характер и приобретали старорусские черты⁴⁹. В новой версии они были переписываемы, а часто и редактируемы, и распространяемы на землях Великого Княжества Литовского и Короны⁵⁰.

Примеров влияний балканской литературы в супрасльских рукописях можно привести больше: например, «Книга Великого Василия Кесарийского, новописанная», слово Георгия Писиды «Похвала Богу о сотворении вся твари» (к. 294v–312)⁵¹ и др.. Рукописи являются видимым доказательством южнославянского влияния на русскую письменность⁵².

В кодексе, хранящемся в библиотеке киевского монастыря св. Михаила, находилось восемь супрасльских памятников XVI в.⁵³. Большинство из них подтверждали тесные связи Супрасльского монастыря со

Святой Горой Афон и балканскими монастырями. Этими памятниками являются:

- 1) *Письмо к неизвестному по имени латинскому архиепископу от 1511 г.*⁵⁴
- 2) *Послание венгерского короля Януша к монахам Св. Горы Афон от 1534 г.*⁵⁵
- 3) *Ответ Афонских монахов на послание короля венгерского Яна Заполи от 1534 г.*⁵⁶
- 4) *Повесть о разорении Афона латиномудрствующими в 1276 году*, переписанная в Супрасльском монастыре в 1546 г.⁵⁷
- 5) *Разговор христианина с жидом о вере и иконах*⁵⁸
- 6) *Послание латынянину от 1581 г.*⁵⁹
- 7) *Сказание на богомерзкую, на поганую латину, которую папежи, хто в них вымыслили в их поганой вере*⁶⁰.
- 8) сочинение: *Новоизложенное поучение во Литваниии нарицаемым Логофетом*⁶¹.

Некоторые фрагменты пяти первых сочинений повторяются во второй редакции, помещённой в Супрасльском монастыре в 1578 г. и переписанной в 1580 г.⁶² В них содержится острая полемика с учениями протестантизма, иудаизма, католичества и ислама. На землях Великого Княжества Литовского приобрело популярность составленное в Супрасле в 1570 г. «*Списание против лютров*», направленное против сторонников Реформации⁶³. Переписчиком этой книги был священноинок Евстафий⁶⁴. Он привёз в монастырь пергаментное евангелие XIII века и хранил его в своей келии, когда был ещё архидиаконом⁶⁵.

Другим примером постоянных контактов супрасльских монахов с сербскими монастырями может служить деятельность инока Арсения. В 1530 г. супрасльский монах Арсений, священник, носивший ранее имя Алексей, переписал труд св. Иоанна Лествичника «*Лествица*». «*Книга Лествица в полдесть*» находилась в монастыре до 1530 г. Рукопись была дважды переписываемая в середине XVI века⁶⁶. В результате возникшего конфликта с архимандритом

Кимбаром, иеромонах Арсений забрал переписанный им труд св. Иоанна Лествичника «*Лествица*» и ушёл в сербский монастырь Хиландар на Св. Горе Афон⁶⁷. Это не был единичный случай вывоза рукописи из монастырской библиотеки. Во время настоятельства Сергия Кимбара также другие книги были вывезены в балканские монастыри⁶⁸.

Контакты Супрасльской обители с Сербией подтверждает хранившаяся в монастырской библиотеке древнейшая сербская редакция жития святых виленских мучеников Антония, Иоанна и Евстафия. Белорусская версия жития виленских мучеников появилась позднее, хотя и была по форме и содержанию приближена к сербской. Подтверждением влияния южнославянской культуры на белорусскую был факт пребывания в Супрасле сербских редакций многочисленных религиозных произведений, например, «*Хождения Арсения Солунского*»⁶⁹. В Супрасле также был известен сербский оригинал повести о Тристане и Изольде. На происхождение рукописи указывает её название: «*Починается повести о витезях с книг сербских*»⁷⁰.

В Супрасльской библиотеке находились также памятники светской старобелорусской литературы, которые создавались под сербским и болгарским влиянием. «*Жизнь Александра Великого*», изданная в Кракове в 1550 г., на белорусских землях дополнялась сербскими записями⁷¹. Приведённые примеры свидетельствуют не только об исключительности супрасльской библиотеки, но и указывают на интенсивное влияние сербской и болгарской религиозной и светской литературы на белорусских землях. Сербские и болгарские влияния проявлялись в тематике, форме и словесности литературных произведений. Сербское культурное влияние в XVI веке пришлось на период развития ренессанса, интеллектуального оживления общественности в Великом

Княжестве Литовском. Собрание библиотеки Супрасльского монастыря именно этого периода указывает на сербские влияния в тематике, форме и терминологии литературных произведений.

* * *

Непосредственные связи Супрасля с сербской культурой подтверждаются внутренним убранством Благовещенской церкви. Наиболее значительной инвестицией монастыря был именно этот храм Благовещения Пресвятой Богородицы. Оригинальность замковой архитектуры храма заключалась в соединении готического и византийского стилей. Реализация этого проекта привела к созданию редко встречающейся конструкции церковного свода, строительству четырёх миниатюрных угловых башен и многочисленных стрельниц в главном карнизе. Конструкция храма напоминает крепостные церкви св. Софии в Полоцке, Сынковичах, Маломожейкове⁷². В архитектуре Благовещенской церкви в Супрасле были отражены влияния русско-византийского и готического строительства. Это исключительный пример взаимного проникновения восточной и западной культур.

Внутреннее убранство храма также указывает на сильное византийско-русское культурное влияние в западных областях Великого Княжества Литовского. При архимандритстве Сергия Кимбара группа иконописцев под руководством «Сербина Нектария» украсила интерьер церкви фресками⁷³. Краткое упоминание о выплате иконописцу соответствующей суммы за работу при иконостасе не позволяет точно определить авторство фресок. Часто на русских землях те же самые иконописцы были авторами икон и росписи на стенах. Вероятнее всего такая же ситуация была в Супрасле. Фрески были написаны

Привилегия митрополита Киевского Иосифа Солтана от 5 февраля 1510 года Супрасльскому монастырю
Biblioteka Muzeum Narodowego im Czartoryskich w Krakowie, nr 76 (MNK 541/8)

группой иконописцев под руководством мастера из Сербии. Станислав Ставицки отождествляет Нектария, который расписывал Супрасль, с автором известного «Типика-Ермини» – руководства по фресковой росписи. Согласно польскому исследователю, в техническом плане фрески во многом согласуются с рекомендациями «Типика-Ермини»⁷⁴. Если принять эту гипотезу, то автор супрасльских фресок был не только художником, но и теоретиком искусства, рекомендации которого широко использовали на Балканах.

Стилистика фресок напоминает памятники сербской монументальной живописи, а в особенности роспись монастыря

Супрасльская икона Божией Матери. Нач. XVI века.

Библиотека Виленского Университета
(Вильнюс), Рукописный отдел, F82-2303/15

Манасии 1418 года.⁷⁵ Они являются одним из немногих примеров византийской иконографии в польских и белорусских землях, не имеющего непосредственной или посредственной связи с Суздальской Русью или с традиционными центрами иконописи в Галицко-Волынской Руси. Иконографический тип супрасльских фресок аналогичен поздневизантийскому искусству начала XV в. периода т.н. «ренессанса Палеологов». Сербская школа стеной живописи имела большое влияние на соседних землях по причине обилия иконографических сцен и доступности её упрощённых форм. Она пользовалась большой популярностью в монастырской среде. Это была вторая, по-

сле имевшей уже место в XIII в., волна переселения сербских художников на север и на русские земли. Сравнение супрасльских фресок с известными сербскими росписями в Охриде, Каленице, Любостине, Раванице, Манасии указывают на общую традицию и схожие образы⁷⁶. Типы некоторых фигуральных композиций в художественной декорации Супрасля были заимствованы в сербской монументальной живописи. Примером балканского влияния в супрасльских фресках может служить богатый горный и архитектурный пейзаж как фон композиции образа⁷⁷. Фрески относили к сербской средневековой иконографии, находящейся под влиянием западноевропейской живописи, в особенности же итальянской. Детали одежды и вооружения, туники, плащи, ремни, формы мечей и щитов носят византийско-сербский характер. В росписи Благовещенской церкви имело место соединение

различных элементов живописи, как это было на Балканах и в Греции.

Подробное описание композиции фресок с приведением аналогий с росписью в других храмах составили Александр Рогов и Александр Семашко⁷⁸. Иконографический цикл был характерным для традиционной сербской монументальной живописи. Развитие сербской иконографии опиралось преимущественно на византийский канон, и поэтому большинство сербских и болгарских иконописцев училось иконографии под руководством греческих мастеров. Немногих из них с начала XVI в. можно наблюдать на русских землях Великого Княжества Литовского. Одним из приехавших с Балкан иконописцев был

Нектарий, создавший фрески и иконостас Благовещенской церкви в Супрасле.

* * *

Отдельное место в контактах супрасльской обители с сербскими монастырями занимает св. мученик Антоний Супрасльский, который под именем Онуфрий пришёл в супрасльский монастырь в начале XVI в.⁷⁹. После нескольких лет жизни в монастыре монах Онуфрий принял постриг в великую схиму с новым именем Антоний и попросил у игумена Пафнутия благословения на своё удаление на Св. Гору Афон, в оккупированные турками христианские земли, чтобы отдать свою жизнь за Христа. После прибытия на Св. Гору Афон Антоний поселился в башне св. Саввы Сербского. Возникает вопрос: где именно поселился супрасльский инок на Св. Горе Афон? В то время было три башни св. Саввы Сербского. Первая была построена в старом русском монастыре, там, где пребывал св. Савва во время своего первого пребывания на Афоне. Вторая башня находилась в сербском монастыре Хиландар, а третья – в столице афонской республики, городе Кариес⁸⁰. Согласно А. Турилову, монах Антоний поселился в келлии в Кариес, называемой «Τυπυχαρίο», которая имела свой устав и башню⁸¹. Келлия была построена св. Саввой, сыном сербского короля Симеона Немани (1167-1196 гг.), около 1199 г.⁸² После того как св. Савва поселился в Хиландаре в 1197 г., сербский монах через два года составил собственный типикон, опираясь на устав св. Саввы Иерусалимского⁸³. Келлия и проживающие в ней монахи пользовались большим уважением в афонской республике, в особенности в конце XV – начале XVI века. Келлия признавалась как отдельный монастырь, а проживающая в ней братия имела своего представителя в агиоритском соборе⁸⁴. Св.

Антоний прибыл на Св. Гору Афон до 1507 г., а его мученическая кончина имела место 17 февраля 1508 г., уже после мученичества св. Иоанна из сербского города в Македонии Серрес⁸⁵.

Житие св. Антония Супрасльского было составлено в одном из афонских монастырей на основании свидетельства монахов. Это житие было известно супрасльским инокам, т.к. множество монахов со Св. Горы Афон пребывало в православных монастырях на территории Великого Княжества Литовского. Добавление в «Пролог» XV века жития св. Антония Супрасльского указывает на то, что личность мученика вызывала у монахов общее почитание. Супрасльского мученика включили в грона древних святых, которые в своих странах повсеместно почитались. Автор последней версии кодекса стремился придать новому мученику ранг, равный святым чешским, сербским и московским⁸⁶.

Вероятнее всего, составителем жития св. Антония был вышеупомянутый супрасльский монах Арсений, который прибыл в сербский монастырь Хиландар после 1536 г. В 1530 г. Арсений, священник, носивший ранее имя Алексей, переписал труд св. Иоанна Лествичника «*Лествица. Книга Лествица в полдесть*», которая находилась в монастыре до 1530 г. В результате возникшего конфликта с архимандритом Сергием Кимбаром⁸⁷ иеромонах Арсений забрал переписанный им труд св. Иоанна Лествичника «*Лествица*» и направился в сербский монастырь Хиландар на Св. Горе Афон⁸⁸. Услышав о мученичестве схимника Антония, Арсений мог составить его житие и выслать в Супрасльский монастырь.

С середины XVI в. Супрасльский монастырь стал важнейшим монашеским центром в Великом Княжестве Литовском. Открытость монастыря к новым религиозным и философским веяниям не ослабили его положения в Православной Церк-

ви. По-прежнему поддерживались тесные связи с традиционными православными центрами в Княжестве и за границей, в том числе на землях Сербии и Болгарии. С Супрасльским монастырём были связаны выдающиеся религиозные деятели из Княжества Московского, Болгарии, Сербии и Византии. Среди них были о. Артемий, князь Андрей Курбский, Матфий Чехович, Исаия Каменчанин, Остафий Воллович, Матфий Стрыйковский и патриарх сербский и болгарский Гавриил, который даровал архимандриту Тимофею

в 1582 г. право ношения митры⁸⁹. В 1589 г. Супрасльскую Лавру посетил возвращающийся из Москвы Константинопольский патриарх Иеремия Второй⁹⁰. Он реорганизовал монашескую общину, преобразовал её в важнейший бастион Православной Церкви на западе Литвы. Значение монастыря повлияло на выбор его как места своего погребения многими духовными и светскими сановниками⁹¹. Благодаря своим международным связям монастырь приобрёл значение общеславянского религиозно-культурного центра.

Summary

In the 16-th century the monastery of Suprasl was the second monastic center of the Orthodox Church in the Great Duchy of Lithuania after the Kiev-Caves Monastery. This monastery was founded in 1498 by the Novogrod Voivod and Marshall of the Great Duchy of Lithuania – Alexander Khadkevich together with Smolensk Archbishop – Joseph Soltan. In the history of the Byelorussian culture the monastery in Suprasl occupies unique place. The best achievements of many branches of culture have been concentrated in it. They mirror close contacts with the religious and cultural heritage of other Slavonic nations. The monastery became a place of the reciprocal permeating of various religious trends. Also, here, many national cultures influenced each other. An example of this reciprocal permeating of cultures was the architecture and interior decorations of the Annunciation monastery church. The uniqueness of the architecture of this building consists in the mixing of the Gothic and Byzantine styles.

The direct connections of Suprasl with Byzantine and Serbian culture may be proved by the monumental frescos in the Annunciation Church. They were painted by a group of painters under the supervision of Nektorius

the Serb (Serb Nekhtarioosh). These frescos were a testimony to dogmatic Orthodoxy. The openness of the Suprasl clergy for new religious and cultural trends is testified to by voluminous positions in the monastery library which possessed 587 volumes in 1645. Among them was the “Minieja Czetnaja” (Minnheya Tshetnaya) tracing its origins back to the beginning of the 11-th century, containing the lives of Bulgarian, Serbian, Russian and other Slavonic saints.

The monastery of Suprasl was visited by many outstanding writers, religious leaders and political notables. This monastery was also visited by the Patriarch of Constantinople – Jeremias II, the Serbian and Bulgarian patriarch – Gabriel, and many other Church dignitaries from Balkans. In the 16-th century, the monastery of Suprasl became a major ecclesiastical center of all the Slavic nations. The monastery while being the major center of Orthodox theological thought, still remained open for new trends in philosophical thought. During the 16-th century the monastery of Suprasl was in close relationship with Bulgaria, Serbia, The Great Duchy of Moscow and Holy Athos Mount. This found its reflection in sacral art, publishing and literature.

Reference list

- 1 Za podstawowe należy uznać prace: S. Alexandrowicz, *Nowe źródło ikonograficzne do oblężenia Połocka w 1579 r.*, „Kwartalnik Historii Kultury Materialnej», R. XIX, Warszawa 1971, z. 1; A. Beleckij, *Mitropolit» Iosif» II Soltan» i otnoshenie ego k» Suprasl'skomu monastyriu, Vil'na 1899*; V. A. Chanturija, *Istorija arhitektury Belorussii, Minsk 1969*; M. Cubrzyńska-Leonarczyk, *Oficyna supraska 1695-1803, Warszawa 1993*; Nikolaj (Dalmatov), *Suprasl'skij Blagoveshenskij monastyr', Sankt-Peterburg 1892*; Modest (Strel'bickij), *Suprasl'skij Blagoveshenskij monastyr', „Vestnik Zapadnoj Rossii. Istoriko-literaturnyj zhurnal», g. V, kn. 2, t. I, otd. 2, Vil'no 1867*; F. N. Dobrjanskij, *Opisanie rukopisej Vilenskoj publichnoj biblioteki, cerkvnoslavjanskich i russkich, Vil'na 1882, c. XXVII-XXXIII*; M. Hajduk, *Sanktuarium nad Supraślą, „Slavia Orientalis», t. XXXVIII, nr 3-4, 1989*; I. I. Iodkovskij, *Cerkvi prispособlennye k oborone v Litve i Litovskoj Rusi, „Drevnosti», t. VI, Moskva 1915*; M. S. Kacjer, *Belorusskaja arhitektura, Minsk 1969*; W. Kochanowski, *Pobazyliński zespół architektoniczny w Supraślu, „Rocznik Białostocki», nr 4, Białystok 1963*; Z. Lebedzińska, *Freski z Supraśla. Katalog wystawowy, Kraków 1968*; J. Maroszek, *Kalendarium klasztoru Ojców Bazylianów w Supraślu – czasy Aleksandra Chodkiewicza, „Białostoczczyzna», nr 2(34), 1994*; A. Mironowicz, *Supraśl jako ośrodek kulturalno-religijny w XVI wieku, Leiman 1984*; tenże, *Kodeks supraski, „Białostoczczyzna», nr 1(9), 1988*; tenże, *Związki literackie Kijowa z monasterem supraskim w XVI wieku, „Slavia Orientalis», t. XXXVIII, nr 3-4, 1989*; tenże, *Podlaskie ośrodki i organizacje prawosławne w XVI i XVII wieku, Białystok 1991*; tenże, *Tożsamość i tolerancja w rozumieniu prawosławnych zakonników supraskich w XVI wieku, „Rocznik Teologiczny», R. XL, z. 1-2, Warszawa 1998*; tenże, *Życie monastyczne na Podlasiu, Białystok 1998*; tenże, *Największa fundacja Aleksandra Chodkiewicza. Spór o charakter fundacji, [w:] Władza i prestiż. Magnateria Rzeczypospolitej w XVI-XVIII wieku, pod red. J. Urwanowicza, Białystok 2003*; tenże, *Summariusz dokumentów do dóbr supraskich, Białystok 2009*; tenże, *Sumariusz dokumentów dóbr supraskich, vol. II, Białystok 2011*; tenże, *Powstanie monasteru supraskiego, „Białostockie Teki Historyczne», nr 10, Białystok 2012*; tenże, *O początkach monasteru supraskiego i jego fundatorach, Supraśl 2013*; M. Morelowski, *Zarys syntetyczny sztuki wileńskiej od gotyku do neoklasycyzmu z przewodnikiem po zabytkach między Niemnem a Dźwinią, Wilno 1939*; M. A. Obolenskij, *Suprasl'skaja rukopis', sodershashhaja Novgorodskuju i Kievskuju sokrashennye letopisi, Moskva 1836*; S. Petkovič, *Nektarie Srbin, slikar XV v., „Zbornik za likovne umetnosti», nr. VIII, Novi Sad 1972*; N. I. Petrov, *Suprasl'skij monastyr' kak zashhitnik pravoslavija v XVI i v nachale XVII veka, „Vilenskij kalendar' na 1896 god», Vil'no 1895*; P. P. Pokryshkin, *Blagoveshenskaja cerkov' v Suprasl'skom monastyre, [v:] Sbornik arheograficheskich statej podnesenyj grafu A. A. Bobrinskomu, Sankt-Peterburg 1911*; A. I. Rogov, *Literaturnye svjazi Belorussii s balkanskimi stranami v XV-XVI vv., [v:] Slavjanskije literatury. VIII Mezhdunarodnyj s»ezd slavistov, Zagreb-Ljubljana, sentjabr' 1978 g. Doklady sovetsoj delegacii, Moskva 1978*; tenże, *Freski Supraslja, [v:] Drevnerusskoe iskusstvo. Monumental'naja zhivopis' XI-XVII vv., Moskva 1980*; St. Stawicki, *Czy Nektarij autor „Typika» był autorem malowideł supraskich? „Biuletyn Historii Sztuki», Warszawa 1972, R. XXXIV, nr 1*; *Suprasl'ski ili Retkov sbornik, J. Zaimov, uvod i komentar na starob»lgarski tekst, t. I, Sofija 1982, t. II, Sofija 1983*; *Suprasl'skaja letopis', [v:] Polnoe sobranie russkich letopisej (dalej: PSRL), t. XXXV, Moskva 1980*; S. Szymański, *Freski z Supraśla. Próba rekonstruowania genealogii, „Rocznik Białostocki», t. XI, 1972*; A. Szyzko-Bogusz, *Warowne zabytki architektury kościelnej w Polsce i na Litwie, [w:] Sprawozdanie Komisji do badań nad historią sztuki w Polsce, t. IX, z. 3-4, Kraków 1914; 500 lat monasteru w Supraślu, Supraśl 1998*.
- 2 Modest (Strel'bickij), *Suprasl'skij Blagoveshenskij monastyr', „Vestnik Zapadnoj Rossii», g. V, kn. 7, t. 2, otd. 2, 1867, c. 71-72.*
- 3 A. Mironowicz, *Związki monasteru supraskiego ze Świętą Górą Athos w XVI wieku, [w:] Święta Góra Athos w kulturze Europy. Europa w kulturze Athos, pod red. M. Kuczyńskiej, Gniezno 2009, s. 122-134.*
- 4 J. Jasnowski, *Chodkiewicz Aleksander, „Polski Słownik Biograficzny», t. III, Kraków 1937, s. 354*; Z. Luba-Radziński, *Sprawa odrębnego pochodzenia Chodkiewiczów litewskich i białoruskich, „Rocznik Polskiego Towarzystwa Heraldycznego», t. VIII, R. 1926-1927, Kraków 1928, s. 109-132. O rodzie Chodkiewiczów i jego przedstawicielach,*

- por.: K. Niesiecki, *Herbarz polski*, t. III, Lipsk 1839, s. 48-63; J. Kamiński, *Rodzina Chodkiewiczów herbu Gryf*, „Skarbiec Polski», 1859; S. K. Kossakowski, *Monografie historyczno-genealogiczne niektórych rodzin polskich*, t. I, Warszawa 1876, s. 40-64; T. Żychliński, *Złota księga szlachty polskiej*, R. XI, Poznań 1889, s. 1-34; A. Boniecki, *Herbarz polski*, t. III, Warszawa 1900, s. 21-29; S. Uruski, *Rodzina*, t. II, Warszawa 1905, s. 207-215.
- 5 A. Mironowicz, Najstarszy Subbotnik ili Pominnik monasteru supraskiego, „Białoruskie Zeszyty Historyczne», nr 40, Białystok 2013, s. 233-243; tenże, Subotnik ili Pominnik monasteru supraskiego, Białystok 2015.
  - 6 Biblioteka Litewskiej Akademii Nauk, f. 19, nr 89, s. 180; Nikolaj (Dalmatov), Suprasl'skij Blagoveshhenskij monastyr', c. 7.
  - 7 Szerzej, por.: A. Mironowicz, *Nieznane losy pierwszych ihumenów supraskich*, Białystok 2015.
  - 8 Arheograficheskij sbornik dokumentov, odnosjashhij k istorii Severo-Zapadnoj Rusi, izdavaemyj pri upravlennii Vilenskogo uchebnogo okruga (dalej: ASD), t. IX, Vil'no 1870, s. IV. Jego autorem był unicki hieromnich Mikołaj Radkiewicz, który znał wydarzenia sprzed 250 laty jedynie z innych dostępnych mu przekazów pisemnych. Mnich ten nie dbał o ustalenie prawdziwych faktów historycznych, a jedynie starał się udowodnić unickie początki monasteru. Wersja rękopiśmienna Kroniki Ławry Supraskiej znajduje się w zbiorach Biblioteki Litewskiej Akademii Nauk w Wilnie, f. 16, B 2, # 134. Źródło we fragmentach zostało opublikowane w ASD, t. IX, Vil'no 1870. Istniała jeszcze inna, zaginiona, kronika supraska pod łacińskim tytułem *Traditio de translatione fratrum religiosum Grodeco-Supraslum*, nie wiadomo kiedy i przez kogo napisana w XVIII w. Na ową kronikę powoływał się archimandryta wileński Modest (Strel'bickij) w swej monografii o monasterze supraskim z 1867 roku. Modest (Strel'bickij), *Suprasl'skij Blagoveshhenskij monastyr'*, „Vestnik Zapadnoj Rossii», g. IV, kn. 7, t. III, otd. 2, Vil'no 1865/1866, Prilozhenija, # 1, s. 72. Por.: „Vestnik Zapadnoj Rossii», g. V, kn. 7, t. II, otd. 2, 1867, c. 71.
  - 9 ASD, t. IX, c. 454-455; E. N., [Episkop Nikanor], *Staryj Sinodik Suprasl'skogo monastyrja*, „Grodnskieskie Eparhial'nye Wedomosti», 1904, # 27, s. 789; Modest (Strel'bickij), *Suprasl'skij Blagoveshhenskij monastyr'*, „Litovskie Eparhial'nye Wedomosti», 1865, # 3, c. 75-76; Modest (Strel'bickij), *Suprasl'skij Blagoveshhenskij monastyr'*, „Vestnik Zapadnoj Rossii. Istoriko-literaturnyj zhurnal», g. V, kn. 6, t. II, otd. 2, Vil'no 1867, c. 128-131; A. Beleckij, *Mitropolit» Iosif» II Soltan» i odnoszenie ego k» Suprasl'skomu monastyrju*, c. 5-6.
  - 10 Opis' veshham Suprasl'skago monastyrja», ASD, t. IX, c. 52. Por.: N. N. Ulashhik, *Vvedenie v izuchenie belorussko-litovskogo letopisanija*, Moskva 1985, c. 35.
  - 11 ASD, t. IX, c. 1-2.
  - 12 ASD, t. IX, s. 17. Pośrednio taki przebieg wydarzeń potwierdza list Zygmunta I z 12 listopada 1508 r. do wojewody trockiego Mikołaja Mikołajewicza Radziwiłła (1505-1510) nakazujący wziąć mu w opiekę dobra i poddanych monasteru nad rzeką Supraśl. Por.: Archiwum Państwowe na Wawelu, Archiwum Młynowskie Chodkiewiczów (dalej AP w Krakowie, AMCh), sygn. 36, nr 29. Strony dodatkowe nr 1.
  - 13 Metropolita Iona otrzymał zdobiony krzyż z częstką Krzyża Świętego od królowej Heleny, która z kolei dostała go w 1503 r. od swej matki Zofii Paleolog. Żona cara Iwana III przekazała tę bezcenną relikwię córce będąc na łożu śmierci. E. Cereteli, Elena Ioannovna, velikaja knjaginja litovskaja, russkaja, koroleva pol'skaja, Sankt-Peterburg 1899, c. 242; E. Papée, Aleksander Jagiellończyk, Kraków 1949, s. 71-72.
  - 14 Chodzi tu o biskupa chełmskiego Aleksandra – Aleksego Zbaraskiego. Książ Aleksander Zbaraski zmarł w 1504 roku. A. Petrushevich, *Holmskaja eparhija i svjatiteli ee*, L'vov 1867, c. 32. B. I. Ul'janov'skij, *Ictorija cepkvi ta peligijnoi dumki v Ukraïni y t'p'o'x knigax*. Kn.1: Cepedina XV-kinec XVI ctolittja, Kii'v 1994, s.103; J. Wolff, *Kniazowie litewsko-ruscyc od końca czternastego wieku*, Warszawa 1895, s. 618.
  - 15 A. Beleckij, *Mitropolit» Iosif» II Soltan» i odnoszenie ego k» Suprasl'skomu monastyrju*, c. 19; Nikolaj (Dalmatov), *Suprasl'skij Blagoveshhenskij monastyr'*, c. 455-456, 464.
  - 16 Biblioteka Litewskiej Akademii Nauk, f. 19, nr 89. Oryginalny rękopis skopiował mnich supraski Stefan Kochaniewicz, który wprowadził do pierwotnego tekstu liczne dodatkowe wpisy. Tamże, k. 8.; A. Naumow, *Monaster supraski jako jeden z głównych ośrodków kulturalnych Rzeczypospolitej*, [w:] *Z dziejów monasteru supraskiego*, Supraśl – Białystok 2005, s. 110.
  - 17 Kopia zapisu z oryginalnego sinodnika została wykonana w 1631 r., por.: Biblioteka Litewskiej Akademii Nauk w Wilnie, f. 19, nr 89, k. 8; Pradmova da Pamjannika ci Sinodyka z Suprasl'skaga manastyrja 1631 g. (opr. L. V. Ljajšhun), [v:] *Rjeligijnae Pis'menstva Kirylichnaj Tradycyi XI-XV stst.*, Minsk 2013, c. 547; Modest (Strel'bickij),

- Suprasł'skij Błagoveshenskij monastyr', „Litovskie Eparhial'nye Vedomosti», 1865, # 3, c. 75-76; Nikolaj (Dalmatov), Suprasł'skij Błagoveshenskij monastyr', c. 7; A. Beleckij, Mitropolit» Iosif» II Soltan» i otnoshenie ego k» Suprasł'skomu monastyrju, c. 5-6.
- 18 J. Jasnowski, *Chodkiewicz Iwan*, s. 361. Szersze rozważania na ten temat, por.: A. Mironowicz, *O początkach monasteru supraskiego i jego fundatorach*, Supraśl 2013; tenże, *Największa fundacja Aleksandra Chodkiewicza. Spór o charakter fundacji*, [w:] *Władza i prestiż. Magnateria Rzeczypospolitej w XVI-XVIII wieku*, pod red. J. Urwanowicza, Białystok 2003, s. 529-550.
- 19 Modest (Strel'bickij), Suprasł'skij Błagoveshenskij monastyr', „Vestnik Zapadnoj Rossii», g. V, kn. 7, t. 2, otd. 2, 1867, c. 71-73. Chirotonia biskupa Józefa Soltana na metropolię odbyła się 10 maja 1507 r. „Vestnik Zapadnoj Rossii», g. IV, kn. 7, t. III, otd. 2, Vil'no 1865/1866, c. 2. Według innych źródeł władcy Józef był „nareczenny» jeszcze 26 lutego 1508 r. „Lietuvos Metrika» (1499-1514), Knyga nr. 8, Vilnius 1995, nr 110, s. 143.
- 20 ASD, t. IX, s. 2, 42. A. Mironowicz, *O początkach monasteru supraskiego i jego fundatorach*, s. 12-18; *Rękopisy supraskie w zbiorach krajowych i obcych*, opr. Antoni Mironowicz, Białystok 2014, s. 11-50.
- 21 Nikolaj (Dalmatov), Suprasł'skij Błagoveshenskij monastyr', c. 6; A. Beleckij, Mitropolit» Iosif» II Soltan» i otnoshenie ego k» Suprasł'skomu monastyrju, c. 12.
- 22 „Vestnik Zapadnoj Rossii», g. IV, kn. 7, t. III, otd. 2, Vil'no 1865/1866, c. 1-6; Hieronim Grała datuje owe wydarzenia na wrzesień 1503 roku, H. Grała, *Kołpak Witoldowy czy czapka Monomacha? (Dylematy wyznawców prawosławia w monarchii ostatnich Jagiellonów)*, [w:] *Katolicyzm w Rosji i prawosławie w Polsce (XI-XX w.)*, Warszawa 1997, przyp. 3, s. 61.
- 23 AP w Krakowie, AMCh, sygn. 36, nr 29, k. 81-83; ASD, t. IX, c. 6-7; „Vestnik Zapadnoj Rossii», g. V, kn. 7, t. I, otd. 2, Vil'no 1867, c. 6-9; ASD, t. IX, c. 8-9.
- 24 Według metropolity Makarego w monasterze supraskim przybywało 40 mnichów, nie licząc nowicjuszy i innych. Por.: Mitropolit Makarij (Bulgakov), *Istoriija Russkoj Cerkvi*, kn. V, Moskwa 1996, s. 168.
- 25 Mowa tu o patriarsze konstantynopolińskim Joachimie I (1498-1502; 1504). Kopia tomosu przechowywana w monasterze posiadała z datę roczną 1505 r. Por.: ASD, t. IX, s. 3-5; „Vestnik Zapadnoj Rossii», g. V, kn. 1, t. I, otd. 2, Vil'no 1867, Prilozhenija, s. 1-3; Summariusz dokumentów do dóbr supraskich, s. 54-55, 136.
- 26 „Vestnik Zapadnoj Rossii», g. V, kn. 7, t. I, otd. 2, Vil'no 1867, c. 12-14; A. Beleckij, Mitropolit» Iosif» II Soltan» i otnoshenie ego k» Suprasł'skomu monastyrju, c. 16-17.
- 27 „Vestnik Zapadnoj Rossii», g. V, kn. 7, t. I, otd. 2, Vil'no 1867, c. 11; ASD, t. IX, c. 3-5; A. Beleckij, Mitropolit» Iosif» II Soltan» i otnoshenie ego k» Suprasł'skomu monastyrju, c. 17.
- 28 „Vestnik Zapadnoj Rossii», g. V, kn. 1, t. I, otd. 2, Prilozhenija, s. 3.
- 29 AP w Krakowie, AMCh, sygn. 36, nr 29, k. 83-84; ASD, t. IX, c. 22-24. Prawa i przywileje miasta i dóbr ziemskich Zabłudów XV-XVIII w., oprac. J. Maroszek, Białystok 1994, s. 86.
- 30 AP w Krakowie, AMCh, sygn. 36, nr 29, k. 80-82, 129-134; ASD, t. IX, c. 7.
- 31 AP w Krakowie, AMCh, sygn. 36, nr 29, k. 1; Akty, izdavaemye Vilenskoj komisiej dlja razbora drevnih aktov, t. VII, Vil'na 1874, s. 3. Nikolaj (Dalmatov), Suprasł'skij Błagoveshenskij monastyr', c. 45; A. Beleckij, Mitropolit» Iosif» II Soltan» i otnoshenie ego k» Suprasł'skomu monastyrju, c. 21; Modest (Strel'bickij), Suprasł'skij Błagoveshenskij monastyr', s. 75; F. Pokrowskij, *Arheologicheskaja karta Grodenskoj guberni*, Vil'na 1895, s. 72; Summariusz dokumentów do dóbr supraskich, s. 55.
- 32 Dokument jest wystawiony z datą 13 października 1510 r. ASD, t. IX, s. 13-16; „Vestnik Zapadnoj Rossii», g. IV, kn. 7, t. III, otd. 1, Vil'no 1866, c. 9-14; Biblioteka Muzeum Narodowego im. Czartoryskich w Krakowie, Zbiór dokumentów pergaminowych, nr 66 (MNK 541/1).
- 33 Nikolaj (Dalmatov), Suprasł'skij Błagoveshenskij monastyr', c. 19-23; A. Beleckij, Mitropolit» Iosif» II Soltan» i otnoshenie ego k» Suprasł'skomu monastyrju, c. 22.
- 34 „Russkaja Istoricheskaja Biblioteka», t. IV, s. 5-18; A. Mironowicz, *Kościół prawosławny w państwie Piastów i Jagiellonów*, Białystok 2003, s. 223, 225.
- 35 Mowa tu o patriarsze konstantynopolińskim i ekumenicznym Joachimie I. Por. ASD, t. IX, c. 3-5; „Vestnik Zapadnoj Rossii. Istoriko-literaturnyj zhurnal», Vil'no 1867, g. V, kn. VII, t. I, Prilozhenija, s. 1-3; Summariusz dokumentów do dóbr supraskich, s. 54-55, 136. Mitropolit Makarij (Bulgakov), *Istoriija Russkoj Cerkvi*, t. IX, Sankt-Peterburg 1879, s. 168; Akty istoricheskie sobrannye i izdannye Arheograficheskoi komisiej, t. I, Sankt-Peterburg 1841, c. 524-529. Na ten przywilej patriarszy powoływał się metropolita kijowski Józef Soltan w 1514 r. ASD, t. IX, c. 5. Oryginał

- jest przechowywany w: AP w Krakowie, AMCh, sygn 36, nr 29; „Vestnik Zapadnoj Rossii», g. V, kn. 7, t. I, otd. 2, s. 15; Summariusz dokumentów do dóbr supraskich, s. 57, 139; Nikolaj (Dalmatov), Supraslskij Blagoveshhenskij monastyr', c. 24-27.
- 36 Mitropolit Makarij (Bulgakov), Istorija Russkoj Cerkvi, t. IX, c. 168; Akty istoricheskie sobrannye i izdannye Arheograficeskoj komissieju..., t. I, Sankt-Peterburg 1841, s. 524-529. Na ten przywilej patriarszy powoływał się metropolita kijowski Józef Sołtan w 1514 r. ASD, t. IX, s. 5. Oryginał jest przechowywany w Archiwum Państwowym na Wawelu, Archiwum Młynowskie Chołkiewiczów (dalej: AP w Krakowie, AMCh), nr 36; „Vestnik Zapadnoj Rossii», Vil'no 1867, g. V, kn. VII, t. I, s. 15; Summariusz dokumentów do dóbr supraskich, s. 57, 139.
- 37 A. Beleckij, Mitropolit» Iosif» II Soltan» i otnoshenie ego k» Supraslskomu monastyriu, Vil'na 1899, c. 16-17; A. Mironowicz, O początkach monasteru supraskiego i jego fundatorach, s. 34-35.
- 38 A. Mironowicz, *Sobory wileńskie 1509 i 1514 roku*, [w:] *Synody Cerkwi prawosławnej w I Rzeczypospolitej*, pod red. Marzanny Kuczyńskiej i Urszuli Pawluczuk, „Latopisy Akademii Supraskiej», vol. 5, Białystok 2014, s. 71-82.
- 39 *Drevnerusskie inocheskie ustavy, (Russkij tipik) podg. teksta T. V. Suzdal'ceva, Moskva 2001; Monashestvo i monastyri v Rossii HI-HH vv: istoricheskie ocherki, otv. red. N. V. Sinicyna, Moskva 2002.*
- 40 Nikolaj (Dalmatov), Supraslskij Blagoveshhenskij monastyr', c. 62. O nadaniach księżnej Heleny monasterowi supraskiemu por.: Prawa i przywileje miasta i dóbr ziemskich Zabłudów XV-XVIII w., s. 42, przyp. 4.
- 41 A. Mironowicz, *Nieznanne losy pierwszych ihumenów supraskich*, s. 41-59, 84-98.
- 42 A. I. Rogov, Literaturnye svjazi Belorussii s balkanskimi stranami v XV-XVI vv., [v:] *Slavjanskie literatury. VIII Mezhdunarodnyj s»ezd slavistov*, Zagreb-Ljubljana, sentjabr' 1978 g. Doklady soverskoj delegacii, Moskva 1978; A. Naumow, Wiara i historia: z dziejów literatury cerkiewnosłowiańskiej na ziemiach polsko-litewskich, „Krakowsko-Wileńskie Studia Slawistyczne», t. I, Kraków 1996, s. 45-62; N. A. Morozova, S. Ju. Temchin, Ob izuchenii cerkvnoslavjanskoj pis'mennosti Velikogo knjazhestva Litovskogo, „Krakowsko-Wileńskie Studia Slawistyczne», t. II, Kraków 1997, s. 23-35; Odmienne na ten temat A. A. Typilov, Juzhnoslavjanskie pamjatniki v litepatype Litovskoj i Mockovskoj Pyci XV-pervoj poloviny XVI v.: paradoksy istorii i geografii kulturnyx cvjazej, „Clavjanskij almanax 2000», 2001, c. 247-285.
- 43 T. M. Trajdos, *Metropolici Kijowscy Cyprian i Grzegorz Camblak a problemy Cerkwi prawosławnej w państwie polsko-litewskim u schyłku XIV i w pierwszej ćwierci XV w.*, „Balcanica Posnaniensia. Acta et studia», t. II, Poznań 1985, s. 211-234.
- 44 Księga Dorofej i z zhitiem Ioana Zlotoustogo była już w monasterze przed 1532 r. ASD, t. IX, c. 54; Biblioteka Litewskiej Akademii Nauk, Oddział Rękopisów, f. 19, nr 61; N. A. Morozova, S. Ju. Temchin, Drevnejshie rukopisi Supraslskogo Blagoveshhenskogo monastyria (1500-1532 gg.), s. 131.
- 45 F. N. Dobrjanskij, Opisanie rukopisej Vilenskoj publichnoj biblioteki, cerkvnoslavjanskich i russkich, c. 106-107, 117, 122-123, 224-227-7, 122-123, 224-227.
- 46 Biblioteka Litewskiej Akademii Nauk, Oddział Rękopisów, f. 19, nr-y: 61, 62; N. A. Morozova, S. Ju. Temchin, Drevnejshie rukopisi Supraslskogo Blagoveshhenskogo monastyria (1500-1532 gg.), s. 131.
- 47 F. N. Dobrjanskij, Opisanie rukopisej Vilenskoj publichnoj biblioteki, cerkvnoslavjanskich i russkich, c. 286.
- 48 A. I. Rogov, Suprasl' kak odin iz centrov., c. 330-331; S. P. Obnorskij, K literaturnoj istorii Hozhdenija Arsenija Solunskogo, „Izvestija otdelenija russkogo jazyka i slovesnosti Akademii nauk», t. XIX, kn. 3, Moskva 1914, s. 196-205.
- 49 S. Temchin, O hilendarskom proishozhdenii afonsko-serbskogo originala supraslskich rukopisnyh sluzhebnyh nibej serediny HVI veka, „Kaλoφωνια: Naukovij zbirnik z istorii cerkvoñi monodii ta gimnografii», ch. VI, L'viv 2012, c. 15-20; Przedruk w: S. Ju. Temchin, Afono-serbskij original supraslskogo rukopisnogo komplekta sluzhebnyh minej serediny XVI v. i ego dał'nejshaja sud'ba, „Afon i slavjanskij mip. Cbopnik», nr. 1, ped. Zh. L. Levshina, Afon 2014, s. 184-192.
- 50 *Historica Russiae Monumenta*, ab A. I. Turgenev, Petropoli 1841, vol. 1, p. 123-127; A. Mironowicz, *Związki literackie Kijowa...*, s. 541-542;
- 51 F. Dobrjanskij, Opisanie rukopisej Vilenskoj publichnoj biblioteki, cerkvo-slavjanskich i russkich, s. 68.
- 52 C. Temchin, Posleslovie k cheťemy „Apostoly» 1183 goda monaxa Isaji v cyprasl'skogm cpicke Matveja Desjatogo 1502-1507 goda, „Krakowsko-Wileńskie Studia Slawistyczne», t. VI, Kraków 2011, s. 131.
- 53 N. I. Petrov, Supraslskij monastyr' kak zashhitnik pravoslavija v XVI i v nachale XVII veka, „Vilenskij kalendar' na 1896 god», Vil'no 1895, c. 164-179; A.

- Mironowicz, Związki monasteru supraskiego ze Świętą Górą Athos w XVI wieku, s. 122-134.
- 54 W rejestrze książka ta występuje jako „Knizhka na latinu», ASD, t. IX, c. 54.; N. I. Petrov, Suprasl'skij monastyr'..., c. 169-170; Por.: Central'naja nauchnaja biblioteka Akademii nauk Ukrainy v Kieve (dalej: CNB ANU), 475p/1656, l. 1-21; *Historica Russiae Monumenta*, vol. 1, p. 123-127; A. Beleckij, Mitropolit» Iosif» II Soltan» i otnoshenie ego k» Suprasl'skomu monastyrju, c. 34; A. Mironowicz, Związki literackie Kijowa..., s. 541-542; tenże, *Życie monastyczne na Podlasiu*, s. 15; tenże, *Literatura bizantyjska w Kościele prawosławnym na terenie Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVI wieku*, „T»rnovska Knizhovna Shkola», T»rnovo i idejata za Hristijanskija Universaliz»m XII-XV vek, t. IX, Veliko T»rnovo 2011, c. 692-704.
- 55 *Posłanie węgierskiego króla Janusza do mnichów św. Góry Athos z 1534 r.* CNB ANU, 475 p/1656, l. 21v-26; N. I. Petrov, *Suprasl'skij monastyr'...*, c. 170-171; A. Mironowicz, *Związki literackie Kijowa...*, s. 541, przyp. 25; tenże, *Życie monastyczne na Podlasiu*, s. 15; tenże, *Literatura bizantyjska w Kościele prawosławnym na terenie Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVI wieku*, „Białoruskie Zeszyty Historyczne», nr 31, Białystok 2009, s. 146-147.
- 56 CNB ANU, 475 p/1656, l. 26v-96; A. Mironowicz, *Związki literackie Kijowa...*, s. 541, przyp. 26; tenże, *Życie monastyczne na Podlasiu*, s. 15; tenże, *Literatura bizantyjska ...*, s. 147.
- 57 *Povesť o razorenii Afona latinomudrstvujushhimi v 1276 godu i o vosstanovlenii Ksiropotamskoj obiteli imperatorom Andronikom trafila do Suprasla ze św. Góry Athos.* Por.: N. I. Petrov, *Zapadnorusskie polemicheskie sochinenija XVI veka*, „Trudy Kievskoj Duhovnoj Akademii», 1894, # 2, s. 154-186. Inny utwór opowiada o wydarzeniach, które miały miejsce w monasterze Kseropotamou na św. Górze Athos. D. M. Bulanin, *Chudo s gribom v Ksiropotame, w: Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi. vyp. 2: (Vtoraja polovina XIV-XVI v.). ch. III: Bibliograficheskie dopolnenija. Prilozhenie*, ped. D. M. Bulanin, *Sankt-Peterburg 2012*, c. 734-738. Utwór *Povesť o razorenii Afona zawierając charakterystyczny dopisek: „Sija povesť prinesena be iz Svjatog gory Kalugeri u monastyr' Suprasl'skii u leto ot sozdanija miru 7054-e [1546] i v to zhe leto v siju knigu vpisana, a kogda ona sodeasbesja przed koncem vyobrazhena sut', ezhe o obiteli Ksiropotamstei, izbe v svjatog gore sbyst'sja ot latinomudrstvujushhib (...)*». *Biblioteka Rossijskoj akademii nauk v Sankt-Peterburge*, f. P. Dobrohotova, # 31, l. 41. Por.: N. I. Petrov, *Zapadnorusskie polemicheskie sochinenija XVI veka*, s. 154-186; A. Mironowicz, *Związki literackie Kijowa...*, s. 541, przyp. 27; tenże, *Życie monastyczne na Podlasiu*, s. 15; tenże, *Literatura bizantyjska ...*, s. 147; D. M. Bulanin, *Chudo s gribom v Ksiropotame, w: Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi. c. 734-738. W monasterze supraskim powstały też inne utwory polemiczne w oparciu o oryginały sprowadzone ze św. Góry Athos. W oparciu o oryginały greckie w Supraslu zostały spisane 16 słów Grigorija Bogosłowa s tolkowanijami Nikity Iraklijskiego oraz Sbornik składający się z tekstów religijnych przepisanych przez wielu autorów. Biblioteka Litewskiej Akademii Nauk, Oddział Rękopisów, f. 19, nr-y: 57, 103.*
- 58 CNB ANU, 475 p/1656, l. 198-201; V. E. Zema, *Polemiko-dogmaticzni zbirki XVI- pochatku XVII st. „Ukrains'ij istorichnij zhurnal*», nr. 5, 2001, c. 43-74; A. Mironowicz, *Związki literackie Kijowa...*, s. 542; tenże, *Życie monastyczne na Podlasiu*, s. 16; tenże, *Literatura bizantyjska ...*, s. 145.
- 59 *Posłanie do Łacinników... z 1581 r. było skierowane przeciwko pismom jezuity Piotra Skargi, przygotowującego grunt pod unię kościelną. Utwór stanowił odpowiedź na pracę Skargi „O jedności Cerkwi Bożej...» wydanej w 1577 r. W Posłaniu supraskim odnajdujemy ostrą polemikę z dogmatami Kościoła katolickiego.* CNB ANU, 475 p/1656, l. 157-169; N. I. Petrov, *Suprasl'skij monastyr'...*, c. 171-173; tenże, *Zapadnorusskie polemicheskie sochinenija XVI veka*, 1894, # 3, s. 349-380; A. Mironowicz, *Związki literackie Kijowa...*, s. 542; tenże, *Życie monastyczne na Podlasiu*, s. 16; tenże, *Literatura bizantyjska ...*, s. 146, przyp. 12.
- 60 *Skazanie na bogomierzskuju, na poganiju latinu... spisane po 1586 r. było odpowiedzią mnichów supraskich na książkę Piotra Skargi. Oba utwory (Skazanie i Posłanie) powstały za archimandrii Tymoteusza Złoby (1575-1589), gorliwego obrońcy praw Cerkwi prawosławnej.* CNB ANU, 475p/1656, l. 205-208; N. I. Petrov, *Suprasl'skij monastyr'...*, s. 173-174; A. Mironowicz, *Związki literackie Kijowa...*, s. 542; tenże, *Życie monastyczne na Podlasiu*, s. 16; tenże, *Literatura bizantyjska ...*, s. 14, przyp. 13. *Na wcześniejsze lata powstania tego utworu zrodzili uwagę: F. Pokrowskij, Posłanie Vasilija, presvitera Nikol'skiego iz dol'nej Rusi ob icxozhdenii Svjatogo Duha, «Izvestija Otdelenija russkogo jazyka i slovesnosti», 1908, t. CXII, kn. 3, prl. 1, c. 86., a ostatnio V. E. Zema, Polemiko-dogmaticzni zbirki XVI- pochatku XVII st., c. 56-74.*
- 61 N. I. Petrov, *Suprasl'skij monastyr'...*, c. 174-175.
- 62 A. Popov, *Oblichitel'nye spisanija protiv zhidov i latinjan. (Po rukopisi imp. Publichnoj biblioteki 1580 g.)*, „Chtenija v Imperatorskom Obshestve

- istorii i drevnostej rossijskich», Moskva 1879, kn. 1, s. 1-41; Ju. A. Labyncev, Ob odnom vazhnom spornom momente v sud'bah belorusskoj pravoslavnoj kul'tury XVI stoletija v svjazi s istoriej literaturnoj zhizni Suprasl'skogo Blagoveshhenskogo monastyrja „Elpis», R. II (XIII). Zesz. 2 (15), 2000, s. 168; Zbornik klasztoru św. Michała zob.: V. C. Zema, Polemiko-dogmaticzni zbirki XVI-pochatku XVII st. c. 58-59.
- 63 Druk utworu, por.: Russkaja istoricheskaja biblioteka, t. XIX, Pamjatniki polemicheskaj literatury v Zapadnoj Rusi. kn. III, Sankt-Peterburg 1903
- 64 Zapis tekstów Grzegorza (Grigentiosa) w supraskim zborniku Eustchiusza 1578-1580. Por.: A. Popov, Oblichitel'nye spisanija protiv zhidov i latinjan. (Po rukopisi imp. Publichnoj biblioteki 1580 g.), s. 1-41; Utwór, zawierający fragmenty posłań o Artemiusza, doczekał się drugiej redakcji na początku XVII w. A. Mironowicz, Związki literackie Kijowa..., s. 541-542; A. Naumow, Monaster supraski jako jeden z głównych ośrodków kulturalnych w Rzeczypospolitej, s. 108.
- 65 A. Mironowicz, Związki literackie Kijowa..., s. 542; tenże, Życie monastyczne na Podlasiu, s. 16; tenże, Literatura bizantyjska ..., s. 146; Zapis Eustachego i inne zapisy na kartach tegoż rękopisu zob.: I. Ju. Bubnov., O. P. Lihacheva., V. F. Pokrovskaja, Pergamennye rukopisi biblioteki Akademii nauk SSSR, Leningpad 1976, c. 26; L. L. Shhaviskaja, Ju. A. Labyncev, Literatura belorusov Pol'shi XV-XIX vv., c. 71.
- 66 Biblioteka Litewskiej Akademii Nauk, Oddział Rękopisów, f. 19, nr-y: 246, 247.
- 67 O supraskim pochodzeniu manuskryptu informuje nas zapis na jego 275 stronie. „V leto 7038 (1530), indikta 3, spisana byst' kniga Lestvichnik' u monastyri obshhom' v obiteli Blagoveshhenia presvjatyja Bogorodica i svjatago Ioanna Bogoslova izhe na reci Suprasle, zhelaniem' i rukoju mnogogreshnago inoka Arsenia, byvshago v' mirskom zhitii Alekseja nedostoinago popa». Katalog biblioteki rękopisów monasteru serbskiego Chilandar, nr 185; D. Bogdanovich, Katalog kirilskih rukopisa manastira Hilandara, Beograd 1978, s. 104; Slawjanskije rukopisi Afonskih obitelej, sostavili: A. A. Turilov i L. V. Moshkova, pod redakcij A. Je. N. Tahiosa, Fessaloniki 1999, c. 127; L. L. Shhaviskaja, Ju. A. Labyncev, Literatura belorusov Pol'shi XV-XIX vv., c. 61, 111, przyp. 36; N. A. Morozova, S. Ju. Temchin, Drevnejšie rukopisi Suprasl'skogo Blagoveshhenskogo monastyrja (1500-1532 gg.), s. 133.
- 68 Biblioteka Uniwersytetu Wileńskiego w Wilnie, Oddział Rękopisów, F58-7, B 1993, k. 4; ASD, t. IX, c. 55; L. L. Shhaviskaja, Literaturnaja kul'tura belorusov Podljasz'ja XV-XIX vv., c. 38.
- 69 A. I. Rogov, Suprasl' kak odin iz centrov..., c. 330-331; S. P. Obnorski, K literaturnoj istorii Hozhdenija Arsenija Solunskogo, „Izvestija otdelenija russkogo jazyka i slovesnosti Akademii nauk», t. XIX, kn. 3, Moskva 1914, s. 196-205.
- 70 A. I. Rogov, Literaturnye svjazi Belorussii s balkanskimi stranami v XV-XVI vv., s. 190-194.
- 71 A. I. Rogov, Literaturnye svjazi Belorussii s balkanskimi stranami v XV-XVI vv., s. 187-189.
- 72 S. Alexandrowicz, Nowe źródło ikonograficzne do oblężenia Połocka w 1579 r., s. 19-22; I. I. Iodkovskij, Cerkvi, prisposoblennye k oborone v Litve i Litovskoj Rusi, c. 249-311; V. A. Chanturija, Istorija architektury Belorussii, c. 88-90; M. S. Kacer, Belorusskaja arhitektura, c. 48-52; W. Kochanowski, Pobazyliński zespół architektoniczny w Suprasłu, s. 355-396; M. Morelowski, Zarys syntetyczny sztuki wileńskiej od gotyku do neoklasycyzmu z przewodnikiem po zabytkach między Niemnem a Dźwinią, Wilno 1939; P. P. Pokryshkin, Blagoveshhenskaja cerkov' v Suprasl'skom monastyre, c. 222-237; A. Szyszko-Bogusz, Warowne zabytki architektury kościelnej w Polsce i na Litwie, [w:] Sprawozdanie Komisji do badań sztuki w Polsce, t. IX, z. 3-4, Kraków 1914; J. Maroszek, Pogranicze Litwy i Korony w planach króla Zygmunta Augusta: z historii dziejów realizacji myśli monarszej między Niemnem a Narwią, s. 145-151; R. M. Kunkel, Późnogotyckie cerkwie na zachodnich rubieżach Wielkiego Księstwa Litewskiego, [w:] Sztuka ziem wschodnich Rzeczypospolitej XVI-XVIII w., pod red. Jerzy Lileyko, Lublin 2000, s. 37-53; R. Rokicki, Gotyckie cerkwie na Litwie – inne spojrzenie, „Modus: Prace z historii sztuki», nr 7, 2006, s. 99-117; A. Tichoniuk, Monasterska cerkiew pw. Zwiastowania NMP w Suprasłu: studium porównawcze z dziejów architektury sakralnej Wielkiego Księstwa Litewskiego. Praca magisterska napisana pod kierunkiem prof. dr. hab. J. Harasimowicza, Wrocław 2008.
- 73 Zarządzający monasterem archimandryta Sergiusz Kimbar zaprosił grupę malarzy pod przewodnictwem Nektariusza pochodzącego z Serbii. W Kronice Ławry Supraskiej zapisano pod rokiem 1557: „Serbinu Nektariju, malarju, za Deisusec teploe cerkvi dano kop 6 groshej, a zoloto cerkovnoe. Za dve svjatosti, shto on zhe robil treh svjatitelej i treh prepodobnyh 9 kop groshej, a zoloto cerkovnoe». ASD, t. IX, c. 52.

- 74 St. Stawicki, Czy Nektarij autor „Typika» był autorem malowideł supraskich?, s. 30-35. Podobny pogląd przedstawił serbski historyk sztuki S. Petkowicz udowadniając, że rękopis instrukcji został sporządzony za panowania Iwana IV Groźnego, a więc w okresie prac nad wystrojem wewnętrznym cerkwi Zwiastowania NMP w Supraślu. Por. S. Petković, Nektarie Srbin, slikar XV v., c. 211-225; przedruk z uzupełnieniami w: Cppska ymetnost y XVI i XVII veki, Beograd 1995, (Cppska knjizhevna zadruka. Kolo 88, knj. 589), s. 255-281 i wersji polskiej: „Rocznik Białostocki», t. XVI, 1991, s. 293-323). Por. również: A. Siemaszko, Freski z Supraśla: unikatowy zabytek XVI-wiecznego pobizantyńskiego malarstwa ściennego, Białystok 2006, s. 38-48.
- 75 A. I. Rogov, Freski Supraslja, c. 345-371.
- 76 S. Szymański, *Freski z Supraśla. Próba rekonstrukcji genealogii*, „Rocznik Białostocki», t. XI, 1972, s. 161-181.
- 77 Z. Lebedzińska, *Freski z Supraśla. Katalog wystawowy*, Kraków 1968, s. 26.
- 78 A. I. Rogov, Freski Supraslja, c. 343-358; A. Siemaszko, Malowidła ściennie cerkwi Zwiastowania w Supraślu. Rekonstrukcja programu ikonograficznego, „Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace z historii sztuki», z. 21, Kraków 1996, s. 13-58; tenże, Freski z Supraśla: unikatowy zabytek XVI-wiecznego pobizantyńskiego malarstwa ściennego, Białystok 2006.
- 79 A. A. Turilov, Zhitie prepodobnomuchenika Antonija Suprasl'skogo i slawjanskie zhitija balkanskih novomuchenikov XVI v. (k postanovke problemy), „Hagiographia Slavica», ed. Herausg. von J. Reinhart, Munchen-Berlin-Wien 2013, („Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband». Bd. 82), s. 265-273;
- 80 Antōnios Aimilios Tachiaos, Ena agioreiticho monastēri pou chathēche: Ę palaia Monē Rōsichou, opōs tēn perigraphēi o Basileios Grēgorobits Mparschy, „Aphierōma otē mnēmē tou Sōtērē Kissa», Thessalonichē 2001, s. 619? Nenadovič, Osam vekova Hilandar. Građenje i građevine, Beograd 1997, s. 21-23; V. Koradžić, M. Kovačević, Monastir Hilandar. Konaci i utvrđenje, Beograd 2004, s. 58-62.
- 81 A. A. Turilov, Antonij Suprasl'skij, s. 680? O neomartys Antōnios o Kareōtēs, s. 30.
- 82 *Manastir Hilandar, Beograd 2000, s. 14-15? Pan. K. Chresto, To agion 'Oros, Athena 1987, s. 107.*
- 83 A. E. Tachiaos, Le monachisme serbe de Saint Sava et la tradition hésychaste athonite. „Hilandarski sbornik», vol. I, Beograd 1966, s. 83-89; M. Živojinovič, Svetogorske kelije i pirgovi u srednjem veku, Beograd 1972, s. 91-102; A. E. Tahios, Uloga svetoga Save u okviru slovenske književne delatnosti na Svetoj Gori, „Mećunarodni naučni skup Sava Nemanjić Sveti Sava. Istorija i predanje. Decembar 1976», Beograd 1979, s. 85-89.
- 84 A. Fotiđ, Sveta Gora i Hilandar u Osmanskom carstvu XV-XVII vek, Beograd 2000, s. 266-267? O neomartys Antōnios o Kareōtēs, s. 31.
- 85 Odeska Biblioteka Narodova u Odesie, sygn. 4/119/, k. 367-374v? A. A. Turilov, Zhitie prepodobnomuchenika Antonija Suprasl'skogo i slawjanskie zhitija balkanskih novomuchenikov XVI v. (k postanovke problemy), „Hagiographia Slavica», ed. Herausg. von J. Reinhart, Munchen-Berlin-Wien 2013, („Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband». Bd. 82), s. 269-270. A. A. Turilov, Antonij Suprasl'skij, „Pravoslavnaja jenciklopedija», t. II, Moskva 2001, c. 680? tenže, Zhitie prepodobnomuchenika Antonija Suprasl'skogo i slawjanskie zhitija balkanskih novomuchenikov XVI v. (k postanovke problemy), „Hagiographia Slavica», ed. Herausg. von J. Reinhart, Munchen-Berlin-Wien 2013, („Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband». Bd. 82), s. 265-273? O neomartys Antōnios o Kareōtēs, [w:] Antōnios Aimilios Tachiaos, Agnōstē Athlōnites neomartyres, Agioreitikhē bibliothēkē, Agion Oros 2006, s. 11-49? Antoni i Marcin Mironowicz, Sw. Antoni Supraski, Białystok 2014? A. Mironowicz, Święty Antoni Supraski, „ELPIS» Czasopismo Katedry Teologii Prawosławnej Uniwersytetu w Białymstoku, R. XVII (XXVIII), z. 29 (42), Białystok 2015, s. 11-24.
- 86 Biblioteka Litewskiej Akademii Nauk w Wilnie, Oddział Rękopisów, f. 19, nr 100. Por.: Rękopisy supraskie w zbiorach krajowych i obcych, opracował Antoni Mironowicz, Białystok 2014, s. 61-62; S. Ju. Temchin, Drevnejšie rukopisi Suprasl'skogo Blagoveshhenskogo monastyrja (1500-1532 gg.): novye dannye, [v:] Sovremennye problemy arheografii: sbornik statej po materialam konferencii prohodivšej v Biblioteke RAN, 25-27 maja 2010 g., Sankt-Peterburg 2011, c. 134.
- 87 A. Mironowicz, *Ewangelizacja „prostą mową» w XVI wieku*, „Latopisy Akademii Supraskiej», vol. III, pod red. U. Pawluczuk, Białystok 2012, s. 9-18.
- 88 O supraskim pochodzeniu manuskryptu informuje nas zapis na jego 275 stronie. „V leto 7038 (1530), indikta 3, spisana byst' kniga Lestvichnik' u monastyri obshhom' v obiteli Blagoveshhenia presvjatyja Bogorodica i svjatago Ioanna Bogoslova izhe na reci Suprasle, zhelaniem' i rukoju

mnogogreshnago inoka Arsenia, byvshago v' mirskom zhitii Alekseja nedostoinago popa». Katalog biblioteki rękopisów monasteru serbskiego Chilandar, nr 185; D. Bogdanovich, Katalog kirilskih rukopisa manastira Hilandara, Beograd 1978, s. 104; Slavjanske rukopisi Afonskih obitelej, sostavili: A. A. Turilov i L. V. Moshkova, pod redakciej A. Je. N. Tahiosa, Fessaloniki 1999, c. 127; L. L. Shhaviskaja, Ju. A. Labyncev, Literatura belorusov Pol'shi XV-

XIX vv., c. 61, 111, przyp. 36; Por.: Rękopisy supraskie w zbiorach krajowych i obcych, opracował Antoni Mironowicz, Białystok 2014, s. 73, 370-371.

89 *ASD, t. IX, c. 82-83.*

90 *ASD, t. IX, c. 88*

91 W krypcie cerkwi Zwiastowania NMP pochowano min. wojewodę smoleńskiego Bazylego Tyszkiewicza, ks. Katarzynę Chodkiewiczową i archimandrytę słuckiego Nikandera, *ACD, t. IX, c. 65, 73-74.*

Протоиерей Александр Берташ (Германия-Россия)*
Archpriest Alexander Bertash (Germany-Russia)

Православное церковное строительство в Лифляндской губернии второй половины 1840-х–1860-х гг. и архитектор Н. Е. Ефимов

Architect N. E. Efimov and the orthodox church building trends in the governorate of Livland in the 1840-1860's.

Статья, в значительной степени основанная на не изученных ранее материалах из Эстонского исторического архива (Тарту, ЕАА) и Латвийского государственного исторического архива (Рига, LVVA), посвящена храмостроительству в пределах современных Эстонии и Латвии, которое носило в рассматриваемый период интенсивный характер. Оно было призвано обеспечить церковными зданиями новые, преимущественно сельские, приходы, которые возникли в Лифляндии вследствие стихийного перехода в Православие местных крестьян в 1840-е гг., и велось на государственные средства. Первоначально финансирование было чрезвычайно недостаточным, под храмы отводились временные помещения, созданию новых приходов противодействовали местные лютеранские элиты. В стилистике храмостроительства определяющую роль сыграли образцовые

проекты в русском стиле, составленные в 1846 г. видным столичным архитектором Н. Е. Ефимовым на основе альбомов К. А. Тона. В 1850-е и особенно в 1860-е гг. оно велось по инициативе архиепископа Платона (Городецкого) также преимущественно в «тоновском» стиле на основе проекта Н. Е. Ефимова, адаптированного рижским епархиальным архитектором А. Н. Эдельсоном для каменного строительства. В статье осуществлено значительное число атрибуций и датировок церковных сооружений Лифляндии.

Прибалтийский или Остзейский край: Лифляндская, Эстляндская и Курляндская губернии, с их преимущественно лютеранским и, отчасти, католическим населением представляют особый интерес для истории храмостроительства так называемых «национальных регионов» Российской империи. «Прибалтийские губернии Российской

* Протоиерей Александр Берташ, научный сотрудник СПбГУ.

Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ 18-012-00458.

The article has been written within the frameworks of the project PFFI 18-012-00458.

ской империи традиционно были ареной столкновений политических интересов – великодержавных и региональных, а также национальных чувств – немцев, латышей, эстонцев, русских, – отмечает А. В. Гаврилин. – И любые изменения в соотношении этих сил так или иначе сказывались на положении Православной Церкви в этом регионе»¹.

Важнейшим стимулом для церковного строительства в Прибалтийском регионе, прежде всего сельском, стали события, которые позволили латвийскому историку Православной Церкви межвоенного периода С. П. Сахарову назвать 40-е годы XIX в. «самой яркой эпохой в истории Православия в Прибалтике»². Это был стихийный переход в Православие латышей и эстонцев Лифляндской губернии, в котором выделяют две волны (с лета 1841 г. и с весны 1845 г.). Он был обусловлен долго накапливавшимся недовольством крестьянами своим экономическим, социальным, правовым положением³, но стал неожиданным, как для местных протестантских элит – дворянства и пастората, так и для столичных властей, которые опасались революционного брожения и не поддержали этот процесс. К желанию принять «самую старую», «сильную» «веру русского царя» непосредственно привели голод 1839–1841 гг. после ряда неурожаев, определённый кризис лютеранской церкви, слишком тесно связанной с правящим сословием⁴. В 1846 г. латышские богослужения совершались в 11 приходах, эстонские – в 9 приходах. По сведениям Синода, в Лифляндской губернии в 1845–1848 гг. перешло в православие около 17% крестьян: 62 898 латышских и 47324 южно- и западно-эстонских⁵.

1 января 1848 г. Прибалтийским генерал-губернатором был назначен (и пробыл в должности до 1861 г.) светлейший князь А.А. Италийский, граф Суворов-Рымник-

ский, которому приписывали пронемецкие симпатии. После апреля 1848 г. новая волна перехода в Православие утонула. Активно отстаивавший интересы Православной Церкви викарный рижский епископ Филарет (Гумилевский, в Риге с 16 июня 1842 г. до ноября 1848 гг.)⁶, осенью 1848 г. был перемещён из Риги⁷. В Курляндии и Эстляндии переход в Православие оказался невозможен. Однако цель владыки – открытие самостоятельной Рижской епархии, была достигнута в 1850 г., причём отчасти по инициативе Суворова⁸.

В 1841 г. в Рижском викариатстве насчитывалось всего 24 храма: три полковые церкви и 21 приходская, из них 9 в Риге, в исторической Лифляндии: в Лимбажи (Латвия); Пярну, Выру, Ряпина, Куресари, Тарту, Мустевез, Нина (Эстония); в исторической Курляндии – в Лиепасе, Елгаве, Екабпилсе, Вецгринвалде (Латвия)⁹. Церковное проектирование и строительство в Лифляндии и Эстляндии в первой половине – середине 1840-х гг. не успевало отразить появление новых приходов. Оно велось преимущественно в городах, в том числе в латышских уездах Витебской губернии, как в стилистике классицизма (Лудзе – Люцин, 1843–1845 гг., Резекне – Розитен, 1844–1846 гг., первоначальный проект 1836 г.), в русском стиле на основе проектов его основоположника К.А. Тона 1838 г.¹⁰ (Даугавпилс – Двинск, проект 1843 г. И. Т. Таманского, 1856–1864 гг., Цесис – Венден, 1841–1845 гг.). На 1 января 1848 г. наиболее достоверны данные о существовании 33 латышских и 39 эстонских приходов (было построено девять церквей, в 53 приходах учредили временные молитвенные помещения)¹¹. Богослужения во временных помещениях стали характерной чертой православной жизни в Лифляндии, особенно в период 1846 – 1850-х гг.

Интенсификация церковно-строительного дела связана с именем последнего

Александровский собор (Даугавпилс). 1843, проект И. Т. Таманского; 1856-1864.
Фото с открытки нач. XX в. Фрагмент.

Преображенская церковь (Цесис). 1841-1845.
Фото В. Ткаченко, 2006. Народный каталог православной архитектуры. <http://sobory.ru/index.html>.

Рижского викария (с 6 ноября 1848 г.)¹², а затем и первого правящего Рижского архиепископа (с 11 марта 1850 г. до 9 марта 1867 г.) Платона (Городецкого), который хорошо знал церковно-политическую ситуацию в Западном крае, будучи с 1839 г. настоятелем Виленского Свято-Духова монастыря, а с 1843 г. – викарным епископом Ковенским Литовской епархии. Официальная статистика сообщала о том, что в 1851 г. Православной Церкви в Лифляндской губернии принадлежали 74200 мужчин и 67903 женщины¹³.

Высочайшими повелениями 1846 г. было предписано до устройства постоянных церквей отводить временные помещения в городах в течение двух недель, а в деревнях – за месяц; временные церкви бесплатно размещать в зданиях военного постоя; выбор места для постройки храмов и саму постройку возложить на Лифляндскую строительную комиссию по следующей смете: на церковь 2159 руб., на дом для причта и училища 3225 руб., необходимые суммы отпускать из Синода, на ремонт – из духовно-учебных капиталов. Предполагалось построить 26 новых церквей, дальнейшие планы – оставить на усмотрение Синода¹⁴.

Ситуация с обеспечением прихожан храмами в сёлах и мызах первоначально складывалась неблагоприятно. Осведомлённый современник пессимистически отмечал: «Православной Церкви в Лифляндии ничто дешёво не обходилось ... Церкви строились крайне медленно и не всегда удачно»¹⁵. Большинство людей молились в «полуразвалившихся домах военного постоя» (например, в Банужи – с 1846 до 1884 гг.¹⁶, Лаздоне – с 1847 до 1866 гг., Палсмане – с 1851 до 1865 гг.), казармах (Вецпиебалга, 1846 – 1851 гг.), частных домах, снимаемых за счёт казны (Тукумс – с 1852 до 1871 гг.), таможенном кордоне (Пюхалепа-Кури, 1884 – 1891 гг.), конюшнях, сараях, корчмах (Каркусе, при-

ход Руйиена – в бывшем кабачке из двух комнат), винокурнях, кузницах, рабочих избах (ригах). В Ранну, Эстония (Ранден) приход был открыт в 1847 г., соединён с приходом в Рынга-Тильга (Рингенским) в 1873 г. и в 1893 г. вновь открыт как самостоятельный. Он располагал двумя помещениями, в которых «священник и церковь кое-как приютились»: в волости Волгута – «комнаткой», пристроенной к трёхкомнатному дому, и в Тамменгофской волости – помещением в волостном доме¹⁷. Церковь в Кулдиге 17 лет помещалась в крайне тесных домах, снимаемых у представителей еврейской общины – в одном из таких домов еле помещалось 10 человек; Вознесенская церковь в Буртниеки, Латвия (имении Кесит, Буртнекский приход, Варна) – в комнате с русской печью одной из пристроек мызы¹⁸. Церковь в Банужи (Зербенского прихода, открытого в 1846 г.) располагалась более 30 лет в «весьма ветхом доме военного постоя, в маленькой, темной и сырой комнате, вмещающей в себя не более 40 человек», и находилась «вдали от большинства жилищ прихожан». Приходскую школу пришлось поместить в ветхую баню¹⁹. Приход в Кикивере, Эстония (Кикиферский, с 1850 г.), размещался в наёмной школьной комнате, где после получения антиминса, освящённого в честь Успения Богородицы, с 1889 г. стали служить литургию. «Алтарь устроен в углу комнаты. Помещение и тесно, и бедно», – указывалось в описании храма²⁰.

Помимо крайней бедности прихожан, возникали и другие проблемы: прежде всего, с выбором и отводом мест для постройки храмов и под кладбища, что шло вразрез с действовавшим законодательством. Хотя формально выбор места был возложен на генерал-губернатора и Рижского епископа, местные землевладельцы-лютеране и даже арендаторы казённых земель неохотно предоставляли участки, особенно в центрах

поселений: «Десятками лет тянулись дела по отводу грунта под церковь, даже в казённых имениях»²¹. Кроме того, в связи с тем, что православное население не проживало компактно, а границы новых приходов не были чётко определены, трудно было найти устраивающее всех место для строительства храма. Часто центральное положение в поселениях занимали ранее сооружённые кирхи (в Лихуле, Килинги-Нымме, Юуру и др.). Таким образом, местоположение новых прибалтийских православных храмов, в отличие, например, от Польши, чаще всего было периферийным. «Получить приличное место под православный храм считалось чудовищным желанием ... в Лифляндии ... многие церкви поставлены не на своих местах», – отмечал священник К. Тизик²². Православный автор указывал, что «лютеране и теперь [в 1878 г.] неприятно смотрят на постройку в Лифляндии православных церквей, а прежде [на рубеже 40–50-х гг. XIX в.] они всячески препятствовали этой постройке, несмотря на то, что отвод мест совершался прежде при участии генерал-губернатора. Лютеране часто не соглашались уступить места для православной церкви за самую дорогую цену»²³.

Противодействие при отводе земли для храмов проявилось, например, в Краави и Пыльтсамаа (Põltsamaa), Эстония (Альт-Анцене, Антсла и Обер-Палене) и других местах, где пришлось прибегать к отчуждению участка²⁴. Владелец имения в Алуksне (Мариенбург) барон фон Фитингоф всячески препятствовал созданию там православной церкви. Только по «понууждению» цесаревича Александра Николаевича он дозволил разместить походный храм на неудобном месте, в окрестностях своей мызы (середина – конец 1840–х гг.). Министр внутренних дел Л.А. Перовский по случаю уволил его со службы в министерстве²⁵. М.А. фон Менар, землевладелец

в Менгеле (Альтенвоген или Алтенвога), категорически отказывался предоставить участок под храм. Только когда епископ Вениамин (Карелин) привлек на помощь чиновников из канцелярии генерал-губернатора графа П.А. Шувалова, удалось купить землю за 250 руб. (7 июля 1865 г.)²⁶. Реже встречались противоположные случаи. Три помещика, Грот, граф Ферзен и барон Менгден, безвозмездно пожертвовали землю под церковь²⁷. В 1862 г. помещица З. фон Кейзерлинг выделила участок для прихода в Кергу. В 1864 г. участок, отведённый духовной консисторией пятью годами раньше, в Заубе пожертвовал помещик фон Штейн²⁸. В дальнейшем в числе жертвователей участков под храмостроительство встречаются имена баронессы Е. Икскуль, графа Е. А. Комаровского, барона Н. П. Фитингоф-Шеля, графа Д.Н. Шереметева.

Члены строительных комиссий, включая Лифляндскую губернскую строительную и дорожную комиссию, подрядчики, производители работ, будучи чаще всего лютеранами, не всегда проявляли особую заинтересованность в строительстве. Сам генерал-губернатор Суворов не разрешил в 1848 г. епископу Филарету перенести в Талси (Тальсен) походную церковь для переселенцев в православие крестьян восьми курляндских имений²⁹.

Очевидно, что первоначальные молитвенные сооружения не имели какой-либо архитектурной специфики. 14 февраля 1846 г. императором были утверждены два образцовых проекта деревянных церквей для Лифляндской губернии: на 300 человек в городах и на 250 человек в селениях, что завизировал главноуправляющий путями сообщения и публичными зданиями министерства внутренних дел (МВД) граф П.А. Клейнмихель. Строительство храмов по образцовым проектам получило распространение в царствование императора Николая I, особенно после выхода

в свет альбомов К.А. Тона³⁰. Имеющиеся в Эстонском историческом архиве (ЕАА) чертежи подписаны архитектором Н.Е. Ефимовым (1799–1851). Несмотря на то, что это копии³¹ (илл. 51), можно без сомнения утверждать, что данный проект создан известным зодчим. Во-первых, Ефимов с 1840 г. трудился в Комиссии проектов и смет при Главном управлении путей сообщения и публичных зданий (ГУПСИПЗ), руководившем вопросами градостроительства в империи, в том числе и для Прибалтийских губерний. Во-вторых, в перечне работ Ефимова значатся «два проекта для Лифляндии», датированные теми же годами – 1845–1846 гг.³² Большинство храмов Лифляндии 1850-60-х гг. были сооружены по первому из этих проектов, в связи с чем представляется целесообразным подробно остановиться на биографии одного из крупнейших мастеров начального периода эклектики в русской архитектуре, видного исследователя зодчества прошедших эпох и рисовальщика.

Творчеству Николая Ефимовича Ефимова (26 /по др. сведениям, 24/ апреля 1799, с. Яковлевка Обоянского уезда Курской губернии /ныне – посёлок, районный центр Белгородской области/ – 11 сентября 1851, Санкт-Петербург) посвящены не столь многочисленные публикации³³. Его архитектурные и художественные работы перечислены также в «Отчётах Академии художеств», ряде архивных дел и справочных изданий³⁴. Будущий архитектор воспитывался в семье помещика, премьер-майора Е. Г. Заплата, и, возможно, был его сыном от крепостной Анисии Леонтьевой (в конце жизни он получил в наследство деревню Нижняя Солотина с крепостными в том же уезде). В шесть лет мальчик уже умел хорошо рисовать, читать и писать. 6 октября 1806 г. его привезли в столицу, в Императорскую Академию художеств, где он учился в течение 15 лет. За

эти годы он выполнил гравюры для изданий: «Краткие сведения о вновь построенных при Академии художеств зданиях (СПб., 1820) – план храма Минервы, вид чугунной лестницы и других, и Е.Ф. Тимковскою «Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах» (Ч. 1–3. СПб., 1824) – чертёж российского монастыря в Пекине и другие, а также виды ряда столичных церквей (Казанского собора, церкви св. Екатерины). За свои рисунки Ефимов удостоился четырёх серебряных медалей. Последние шесть лет он изучал только архитектуру и при выпуске в 1821 г. за классицистический проект Музеума, «Храма собрания трёх знатнейших художеств», получил большую золотую медаль и аттестат 1-й степени, что связывали с протекцией президента Академии А. Н. Оленина. Успехи такого рода предполагали получение чина 14 класса.

В 1822 г. Н. А. Оленин поручил молодому архитектору, как замечательному рисовальщику, преподавание «черчения ордеров», а в 1826 г., будучи сторонником национально-романтического направления, которое активно поддерживал император Николай I, направил Ефимова в Киев для производства обмеров фундаментов древнейшего русского храма – Десятинной Богородицкой церкви³⁵. За время работы в Киеве с 28 мая по 15 октября 1826 г. Ефимов не только исследовал фундаменты, но и обнаружил древние каменные гробницы (предположив, что одна из них – св. князя Владимира) и осуществил первую в России попытку воссоздания («реставрации») храма в виде однокупольной церкви с обширными хорами в формах византийской, или «древней киевской» архитектуры. Император проект не утвердил, и церковь была построена В. П. Стасовым. Оленин распорядился, чтобы Ефимов по пути из Киева посетил Москву, «дабы обозреть там старинные храмы, более вникнуть в ха-

Крестовоздвиженская церковь (Юрьев монастырь, Новгород).
1823–1826. Чертеж Н.Е. Ефимова. РГАДА.

рактир древнего русского зодчества»³⁶. Там архитектор провёл ноябрь и декабрь 1826 г., а в феврале-марте 1827 г. изучал новгородские церкви. Ефимов стал одним из родоначальников исследования древнерусской архитектуры; первым занялся подготовкой научных исторических и археологических материалов для работ на древнем памятнике. Обмеры Н. Е. Ефимова и Ф. Г. Солнцева послужили одними из источников новых церковных проектов родоначальника русского стиля К. А. Тона.

Именно в 1820-е гг. начали строить храмы, достоверно, а не в романтическом духе, воспроизводящие древнерусские прототипы. Массивное луковичное пятиглавие над кубовидным объёмом монастырских Крестовоздвиженской церкви и Спасского собора Новгородского Юрьева монастыря с их классицистическим декором фасадов является самым ранним примером русско-

го стиля в церковной архитектуре (реконструкция 1823–1826 гг.). Судя по альбому чертежей в РГАДА, подписанному Ефимовым³⁷, он мог быть автором этих сооружений (возможно авторство губернского архитектора И. Дмитрова и участие знатока древнерусской архитектуры М.М. Праве). Почти одновременно Ефимов, по благословию Московского митрополита святителя Филарета (Дроздова) и за счёт пенсии из Государственного казначейства, занимался копированием росписей Саввино-Сторожевского монастыря и обмерами в Новоиерусалимской обители.

В июне 1827 г., по постановлению Совета ИАХ, Ефимов первым после долгого перерыва отправился на три года в Италию для «вещего усовершенствования в архитектурном художестве». За время пребывания там зодчий занимался изучением и реставрацией различных памятников

древнего зодчества (проектировал реставрацию колонн римского храма Юпитера Громовержца, 1828–1830; и «дома трагического поэта» в Помпее: в Неаполитанском королевстве он провёл полгода в 1831 г.; осуществил обмеры деталей и частей ряда зданий: купола собора св. Петра и Пантеона, театров Марцелла (1832) и Флавия, храма Марса Мстителя на форуме Августа (1832–1833) и других античных сооружений, писал акварелью интерьеры церквей св. Агнессы, св. Мартина.

Поскольку пенсионерских денег не хватало, Ефимов в Риме до 1835 г. работал чертёжником в мастерской датского архитектора Шлике, выполнял задания Миланской академии художеств и частные заказы. В ноябре 1828 г. Ефимов устроил выставку своих работ к приезду великой княгини Елены Павловны. По её просьбе мастер исполнил шесть перспективных видов римских памятников. Ефимов ходатайствовал об издании своих рисунков, полагая, что они принесут «большую пользу» Академии, что Советом ИАХ в письме от 3 декабря 1829 г. было сочтено «безрассудной и дерзкой мечтательностью» и проявлением «себялюбия, непростительного в человеке его лет и познаний»³⁸. В 1830 г. на выставке в ИАХ были представлены проекты Ефимова: православного собора святителя Николая и возобновления колонн храма Юпитера.

5 июня 1834 г., в ответ на просьбу остаться в Риме за свой счёт, Ефимову было предписано вернуться в Россию. Однако 4 мая 1835 г. он вместе с меценатом В. П. Давыдовым (с 1856 – граф Орлов-Давыдов) и К. П. Брюлловым отправились из Рима в путешествие в Грецию, Малую Азию и Константинополь³⁹. Задачей Ефимова и его знаменитого спутника Брюллова было «снимать виды с мест и строений». Ефимов исполнил в августе 1835 г. фасад, разрез и предварительные обмеры храма св. Софии в

Константинополе, а в конце августа–сентябре – карту св. Афона с изображениями монастырей и «Вид русского монастыря на Афонской горе». 1 октября 1835 г. Ефимов убыл в Афины и оттуда вновь в Италию. Рисунки Ефимова заслужили похвалы Ж. О. Д. Энгра (интерьеры св. Софии) и Б. Торвальдсена, а также великого князя Михаила Павловича, с которым архитектор встречался в Риме в апреле 1837 г. В 1839 г. Ефимов по заказу Императорского двора наблюдал в Карраре за выделкой белого мрамора для реставрации Зимнего дворца после пожара в декабре 1837 г.

Зодчий вернулся в Россию в 1840 г., 29 сентября того же года был удостоен звания академика «по известным трудам и дарованиям в архитектуре». Он поступил на службу архитектором при Кабинете его императорского величества, вошёл в Комиссию проектов и смет при ГУПСИПЗ под началом П. А. Клейнмихеля. Работая в комиссии, Ефимов спроектировал не только проекты для Лифляндии, но и ряд православных церквей: в Херсонской губ. (1842–1843), церковь пресвятой Троицы в Новочеркасске (1844–1845, не реализован из-за малой вместительности), а также два лютеранских храма. Он переработал составленный в 1841 г. арх. И. И. Шарлеманем 2-м проект Сампсониевской церкви в русском стиле на месте битвы под Полтавой (1848, строительство: 1851–1854, перестроена). Н.Е. Ефимов составил также проекты ряда крупных общественных зданий в средней полосе России: ярмарки в Казани (1843–1844), дворянского собрания, гостиного двора в Орле (1842–1843), института благородных девиц в Нижнем Новгороде (1848–1857 гг.), перестройки присутственных мест (Воронеж, уездные города Старый Оскол, Обоянь, Дмитриев, 1848–1849). В составе группы архитекторов Ефимов работал над серией грандиозного свода образцовых проектов фасадов обы-

С. Петербургъ
St.-Petersbourg

Церковь Св. Михаила Архангела
Eglise du St. Archange Michel.

Воскресенская церковь (Санкт-Петербург). Проект 1845–1846, Н.Е. Ефимов; окончена в 1861. С открытки нач. XX в.

вательских домов (1841–1852) (Ефимов указывал, что он разработал 60 фасадов «в тосканском и венецианском вкусе», удостоенных высочайшего одобрения).

Но основные работы зодчего были связаны с С.-Петербургом. В 1840 г. Ефимов был назначен главным помощником арх. В. П. Стасова по реконструкции Зимнего дворца. С этого начался всего 10-летний, но интенсивный период его творческой деятельности в России. Ефимов участвовал в разработке проектов главных залов дворца, в том числе Георгиевского и Аполлонова (1842–1844), реконструкции Старого Эрмитажа. С 1840 г. он совместно с В. П. Стасовым руководил возведением «императорского музеума» – Нового Эрмитажа (Миллионная ул., 35)⁴⁰ по проекту баварского архитектора Л. фон Кленце, ко-

торый впоследствии подчёркивал заслуги Ефимова. После кончины Стасова в 1848 г. Ефимов вёл работы единолично. В 1841 г. зодчий входил в комиссии для рассмотрения проектов Л. Кленце и О. Монферрана по отделке интерьеров Исаакиевского собора и по обследованию металлических конструкций строившегося Мариинского дворца.

27 сентября 1842 г. Н. Е. Ефимов и А. И. Штакеншнейдер были выбраны почётными вольными общниками Академии Художеств, а в 1844 г., без выполнения программы, Ефимов получил звание профессора ИАХ 2-й степени. В первой половине 1840-х гг. Ефимов занимался решением важнейших градостроительных задач: разрабатывал планировочные решения двух центральных площадей столицы – Знамен-

Воскресенский Новодевичий монастырь (Санкт-Петербург). Афонская церковь. Фото автора, 2007.

ской (ныне пл. Восстания) и Благовещенской (пл. Труда). При реконструкции Знаменской пл. (план высочайше утверждён 8 февраля 1845 г.) Ефимов определил места для Николаевского вокзала, построенного К.А. Тоном, и для гостиницы. В связи со строительством первого стационарного моста через Неву Ефимов создал планировку предмостной Благовещенской площади. Зодчий в 1842–1843 гг. спланировал на ней расширение казарм лейб-гвардии Конного полка и Морского ведомства (совместно с Р. А. Желязевичем), дома с магазинами у съезда с моста; Конногвардейский бульвар (1843–1846) и Благовещенскую улицу (ул. Труда), выходящие на площадь. Самое значительное градостроительное произведение Ефимова – завершение композиции

Исаакиевской и Мариинской площадей, начатой О. Монферраном и А. И. Штакеншнейдером, строителем Мариинского дворца. Восточную и западную стороны площади оформили величественные здания Министерства государственных имуществ (1844–1850) и дома министра (1847–1853) (Исаакиевская пл., 4, 13), фланкировавшие дворец. Ефимов спроектировал эти здания (в формах ордерного неоренессанса, широко распространённого в Петербурге в середине 1840-х гг.) и ограду памятника Николаю I, руководил строительными работами. В отличие от эпохи классицизма, здания, с одной стороны, лишены центрирующих акцентов, их композиция ритмична и не замкнута, декор фасадов более насыщен, чем в классицистических постройках. Проект зодчего не был осуществлён полностью: императора Николая I не удовлетворило предла-

гаемое им решение отделить Мариинскую площадь от Исаакиевской городским кварталом с фасадами, аналогичными фасадам министерских зданий.

Строительство крупных общественных зданий продолжилось перестройкой по проекту Ефимова ратуши и гильдейского дома для Городской думы (Думская ул., 1–3, 1847–1853 гг.). Фасад несколько тяжеловесного протяжённого здания думы, которое стало доминантой в панораме Невского проспекта, выполнен в духе флорентийского ренессанса: вероятно, по причине того, что система городского самоуправления зародилась в северной Италии. Эта же стилистика несколько позже стала определяющей для общественных сооружений Риги других мастеров. Зодчий выполнил также

Воскресенский Новодевичий монастырь (Санкт-Петербург).
1849, Н.Е. Ефимов; окончен в 1861. С фото начала XX в.

Воскресенский Новодевичий монастырь (Санкт-Петербург).
1849, Н.Е. Ефимов; окончен в 1861. С фото начала XX в.

ряд частных заказов, среди наиболее заметных его работ – фасад и интерьеры дворца С. Л. Нарышкиной-Шуваловой (наб. р. Фонтанки, 21, 1843–1846).

Наконец, в храмостроительстве Ефимов проявил себя как мастер русского стиля в «тоновских» формах, аналогичных храмам в Даугавпилсе и Цесисе. По его проектам были возведены в Санкт-Петербурге Никольская «Миловская» (от фамилии купца – руководителя общины) единовременная церковь (Захарьевская ул., 18, 1845–1852) и Воскресенская церковь в Малой Коломне (Воскресенская [Кулибина] пл., проект 1845–1846 гг., окончена в 1861 г., при участии А. И. Шевцова, В. Ф. Небольсина (руководили стройкой), К. Я. Маевского (вёл отделку здания)⁴¹. Эти пятиглавые храмы были построены в «тоновских» формах, однако отличались по пропорциям и декору от образцовых проектов. Никольская церковь – трёхчастная в плане, в её объёмно-пространственном решении особую роль играли массивная центральная луковичная глава и утончённая высокая шатровая колокольня над притвором. Первоначальный проект Воскресенской церкви, составленный А. И. Шевцовым в барочно-классицистических формах, не был высочайше одобрен, и Ефимов разработал новый, в духе тоновской архитектуры. Крестообразный в плане храм отличался близостью по размерам центральной и четырёх боковых глав, а также насыщенным декором, в котором преобладал мотив аркатурно-колончатых поясов. Близким аналогом Никольской «Миловской» церкви был единовременный храм св. Димитрия Солунского на Большесохтинском кладбище (1846–1853, арх. К. И. Брандт), в работе над проектом которого не исключено участие Ефимова (все эти храмы разрушены в 1930-е гг.).

Самым значительным трудом Ефимова следует считать проектирование и строи-

тельство комплекса Воскресенского Новодевичьего монастыря на Царскосельской дороге (Московский пр., 100)⁴². План монастыря был высочайше утверждён 12 марта 1848 г. В том же году всего за один месяц по проекту Ефимова соорудили деревянную церковь во имя Божией Матери Казанской в простых «клетских» формах (снесена в 1929 г.). 3 ноября 1849 г. состоялось торжество закладки собора в присутствии императора Николая I, который обещал стать «инженером» при строительстве, и, действительно, его курировал. Под наблюдением Ефимова были сооружены на казённые средства фундамент и цоколь собора, северный (больница с церковью Трёх Святителей) и южный (настоятельские покои с церковью Афонской иконы Божией Матери «Отрада», или «Утешение») корпуса. В центре комплекса возвышается двухъярусный Воскресенский собор с приделами и лестничным объёмом, увенчанный луковичными главами на высоких световых барабанах – массивной главной и четырьмя малыми. Он представляет собой обобщённый тип пятиглавого «кремлёвского собора» в трактовке К. А. Тона. Обе малые церкви также увенчаны пятиглавием, имеют шатровые звонницы. Строгая, восходящая к классицизму, симметрия построек – кубического объёма собора с фланкирующими его по сторонам церквями, сочеталась с отделкой в духе «итальянизирующего» направления русского зодчества XV–XVI вв. Ефимов использовал характерные для Тона знаковые элементы первого этапа русского стиля. Полукруглые кокошники с раковинами в тимпанах напоминают декор Архангельского собора Московского Кремля, использованы также килевидные кокошники. В декоре первого яруса применены наличники с разорванным фронтоном и центральным зубцом, фигурный сандрик наверху опирается на полуколонки с муфтами-перехватами. Спа-

ренные полуколонки оформляют оба яруса, но на втором они декорированы кубоватыми капителями. Расположенный при въезде в город со стороны древней столицы, величественный комплекс Новодевичьего монастыря даже своим названием переключался со знаменитой московской обителью, став примером внедрения «древнемосковских» традиций на петербургскую почву. Строительство Ефимовым церквей в русском стиле сыграло значительную роль в придании столице национального облика, чем утверждалась «русскость» петербургского периода отечественной истории. Б. М. Кириков отмечал, что «сооружения К. А. Тона и Н. Е. Ефимова составили первую и определяющую фазу архитектурной русификации Петербурга»⁴³.

«Строитель многих прекрасных зданий в столице», как называла его газета «Москвитянин» (1851. № 18. С. 141), статский советник Н. Е. Ефимов скоропостижно скончался в расцвете сил. 15 сентября 1851 г. он был похоронен на Новодевичьем кладбище, близ алтаря Казанской церкви. Зодчий не успел завершить ряд крупных работ. Ряд его построек (дом министра государственных имуществ, думу, Новодевичий монастырь – совместно с Н. А. Сычёвым) заканчивал Л. Л. Бонштедт, бывший в ту пору старшим архитектором I округа ГУПСиПЗ. Н. Е. Ефимов не имел близких, и к 1895 г. могила оказалась обезличена. Обнаруживший её архитектор И. С. Китнер стал инициатором конкурса императорского Санкт-Петербургского общества архитекторов на безвозмездное составление проекта памятника «талантливому, но незаслуженно забытому» зодчему. Было подано 13 проектов, что говорит об уважении к памяти зодчего в профессиональной среде. Победу одержали И. В. Жолтовский и С. П. Галензовский под девизом «Сразу». Памятник – мраморный саркофаг с крестом в обрамлении дубовой ветви и атри-

бутов зодчества – треугольника и циркуля, был выполнен в 1896–1897 гг., установлен на средства общества к столетнему юбилею архитектора и освящён 12 мая 1897 г.

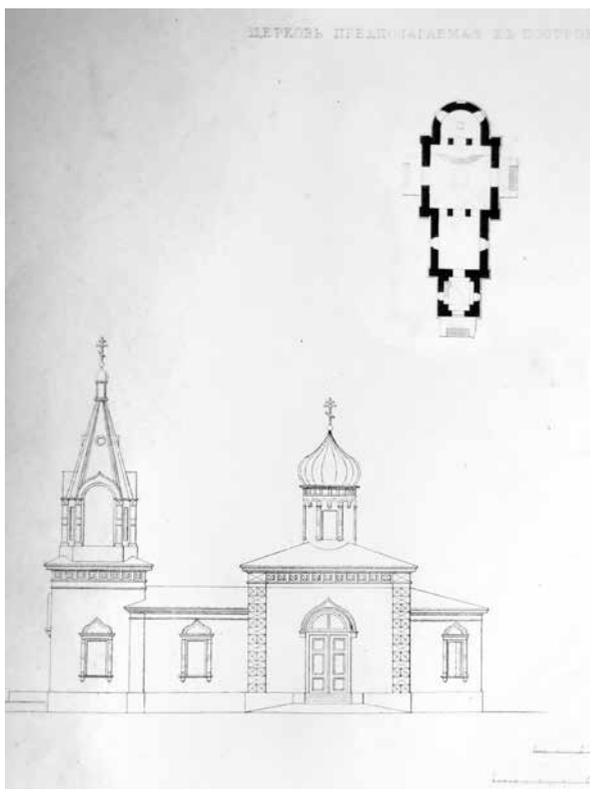
Таким образом, для творческого пути Н.Е. Ефимова характерно разнообразие как стилистики, так и типов проектируемых им сооружений, среди которых наиболее видное место занимали храмы. Принадлежа к числу «искуснейших и образованнейших архитекторов своего времени» и исследователей архитектуры, Ефимов проявил себя как один из самых ярких представителей первого этапа эклектики, прежде всего, неоренессанса и русского стиля, а также как выдающийся градостроитель.

Проекты Ефимова для Лифляндии воспроизводят формы каменного зодчества. Первый – на 300 человек, стоимостью 3940 руб., основан на проекте церкви в имении Синявина и, в меньшей степени, деревянных храмов с шатровой колокольной из второго альбома К.А. Тона 1844 г.⁴⁴ Проект трёхчастной церкви в имении Синявина К.А. Тона⁴⁵, восходящий к композициям ряда русских храмов XVII в., получил наибольшее распространение в провинциальном церковном строительстве и по всей Российской империи. Однако основной квадратный в плане объём у Ефимова завершён небольшим глухим барабаном с пирамидальной «готической» главкой. Плановое решение храма – трёхчастное: притвор с возвышающимся над ним постаментом колокольни, на котором возвышается ярус звона и шатёр с малой главкой, трапезная со сдвоенным окном, основной объём в три оси и прямоугольный алтарный прируб. О специфике материала напоминают только входные порталы с трёх сторон, акцентированные крыльцами и украшенные резьбой, и оконные наличники с фронтончиками.

Проект позволяет утверждать, что в Прибалтике изначально, несмотря на общее следование стилистики храмоздания

общерусским тенденциям, сельское церковное строительство имело свою специфику. Пирамидальные завершения колокольни и особенно основного объёма храма, специфичные для данного проекта, вызвали ассоциации с готикой. Следует учитывать, что шатровые формы в середине – конце XIX в. воспринимались в России как готические⁴⁶, а «данный тип церквей имел множество общих черт с большинством местных лютеранских храмов»⁴⁷. Возможно, так учитывалась «западная» специфика региона и местные строительные традиции. «Готицизмы» не повторяются в других проектах Н. Е. Ефимова.

Второй, оказавшийся невостробованным, проект пятиглавого деревянного храма на 250 человек, не подписан, но близок первому по манере исполнения и с высокой долей вероятности также принадлежит Н. Е. Ефимову (напомним, что он составил «два проекта»). Его стоимость – 2458 руб., он ещё в большей степени соответствует типу каменного храма и представляет собой вариант «усечённого» проекта каменной церкви т. III–I из 2-го альбома образцовых проектов К. А. Тона (1844 г.). В отличие от образца, храм двусветный, не имеет трапезной и колокольни, «скошенных» углов, и полуциркулярная апсида заменена гранёной. Основной объём, близкий к кубу, прорезан с боковых сторон тройными полуциркулярными окнами и завершён треугольными фронтонами. Пирамидальная четырёхскатная кровля увенчана ступенчато расположенным глухим луковичным пятиглавием, в основании центральной главки – килевидные кокошники. С запада к основному объёму примыкает притвор в одну ось, с

Церковь в имени Сиявина. К. А. Тон.
План, фасад. Церкви, сочинённые ...
Константином Тоном. СПб., 1838.

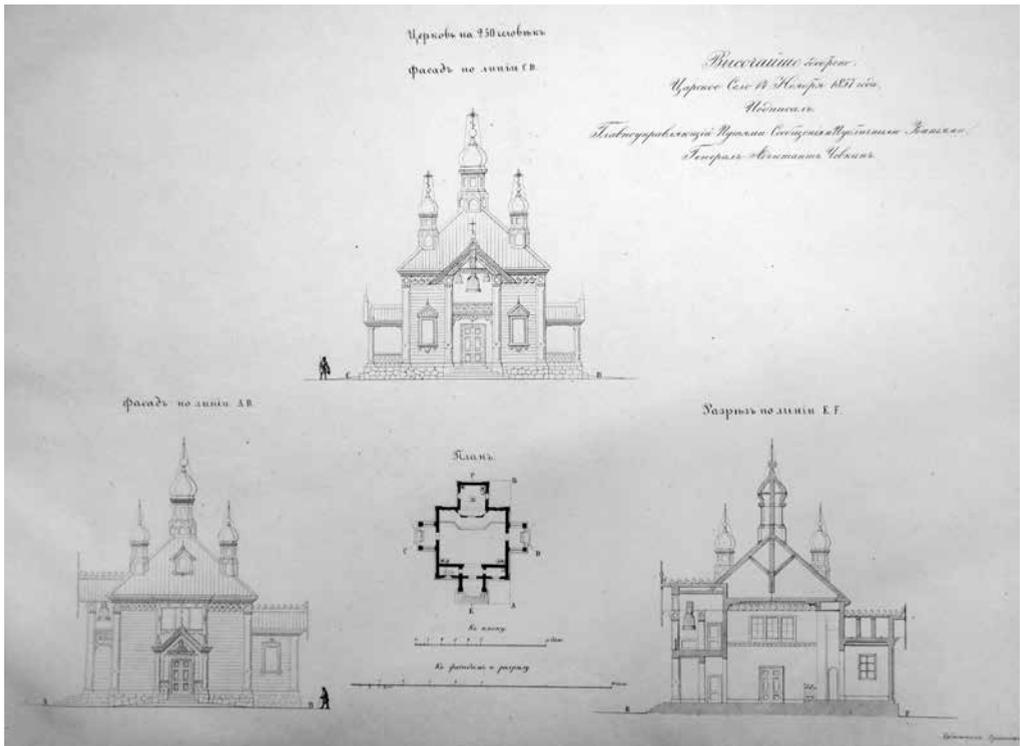
востока – пятигранный алтарный прируб. Проекты Н. Е. Ефимова копировал для Лифляндии гражданский инженер Павел Гарденак (P. F. Hardenack, 1820–1879)⁴⁸.

Вместе с чертежами храмов государь утвердил проект одноэтажного, в пять осей, дома «для причтов и училищ», с обширными вспомогательными помещениями, на возведение которого считалось достаточным 4772 руб. серебром. 17 мая 1846 г. проекты были окончательно утверждены во 2-м отделении департамента рассмотрения проектов и смет⁴⁹.

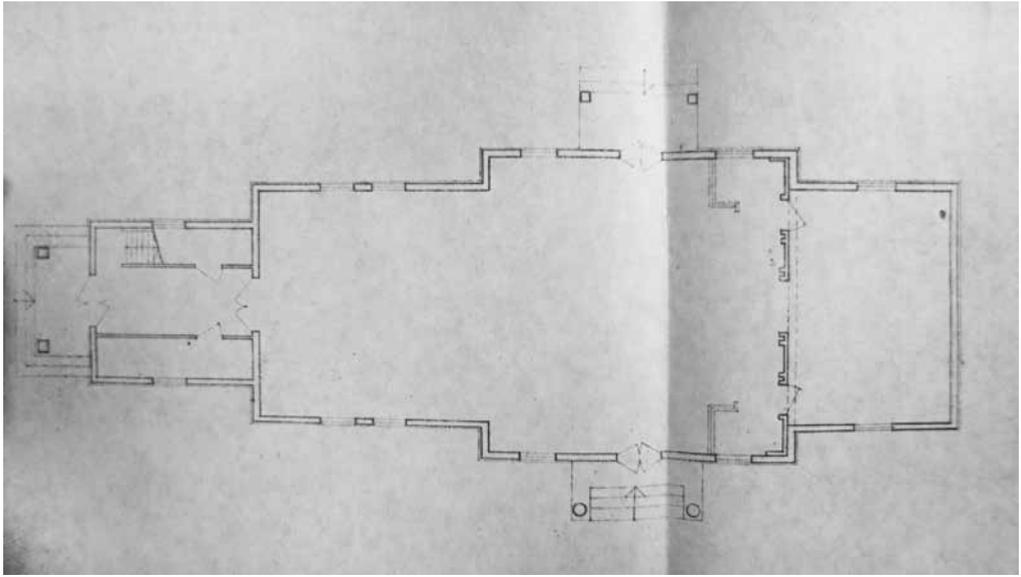
Владыка Филарет, по соглашению с товарищем министра внутренних дел, предположил открыть в Рижском викариатстве 33 прихода. 17 марта 1846 г. именным указом императора Николая I Синоду были выде-

Проект каменной церкви. Т. III. К. А. Тон. Фасад. Проекты церквей, сочинённые ... К. Тоном. Дополнение 1-е. СПб., 1844.

Проект деревянной церкви. 1857. Фасады, план, разрез. Атлас сельских деревянных церквей. СПб., 1858.

Иоанно-Предтеченская церковь (Вильянди). 1847. План. Muinsuskaitseameti projektdokumentide arhiiv (Tallinn).

Иоанно-Предтеченская церковь (Вильянди). 1847. С фото 1-й половины XX в. Muinsuskaitseameti projektdokumentide arhiiv (Tallinn).

лены 225196 руб. на постройку в Лифляндии 25 церквей со школами и домами причта – трёх городских в современных Валмиере, Валке и Вильянди, и 22 – в казённых и частных мызах (сначала семи храмов). Постройку рижских церквей передали в ведение главного управляющего путями сообщения и публичными зданиями⁵⁰. В том же 1846 г. с целью облегчить постройку храмов была упрощена форма заключения подряда. Первыми, вероятно, по проекту на 300 человек, были сооружены церкви в уездных городах: Иоанно-Предтеченская в Вильянди (Фел-

лин, 1847 г., отремонтирована в 1885 г.; разрушена в 1960 г.⁵¹), Сергиевская в Валмиере (Вольмар, 1846–1847 гг., не сохранилась) и Никольская в Валке (Валг, 1847 г., сгорела в 1913 г.). В 1847–1851 гг. по образцовому проекту были устроены ряд деревянных церквей, не сохранившихся до наших дней, в большинстве своём на территории современной Латвии: Михаило-Архангельская в Икшкиле (Икскуле, 1847 г., разрушена в 1-ю мировую войну); церкви в Кокнесе (Кокенгузене, 1847 г.); Руйиене (Руен-Торней, 1847 г.); Алоэ (Эйхенангернский приход,

1847–1848 гг.)⁵², Берзауне (Берзонский-Покровский приход, Гроздон, 1848–1851 гг.); Нитауре (Нитауский приход, 1849 г.); Мали (Эшенгофский-Вознесенский приход, 1851 г.); а также в Сууре-Яани, Эстония (Оллустьерский приход, 1848–1849 гг.). Контроль над постройками в 1846–1851 гг. по поручению гражданского губернатора осуществлял Лифляндский губернский архитектор (с 1834 г.), воспитанник Санкт-Петербургской Академии художеств (с 1821 г.), Карл Томасович (Фомич, Тимофеевич) Адамсон (1809–?)⁵³. Так, в августе – декабре 1846 г. он по поручению гражданского губернатора от Лифляндской губернской строительной комиссии наблюдал за постройкой церквей, домов причта и училищ в Вильянди, Кокнесе, Валмиере, Тумшупе, Руйиене, Сууре-Яани, Икшкиле, Карула-Висси, Пыльтсамаа⁵⁴.

В 1848–1849 гг. предполагалась постройка храмов на мызах Муху-Хелламаа, Эстония (Геллам) и Raanitsa, Эстония (Нейгоф), мызе Ганценгоф (возможно, Гангоф — Плани-Хаанья, Эстония). В октябре 1849 г. архитекторский помощник Повитц-Эппинг отправил наряды подрядчикам, которые должны были возвести церкви на мызах Кастолатси, Эстония (Костолац), Алуксне, Латвия (Мариенбург), Стамериене, Латвия (Штоммерзе) и Геймодер (?)⁵⁵.

Однако архиепископ Платон пожелал, чтобы свою церковь имел каждый сельский приход, и стал ходатайствовать о мерах по удешевлению и ускорению церковного строительства. Трудно судить о взглядах архиепископа Платона на церковную архитектуру: помимо функционального соответствия, ключевым понятием здесь было «приличное своему высокому назначению благолепие». Понятие «благолепия» осознавалось и в дальнейшем как признак эстетической привлекательности постройки⁵⁶.

В 1848 г. император, имея в виду постройку в Лифляндии православных церквей в латышских и эстонских приходах, повелел

«наблюдать, чтобы сооружения эти начаты были преимущественно в местах, наиболее в том нуждающихся и продолжались безотлагательно по мере денежных способов»⁵⁷. Требовалось соорудить более 60 храмов, но кредит был отпущен лишь на строительство 26 церквей, причём на каждую церковь приходилась слишком незначительная сумма. Должного оживления церковного строительства не произошло. 21 января 1850 г. владыка Платон обратился к генерал-губернатору Суворову-Рымникскому, предлагая истратить 25 т. руб. серебром, выделенные на церковное строительство, для сооружения церквей в следующем порядке: Ээрику, Эстония (Иоанновского прихода), Пийла, Эстония (Карриская), Кихелконна, Эстония (Килекондская, или Килликендская), Сунтажи, Латвия (Сунцельская), Заубе, Латвия (Юргенбургская), Салацгрива, Латвия (Залисская), Лалси, Эстония (Мало-Иоанновского прихода).

На островах строительство каменного храма на 250 человек по стоимости приближалось к деревянному (6366 и 6000 руб. соответственно), тогда как на материке деревянное строительство обходилось значительно дешевле (3989 и 7440 руб.). Однако деревянные храмы, построенные зачастую без фундаментов и из некачественного леса, были холодными и, нередко уже через 2–5 лет, приходили в ветхость*. Лифляндская

* В значительно более поздний период, в 1894 г., указывалось, что в Лайусе «лёгкие деревянные постройки, возведённые в 1863 г., пришли в полное разрушение; в церкви почти нельзя было и служить, цоколь развалился, нижние венцы прогнили насквозь, так что образовались большие отверстия, чрез которые зимой навевало снегу целыми сугробами, а летом дождевая вода лилась потоками, колокольня шаталась от ветра» (Иоаким (Левицкий), архим., Плисс Владимир, свещ. Высокопреосвященный Арсений (Брянцев), архиепископ Рижский и Митавский, и десятилетнее управление его Рижской епархией. Рига, 1897. С. 214).

губернская строительная и дорожная комиссия рекомендовала в приходах на о. Сааремаа – Пийла (Карри) и Кихелконна (Килликенд, или Кильконд), строить каменные церкви, а 29 апреля 1850 г. предложила все церкви и дома на островах Муху и Сааремаа строить из камня, причём церкви – на 250 человек⁵⁸. Комиссия и владыка Платон были единодушны в желании строить, по возможности, больше каменных храмов. 24 марта 1850 г. архиерей писал: «Постройка каменных православных церквей вместо деревянных весьма полезна во всех тех местах Лифляндской губернии, где нет лесов, а имеется каменный строительный материал». Он предлагал, в частности, возвести из камня храмы в Лалси, Эстония (Мало-Иоанновский приход), Салацгрива, Латвия (Залисский), Заубе, Латвия (Юргенбургский), Вецлайцене, Латвия (Оппекальнский, Оппекалн), Сунтажи, Латвия (Сунцельский) и Ээрику, Эстония (Иоанновский)⁵⁹.

9 июня 1850 г. ГУПСИПЗ направило Суворову-Рымникскому заключение о необходимости предписать губернской строительной комиссии «приступить к возведению церквей с домами для причтов и училищ по утверждённым в 14 день февраля 1846 г. нормальным проектам в тех из отведённых для сего местах, где наиболее в церквях представляется надобность, и в такой соразмерности, чтобы потребный на этот предмет расход ни в каком случае не превышал отпущенной святейшим Синодом суммы»⁶⁰. Комиссией были выбраны места для постройки церквей на мызах – на территории современной Латвии: Заубе (Юргенбург), Салацгрива (Альт-Залис), Вецлайцене (Альт-Лайцен, Оппекальн), и Эстонии: Пярсмаа (Перзам) и Мыннусте (Mõnnuste, Mõnnust, Маннуст).

По прошению архиепископа Платона Лифляндская губернская строительная и дорожная комиссия распорядилась к 1

августа 1850 г. исправить все недостатки в новопостроенных церквях. Но 11 августа 1850 г. владыка, по результатам своей инспекции, писал в эту комиссию, что «не видел, чтобы хотя в одном из строящихся церковных зданий производились какие-нибудь работы, а, по отзывам местных священников, оказывается, что и во всё настоящее лето никаких работ в них не было». Он повторно просил произвести достройки «как можно скорее»⁶¹.

19 сентября 1850 г. датировано составление проектов и смет на постройку деревянных церквей в Лифляндии: на 300 человек (в городах) и на 250 (в мызах)⁶². Работу – по сути, полное дублирование проектов 1846 г., провело II отделение департамента ГУПСИПЗ⁶³. Проект храма на 300 человек в 1846–1850 гг. с некоторыми изменениями был использован при постройке 26 церквей в Лифляндии. В их числе – старая Благовещенская в Кастолатси, Эстония (Кастолацком приходе, 1849–1850 гг., на 250 чел., не сохранилась)⁶⁴, старая Троицкая в Алуксне, Латвия (Мариенбурге, 1851 г., не сохранилась); старая Знаменская в Карздабе, Латвия (Керстенбемском приходе, 1851 г., не сохранилась); Петропавловская в Вецпиебалга, Латвия (Старо-Пебалгском, или Альт-Пебалгском приходе, 1851 г., не сохранилась), Крестовоздвиженская церковь в Пыльтсамаа, Эстония (Обер-Паленском приходе, 1851 г., строил архитектор К. Адамсон; не сохранилась); Петропавловская церковь в Лаанеметса, Эстония (Гарьельском приходе, мыза Ланнемец, 1855–1856 гг., разрушается); Иоанно-Предтеченская в Варсту (Мыннисте-Ритсику), Эстония (Кергельском приходе, 1855–1856 гг.); вероятно, Александро-Невская церковь в Стамериене, Латвия (Стоммерзее, Штоммерзе, Стомерзейский приход, 1851 г., не сохранилась). Церковь Сретения Господня в Варнья (Воронье, Воронейский приход, 1854–1855 гг., ныне руины) была

перестроена из помещичьей конторы для сбора подати с «посторонних рыболовов» архит. Ю.А. Гагеном*, с 1887 г. предполагалась постройка новой церкви. В Муствез, Эстония (посаде Чёрном) на основе проекта 1846 г. на 300 человек инженер-поручик Рубцов составил в 1851 г. проект и смету церкви на 500 человек⁶⁵.

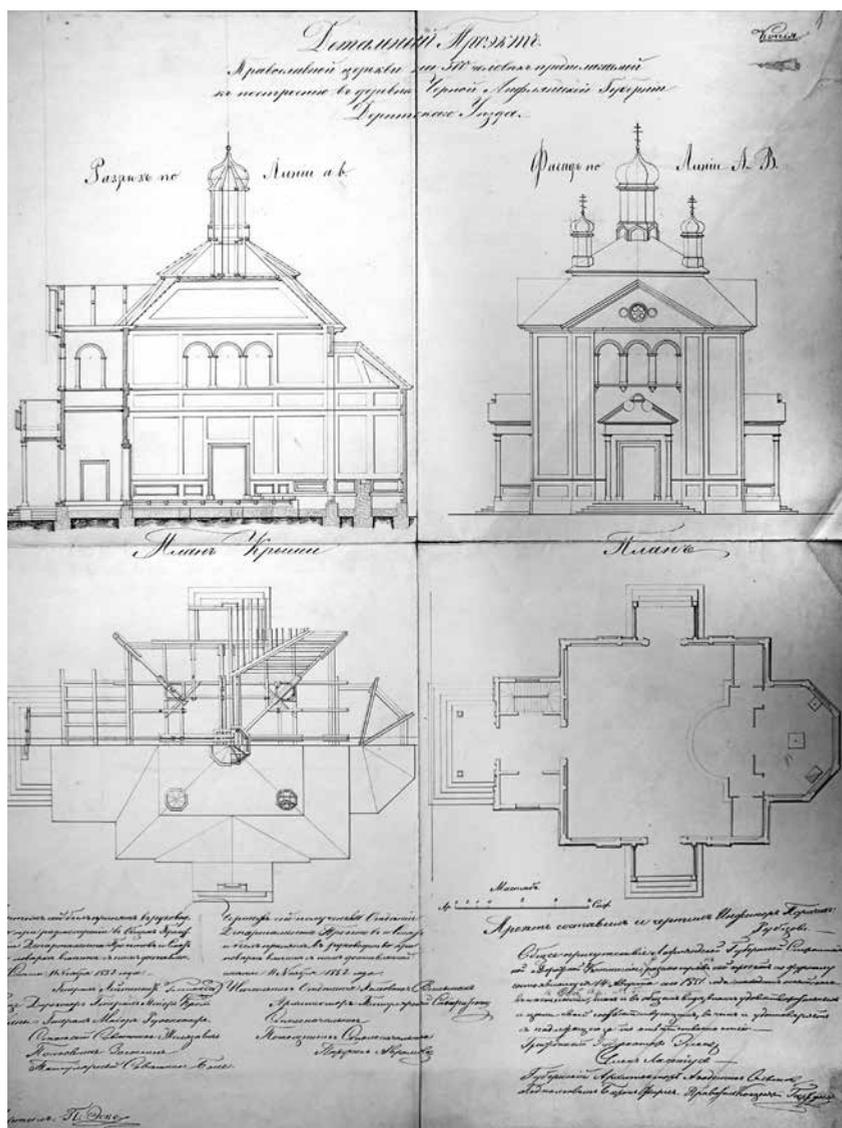
К 1851 г. были составлены планы местностей для постройки церквей на мызах Пыльтсамаа, Эстония (Обер-Пален) – Крестовоздвиженская, Карула-Висси, Эстония (Каролен) – Покровская, Гаангоф, Эстония (Гангоф) – Никольская, Кяхри, Эстония (Геймадра, Каннапе) – Михаило-Архангельская, Прийпалу-Ванамыйза, Эстония (Зонтаг) – Васильевская, Кавилда, Эстония (Кавелехт) – Никольская, Кастолатси, Эстония (Кастолац), а также в Вещпиебалге, Латвия (Альт-Пебалг, ошибочно: Ильт-Педале), Карздабе, Латвия (Керстенбем), Янюкалнсе, Латвия (Кольцен, Калснава), Тумшупе, Латвия (Эндзелени, Гензельсгоф), Таммуна, Эстония, на о. Сааремаа, приход Ранну, Эстония (Таменсгоф, Тамменгоф), Ильмергоф. 31 мая 1852 г. датирован подготовленный архитектором П. Гарденаком перечень мыз, в которых предполагалось выстроить камен-

Иоанно-Предтеченская церковь (Варсту – Мынисте-Ритсику). 1855–1856. Фото 2010-х.

ные церкви (по старым названиям): в Рижском уезде – мыза Лембург, Юргенсбург и Альтенваг; в Валкском уезде – Кокенберг, в Дерптском уезде – Фельк, Клейн-Ринген, Альт-Врангельсгоф, Кавелехт, Фалькенау (Элиствереский приход), Саддокюль (Тамкгоф), Лаис – Рождество-Богородицкая; в Перновском уезде – Удаафер, Селли, Калли; в Вольмарском уезде – Позендорф, Лютернгоф, Вольмарегоф; на островах Мон и Эзель – Геллама, Мазик (?), Нейенгоф. 16 июня 1852 г. Лифляндская губернская строительная комиссия подготовила ведомость о предполагаемых к постройке по «нормальным чертежам» 38 православных церквях – с домами и училищами. Из ГУПСИПЗ обычным порядком документация была препровождена Суворову-Рымникскому. Тот запросил у

* Ю.А. Гаген (Julius August Hagen, 1829 – после 1908) – гражданский инженер, коллежский, затем статский советник, член строительного отделения Лифляндской губернской строительной и дорожной комиссии. С 1875 до 1901 гг. – Лифляндский губернский архитектор. О нём см.: Neumann W. Lexikon baltischer Künstler. Riga, 1908. S. 60.

Детальный проект православной церкви на 500 человек (Муствеэ). 1851, Рубцов. Разрез, фасад, план. ЕАА.

архиерея рекомендуемую очерёдность. 6 октября 1852 г. владыка указал на то, что «необходимо ныне строить Сунцельскую, Юргенбургскую и Оппекальнскую церкви», на которые уже выделены 25 т. руб. серебром⁶⁶.

В декабре 1851 г. архиепископ Платон предложил, «чтобы во всех сельских при-

ходах, вместо нынешних церквей, строить точно такие же церкви, какие по высочайше утверждённому плану и фасаду сооружаются ныне в городах Лифляндии, так как последние гораздо вместительнее первых и, по простому устройству крыш, более безопасны от течи». Для изучения вопроса Лифляндская губернская строительная

комиссия направила генерал-губернатору 13 мая 1852 г. копии плана, по которому «строятся ныне сельские церкви и причтовые дома в Лифляндии», и «копии плана, утверждённого для постройки церквей в городах». Разница в стоимости могла бы не превышать допустимого за счёт торгов. 29 мая 1853 г. ГУПСИПЗ выразило согласие на такой вариант⁶⁷.

Архиепископ Платон стремился не только к максимальной экономии скудных средств, начиная с выбора подрядчика, но и к тому, чтобы одновременно с храмами строились причтовые сооружения. Об этом свидетельствует его переписка, начиная с 1850 г. По мнению Лифляндской строительной комиссии, «для постепенности расходов было бы выгоднее к постройке церквей приступить по окончании домов для причтов», с этим соглашался и архиепископ Платон. Проект причтового дома, незначительно отличающийся от образцового, составил псковский губернский архитектор (1841–1860-е гг.) Иван Кириллович Шевцов (1814–?). С целью экономии владыка считал нецелесообразным на церковных участках устройство площадок, мощённых камнем, каменных оград и водосточных каналов. Он выбирал лес для постройки, рассчитывал местоположение ризницы, хоров и пономарки и размеры храма в соответствии с числом прихожан. Владыка обращал внимание и на архитектурные детали: благовидность церковных домов и входов в церковь. Архиерей опирался на опыт постройки хозяйственных сооружений в усадьбах лютеранских пасторов (пасторатах) и католических священников. 24 августа 1851 г. архиепископ Платон отправил генерал-губернатору Суворову-Рымникскому планы и сметы на постройку хозяйственных служб. Работа над проектами была продолжена в Лифляндской губернской строительной

и дорожной комиссии. Инженер-поручик Рубцов отказался за «множеством поручений» завершить проектирование, и лифляндский губернский архитектор, академик Давид Фомич Ольтов (David Olitoff, Dāvids Oltofs, 1820–1857)⁶⁸ 20 мая 1852 г. взялся за 1,5 месяца закончить проект, что и выполнил к 10 сентября. К 18 ноября 1852 г. чертежи были представлены на рассмотрение Синода⁶⁹.

В 1850-е гг. продолжали изыскивать способы упрощения строительства. Арендатором Штральбергом, выступившим по собственной инициативе в роли подрядчика, в 1855 г. были успешно построены одинаковые деревянные церкви по проекту Н.Е. Ефимова №91 – одноглавые, однокупольные, с колокольной в двух приходах Верроского уезда (Эстония): Иоанно-Предтеченская в Мынисте-Ритсику (Минценский, или Менценский приход) и Петропавловская в Лаанеметса (Гарьельский)⁷⁰. Ему же в 1858 г. предполагалось предложить постройку церквей в Тыстамаа – Сели и Тори, Эстония (Тестамский и Торгельский приходы). Постройками руководили также Б. Мейер, В. Кеппе (1853 г.). Предприимчивый арендатор Юндерлих (мыза Калли) предлагал в 1859 г. построить на церковной земле здания для помещения храма и причта в Калли-Михкли, Эстония (Михаельский приход). За них он хотел получить арендную плату в 300 руб. серебром в год, которую приход уже платил в тот момент за имевшееся помещение, но предпочтение было отдано Штральбергу⁷¹.

Новый период интенсификации каменного храмостроительства в Лифляндии на основе образцового проекта 1846 г. в уже существовавших приходах и исправление неблагоприятной ситуации в обеспечении храмами крестьянских православных общин в Лифляндии наступил в 1857–1858 гг. В 1858 г. владыка Платон (Городецкий) после неоднократных ходатайств добился

Васильевская церковь (Сели-Тыстамаа). 1863–1864. Фото 2010-х.

передачи дел о постройке из ГУПСиПЗ МВД в духовное ведомство, а немногим раньше, 25 октября 1857 г., в штат консистории был назначен епархиальный архитектор⁷², которому первоначально было поручено техническое освидетельствование мест для постройки храмов, составление карт и обмежевание. 18 ноября 1858 г. эту должность на долгие годы (до своей кончины 2 февраля 1896 г.) занял помощник архитектора Курляндской дорожно-строительной комиссии, выпускник Санкт-Петербургского Строительного училища, гражданский инженер Аполлон Николаевич Эдельсон (1827, Рязань – 1896, Рига). Гражданский инженер, мастер русского

стиля родился в православной русско-немецкой семье эконома Рязанской гимназии. Его старший брат – литературный критик Е.Н. Эдельсон. После окончания Санкт-Петербургского Строительного училища Эдельсон занимал должность помощника архитектора Курляндской дорожно-строительной комиссии, приблизительно с 1852 г. поселился в Риге. 18 ноября 1858 г. он занял должность Рижского епархиального архитектора. Помимо его многочисленных известных церковных проектов в пределах Прибалтийских губерний, вероятно, он был автором ещё ряда церквей, авторство которых достоверно не установлено. Эдельсон работал преимущественно

в русском стиле*. При строительстве ряда жилых домов в формах эклектики, а затем церквей, обычно сотрудничал с подрядчиком Н.П. Воостом. Похоронен на рижском Покровском кладбище рядом со своей женой Маргаритой, двоюродной сестрой генерала, выдающегося инженера–фортификатора Э. Тотлебена (+1892)⁷³.

По поручению архиерея Эдельсон уже в 1859 г. составил проекты церквей «в возможно упрощённом виде» в связи с нехваткой средств, и они были отправлены в ГУПСИПЗ. 7 марта 1860 г. архиепископ Платон, ссылаясь на «нормальные чертежи» двух типов храмов для Лифляндии на 300 человек в городах и на 250 в мызах, то есть проектов Н. Е. Ефимова, писал в Синод о предпочтительности использования первого, более простого, проекта, «а где окажется удобным, не держаться строго этих проектов, ...лишь бы... здания были построены прочно и соответственно своему назначению»⁷⁴. К 1860 г. число приходов в Рижской епархии достигло 136 против 117 в 1850 г., большинство (85%) православных в Прибалтийских губерниях относилось к крестьянскому сословию⁷⁵ и, по своей бедности, по-прежнему не могли участвовать в строительстве церквей.

В 1863–1864 гг. Эдельсоном был подготовлен проект каменной церкви с колокольней и готическим шатриком, идентичной деревянной церкви 1846 г.⁷⁶ (ил. 01). Эдельсон, в частности, осуществил строительство и модификацию проектов церквей в Эстонии: Муху-Хелламаа, Каркеси-Нуя, Рынга-Тильга, Вяндра**.

* В 1863 г. Эдельсон спроектировал колокольню для классицистического Александро-Невского храма в Риге. Колокольня построена в той же стилистике, что не характерно для проектов зодчего.

** Документальное подтверждение того, что проект церквей в Лаудоне, Лаздоне, Эргли, Адеракши, Заубе, Вилькене, Руйиене были мо-

Данный случай уникален тем, что обзорный проект каменной церкви был разработан на основе ранее созданного проекта деревянного храма, а не наоборот. Его отличием является то, что в объёмно-пространственном решении не выделена трапезная, что представляет собой классический тип церкви «кораблем». К единому прямоугольному в плане объёму в пять осей примыкают две пристройки в одну ось: прямоугольная в плане алтарная апсида и небольшой квадратный в плане притвор с колокольней. Проект наиболее часто использовался в период достаточно интенсивного храмостроительства 1863–1869 гг.

В таких формах сооружены церкви: 1. св. Иоанна Предтечи в г. Ляудона, Латвия – центре перехода крестьян в православие (Лаудона, *Laudohn*, освящена в 1863 г.), которая стала образцом для аналогичных построек; 2. Богоявления, в Эргли, Латвия (Эрлаа, Эргльский приход, заложена 26 сентября 1863 – освящена 2 ноября 1869 гг.; разрушена в 1944 г.); 3. пресвятой Троицы, в Лаздоне, Латвия (Лаздона, 1864–1866 гг.); 4. Никольская в Заубе, Латвия, Беверинский край (Яунпилс, Яунпилс, Юргенбургский, или Юренбургский, приход, строитель К. Клейн, заложена 4 октября 1864 г., построена к осени 1866 г. мастером Клейном «экономическим образом ... по примеру Альт-Лайценской» /Вецлайцене/ церкви*** – имеется в виду

дифицированы архитектором Р.Пфлугом, не обнаружено (см.: Ляудона. Церковь Иоанна Предтечи. sobory.ru/article/?object=07836, sobory.ru/article/?object=19327 – данные А.М. Вишнева и Л.М. Клешниной).

*** ИИМК, рукописный архив. Ф. 4. Оп. 1. Д. 981. Л. 6 об.–7 об. Эта церковь, по всей видимости, изображена на картине Вильгельма Карлиса Пурвитиса, уроженца Заубской волости, «Монастырь в Латвии» (1932?). Во всяком случае, архитектурные особенности изображённого храма и церкви святителя Николая совпадают.

школьно-молитвенный дом 1863 года; ныне разрушается); 5. св. Иоанна Предтечи, в Калли-Михкли, Эстония (Михаельский приход, мыза Калли, 1865–1866 гг., илл. 02; разрушается); 6. св. Марии Магдалины, в Адеркаши, Латвия (Сиссегальский приход – мыза Фистелен, освящена 31 октября 1867 г.⁷⁷, много лет не была принята в духовное ведомство); 7. иконы Божией Матери Одигитрии в Вилькене, Латвия (Пернигельский – Вилькенгофский приход, построена в мае 1868 г. из булыжного камня, освящена после длительной просушки 3 мая 1870 г.⁷⁸; ныне руины); 8. св. Иосифа Обручника в Садукюла, Эстония (Талькгофский приход, 1868 г.; разрушена после 1969 г.); 9. святителя Алексия Митрополита в Каркси-Нуя, Эстония (Каркусский приход, 1868, 1876 гг.); 10. пресвятой Троицы в Лелле, Эстония (Лельский приход, 1866–1868, 1876 гг.) (илл. 03)⁷⁹; 11. святых апостолов Петра и Павла в Муху-Хелламаа, Эстония (Гелламский приход, 1866 г.); 12. Рождества Христова в Тори, Эстония (Торгельский приход, 1866–1868 гг.); 13. св. апостола Иакова в Удувере, Эстония (Пярну-Яагупи, Якоби-Удувере – Яковлевский приход, мыза Удафер, 1866–1868 гг.); 14. святых Петра и Павла в Вяндра, Эстония (Феннерский приход, 1868–1869 гг.); 15. св. Духа, в Лаатре, Эстония (Фелькский приход, 1868–1869 гг.), отличающаяся только формой центрального купола («купольца») и простым классицистическим декором; 16. пресвятой Троицы в Руиене, Латвия (Руиена, Руен-Торней, 1869–1871 гг., освящена 21 марта 1871 г., построена на средства Синода, имела «готические» пропорции главы и шатра колокольни, пострадала при бомбардировках в 1944 г., закрыта в 1959 г., обезглавлена, разрушается)⁸⁰; 17. вероятно, также Вознесенская церковь в Рынга-Тильга, Эстония (Рынгау-Тильга, Клейн-Рингенский приход, 1867–1868 гг., «продолговатая с колокольней и

малым купольцем»⁸¹; взорвана в 1961 г.) и 18. деревянная Всех Святых в Кяркна-Лякте, Эстония (Фалькенауский или Элиствереский приход, 1865 г., разрушена после 1974 г. /?/).

Близка к ним по архитектуре церковь Богоявления в Мыннусте, Эстония (Кергельский приход, 1868 г.; ныне руины), имевшая две башни над притвором. Некоторые храмы не имеют купола на основном объеме (Ляудона), что придаёт им ещё большее сходство с кирхами. Никольская церковь в Муствез (посаде Чёрном) – трёхчастная одноглавая с шатровой колокольней, на 310 человек была построена в 1861–1864 гг. по проекту А.Н. Эдельсона подрядчиком Вас. Гринкиным и освящена в 1866 г. Оштукатуренный и выбеленный храм отличается скромным декором (лопатки, арочки), прямоугольная в плане алтарная апсида завершена треугольным фронтоном. Первоначально предполагалось построить храм по проекту церкви для мызы Голгофски. Эдельсон, вероятно, создал и оригинальный проект Преображенской церкви в Хяядеместе, Эстония (Häädemeeste, Gudmannsbach, Гутмансбахский, или Оренгофский, Орренгофский, ранее Орайэский, приход; 1870–1872 гг., построена на средства Синода). Трёхчастный храм включает объемы притвора с шатровой колокольней, трапезной в три оси, двусветный основной объём (три полуциркульных окна и три круглых окна второго света на южной и северном фасадах) и с востока – алтарный объём в одну ось по длине и в три оси по ширине. Сдержанный декор оштукатуренного и выбеленного кирпичного храма в виде килевидных кокошников, тяг и валиковых разводов среди построек Эдельсона в наибольшей степени соответствует тоновским образцам.

Оригинален по композиции, развёрнутой по горизонтали, Георгиевский храм в Тарту (Дерпт, Юрьев, 1868–1870 гг., илл.

05), сооружённый на средства Синода. Он имеет трёхчастный план с колокольной над притвором, основной объём завершён приземистым шатром и оформлен по углам своеобразными башнями – «донжонами», формирующими пятиглавие и завершёнными, как и сам шатёр, луковичными главками. Сдержанный выбеленный декор храма, в котором преобладают килевидные кокошники (в том числе и венчающие фасады), лопатки и филёнки, восходит к проектам К. А. Тона. По метрике, находящейся в рукописном архиве Института истории материальной культуры Российской Академии наук, удалось установить автора своеобразного проекта: в документе указано, что «Юрьевская Георгиевская эстонская церковь» построена «по плану архитектора Эдельсона в византийском стиле»⁸².

Некоторые церкви сооружались по индивидуальным проектам других зодчих, с определённым разнообразием композиций и убранства. 1862 годом датированы проект и смета, составленные архитектором И. П. Маасом*, на пристройку к часов-

не на Тартуском православном кладбище алтаря и колокольни. Трёхчастная Свято-Духовская церковь приобрела черты русского стиля, характерные для Тона (илл. 04). Соборного типа Ильинская церковь в большом селе Васк-Нарве, Эстония (Сыренец) с приделами св. Иоанна Предтечи и свят. Николая была построена в 1867–1873 гг. по проекту 1865 г. также И. П. Мааса⁸³ (завершена Г. Шелем). Она увенчана пятью луковичными главами: центральной, на восьмигранном барабане, и боковыми глухими, над притвором – шатровая колокольня. Сдержанное убранство в русском стиле (филёнки, арочные проемы) напоминает постройки Тона.

Особый интерес представляет самое раннее выявленное «программное» обоснование возведения церквей с использованием дикого (булыжного, гранитного) камня (по-эстонски *таакиви*), что стало важнейшей чертой местного храмостроительства. Такого рода камень обычно использовался для строительства хозяйственных построек в сельской местности. Архиепископ Платон в упомянутом выше письме в Синод от 7 марта 1860 г. предлагал в безлесных местах храмы «строить из булыжного камня с облицовкой внутри кирпичом для устранения сырости». «Многие лифляндские крестьяне, – указывал архиерей, – хорошо умеют производить постройки из такого материала-

сохранилась) и в Васк-Нарве, часовни св. Александра Невского при Охтинском пороховом заводе (1866 г., не сохранилась), Успенского собора в Варне, Болгария (1880–1886 гг.), спроектированного по типу петергофской церкви. Работал в Одессе (?), Угличе (реставрация дворца царевича Димитрия, окончена в 1892 г.) (Маас Иван Петрович // Календарь Ярославской губернии 1894 г. Ярославль, 1893; Neumann W. *Lexikon baltischer Künstler*. Riga, 1908. S. 104; Кириков Б. М., Штиглиц М. С. Петербург немецких архитекторов. СПб., 2002. С. 402; Антонов В. В., Кобак А. В. Святые Санкт-Петербурга. СПб., 2010. С. 101, 257).

* Иван (Иван Евгений) Петрович Маас (Johann Peter Maas, 1825 – 19 июня 1892, Ярославль) – лютеранин, сын садовника при дворе принца П. Г. Ольденбургского. Окончил Академию художеств в Санкт-Петербурге в 1851 г. со званием художника-архитектора. Работал в Санкт-Петербурге. Архитектор Дерптского учебного округа (1857–1865 гг., составил около 30 проектов, в том числе 3-этажного здания уездного училища в Риге), 4 сентября 1862 г. удостоен звания академика архитектуры. Архитектор 1-й Санкт-Петербургской гимназии (март–июнь 1868 г.), архитектор при Управлении Санкт-Петербургского учебного округа (с июня 1868 /1865 г. ?/–1877), департамента таможенных сборов (1877–1880 гг.), затем – в отставке, в 1887–1892 гг. – губернский архитектор в Ярославле. Осуществил ряд проектов доходных домов и газгольдера в Санкт-Петербурге (1871–1884 гг.), автор проектов церквей св. Лазаря (1866–1867 гг.) и св. Троицы (1866–1888 гг.) на кладбище в Петергофе (1870 г.), где и похоронен (не сохранились); церквей при Крестовоздвиженской общине сестёр милосердия (1865 г., не

ла». Последний род строительства был выгоден и «в обыкновении по многим местам Лифляндии»⁸⁴.

Интенсификация храмостроительства стала возможной благодаря активности архиепископа Платона. Финансовые проблемы епархии он пытался решать различными способами: обращался за помощью к богатым приходам и монастырям, предлагал занять у них деньги на длительный срок, лично со сборной книгой посещал «лучшие дома» Санкт-Петербурга, стремился построить в столице «на выгодном месте часовню в пользу рижских церквей» (1864 г.). 8 апреля 1863 г., ходатайствами владыки Платона, Синод издал указ о сборе добровольных пожертвований по всей империи на храмостроительство в Рижской епархии (Лифляндии, по образцу Западного края)⁸⁵. Именно архиепископ Платон впервые предложил ежегодно выделять средства на храмостроительство: 20–30 т. руб. из государственного казначейства и по 10 т. руб. из сумм министерства государственных имуществ (потому что большинство приходов Рижской епархии состояло из государственных крестьян) и из сумм, находящихся в распоряжении Синода на постройки по духовному ведомству⁸⁶.

В разных источниках содержатся различные сведения о количестве построенных в этот период храмов. Известно, что за счёт поступивших к владыке Платону частных пожертвований и ассигнований из казначейства по сметам Синода за 1864 и 1866 гг. (214857 руб. 92 к.) было вновь построено 18 храмов и два молитвенных дома, исправлены храмы в пяти приходах. Со времени учреждения самостоятельной Рижской кафедры по 1867 г. только в «эстонской Лифляндии» было открыто 19 приходов и построено 17 церквей. По другим данным, с 1859 по 1870 гг. на церковно-строительные нужды было отпущено одновременно более 300 т. руб. На эти средства было

устроено 26 каменных и пять деревянных церквей, два каменных и 11 деревянных школьно-молитвенных домов, два каменных и четыре деревянных школьно-причтовых дома, было исправлено семь церквей и три причтовых дома⁸⁷. Ещё один источник сообщает, что в 1848 г. в Рижской епархии насчитывалось 98 приходов и 44 православные церкви, в 1866 г. – 149 приходов и 88 постоянных церквей⁸⁸. Есть и сведения о том, что из 113 церквей, предназначенных для Лифляндии, к 1864 г. было построено только 46, 54 находились в наёмных зданиях, 12–13 вообще не имели помещений⁸⁹. К концу правления архиепископа Платона из 160 приходов Рижской епархии 100 получили храмы, в 12 приходах не было никаких помещений, в 48 – только временные⁹⁰. По другим сведениям, в 1866 г. в епархии насчитывалось 149 приходов, 88 постоянных церквей⁹¹. На ремонт церквей Рижской епархии с 1864 г. стала ежегодно отпускаться сумма в 8500 руб., но её не хватало даже для поддержания храмов от разрушения (в 1870–1879 гг. – по 15 т. руб.)⁹².

Важное значение для новообращённых православных имел обзор церквей Рижской епархии владыкой Платоном в 1864 г., когда он объехал 78 приходов. Энергия архиерея не находила понимания у местных властей: например, гауптман (уездный начальник) в Талсене (Талси) конфисковал его печатные послания, курляндский губернатор жаловался на распространение «сочинений, содержащих нападки на лютеранскую церковь»⁹³. Идея «враждебного окружения», однако, не являлась доминирующей в выступлениях архиепископа Платона, как, например, в поучении прот. В. Князева при открытии Петропавловского братства в г. Риге 8 января 1867 г. Прот. В. Князев также указывал, что «епархиальное начальство ... строило и строит храмы на те средства, какие имеет в своём ведении и распоряжении; постоянно входит в

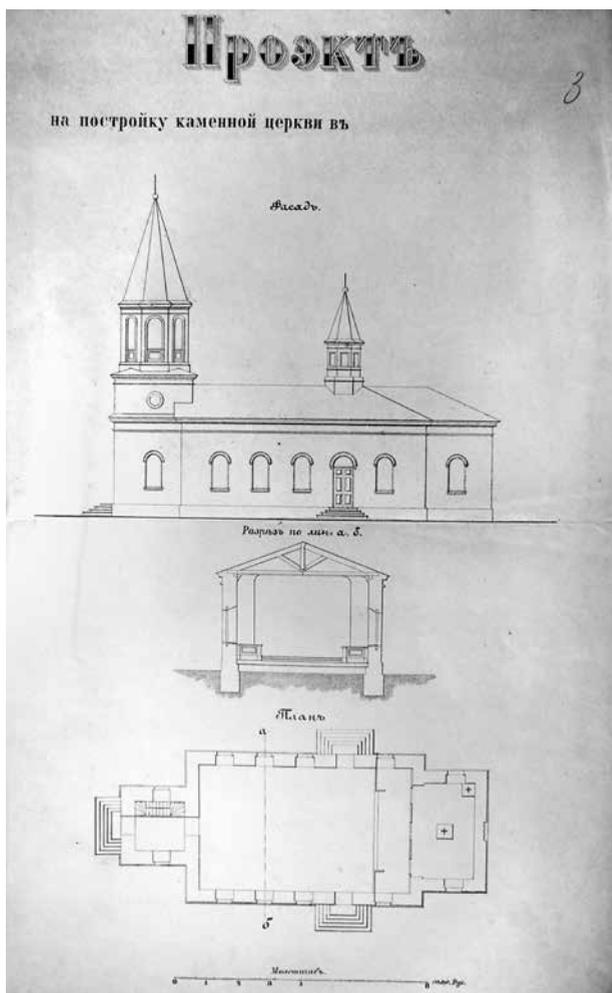
переписку с начальственными лицами духовного и гражданского ведомства..., но большей частью без успеха. Одни не в состоянии представить себе, что и как здесь делается, а другие и понимают положение наше, но не сочувствуют нам»⁹⁴.

Храмостроительство, таким образом, осуществлялось по местной инициативе. Дабы скрасить неблагоприятное впечатление от государственной политики в отношении православных, «существовало предположение выстроить на средства государя православный храм где-нибудь в Прибалтике. Но окружающие уверили его, что постройка им церкви будет сочтена за пропаганду православия среди лютеран и вызовет сильное волнение, чуть ли не крестьянский бунт»⁹⁵.

По ходатайству архиепископа Платона в Синод от 1 сентября 1865 г. указом от 9 апреля 1866 г. ему был дан викариат с титулом «Ревельского»⁹⁶ – епископ Вениамин (Карелин)⁹⁷. 17 марта 1867 г. в Риге была получена телеграмма о переводе архиепископа Платона в Донскую епархию, и бразды правления Рижской епархией принял на себя епископ Вениамин. С 1870 г. он занял кафедру правящего епископа Рижского и Митавского*.

При присоединении в 1865 г. к Рижской епархии Эстляндской губернии её девять приходов состояли из православных рус-

* Следующим Ревельским викарием (в 1880–1906 гг.) был номинально причисленный к кафедре просветитель Японии св. равноапостольный Николай (Касаткин), а затем – священномученик Платон (Кульбуш, 1917–1919 гг.).

Иоанно-Предтеченская церковь (Варсту – Мынисте-Ритсику). 1855–1856. Фото 2010-х.

ских (четыре в Таллинне, в Раквере: церковь 1839, 1864 гг.⁹⁸, в Палдиски, Хаапсалу, Пайде, один сельский – в Васк-Нарве). В губернском Ревеле (Таллинне) в 1853–1858 гг. предположительно, архитектором А. Габлером** был сооружён кладбищенский Александро-Невский храм (строитель – техник Кисляковский, ктитор – майор Ермаков; разрушена в 1944 г.)⁹⁹.

** Christoph August Gabler, помощник архитектора губернского правления, с 1859 г. – губернский архитектор, автор проекта Jaani kirik в Таллинне.

Деревянный пятиглавый Рождество-Богородицкий храм в Вейсенштейне (Пайде, 1862–1863 гг., илл. об, сгорел в 1995 г.) также следовал образцовым проектам Тона, его украшала пропильная резьба. Церковь была построена на средства царскосельского купца Н.И. Русанова и освящена во время единственного визита столичного архиерея в Эстляндию – митрополита Исидора (Никольского), на престольный праздник прихода, 8 сентября 1863 г.¹⁰⁰. В Курляндии, как и в Эстляндии, к 1871 г. приходы были городскими, числом восемь (в Елгаве – Митаве, Лиепае – Либаве, Вентспилсе – Виндаве, Яунелгаве – Фридрихштаде, Кулдиге – Гольдингене, Тукумсе – Туккуме, Бауске – Баузке, Екабпилсе – Якобштаде). В Илукстском уезде Курляндской губ. находились шесть белорусских приходов: Илуксто-Гринвальдский, в Скрудалиене – Силене (Скрудалино), Салинае – Тартак (Саллонае, Саленен), Янюциемс (Фабианово), Курцумс (Хрщеве, Кщеве, Курзум, Демене), Каплава (Копылово, Копнау), с 9846 прихожанами¹⁰¹.

Таким образом, 1860-е гг. стали своего рода подготовительным периодом к новому этапу в храмостроительстве Прибалтийских губерний: его максимальному расцвету в 1870-е гг. Архиеп. Платоном (Городецким) были изысканы

новые финансовые возможности: только выделяемые правительством делади возможным храмостроительство в регионе. Его основной целью было обеспечение значительного числа латышских и эстонских крестьян Лифляндии, перешедших в Православие в 1840-е гг. каменными зданиями с максимальной экономией средств в уже имевшихся приходах. Дело открытия новых приходов после 1848 г. прекратилось на достаточно длительный период, но церковное строительство интенсифицировалось именно во второй половине 40-х г. XIX в. Значительную роль в этом сыграл образцовый проект храма, составленный в 1846 г. выдающимся столичным архитектором Н.Е. Ефимовым в русском стиле с привычными для местных жителей элементами неоготики. Большинство храмов было сооружено назначенным в 1858 г. рижским епархиальным архитектором А. Н. Эдельсоном, который адаптировал этот проект для каменного строительства. В этот период архиеп. Платон обосновал также желательность церковного строительства из булыжного камня, что вскоре стало особенностью региона. Сооружённые в рассматриваемый период церкви являются важными составляющими православного архитектурно-художественного наследия Латвии и Эстонии.

Summary

The article, largely based on the previously unexplored materials from the Estonian Historical Archive (Tartu, EAA) and the Latvian State Historical Archive (Riga, LVVA), is dedicated to the phenomenon of church construction in modern Estonia and Latvia, which was on the rise during the historical period under investigation. Its aim was to provide church buildings to new, mainly rural, parishes that arose in Livonia due to the spontaneous conversion to Orthodoxy of local peasants in the

1840s, and was supported by public funds. At the beginning, the funding was extremely low, temples being assigned temporary buildings, local Lutheran elites were against the creation of new parishes. The general stylistics of temple construction was modelled on the exemplary projects in the Russian style, created in 1846 by the prominent architect N.E. Efimov, based on Konstantin Ton's albums. In the 1850s, and especially in the 1860s, the process of church construction was conducted on

the initiative of Archbishop Platon (Gorodetsky), which was also done in «Ton's» style, on the basis of Efimov's project, adapted by the Riga diocesan architect A. N. Edelson for

stone construction. The article contains bibliographical data about a significant number of the church buildings of Livonia, starting with the projects of 1846.

Reference list

- 1 Gavrilin A.V. Pravoslavnye prihody na territorii Kurljandskoj gubernii // *Pravoslavie v Baltii*. # 2 (11). Rīga, 2014. S. 46. Sm. takzhe: Aleksij (Ridiger), patriarh. Oчерki po istorii Pravoslavija v Jestonii. M., 1999.
- 2 Saharov S.P. Rizhskie pravoslavnye arhipastyri za sto let (1836 – 1936). Daugavpils, 1937. S. 10.
- 3 Podrobnее sm.: Materialy i stat'i k istorii Pravoslavija v Pribaltijskom krae. Chto pobuzhdalo liffjandskih latyšej i jestov k peremene lјuteranskoj very na pravoslavnuju, nachinaja s 1841 goda (Iz bumag preosvjashhennogo Veniamina, episkopa Rizhskogo i Mitavskogo) // Pribaltijskij sbornik. Sbornik materialov i statej po istorii Pribaltijskogo kraja. T. IV. Rīga, 1882. S. 562–576; Passit G.A. Iz istorii Pravoslavija v Pribaltijskom krae. Rīga, 1892. S. 12–60; Beljaev I., prot. Sud'by Pravoslavija v Pribaltijskom krae. SPb., 1901. S. 91–118; Preobrazhenskij I. Otechestvennaja cerkov' po statisticheskim dannym s 1840-41 po 1890-91 gg. SPb., 1901. S. 47–50; Lejsman N.A., prot. Sud'ba Pravoslavija v Liffjandii s 40-h do 80-h godov XIX stoletija. Rīga, 1910. S. 9–71; Vysockij I.I. Oчерki po istorii ob»edinenija Pribaltiki s Rossiej (1710–1910 gg.). Vyp. 2. Pravoslavie. Ch. 1. Rīga, 1910. S. 11–35; Dobryshin B.V. K istorii Pravoslavija v Pribaltijskom krae. SPb., 1911. S. 8–40; Kruus H. Talurahva kaarimine Lõuna-Eestis XIX sajandi 40-ndail aastail. Tartu, 1930; Gavrilin A.V. Perehod pribaltijskih krest'jan v pravoslavie v 40-h godah XIX veka kak forma klassovoj bor'by krest'janstva. Avtoreferat... kandidata istoricheskikh nauk. Rīga, 1987; on zhe. Oчерki istorii Rizhskoj eparhii. XIX vek. Rīga, 1999. S. 67–182; Klaas U. Oіgeusu kirik Lõuna-Eestis 1848–1917. Halduskorraldus ja preesterkond. Tartu, 1998; Mihajlova Ju.L. Krest'janskij vopros v Pribaltijskom krae na stranicah rossijskoj pressy i publicistiki v 40–70-e gody XIX veka. Avtoreferat...kandidata istoricheskikh nauk. M., 2008; Kirchanov M.V. Zemnieki, latvieši, pilsoni. Identichnost', nacionalizm i modernizacija v Latvii. Voronezh, 2009. S. 41–47; Bertash Aleksandr, prot. Arhitektura i stroitel'stvo pravoslavnyh hramov v Pribaltijskih gubernijah v pervoj polovine 1840-h gg. // *Jenciklopedicheskaja praktika: Vyp. 4*. SPb., 2016. S. 37–54; on zhe. Perehod v Pravoslavie latyšskih i jestonskih krest'jan v 1840-e gg. i hramostroitel'stvo v Liffjandskoj gubernii v seredine 1840-h – 1850-e gg. // *Jenciklopedicheskaja praktika: Vyp. 5*. SPb., 2016. S. 25–46.
- 4 Sochinenija Ju. F. Samarina. T. 8: Okrainy Rossii: [Vyp. 2.]. Zapiski pravoslavnogo latyšha Indrika Straumita [prot. Janis Licis]. 1840 – 1845 g. M., 1890. S. 177–300. Publicist ustami pravoslavnogo latyšha risuet ideal'nuju kartinu ustremlenija mestnogo krest'janstva k russkomu narodu i Pravoslaviju. Sm. takzhe: Infant'ev B. Janis Licis, ego «Zapiski pravoslavnogo latyšha» i «Letopis' Aderkashskoj cerkvi» // *Pravoslavie v Latvii*. 3. Rīga, 2001. S. 7–66.
- 5 Lejsman N.A., svjashh. Sostojashhee pod Vysochajšim pokrovitel'stvom Ee Imperatorskoe Velichstva Gosudaryni Imperatricy Pribaltijskoe Pravoslavnoe Bratstvo Hrista Spasitelja i Pokrova Bozhieje Materi. Rīga, 1892. S. 6.
- 6 Sm.: Gavrilin A.V. Filarety Rizhskie: episkopy Filaret (Gumilevskij) i Filaret (Filaretov) // *Intelligencija v mnogonacional'noj imperii: russkie, latyšhi, nemcy. XIX – nachalo HH v. M.*, 2009. S. 42 – 66.
- 7 Sm. LVVA (Latvijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv, Rīga). 7462. f., 1. apr., 7.–14. l.; Passit G.A. Iz istorii pravoslavija v Pribaltijskom krae. Rīga, 1892. S. 60–62; Beljaev I., prot. Sud'by pravoslavija v Pribaltijskom krae. SPb., 1901. S. 133–134; Vysockij I.I. Oчерki po istorii ob»edinenija Pribaltiki s Rossiej (1710–1910 gg.). Vyp. 3. Pravoslavie. Ch. 2. Rīga, 1910. S. 3–4.
- 8 Materialy dlja istorii Pravoslavnoj Cerkvi v carstvovanie imperatora Nikolaja I // *Sbornik Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo obshhestva*. T. 113. Kn. 1. SPb., 1902. S. 295–301.
- 9 Gavrilin A.V. Pravoslavnye prihody na territorii Kurljandskoj gubernii // *Pravoslavie v Baltii*. # 2 (11). Rīga, 2014. S. 45. Podrobnij obzor hramostroitel'stva v eparhii do rassmatrivaemogo perioda sm.: Gavrilin A.V. Stroitel'stvo pravoslavnyh

- hramov na teritorii Latvii do serediny XIX veka // Pravoslavie v Latvii. 3. Riga, 2011. S. 67 – 112.
- 10 Ton K.A. Cerkvi, sochinennye arhitektorom Ego Imperatorskogo Velichestva professorom arhitektury Imperatorskoj akademii hudozhestv i chlenom raznyh akademij Konstantinom Tonom. SPb., 1838.
  - 11 Materialy i stat'i k istorii pravoslavija v Pribaltijskom krae. Mnenija i rasporzazhenija Pribaltijskogo general-gubernatora Golovina po delam prisoedinenija ljuteran v Lifljandii k pravoslaviju // Pribaltijskij sbornik. Sbornik materialov i statej po istorii Pribaltijskogo kraja. T. IV. Riga, 1882. S. 581–582.
  - 12 LVVA. 7462. f., 1. apr., 3. l.
  - 13 Voенно-statisticheskoe obozrenie Rossijskoj imperii. T. VII. Ch. 2. Lifljandskaja gubernija. SPb., 1853. S. 467.
  - 14 Lejsman N.A., prot. Sud'ba pravoslavija v Lifljandii s 40-h do 80-h godov XIX stoletija. Riga, 1908. S. 60–62; Vysockij I.I. Ocherki po istorii ob»edinenija Pribaltiki s Rossiej (1710–1910 gg.). Vyp. 2. Pravoslavie. Ch. 1. Riga, 1910. S. 31–32.
  - 15 Knjazev A.S. Pskovskaja i Rizhskaja eparhii pod upravleniem preosvjashhennogo Platona (Gorodeckogo). SPb., 1878. S. 55.
  - 16 Obozrenie cerkvej preosvjashhennym Arseniem, episkopom Rizhskim i Mitavskim, v 1890 godu. Riga, 1891. S. 22.
  - 17 IIMK, rukopisnyj arhiv. F. 4. Op. 1. D. 1006. L. 1–7.
  - 18 Passit G.A. Iz istorii pravoslavija v Pribaltijskom krae. Riga, 1892. S. 62–66; Pshenichnikov P.G. Russkie v Pribaltijskom krae. Riga, 1910. S. 18–19.
  - 19 LVVA. 7462. f., 1. apr., 423. l., 14.–15. lp.
  - 20 Obozrenie cerkvej, shkol i prihodov preosvjashhennym Arseniem, episkopom Rizhskim i Mitavskim v 1891 g. Riga, 1892. S. 38.
  - 21 Ocherk 25-letnej dejatel'nosti Rizhskogo Petropavlovskogo Bratstva. Riga, 1892. S. 20.
  - 22 Tizik Karp, svjashh. Knjaz' Shahovskoj kak radetel' pravoslavija v Jestljandii // Venok na mogilu jestljandskogo gubernatora knjazja S.V. Shahovskogo. Revel', 1896. II pag. S. 21–22.
  - 23 Knjazev A.S. Pskovskaja i Rizhskaja eparhii pod upravleniem preosvjashhennogo Platona (Gorodeckogo). SPb., 1878. S. 59.
  - 24 Istoriko-statisticheskoe opisanie cerkvej i prihodov Rizhskoj eparhii. Vyp. 2. Ch. 2. Riga, 1895. S. 355 – 357.
  - 25 Lejsman N.A., prot. Sud'ba pravoslavija v Lifljandii s 40-h do 80-h godov XIX stoletija. Riga, 1908. S. 65– 66; Gavrilin A.V. Ocherki istorii Rizhskoj eparhii. XIX vek. Riga, 1999. S. 126.
  - 26 Infant'ev B.F. Janis Licis, ego «Zapiski pravoslavnogo latysha» i «Letopis' Aderkashskoj cerkvi» // Pravoslavie v Latvii. 3. Riga, 2001. S. 15.
  - 27 Materialy i stat'i k istorii pravoslavija v Pribaltijskom krae. Mnenija i rasporzazhenija Pribaltijskogo general-gubernatora Golovina po delam prisoedinenija ljuteran v Lifljandii k pravoslaviju // Pribaltijskij sbornik. Sbornik materialov i statej po istorii Pribaltijskogo kraja. T. IV. Riga, 1882. S. 582.
  - 28 IIMK, rukopisnyj arhiv. F. 4. Op. 1. D. 981. L. 60b.
  - 29 Gavrilin A.V. Ocherki istorii Rizhskoj eparhii. XIX vek. Riga, 1999. S. 57, 178–180.
  - 30 Ton K.A. Cerkvi, sochinennye ... Konstantinom Tonom. SPb., 1838; on zhe. Proekty cerkvej, sochinennye ... K. Tonom. Dopolnenie 1-e. SPb., 1844. O nem sm.: Slavina T.A. Konstantin Ton. M., 2017. T. 1,2; Bertash Aleksandr, svjashh. Ton K.A. // Tri veka Sankt-Peterburga. Jenciklopedija. Tom 2. Devjattadcatyj vek. Kn. 6. S–T. SPb., 2008. S. 920–929.
  - 31 EAA, f. 1655, n. 2, s. 2989; f. 291, n. 8, s. 1511, l. 77.
  - 32 Sm.: Bertash Aleksandr, svjashh. Efimov N.E. // Pravoslavnaja jenciklopedija. T. 19. M., 2008. S. 20–21.
  - 33 Petrov P. N. Nikolaj Efimovich Efimov // Zodchij. 1872. # 8–9. S. 150–152; Korotkevich L. I. Tvorcestvo arhitekora N. E. Efimova // Problemy razvitija dekorativno-prikladnogo iskusstva v hudozhestvennom VUZe. L., 1982. S. 104–114; Tyzhnenko T. E. Nikolaj Efimov // Zodchie Sankt-Peterburga XIX – nachala XX veka. SPb., 1998. S. 254–266; Bertash Aleksandr, diakon, Mikishat'ev M.N. Efimov N.E. // Tri veka Sankt-Peterburga. Jenciklopedija. Tom 2. Devjattadcatyj vek. Kn. 2. G–I. SPb., 2003. S. 420–422; Bertash Aleksandr, svjashh. Efimov N. E. // Pravoslavnaja jenciklopedija. M., 2008. T. 19. S. 20–21; on zhe. Arhitektor N. E. Efimov: tvorcheskaja biografija // Nauchnye trudy. Vyp. 43. Voprosy teorii kul'tury / Institut imeni I.E. Repina SPb., 2017. S. 204–220.
  - 34 RGIA. F. 1349. Op. 5. D. 895. L. 103–112; RGIA. F. 1349. Op. 6. D. 1459. L. 25–33; Hudozhniki narodov SSSR. Bibliograficheskij slovar'. T. 4. Kn. 1. SPb., 2002. S. 72; Arhitektory-stroiteli Sankt-Peterburga serediny XIX – nachala XX veka. Pod obshh. red. B. M. Kirikova. SPb., 1996. S. 131.
  - 35 Lisovskij V. G. Peterburgskaja Akademija Hudozhestv i problemy «nacional'nogo stilja» // Problemy razvitija russkogo iskusstva. Rossijskaja Akademija hudozhestv. Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj akademicheskij institut zhivopisi,

- skulptury i arhitektury imeni I. E. Repina. Nauchnye trudy. Vyp. 8. L., 1976. S. 28–35; on zhe. Arhitektura Rossii XVIII – nachala HH veka. Poiski nacional'nogo stilja. M., 2009. S. 212–215.
- 36 Lisovskij V.G. Arhitektura Rossii XVIII – nachala HH veka. Poiski nacional'nogo stilja. M., 2009. S. 213.
- 37 RGADA. F. 1208. Op. 3. D. 133; Arhitekturnyj kompleks XI–XIX vv. Jur'ev monastyr'. Proekt restavracii. T. 1A. Ostrova E.I. Istoricheskaja spravka. Institut «Specproektrestavracija». 1980. // Arhiv Novgorodskogo Jur'eva monastyrja.
- 38 RNB. Otdel rukopisej. F. 708 (Sobko). D. 374. L. 8–15.
- 39 Davydov V. [Orlov-Davydov V. P., gr]. Putevye zapiski, vedennye vo vremja prebyvanija na Ionicheskikh ostrovah, v Grecii, Maloj Azii i Turcii v 1835 godu. Ch. 1–2; atlas. SPb., 1839–1840.
- 40 Bukeshin Gr. Imperatorskij Jermitez i ego stroitel' N. E. Efimov // Zodchij. 1902. # 16. S. 197–199; Jermitez. Istorija stroitel'stva i arhitektura zdanij. SPb., 1989. S. 224, 226, 228, 331, 380, 407–411, 414, 536; Nashhokina M.V. Antichnoe nasledie v russkoj arhitekture Nikolaevskogo vremeni. M., 2010. S. 381–383.
- 41 [Nil'skij V. V., svjashh.]. Cerkov' Nikol'skaja edinovercheskaja, chto na Zahar'evskoj ulice, izvestnaja pod imenom Milovskoj // Istoriko-statisticheskie svedenija o Sankt-Peterburgskoj eparhii. Vyp. VI. SPb., 1878. S. 169–190; Ogorodnikov S.F. Malo-Kolomenskaja cerkov' Voskresenija Hristova. SPb., 1907; Antonov V.V., Kobak A. V. Svjatyni Sankt-Peterburga. SPb., 2010. S. 90–91, 393–394.
- 42 Snessoreva S.I. Sankt-Peterburgskij Voskresenskij pervoklassnyj obshhezhitel'nyj zhenskij monastyr'. SPb., 1887; Isakova E.V., Shkarovskij M.V. Voskresenskij Novodevichij monastyr'. SPb., 2007.
- 43 Kirikov B.M. Hram Voskresenija Hristova (k istorii «russkogo stilja» v Peterburge) // Nevskij arhiv: istoriko-kraevedcheskij sbornik. M.; SPb., 1993. Vyp. 1. S. 211.
- 44 Ton K.A. Proekty cerkvej, sochinennye Arhitektorom E. I. V. Prof. K. Tonom. SPb., 1844. T. I, II.
- 45 Ton K.A. Cerkvi, sochinennye ... K.A. Tonom. SPb., 1838.
- 46 Sm., napr.: Tumanik A.G. Russkij pravoslavnyj kafedral'nyj hram. Novosibirsk, 2000. S. 208.
- 47 Sm., napr.: Tumanik A.G. Russkij pravoslavnyj kafedral'nyj hram. Novosibirsk, 2000. S. 208.
- 48 O njom: Lāce D. Jaunākie pētījumi par Vidzemes guberņas 19. gadsimta arhitektiem // Mākslas vēsture un teorija. Latvijas Mākslas akadēmijas Mākslas vēstures institūts. 2005/4. 43. – 45. lpp.
- 49 EAA, f. 291, n. 8, s. 158.
- 50 RGIA. F. 797. Op. 10. D. 27681. L. 98–100; Knjazev A.S. Pskovskaja i Rizhskaja eparhii pod upravleniem preosvjashhennogo Platona (Gorodeckogo). SPb., 1878. S. 55–56.
- 51 Istorija pravoslavija v Jestonii v fotografijah. [Tallinn, 2014]. S. 50.рия православия в Эстонии в фотографиях. [Tallinn, 2014]. С. 50.
- 52 Zapiski svjashhennika Andreja Petrovicha Poljakova ob Jejhenangerskom prihode Vol'marskogo blagochinija // Sbornik materialov i statej po istorii Pribaltijskogo kraja. T. III. Riga, 1880. S. 474–564.
- 53 Arhitektory Rossijskoj imperii s nachala XVIII v. do 1917 g. Biograficheskij slovar'. T. 1 «A». M., 2007. S. 64. Avtor proekta perestrojki doma prichta pri Uspenskoj cerkvi (sobore) v Tartu (RGIA. F. 796. Op. 16. D. 38553 (1846–1857).
- 54 LVVA. 10. f., 1. apr., 1014. l.
- 55 EAA, f. 298, n. 1, s. 23.
- 56 Shhenkov A. S. Arhitektura hramov 1830–1910-h godov // Arhitektura russkogo pravoslavnogo hrama. M., 2013. S. 320–321.
- 57 EAA, f. 291, n. 8, s. 1511, l. 21.
- 58 EAA, f. 291, n. 8, s. 1511, l. 3, 15.
- 59 EAA, f. 291, n. 8, s. 1511, l. 9.
- 60 EAA, f. 291, n. 8, s. 1511, l. 21.
- 61 EAA, f. 298, n. 1, s. 23, l. 70.
- 62 EAA, f. 1655, n. 2, s. 952.
- 63 EAA, f. 46, n. 2, s. 394.
- 64 EAA, f. 298, n. 1, s. 23.
- 65 EAA, f. 298, n. 1, s. 16; n. 2, s. 258.
- 66 EAA, f. 291, n. 8, s. 1511, l. 84–85, 89–90, 92.
- 67 EAA, f. 291, n. 8, s. 1511, l. 66; 76, 122.
- 68 Lāce Daina. Jaunākie pētījumi par Vidzemes guberņas 19. gadsimta arhitektiem // Mākslas vēsture un teorija. Latvijas Mākslas akadēmijas Mākslas vēstures institūts. 2005/4. 47. – 49. lpp.
- 69 EAA, f. 291, n. 8, s. 1583.
- 70 RGIA. F. 797. Op. 21. D. 47030; Obozrenie cerkvej preosvjashhennym Arseniem, episkopom Rizhskim i Mitavskim, v 1890 godu. Riga, 1891. S. 49, 51.
- 71 EAA, f. 5256, n. 1, s. 283.
- 72 Gavrilin A.V. Ocherki istorii Rizhskoj eparhii. XIX vek. Rīga, 1999; Knjazev A.S. Pskovskaja i Rizhskaja eparhii pod upravleniem preosvjashhennogo Platona (Gorodeckogo). SPb., 1878. S. 56.
- 73 CGIA SPb. F. 184. Op.1. D. 501; Soklakov K. Apollon Jedel'son // Izvestnye rzhane i gosti Rigi. <https://rigenser.wordpress.com/2015/03/05/apollon-jedel'son/> Data obrashhenija: 6.12. 2017; Bertash Aleksandr, prot. «Rizhskaja shkola» v

- hramostroitel'stve Pribaltijskogo kraja 1870–h gg. // Pravoslavie v Baltii. # 4 (13). Riga, 2016. S. 9–32.
- 74 RGIA. F. 796. Op. 141. D. 2654. Ch. 71. L. 1–5.
- 75 Vejmarn F. Materialy dlja geografii i statistiki Rossii. Lifljandskaja gubernija. SPb., 1864. S. 266, 273.
- 76 EAA, f. 1655, n. 2, s. 958, l. 4.
- 77 Infant'ev B.F. Janis Licis, ego «Zapiski pravoslavnogo latysha» i «Letopis' Aderkashskoj cerkvi» // Pravoslavie v Latvii. 3. Riga, 2001. S. 14–15, 19–22.
- 78 LVVA. 4754. f., 2. apr., 225. l., 282. lp.
- 79 Muinsuskaitseameti projektdokumentide arhiiv (Tallinn). № A–1898.
- 80 Kalnačs J. The heritage of religious architecture and art in Valmiera district. Rīga, [2010]. 98.–103. lpp.
- 81 Obozrenie cerkvej, shkol i prihodov preosvjashhennym Arseniem, episkopom Rizhskim i Mitavskim v 1891 g. Riga, 1892. S. 26.
- 82 IIMK. Rukopisnyj arhiv. F. 4. Op. 1. D. 944. L. 2–3 ob.
- 83 Zhorin M.V. Neskol'ko slov po sluchaju osvjaschenija sv. hrama 18-go dekabnja 1873 goda, nahodjashhegosa Jestljandskoj gubernii, Vezenbergskogo uezda v sele Syrence. SPb., 1875; Maas Ivan Petrovich // Kalendar' Jaroslavskoj gubernii 1894 g. Jaroslavl', 1893; Prinarov'e <http://www.narova.eu>.
- 84 RGIA. F. 796. Op. 141. D. 2654. Ch. 71. L. 1–5.
- 85 CGIA SPb. F. 1883. Op. 1. D. 254.
- 86 Knjazev A.S. Pskovskaja i Rizhskaja eparhii pod upravleniem preosvjashhennogo Platona (Gorodeckogo). SPb., 1878. S. 57–59.
- 87 Cerkovno-stroitel'nye nuzhdy Rizhskoj eparhii // Cerkovnye vedomosti. 1895. # 26.
- 88 Knjazev A.S. Pskovskaja i Rizhskaja eparhii pod upravleniem preosvjashhennogo Platona (Gorodeckogo). SPb., 1878. S. 59.
- 89 Lejsman N.A., svjashh. Sostojashhee pod Vyschajshim pokrovitel'stvom Ee Imperatorskogo Velichestva Gosudaryni Imperatricy Pribaltijskoe Pravoslavnoe Bratstvo Hrista Spasitelja i Pokrova Bozhiej Materi. Riga, 1892. S. 15; Lejsman N.A., prot. Sud'ba pravoslavija v Lifljandii s 40-h do 80-h godov XIX stoletija. Riga, 1908. S. 88.
- 90 Izvlechenie iz otcheta po Vedomstvu duhovnyh del pravoslavnogo ispovedanija za 1869 g. SPb., 1870. S. 51–52.
- 91 Istoriko-statisticheskie svedenija o Rizhskoj eparhii. Vyp. 2. Ch. 1. Riga, 1895. S. 140.
- 92 Malyškin I. P. Vysokopreosvjashhennyj Donat. Riga, 1895. S. 74.
- 93 Vysockij I.I. Očerki po istorii ob»edinenija Pribaltiki s Rossiej (1710–1910 gg.). Vyp. 3. Pravoslavie. Ch. 2. Riga, 1910. S. 17–19.
- 94 Očerok 25-letnej dejatel'nosti Rizhskogo Petropavlovskogo Bratstva. Riga, 1892. S. 8.
- 95 Samarin Ju.F. Okrainy Rossii. Serija pervaja: Russkoe Baltijskoe pomor'e. Vyp. 1. Praga, 1868. S. 61; Vysockij I.I. Očerki po istorii ob»edinenija Pribaltiki s Rossiej (1710–1910 gg.). Vyp. 2. Pravoslavie. Ch. 2. Riga, 1910. S. 4–5, 14.
- 96 LVVA. 4754. f., 1. apr., 4. l.
- 97 Aleksij II (Ridiger), patriarh. Pravoslavie v Jestonii. M., 1999. S. 267–273.
- 98 CGIA SPb. F. 19. Op. 23. D. 44; Berens V., prot. Istoriko-statisticheskoe opisanie... Jestonskaja eparhija. Tallin, 1974. S. 313–314.
- 99 EAA, f. 33, n. 1, s. 1378.
- 100 Muinsuskaitseameti projektdokumentide arhiiv (Tallinn). # A–1738; Podekrat G., svjashh. K 50-letiju sushhestvovanija Vejsenshtejnskogo prihoda // Rizhskie eparhial'nye vedomosti. 1912. # 19. S. 602–607; Aleksij II (Ridiger), patriarh. Pravoslavie v Jestonii. M., 1999. S. 261–264. Podrobnее sm.: Bertash A.V. Stroitel'stvo i arhitektura pravoslavnyh hramov v Jestljandskoj gubernii v carstvovanija imperatorov Nikolaja I i Aleksandra II // Dom Burganova. Prostranstvo kul'tury. M., 2017. # 4. S. 68–78.
- 101 Rittih A.F. Materialy dlja jetnografii Rossii. Pribaltijskij kraj. XV, XVI, XVII. SPb., 1873. S. 26, 41–47.

Михаил Шкаровский (Россия)
Mikhail Shkarovsky (Russia)

Спасо-Преображенский Валаамский монастырь на территории Финляндии в 1940-е годы

Valaam Monastery of the Transfiguration of the Saviour in Finland in 1940ies

На 1940-е гг. пришлось наиболее тяжёлые испытания в многовековой истории Валаамского монастыря, вызванные бедствиями советско-финской и Великой Отечественной войн, эвакуацией с острова, скитаниями по Финляндии и другими тяжёлыми обстоятельствами. Однако братия монастыря выдержала эти бедствия и сохранила обитель, хотя и на новой территории. К 1940 г. Валаамский монастырь относился к Финляндской Православной Церкви, которая после отделения Финляндии от России, 11 февраля 1921 г., получила автономию от Московского Патриархата. Но 6 июня 1923 г. она была принята с правами широкой автономии в Константинопольский Патриархат. В межвоенный период Финляндская Православная Церковь значительно окрепла и выросла численно – с 55 тысячами верующих в 1920 г. до 81 тысяч, в том числе 65 тысяч финнов, в 1940 г. Она состояла из двух епархий – Карельской (16 приходов) и Выборгской (13 приходов), окормляемых 50 священниками, и имела четыре монастыря – Валаамский (около 200 насельников, в том числе 53 свя-

щенноинока), Коневский (32), Печенгский (17) и женский в Линтуле (44 насельницы). Резиденция главы Церкви – архиепископа Германа (Ава, 1878-1961) находилась в Сортавале (Сердоболе), там же в 1918 г. была открыта Духовная семинария.¹

При этом Валаамский монастырь в межвоенный период пережил серьёзные внутренние потрясения. В 1925-1926 гг. за приверженность старому стилю из него были исключены 42 монашествующих. К 1925 г. в обители осталось приблизительно 400 насельников, из них 70 иеромонахов и 40 иеродиаконов. Кроме того, около 100 наёмных рабочих разрабатывали лес. Большую часть из них составляли православные карелы, приходившие перед женитьбой помолиться на Валаам и потрудиться в обители, в соответствии с их традициями. Прачечной и огородами занимались 25 паломниц, оставшихся на острове и образовавших своеобразную свою «монашескую общину». Из-за сокращения братии приходилось закрывать скиты (остались лишь Предтеченский, Тихвинский и Всесвятский).

Валаамская обитель всё же продолжала оставаться духовно-просветительским центром страны. Здесь созывались съезды клира и мирян. В Воскресенском скиту, 20 сентября 1931 г., произошло открытие и освящение детского приюта для мальчиков из бедных православных семей Карелии. Около 30 мальчиков жили на втором этаже келейного корпуса и имели возможность обучаться по курсу народной школы, а также церковному чтению и иконописи. В 1930-е гг. под руководством иконописцев отцов Фотия и Досифея, ученики иконописной школы выполнили большую часть реставрационных работ по живописи собора. В двух храмах обители совершалось непрерывное чтение Псалтири с поминовением усопших. Несмотря на значительные изменения в монастырской жизни, сохранялись традиции старчества, особенно был известен своей высокой духовной подвижнической жизнью, с 1932 г. живший на Предтеченском острове, схиигумен Иоанн (в миру Иван Алексеевич Алексеев, 1873-1957), по некоторым сведениям – тайный епископ.²

К началу 1930-х гг. конфликт братии Валаамского монастыря с руководством Финляндской Церкви по календарному вопросу был в основном преодолен, и она подчинилась церковному управлению. 27 марта 1933 г. прежний игумен Павлин (в миру П.Т. Мешалкин) был уволен на покой с возведением в сан архимандрита (он скончался 5 ноября 1935 г., приняв накануне схиму с именем Павел). Новым настоятелем был избран прежний наместник монастыря иеромонах Харитон (в миру Х.Н. Дунаев, 1872-1947), возведённый в 1933 г. в сан игумена. В 1930 г. в обители насчитывалось 204 насельника, она имела единственное подворье в Сортавале, хозяйственными делами которого с 1927 по 1939 гг. заведовал иеромонах Михей. В 1937 г. 146 монахов и послушником обладали финляндским гражданством и 147 –

не имели его. Для русских эмигрантов, не получивших гражданства Финляндии или вида на жительство, вступление в общину было запрещено. Финский язык стал преобладающим при преподавании в основанной в 1930 г. школе-приюте при монастыре. Братия поддерживала связи с деятелями русской эмиграции, в том числе с Первоиерархом Русской Православной Церкви за границей митрополитом Антонием (Храповицким) и великим князем Николаем Николаевичем Романовым, который в 1915 г. основал Смоленский скит на Валааме и имел в монастыре личного духовника иеросхимонаха Ефрема (Хробостова, 1871-1947).³

Валаамская братия оказывала помощь ряду эмигрантских приходов церковной утварью и богослужебной литературой. Монастырская библиотека насчитывала в 1930-е гг. около 30 тысяч томов и была богатейшим книгохранилищем в Финляндской Православной Церкви. Некоторые насельники писали религиозные произведения и принимали участие в издании церковного печатного органа «Утренняя заря». В эти годы силами монастыря возобновилась книгопечатная деятельность. В 1936 г. был издан сборник поучений святых отцов о молитве Иисусовой, составленный игуменом Харитоном.⁴

Экономическое положение монастыря в 1930-е гг. стабилизировалось. При этом значительная часть жилых и хозяйственных построек была взята в аренду гарнизоном финляндской армии, который создал три мощных оборонительных укрепления. Как и раньше, в конце 1920-х – 1930-е гг. Валаамский монастырь притягивал к себе потерявших родину русских эмигрантов. В летнее время обитель посещали паломнические группы из Эстонии и различных регионов Финляндии, с одной из таких групп на Валаам приехал из Таллинна священник Михаил Ридигер с маленьким сыном Але-

шей, в будущем Патриархом Московским и всея Руси Алексием II. Число паломников и туристов постоянно росло, достигнув в 1938 г. 20959 человек. На остров их перевозили три монастырских парохода: «Святой Сергей», «Валаамский монастырь» и «Большая медведица». Кроме того, братия принимала на жительство беженцев из Советской России, в феврале 1938 г. в монастыре проживали 43 беженца: 17 русских и 26 карелов.⁵

К осени 1939 г. советско-финляндские отношения заметно осложнились, и в сентябре финские войска, дислоцированные на Валааме, были приведены в боевую готовность, а семьи военнослужащих эвакуированы в глубь страны. В это время игумен Харитон писал в своем дневнике: «Грозные тучи надвигались над Валаамом. Провизия и хлеб взяты на учёт, запас которых был всего на два года. Пароходы, моторы и большая часть лошадей переходили в ведение военного гарнизона. Семьи военных оставили Валаам, и нам предлагалось добровольно эвакуироваться, однако мы отказались. Не раз я беседовал на трапезе с братией о создавшемся положении и о причинах отсутствия мира на земле, о котором возвестили Ангелы при Рождестве Христовом. Этот мир особенный, не такой, какой даёт мир (Иоанн. 14, 27). Мир людей святых и искупленных от греха. Грешники не имеют мира ни с Богом, ни между собою (Исаия 48, 22), а бывающий мир между ними есть вражда против Бога...».⁶

12 октября перестали звонить колокола обители. Игумен Харитон отмечал в дневнике: «Октябрь 1939 года. Вот уже приблизились грозные тучи к Валааму, колокола которого давно замолкли для призыва на молитву, а теперь только служат сигналами, возвещающими налёт аэропланов, и мы избрали и от этих воздушных врагов укрываться в храме, который и служит для нас убежищем».⁷

30 ноября 1939 г. СССР объявил Финляндии войну, продлившуюся 105 дней. Валаамский архипелаг не являлся местом военных действий, но обитель не раз подвергалась бомбардировкам, в частности, советские самолеты начали бомбить Валаам уже 5 декабря. 20 декабря по предписанию полиции, первые 70 валаамских монахов, не имевших финляндского гражданства, в основном старостильники (часть братии сохранила верность юлианскому календарю, после того как Финляндская Церковь в 1921 г. перешла на григорианский), переселились в глубь Финляндии в местечко Каннокоски. Там их временно разместили в зданиях пяти народных школ; в больших классных комнатах были сколочены нары, на 60 человек в каждом помещении, но некоторые спасли прямо на партах. Крайние бытовые неудобства и лишения стали серьёзным испытанием для престарелых иноков, привыкших к одиночным келиям, во время тяжёлого пути и проживания в Каннокоски десятая часть братии погибла.

При этом настоятель монастыря игумен Харитон старался как можно дольше оттянуть выселение, надеясь, что ситуация изменится. В конце 1939 – начале 1940 гг. с острова вывезли 136 человек, насельников и богомольцев, в монастыре остались лишь 85 человек, имевших финляндское гражданство. Оставшиеся монахи тушили пожары после взрывов и укрывались в нижнем храме центрального собора Преображения Господня, при налётах советской авиации, который остался невредимым, несмотря на ожесточённые бомбардировки. Лишь одна бомба взорвалась рядом с колокольной, поэтому в соборе вылетело большинство стёкол, ещё одна бомба упала в нескольких метрах от главного входа в собор, но взрыва не произошло.⁸

Наибольшему разрушению монастырь подвергся в результате бомбардировок 2 и 4 февраля, когда Валаам в несколько заходов

бомбили более 70 советских самолетов. От прямого попадания в больничную церковь Живоносного источника загорелось северное крыло братского корпуса. В результате сгорела большая часть монастырского каре, монахи даже хотели взорвать перемышку между двумя зданиями, чтобы остановить пожар, угрожавший библиотеке и архиву, но, к счастью, огонь удалось потушить и без этой меры. Несколько насельников пострадали от осколков бомб.

В письме одного из очевидцев этих событий говорилось: «В начале февраля Валаам подвергся чрезвычайно грозной бомбардировке со стороны советской авиации. Бомбы сыпались как град, разрушая здания, и, вызывая пожары, гасить которые не было никакой возможности. Оставшиеся в монастыре монахи, во главе с настоятелем о. Харитоном, в своё время отказавшиеся от эвакуации, после этого жестокого вражьего налета вынуждены были оставить монастырь и поздно ночью по замёрзшему озеру на грузовиках перекочевали на материк Финляндии. С грустью оставляли своё пепелище иноки. Со слезами на глазах рассказывают они о своих переживаниях. Всё это время монахи совершали в церкви богослужения, несмотря на воздушные налёты. В один из таких налётов адских птиц (так называют монахи самолёты) на церковь во время службы была брошена зажигательная бомба. Церковь стала гореть, и монахи были вынуждены выйти и закончить богослужение на открытом воздухе».⁹

5 февраля 1940 г. экстренно была эвакуирована с Валаама оставшаяся братия во главе с игуменом Харитоном, и в Каннокоски собрались почти все насельники в количестве 205 человек, для многих из них расставание с Валаамом было трагедией, не все смогли пережить переезд. В монастыре для присмотра за имуществом остались: помощник эконома монах Симфориан, капитан парохода «Сергий» монах Иракий,

послушник Владимир Кудрявцев, инженер и два иеромонаха Петр и Павел. Эвакуацией монастыря лично занимался маршал К.Г. Маннергейм, в частности, он приказал выделить несколько десятков грузовиков для перевозки монастырского имущества с острова на материк по льду Ладожского озера.¹⁰

Эвакуация была очень тяжёлой, часть имущества утонула в полыньях, покрывавших уже нетвёрдый мартовский лёд, другая часть с машин и подвод упала на лёд. По воспоминаниям местных жителей, трасса была чуть ли не усыпана церковной утварью. Но большую часть монастырского имущества и главные святыни удалось вывезти, в том числе часть Гроба Господня, гробницу преподобных Сергия и Германа, чудотворную Валаамскую икону Божией Матери (середины XIX века), старинную новгородскую икону Знамени Божией Матери XVII века, чудесным образом явленную Тихвинскую икону Божией Матери (XVIII века), весившее более 800 килограммов бронзовое паникадило (центральную люстру) из Спасо-Преображенского собора, иконостас из нижнего храма собора, картины, часы, облачения, церковную утварь, огромную уникальную библиотеку (29 тысяч книг), большую часть архива и 40 колоколов. Вывезенная на финских военных машинах наиболее ценная и обширная часть архивных документов (из Валаамского древлехранилища и монастырской канцелярии) была переправлена в г. Миккели и размещена в здании Земельного городского архива, где пребывала до 1970-х гг. (ныне в Архиве Ново-Валаамского монастыря). Небольшая часть монастырского архива (из канцелярии и личных архивных фондов насельников) осталась на месте и в 1940 г. была передана в секретное хранилище Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (ныне эти документы хранят-

ся в Национальном архиве Республики Карелия в Петрозаводске). Самый тяжёлый 1000-пудовый колокол святого апостола Андрея Первозванного (Валаамский благовестник) пришлось оставить, и позднее советские солдаты сбросили его на землю и разбили.

Вместе с братией с Валаама был эвакуирован известный духовный писатель, протоиерей Сергей Четвериков. Полюбив после первой своей поездки в 1930 г. Валаамский монастырь, он в дальнейшем неоднократно ездил туда для литературной и духовной работы. В 1939 г. он, как обычно, отправился на Валаам, но не смог вернуться в Западную Европу из-за начавшейся советско-финской войны. После эвакуации в сочельник 1940 г. о. Сергей сначала жил во временном помещении монастыря, а потом, чтобы не обременять братию – ему было уже 73 года – переехал в Хельсинки, где с декабря 1940 г. служил некоторое время в русском Никольском храме, после чего перебрался к своему сыну Феодосию Сергеевичу Четверикову в Братиславу (Словакия), где и скончался 29 апреля 1947 г.

13 марта 1940 г. валаамские иноки по радио узнали, что 12 марта был подписан мирный договор между воюющими сторонами, по которому Финляндия передала СССР Карельский перешеек с г. Выборг, побережье Ладожского озера, ряд островов в Финском заливе, территорию в районе г. Куолаярви и часть полуостровов Рыбачий и Средний в Баренцевом море. По договору жителям давалось несколько дней для отъезда вместе с имуществом с передаваемой территории в Финляндию. На следующий день по благословению игумена Харитона, для эвакуации монастырского имущества, в обитель выехал наместник монастыря иеромонах Исаакий, который позднее писал: «18-го эвакуация имущества подходила к концу... Дав распоряжение монаху Симфониану, чтобы сделали двадцать четыре ред-

ких удара в Андреевский тысячпудовый колокол в знак умирающей Валаамской тысячелетней обители, я вынес благоговейно из собора престольные мощи и настоятельский посох – символ игуменской власти, и выехал с Валаама. Колокол печально прозвучал, возвещая смерть обители».¹¹

По итогам войны 55 тысяч православных финнов и карел из 18 приходов были вынуждены эвакуироваться вглубь страны (всего с переданных Советскому Союзу территорий эвакуировали 430 тысяч человек – более 10 % населения страны). Три монастыря из четырёх, в том числе Валаамский, оказались утрачены, их насельники также эвакуировались, две трети церковного имущества были утрачены.¹² Духовная семинария и Выборгский епископ переехали в Хельсинки, а архиепископ Герман в г. Куопио. «Православная Церковь лишилась почти всех своих земельных наделов. В Сердоболе осталась и вся общецерковная библиотека в 12 000 томов. Только 6% своего имущества приходы и монастыри имели возможность спасти».¹³

В Финляндии было запрещено открывать новые монашеские обители и переселившаяся вглубь страны валаамская братия сохранила юридическое лицо старого, или «Ладожского», Валаамского монастыря, что впоследствии неоднократно подчёркивалось в различных обращениях и документах. Таким образом, всё имущество и средства прежней обители перешли к власти. В конце 1940 г., по совету президента Финляндии Рюти, братия монастыря купила небольшое поместье Паппиниеми, основанное в начале XIX века и расположенное в сельской местности (коммуне) Хяйнавеси. Это имение ранее когда-то принадлежало министру сельского хозяйства Финляндии, а затем трём братьям, которые после длительных переговоров согласились его продать. Когда осматривали постройки, в одной из комнат неожиданно обнаружили

икону преподобных валаамских чудотворцев Сергия и Германа. Хозяева поместья были лютеране, и никто не мог объяснить, как попала туда православная икона (видимо, привезённая с Валаама). Это так и осталось загадкой, но решило выбор, монахи усмотрели в этом событии чудесное указание самих валаамских святых.

28 июля 1941 г. правление монастыря разместились в главном усадебном доме, и игумен Харитон смог перевести в Паппиниemi первую партию из 13 иноков. Вскоре из старой конюшни были сооружены первые 36 келий для монахов, затем в братский корпус переделали людскую. Имение с многочисленными хозяйственными постройками и 350 гектарами земли, из которых 50 составляли пашни, обошлось монастырю в 2885 тысяч финских марок, а строительство и ремонт, продлившиеся до 1 января 1941 г., – еще в 831 086 марок.¹⁴ Соотношения новостильного и старостильного братства на тот момент было 110 на 70.

Между тем, на бывшей родине валаамские монахи были объявлены изменниками и врагами советской власти, их считали белогвардейскими беженцами, которые распространяют враждебную пропаганду против Советского Союза. Финляндская пресса даже писала (несколько сгущая краски), «что, если кто из Валаамских монахов попадёт в руки русских, их расстреляют».¹⁵ «Мы по национальности русские люди, и нам было очень прискорбно, что всё так получилось. Теперь вопрос был поставлен ребром: куда мы бедные денемся?» – позднее вспоминал валаамский насельник игумен Нестор (Киселенков) о межвоенном периоде.¹⁶

Мирная передышка в советско-финляндских отношениях была недолгой. В первые месяцы Великой Отечественной войны финские войска заняли часть Карелии (с населением свыше 80 тысяч человек) и Ленинградской области. Архиепископ

Герман вернулся в Сортавалу и приступил к осуществлению бывших у него миссионерских и националистических планов. В это время Финляндское Церковное управление увлеклось идеей просвещения и финнизации восточных карел и обращения их от большевистского атеизма. Православные военные священники (в том числе, призванные с Валаама) служили в Восточной Карелии под началом лютеранских войсковых епископов.¹⁷ В сентябре 1941 г. миссионерская работа в Карелии уже велась 6 представителями православного военного духовенства и, кроме того, 30 священниками, монахами, диаконами и 6 обученными мирянами.¹⁸

В Сортавале архиепископ Герман летом 1943 г. освятил восстановленную городскую Никольскую церковь, в этот день на торжественное архиерейское богослужение прибыли богомольцы из различных районов Карелии. Кроме того, в Сортавале возобновились богослужения в Никольской церкви на Валаамском подворье и домовом храме Духовной семинарии. Открывались храмы и на оккупированных «старых» советских территориях. Так, в Петрозаводске вновь стали действовать две недавно закрытые церкви – Екатерининская и Крестовоздвиженская, в последней служил пострижник Валаамского монастыря иеромонах Павел (Олмари, до 1927 г. – Гусев, 1914-1988) – будущий преемник архиепископа Германа в качестве предстоятеля Финляндской Православной Церкви.¹⁹

В целом к концу 1943 – началу 1944 гг. в Карелии открылось около 40 православных храмов. Однако богослужения, как и восстановленное преподавание Закона Божия, проводились на финском языке. На Карельском перешейке и в Подпорожском, Вознесенском, Лодейнопольском районах Ленинградской области возобновили своё функционирование примерно 20 православных храмов. Служили в них, как и в

карельских, в основном финские священники (в том числе военные), поминавшие на богослужениях архиепископа Германа и президента Финляндии Р. Рюти, а также отдельные иеромонахи Валаамского монастыря.²⁰ Но это были, скорее, исключения. В целом братия Валаамской и Коневской обителей отказалась участвовать в политизированной «Карельской Миссии», так как она имела ложную основу – «финнизацию» карел. Братия сослалась на то, что это не монашеское дело, поскольку инокам надо пребывать в монастыре.

По данным на 30 июня 1942 г. в оккупированной части Карелии насчитывалось 4069 человек, состоявших в православных общинах, и 665 – в лютеранских. К этому времени в финских частях здесь служили 11 лютеранских военных священников и 14 их помощников, а также 6 православных и 7 их помощников. Все они имели воинские звания и вне храма носили мундир. Восстановления приходской жизни в полном объёме не произошло. «Восточная Карелия» не была окончательно включена в состав Финляндской Православной Церкви, руководство которой считало это неуместным до конца войны и заключения мирного договора. Поэтому ни разу архиепископ Герман не выезжал за границы 1940 г.²¹

Ни один из трёх закрытых в 1940 г. монастырей Финляндской Православной Церкви полностью возрождён не был, хотя в отношении Валаамской и Коневской обителей такие попытки предпринимались. После того как монахи ушли с Валаама, на нём были устроены школа юнг и военная база. Церковные здания использовались под хозяйственные нужды, многие оставшиеся иконы были испорчены, стены храмов покрыты антирелигиозными надписями, на монашеских могилах и церковных главках свёрнуты кресты. 19 сентября 1941 г. советский гарнизон оставил архипелаг, и 21 сентября финские войска, после про-

ведённой воздушной разведки, заняли его без боя, что спасло монастырские храмы от разрушения. Сразу начались работы по укреплению обороны острова: были привезены артиллерийские орудия, на мысу Чёрный нос установили новую батарею. Части, дислоцированные на Валааме, не принимали участия в военных действиях. В 1941-1944 гг. не было и бомбардировок островов. Лишь дважды в этот период советские корабли приближались к Валааму, но каждый раз поворачивали обратно, опасаясь попасть под удар артиллерии.

Вскоре после высадки финских солдат на острова один из русских эмигрантов в Финляндии написал в редакцию газеты «Православная Русь»: «В воскресенье 8-21 сентября, т.е. в день праздника Рождества Богородицы, финские войска заняли Валаам. Большевики очистили его без боя. Это большое счастье, т.к. благодаря этому Валаам избежал того разрушения, которому подверглась остальная Карелия, на пространстве которой шли жестокие бои. Большевики взорвали там всё, что было сколько-нибудь важно в военном отношении. На Валааме собор уцелел, за исключением стекол, которые все выбиты... Во время своего владычества большевики устроили в соборе коммунистический клуб со сценою на амвоне, о чём свидетельствует ряд скамеек по всему храму. В нижнем храме все стены были покрашены, но иконостас церкви просвечивает сквозь светлую краску. Все кресты и купола целы. Некоторые помещения для братий были, по-видимому, даже отремонтированы, так как места ещё не сняты леса. Все вещи и пожитки свалены в кучу во дворе. Лавка с монастырскими памятками цела... Также целы Гефсимания, Иерусалимский храм, Елеонская часовня. Пристань разрушена и сожжена, а также все здания на берегу. Старая гостиница взорвана. Потоплен монастырский пароход «о. Сергей». В

период советского владычества на Валааме находилась школа для моряков».²²

Через месяц после высадки финских войск на Валаам несколько бывших насельников монастыря во главе с настоятелем игуменом Харитонем совершили недельную поездку на острова. 20 октября они осмотрели почти неповреждённое монастырское подворье в г. Сортавала и 21 октября прибыли на Валаам, застав монастырь разорённым. На следующий день монахи отслужили молебен преподобным Сергию и Герману Валаамским и Божией Матери в Спасо-Преображенском соборе, который ранее использовался под клуб советской военной базы. 28 октября насельники покинули острова, вернувшись к остальной братии, проживавшей в местечке Папинниemi.²³ 22 ноября 1941 г. игумен Харитон послал пять иноков во главе с иеромонахом Филагрием для приведения в порядок монастырского хозяйства.

Находившийся относительно недалеко от линии фронта Валаам почти весь период войны занимали финские войска, и поэтому обитель не была возрождена во время войны. Правда, летом 1942 и 1943 гг. семеро монахов всё же приезжали на архипелаг и периодически служили в монастырских храмах. В журнальной статье, сообщавшей о поездке игумена Харитона на Валаам в августе 1942 г., приводились следующие подробности о состоянии храмов обители в то время: «Церковь Смоленского скита приведена в известный порядок, так что там могла быть отслужена литургия. Коневский скит сильно разрушен. Впрочем, церковь вовне невредима, и на колокольне висят все колокола, кроме одного. Разрушена церковь только внутри. В скитах «Святом» и «Ильинском» церкви и домики стоят почти неповреждёнными, иконостасы и образа в церквях целы, только запрестольные иконы в обеих церквях кощунственно испорчены. В скиту «Предтечи» все домики стоят с разбиты-

ми стёклами и с некоторыми внутренними повреждениями, церковь цела, иконостас и образа почти не повреждены. Церковь на Германском полуострове сохранилась, хотя стоявшие кругом неё постройки все сгорели. Внутри церковь сильно пострадала порчею иконостаса и образов; все колокола увезены. В Сергиевском скиту церковь уцелела, но внутри видны небольшие повреждения иконостаса. Колокола увезены, все деревянные постройки, кроме бани, остались целы. В Тихвинском скиту каменная церковь разрушена, и все без исключения деревянные постройки сожжены. Монастырский соборный храм Преображения Господня вполне цел, за исключением небольших повреждений. Разбитые стёкла его заменены фанерой и папкой, поглощающей свет. Два нижних яруса иконостаса так же, как царские врата, отсутствуют, ибо при эвакуации монастыря были увезены братией и ныне находятся в Папинниemi».²⁴

Летом 1942 г. на Валааме жила небольшая группа иноков во главе с экономом обители. Они занимались сельским хозяйством, охраной церковей и других зданий, главным образом, соборного храма. Но возобновить монастырь на прежнем месте не удалось, слишком много было разрушений, мешали также занимавшая большую часть зданий финская воинская часть и близость линии фронта. Уезжая обратно на материк, монахи забрали некоторые оставленные в обители при эвакуации 1940 г. святыни, в том числе повреждённый штыком советского солдата список Валаамской иконы Божией Матери (сейчас он находится в церкви Всех святых Валаамских). В своей статье 1941 г. о посещении острова игумен Харитон привел следующие строки:

«О, Валаам, многострадальный,
О страстотерпец, Валаам,
Опять удел судьбы печальный
Пришёл к святым твоим местам.

Опять ты ранами покрытый
Стоишь безмолвный и пустой,
Полуразрушенный, избитый,
Но тот же дивный и святой.

Уж ты для нас необитаем,
И мы, насельники твои
Осиротелые блуждаем,
Как без отца и без семьи...

О, Валаам, пример терпенья,
Ты не угаснешь до конца,
Невольной верою согреты
Опустошённые сердца:

За безграничное смиренья
Тебя, как Господа Христа,
Ждёт также радость Воскресенья
За всю безропотность креста».²⁵

Следует отметить также, что отец Харитон в годы войны вёл дневник, а в 1943 г. написал и издал свою книгу «Аскетизм и монашество» (скончался он 27 октября 1947 г., приняв незадолго до смерти схиму с именем святителя Харитона Исповедника, и был похоронен на кладбище Нового Валаама).

20 июня 1944 г. группа валаамских монахов, после очередного посещения, должна была покинуть родную обитель, и на этот раз навсегда. Военные подразделения финляндской армии, общая численность которых составляла не менее двух тысяч человек, оставили архипелаг 19 сентября 1944 г. Некоторые сохранившиеся на острове финские фортификационные сооружения до сих пор напоминают о событиях Великой Отечественной войны.

В июне – сентябре 1944 г. Карелия и северная часть Ленинградской области были освобождены от оккупации. Почти все финские священники, избежав репрессий, ушли с отступавшими войсками, и большинство приходов осталось без духовенства. Впрочем, некоторые финские священнослужители всё-таки подверглись аресту. Показательна в этом плане судьба иеромонаха Иоанна (в миру Петра Матси,

1906-1960). Он состоял в братии Валаамского монастыря, учился в Сердобольской (Сортавальской) Духовной семинарии, в 1935 г. принял монашеский постриг в Сербии, но в начале советско-финской войны 1939-1940 гг. был призван в Финляндию в действующую армию в качестве полкового священника с приписанием к братии Коневского монастыря, затем с 20 декабря 1941 по 16 июня 1944 гг. служил районным священником на полуострове Заонежья. С июня 1944 г. о. Иоанн некоторое время был священником при лагере советских военнопленных в Финляндии, но в 1945 г. оказался арестован МГБ и осуждён. До июля 1955 г. он отбывал срок в воркутинских и мордовских лагерях и только 7 августа 1955 г. был освобождён и выслан в Финляндию после вмешательства финского правительства (в дальнейшем о. Иоанн служил в русских храмах Франции, где и скончался).²⁶

Валаамский монастырь в военные годы пережил серьёзный кризис, связанный с организацией жизни братства на новом месте. Трудности были очень большие, но игумен Харитон вспоминал в 1942 г. «заботливое отношение и помощь военных чинов..., к которым обращались [монахи] со своими нуждами и всегда находили в них опору справедливости». «Центр Финляндии Каннонкоски», – писал в дневнике игумен, – «нас встретил с христианской любовью: обогрели, накормили, разместили, старались во всех нуждах помочь нам... Эта теплота христианской любви ещё более зажигала любовь к Финляндии, где мы прожили почти всю жизнь и сделались ее гражданами. Ввиду потери... для нас Валаама, нас приглашали тогда переселиться в Америку и в другие страны, я отвечал тем и другим: «Пока наша Финляндия свободна, мы никуда не поедем, будем разделять радости и горе вместе»». И, хотя не обошлось без конфликтов, – 6 февраля 1942 г. игумен описал проблемы, связанные с обвинением

в незаконной продаже монастырского имущества за границу, оказавшемся подстроенным финскими чиновниками, в результате чего братию допрашивали, грубо осматривали вещи и одежду – у отца Харитона это не вызвало разочарования в общей справедливости законов Финляндии и добропорядочности её граждан.²⁷

Действительно, финское население радушно отнеслось к переселенцам, и братия решила остаться в местности Хяйнавеси, возникшая здесь обитель получила название Новый Валаам. Этот уголок Финляндии напоминал монахам Валаамский архипелаг: живописное озеро Юоярви (самое высокое и чистое в Финляндии) со старыми деревьями на берегу, заливы, леса, луга и скалы. Поначалу у монастыря не было храма, и первую церковь Преображения Господня летом 1941 г. устроили, соединив два деревянных сарая. По указанию духовника монастыря с 1925 г. схииеромонаха Ефрема (Хробостова) был сделан иконостас, и начались богослужения на церковно-славянском языке, для которых использовали привезённые с собой с Валаама иконы и церковную утварь (часть утвари и колоколов раздали в другие православные храмы Финляндии). Уже в августе 1941 г., к празднику Преображения Господня в Новый Валаам по каналу из г. Куопио приплыла первая группа русских православных паломников. Позднее на третьем – верхнем этаже усадебного дома была устроена домовая церковь для православных финнов, где богослужения шли на финском языке. Для устройства хозяйства купили шесть лошадок, несколько коров, открылись мастерские. Жизнь монастыря стала постепенно налаживаться.²⁸

Осенью 1943 г. к валаамской братии присоединились шестеро эвакуированных с Кольского полуострова насельников Трифоно-Печенгского монастыря во главе с бывшим настоятелем известным стар-

цем и духовником схиигуменом Иоанном (Алексеевым), а 31 августа 1956 г. – девять последних монахов Коневского монастыря, которые привезли с собой чудотворную Коневскую икону Божией Матери, написанную в конце XIV века на Святой Горе Афон.

Основывая в Финляндии Новый Валаам, игумен Харитон не хотел вносить в него раскол по календарному вопросу. Прежде чем возобновить монастырскую жизнь на новом месте, он предложил старостильникам восстановить евхаристическое и молитвенное общение. Для этого новостильники, по-прежнему считавшие «старый стиль священным» и принявшие «новый» только из послушания высшему священноначалию, собирались перейти на юлианский календарь. Игумен Харитон, зная о своём авторитете в Церковном Управлении, рассчитывал получить на это неофициальное разрешение архиепископа Германа. В противном случае старостильникам предлагалось взять положенную им часть имущества и средств и самим устроить свою дальнейшую судьбу. Иеромонах Иоасаф (Александров, 1872–1947), возглавлявший старостильную братию, дал следующий ответ: «Вся братия не желает входить с Вами в молитвенное общение, хотя бы Вы перешли и на старый стиль, но не желают и материального раздела».²⁹

Игумена Харитона беспокоило, что «без религиозного послушания, которое есть основа монашеской жизни, Община превратится в бездушную коммуну», и «лицам, наверху стоящим и настаивающим на ликвидации монастырей», можно противопоставить только сплочённость: «монастырями считаются не здания только и угодья, которые нами утеряны..., а общество или братство, связуемое религиозным уставом..., и не место его сплачивает, а идея служения Богу, выраженная в монастырском уставе». Он полагал, что материальное

единение, при отсутствии духовного, приведёт и на Новом Валааме к той ненормальной жизни, которая сложилась на Старом из-за «религиозного раскола», что будет вредить спасению братии и существованию обители. В результате этой дискуссии, не желая усложнять судьбу старостильников, Валаамский игумен поселил роптавших вместе с остальным братством.³⁰

Таким образом, в Валаамском монастыре на территории Финляндии русские иноки «обедать сходились вместе, а Богу молились врозь, на две группы, по старому стилю и по новому. Продолжали молиться на два фронта до 1945 г.», – писал в своих воспоминаниях игумен Нестор (Кисленков).³¹ В 1945 г. Новый Валаам посетил митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий (Чуков). Целью его визита в

Финляндию было повторное присоединение Финляндской Православной Церкви к Московскому Патриархату. Митрополит убедил валаамских монахов, что все должны ради мира и братской любви перейти на старый стиль и за богослужениями почитать Патриарха Московского и всея Руси Алексия I. Братство снова объединилось и в таком согласии дожило до 1957 г. Во второй половине 1940-х гг. шли переговоры о возвращении Финляндской Православной Церкви в юрисдикцию Московского Патриархата, но, в конце концов, они закончились неудачей, и Финляндская Церковь осталась под окормлением Константинопольского Патриарха, что в 1957 г. признали и в Москве. С этим была связана новая страница в истории Валаамского монастыря.

Summary

The article is devoted to the history of the Valaam monastery in the 1940s. During this period, there were the most difficult tests in the centuries-old history of the monastery, caused by the disasters of the Soviet-Finnish and world war II, evacuation from the island, wandering in Finland and other difficult circumstances. However, the brethren of the monastery survived these disasters and preserved the monastery, although in the new territory. By 1940, the Valaam monastery belonged to the Autonomous Finnish Orthodox Church of the Patriarchate of Constantinople. At the same time, the monastery experienced serious internal turmoil during the interwar period. In 1925-1926 for his commitment to old style were eliminated 42 monastics. Due to the reduction of the brethren had to close the monasteries. But the Valaam monastery still continued to be the spiritual and educational center of the country. After the beginning Soviet-Finnish – December 1939–February 1940, the brethren headed by hegumen Chari-

ton (205), taking the most important shrines, was evacuated from Valaam into Finland – in the town Kannonkoski. For many inhabitants of parting ways with Balaam was a tragedy, not all were able to survive the move. At the end of 1940, the brothers bought an estate Papinniemi in the municipality of Heinavesi, where the gradual emergence of new Valaam monastery. During the second world war, the Finnish troops occupied Valaam near the front line from September 1941 to August 1944, and therefore the monastery was not revived at this time. However, in the summer of 1942, 1943 and 1944, a group of monks still came to the archipelago and periodically served in the monastery churches, but then they had to finally leave. In the autumn of 1943 to Valaam brethren in Papinniemi joined six evacuated from the Kola Peninsula inhabitants Trifono-Pechenga monastery, and later nine of the last monks of the Konevsky monastery. The new Valaam monastery, which has thus arisen, continues to exist to this day.

Reference list

- 1 Bundesarchiv Berlin (BA), R 901/62300. Bl. 36-40.
- 2 Shevchenko T.I. Harakternye cherty valaamskogo starchestva na primere oblika shiigumena Ioanna (Aleksieva, 1873-1957) i maloizvestnye stranicy ego zhizni // Severnyj Blagovest. 2014. Vyp. 28. S. 72-75.
- 3 Jarovoj O.A., Smirnova I.A. Valaamskij monastyr' i pravoslavnaja cerkov' v Finljandii: 1880-1930-e gg. (iz istorii finnizacii pravoslavnoj konfessii). Petrozavodsk, 1997. S. 139-144, 157.
- 4 Shevchenko T.I. Igumen Hariton. Valaamskij monastyr', 2011. S. 4.
- 5 Jarovoj O.A., Smirnova I.A. Ukaz. soch. S. 141-142, 145-148; Musaev V.I. Mezhdru Zapadom i Vostokom: Pravoslavie v avtonomnoj i nezavisimoi Finljandii (1890-e - 1930-e gg.). SPb., 2014. S. 477, 485-488.
- 6 Shevchenko T.I. Igumen Hariton. S. 24.
- 7 Ibidem. S. 26.
- 8 Arhiv Finljandskogo Novo-Valamskogo monastyrja (Valamon Luostarin Arkisto - VLA). Papka: Dnevnik igumena Haritona (Dunaeva); Shevchenko T.I. Valaamskij monastyr' i stanovlenie Finljandskoj Pravoslavnoj Cerkvi (1917-1957). M., 2012. S. 251-253.
- 9 Poslednie svedenija o Valaame // Cerkovnoe obozrenie. Belgrad. 1940. # 3. S. 4.
- 10 Nestor (Kiselenkov), igumen. V inyh predelah / Vstup. i publ. N. Kornilovoj // Sever. 1991. # 9. S. 120; Shevchenko T.I. Valaamskij monastyr' i stanovlenie Finljandskoj Pravoslavnoj Cerkvi (1917-1957). S. 261.
- 11 Shevchenko T.I. Igumen Hariton. S. 32.
- 12 BA, R 901/62300. Bl. 40-42
- 13 Pravoslavnaja Cerkov' v Finljandii // Hleb Nebesnyj. Harbin, 1941. # 4.
- 14 VLA. Papka: Dnevnik igumena Haritona (Dunaeva); Shevchenko T.I. Ukaz. soch. S. 262.
- 15 Valaamskie monahi ob»javleny vragami Sovetskogo Sojuza // Usi suomi. 1940. # 82. 27 marta.
- 16 Nestor (Kiselenkov), igumen. Ukaz. soch. S. 120.
- 17 Loima Jyrki. Nationalism and the Orthodox Church in Finland // Nationalism and Orthodoxy. Helsinki, 2004. P. 180-181.
- 18 BA, R 901/62291. Bl. 228-231, 234.
- 19 Bovkalo A.A., Galkin A.K. Religioznaja zhizn' v Karelii v pervoe desjatiletie posle «Bol'shogo terrora» // Finno-ugry i sosedi: problemy jetnokuľturnogo vzaimodejstvija v Baltijskom i Barincevom regionah. SPb., 2002. S. 267-268; Po obe storony Kareľskogo fronta. 1941-1944 gg. Dokumenty i materialy. Petrozavodsk, 1995. S. 209, 229.
- 20 Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Sankt-Peterburga, f. 9324, op. 1, d. 7, l. 95, 115.
- 21 Po obe storony Kareľskogo fronta. S. 228-229, 262; Bovkalo A.A., Galkin A.K. Ukaz. soch. S. 267-268.
- 22 Pravoslavnaja Rus'. Ladomirova. 1941. # 17-18. S. 7.
- 23 Tam zhe. # 21-22, S. 6-7.
- 24 Na Valaame // Cerkovnaja zhizn'. Belgrad. 1943. # 4. S. 61.
- 25 Pravoslavnaja Rus'. 1941. # 21-22, S. 6-7.
- 26 Niv'er A. Pravoslavnye svjashhennosluzhiteli, bogoslovy i cerkovnye dejateli ruskoj jemigracii v Zapadnoj i Central'noj Evrope. 1920-1995: Biograficheskij spravocnik. M.-Parizh, 2007. S. 230-231.
- 27 VLA . Papka: Dnevnik igumena Haritona (Dunaeva); Shevchenko T.I. Valaamskij monastyr' i stanovlenie Finljandskoj Pravoslavnoj Cerkvi (1917-1957). S. 261-262.
- 28 VLA. Papka: Dnevnik igumena Haritona (Dunaeva).
- 29 Sm.: Neopublikovannye stranicy dnevnika igumena Haritona / Publ. Shevchenko T.I. // Alfa i Omega. 2009. # 3. S. 279-288.
- 30 Tam zhe; Shevchenko T.I. Valaamskij monastyr' i stanovlenie Finljandskoj Pravoslavnoj Cerkvi (1917-1957). S. 265.
- 31 VLA. Papka: Raznye zapisi, vospominanija i stihotvorenija igumena Nestora (Kiselenkova); Shevchenko T.I. Valaamskij monastyr' i stanovlenie Finljandskoj Pravoslavnoj Cerkvi (1917-1957). S. 265.

Александр Гаврилин (Латвия)
Alexander Gavrilin (Latvia)

Газета «Tēvija» о религии и Церкви на территории Латвии в 1941-1945 гг.*

Newspaper “Tēvija” about the Church and religion in Latvia in 1941-1945

Первый номер общественно-политической** газеты «Tēvija» («Отчизна») вышел в день, когда войска нацистской Германии установили полный контроль над Ригой – 1 июля 1941 года, последний был напечатан 29 апреля 1945 года. Газета выходила 6 раз в неделю, объёмом от 2 до 16 полос, тираж газеты доходил до 280 000 экземпляров. С 17 октября 1944 года, когда издание газеты было перенесено в Лиепаю, её объём сократился до 2 полос, а тираж до 25 000 экземпляров.

Первым редактором «Tēvijai» стал Артурс Кродерс, один из идеологов режима К. Ульманиса, однако его деятельность не удовлетворяла германскую оккупационную администрацию, поэтому 25 июля 1941 года он был заменён капитаном латвийской армии Андрейсом Рудзисом. Однако и Рудзис пробыл на этом посту сравнительно недолго.

В сентябре 1941 года по требованию IV отдела Главного управления имперской безопасности редактором газеты был назначен Паулс Ковалевскис, который был известен как активист пронацистской латышской организации «Pērkonkrusts»¹. С 26 ноября 1944 года «Tēvijai» редактировал Янис Витолс, который уже с 1941 года фактически являлся идейным руководителем издания. Бессменным издателем (с декабря 1941 года – директором издательства «Tēvija») был полковник латвийской армии Эрнестс Крейшманис, однако фактически газета находилась в ведении Отдела пропаганды рейхскомиссариата Остланд. В редакционный совет входили З. Барда, Х. Минденбергс (внешнеполитический редактор), П. Полис (заведующий спортивным отделом), А. Страутманис (заведующий внешнеполитическим отделом), В. Упеслацис, К. Зариньш (заведующий лите-

* Впервые данная статья была опубликована в 2005 году в сборнике «Свобода совести в России: исторический и современный аспекты» (Москва.2005 – С.442-452), который имел ограниченный тираж. Автор счёл нужным опубликовать статью еще раз.

** Так «Tēvijai» позиционировали сами издатели.

ратурным отделом), А. Подникс (технический редактор).

«Tēvija» выходила с тремя регулярными приложениями: в 1941 году издавалось литературное приложение «Zīle» («Желудь»); в 1944 году – «Tēvija. Frontes izdevums» («Отчизна. Фронтное издание»); в 1944-1945 годах – «Tēvija. Skrejlapa» («Отчизна. Листовка»)².

Все годы нацистской оккупации Латвии «Tēvija» была самым читаемым, самым солидным латышским периодическим изданием, своего рода символом режима. На её страницах регулярно печатались ведущие латышские писатели (Кнутс Лесиньш, Аншлавс Эглитис, Эрикс Адамсонс и др.), философы (П. Целминьш, П. Далис и др.), историки (А. Швабе, А. Шилде и др.), искусствоведы, музыковеды, юристы и др. «Tēvija» имела своих корреспондентов в Берлине, часто просто перепечатывала статьи из берлинских газет, а также из периодической печати, издававшейся в странах – союзниках фашистской Германии, регулярно печатала комментарии на статьи, опубликованные во «вражеских», то есть в советских, английских и американских средствах массовой информации. Как правило, первая полоса газеты отводилась официальным фронтовым сводкам, к которым с 1942 года добавились сообщения собственных корреспондентов «Tēvijī» с линии фронта и из оккупированных немецкими войсками районов Восточной Европы. С октября 1944 года, когда объём «Tēvijī» сократился до двух полос, фронтовые сводки вместе с рубрикой «Разыскивают родных» стали занимать основную площадь газеты.

«Tēvija» была единственным периодическим изданием в генеральном округе Латвии, материалы которого в течение всего периода оккупации цензуровались до их опубликования. Цензором «Tēvijī» являлся бывший редактор газеты «Rigaesche

Rundschau» Эрнест Эдуард фон Мензенкампф, вернувшийся в Латвию летом 1941 года в чине зондерфюрера пропагандистской роты. Кроме непосредственного осуществления цензуры Отдел пропаганды разрабатывал инструкции по тематике публикаций, предоставлял газете материалы для перепечатки. Жёсткая цензура полностью исключала возможность появления в «Tēvijī» каких-то случайных, противоречивых или неугодных оккупационному режиму материалов³.

По сути, «Tēvija» являлась основным рупором националсоциалистической пропаганды на латышском языке. Особая роль в пропаганде отводилась «героическому солдату Великой Германии» и «доблестным латышским добровольцам», которые являлись символом борьбы против «тёмных сил». В этой борьбе каждому была отведена своя роль – немецкий солдат и латышский легионер с оружием в руках отдают свои молодые жизни за Новую Европу, а население Латвии всеми силами им в этом помогает. В целом же, задачей пропаганды было не только показать истинность и даже гениальность социально-политических теорий идеологов национал-социализма, но и убедить латышей стать приверженцами этих теорий. Из номера в номер «Tēvija» знакомила латышского читателя с «Mein Kampf» Адольфа Гитлера и печатала все речи «Вождя Великой Германии», обстоятельно объясняла основы нацистской расовой теории, публиковала речи и статьи Йозефа Геббельса, Альфреда Розенберга, речи и распоряжения рейхскомиссара «Остланда» Хинриха Лозе и генерального комиссара округа «Латвия» Ото Дрекслера, призвала латышей отдать все силы в борьбе с «жидо-коммунизмом», с «англо-американскими плутократами» и т. п.

Основные направления политики нацистского руководства в отношении рели-

Немецкие солдаты на улицах Риги. Весна 1943 г.

гии и Церкви на оккупированных восточных территориях достаточно обстоятельно рассмотрены историографией⁴. В самых общих чертах они сводились: к использованию Церкви в пропагандистских целях; к раздроблению Церковью по национальному и территориальному признакам; к запрещению какого-либо содействия религиозной деятельности со стороны немецкой администрации, которая должна была осуществлять самый жёсткий контроль над всеми церковными организациями; к запрещению религиозным организациям заниматься политической деятельностью. При этом нужно учитывать, что на церковную политику нацистского руководства влияла ситуация на фронте, идеологический и пропагандистский факторы, уровень стабильности положения немецкой администрации на оккупированных территориях. Кроме того, нацистов заставляли вносить

определённые коррективы в церковную политику и действия по нормализации отношений с Церковью, предпринимаемые руководством СССР⁵. Представляется интересным проследить, как политика нацистской Германии в отношении религии и Церкви отражалась на страницах ведущей латышской газеты периода немецкой оккупации.

Прежде всего следует отметить, что использование религиозной тематики в материалах, публикуемых в «Tēvijā», всегда носило волнообразный характер. Были периоды усиленного внимания к этой тематике (июль-август 1941 года, июнь-июль, октябрь 1942 года, сентябрь-октябрь 1943 года, январь, апрель-май 1944 года), однако в промежутках между ними информация о религии и Церкви появлялась только эпизодически и могла ограничиваться регулярно публикуемым на последней стра-

Старая Рига в июле 1941 года. Фотография В. Шервинского

нице субботнего номера газеты расписания субботних и воскресных богослужений в церквях Риги (с октября 1944 года, с переезда редакции в Лиепаю – в церквях Лиепаи, однако только в ев.-лютеранских и баптистских, то есть в тех, где служба шла на латышском языке). Интересно отметить, что это расписание, как правило, публиковалось рядом со спортивными новостями, программой передач Рижского радио и киноафишей. Расписание знакомо читателей газеты с графиком богослужений только в ев.-лютеранских, католических, православных, иногда – и в баптистских храмах. Что касается православных богослужений, то назывались только те храмы, в которых служба совершалась на латышском языке (2 из 14 православных храмов Риги). «Тēvija» никогда не сообщала о службах в храме Рижской Гребенщиковской старообрядческой общины.

Редакционная статья первого номера «Тēvijai» за 1941 год обращается со словами благодарности к армии «Великой

Германии»*, переполненными религиозной лексикой: «Мы весь этот год, полный мучений, взывали к Господу, чтобы Европа услышала о наших муках, о наших страданиях... Слава Богу, Европа услышала наши мольбы. Весь год мы жадно ловили любую, самую незначительную весточку о том, что Европа начала священный крестовый поход против самой ужасной беды человечества – против московских большевиков... Пусть снова вернётся Божия благодать на эти земли и снова на них процветает трудолюбие и любовь к Отчизне». Сравнительно скоро подобного рода лексика исчезает со страниц газеты, чтобы вновь воскреснуть в заключительный период войны, когда «Тēvija» выходила на территории «Курляндского котла». Однако спекуляция на религиозных чувствах населения

* Следует отметить, что слово «Германия» на страницах «Тēvijai» всегда сопровождалось прилагательным «Великая», Адольф Гитлер назывался «Вождём», а все немецкие фамилии писались в немецкой транскрипции.

Солдаты 291 пехотной дивизии Вермахта на набережной Даугавы. Рига, июль 1941 г.

широко применялась и в дальнейшем. Так, в июне 1942 года «Tēvija» в своей редакционной статье «Немецкая толерантность на Востоке» объявила о том, что Германия принесла народам Советского Союза свободу религии и Церкви: «... Только вмешательство извне смогло открыть народам Советского Союза дорогу к религиозной жизни... Таковую толерантность к другим народам и их особенностям смог продемонстрировать только немецкий народ в каждой оккупированной на Востоке области...

Религиозной толерантностью германское правительство открывает возможность духовному развитию в будущем». Вместе с тем, весь пафос статьи сводился к какому-то новому распоряжению рейхскомиссара Лозе, которым «... жизнь церквей и религиозных общин поставлена на надёжные рельсы, чтобы как в церкви, так и в об-

Старая Рига в июле 1941 года.
Фотография В. Шервинского

штине народ мог удовлетворить свои цели». И только три дня спустя газета, наконец, опубликовала в пояснении к «немецкой толерантности» вышеупомянутое распоряжение рейхскомиссара. В соответствии с ним все существующие религиозные организации в течение 3 месяцев должны были зарегистрироваться у соответствующего генерал-комиссара; разрешение на создание новой религиозной организации мог выдать только рейхскомиссар; подобные организации могли заниматься исключительно религиозной деятельностью и во главе их могли стоять только политически безупречные личности⁶.

В 1941 году большинство материалов религиозной тематики было посвящено молебнам в благодарность освободителям от «ига большевизма», репрессиям во время коммунистического режима по отношению к латвийским священнослужителям, а также пострадавшим во время военных действий (разумеется, от рук красноармейцев) храмам. Судя по всему, в начале выпуска газеты её редакция никак не могла определиться, какой же именно религиозной конфессии отдают предпочтение новые хозяева Латвии. В июле-августе 1941 года «Tēviņa» больше внимания уделяла Римско-католической Церкви, однако очень скоро редакции «Tēviņi» стало ясно, что с католической Церковью можно не считаться, так как её влияние в основном распространялось на территорию Латгалии (Восточной Латвии), население которой, согласно плану «Ост», было безнадежно испорчено «славянским элементом», поэтому не принадлежало к арийской расе. Кроме того, католическое духовенство осенью 1941 года выступило против нацистской кампании по истреблению евреев. Широкий резонанс в Латвии получил арест и заключение в концлагерь директора Аглонской гимназии монсиньора Алоиза Брокса, который в своей пропове-

веди, произнесенной в Аглонском костеле, открыто осудил уничтожение евреев⁷.

Видимо, внимание «Tēviņi» к католической Церкви послужило одной из причин того, что в конце июля первый редактор газеты Артурс Кродерс был заменён на Андреяса Рудзиса. И в одном из первых номеров, выпущенных под новой редакцией, появилась анонимная статья под названием «Освобождённая церковь». В этой статье в очередной раз читателю напоминалось о страданиях верующих в год коммунистического режима и о необходимости быть благодарными своим освободителям, однако эти описания заканчивались неожиданным выводом: «Совершенно неправдоподобно, но находятся среди нас люди, которые распускают слухи, что в Германии не признают церкви, что там нет религии. Это сплетни врагов немцев и наших врагов. Так могут лгать только те, кто никогда даже не стоял рядом с церковью, кто о вопросах веры говорит в духе брошюр красных «профессоров». Не нужно искать доказательств, у кого есть глаза, тот пусть увидит, как каждое воскресенье проходят службы для немецких воинов, и эти мужи и юноши, находящиеся далеко от дома, живущие на линии фронта, тем не менее регулярно приходят в церковь. Тысячи, тысячи латышских и немецких солдат заполняют храмы, чтобы поблагодарить Вседержителя за освобождение нас от ига. Эта благодарность никогда не иссякнет, каждое воскресенье будут приходить новые толпы молящихся»⁸. Осенью 1941 года информация о деятельности католической Церкви полностью исчезает со страниц «Tēviņi».

В отличие от католической Церкви, Латвийская евангелическо-лютеранская Церковь (ЛЕЛЦ) обслуживала «чистых» латышей, которые, согласно идеологам расовой теории, имели все признаки арийской расы. Поэтому немецкая администрация предполагала полностью подчи-

нить ЛЕЛЦ себе и использовать её в своих целях, тем более, что руководство ЛЕЛЦ само этого хотело. Веками существуя под патронатом прибалтийско-немецкого дворянства, в 1920-1930-х годах – правительства Латвийской Республики, ЛЕЛЦ нуждалась в новом патроне и старательно делала всё, чтобы своими проявлениями лояльности к нацистскому режиму заслужить такого патрона в лице немецкой администрации или, в крайнем случае, в лице подчинённой этой администрации Генеральной Директории (латышскому самоуправлению). Уже с первых дней нацистского режима ЛЕЛЦ вернулась к тем функциям, которыми она занималась в годы авторитарного режима Карлиса Ульманиса: к освящению знамен латышских полицейских батальонов «стражей порядка», к благословению их (с 1943 года – и латышских легионеров SS) на борьбу с «жидо-коммунизмом», к участию во всех официальных празднествах и т. п. В редакционной статье номера «Tēvijā» от 30 октября 1941 года глава ЛЕЛЦ архиепископ Теодорс Гринбергс поздравил лютеран Латвии с наступающим праздником Реформации: «Мы встречаем завтра свой праздник Реформации, мы встречаем его как праздник радости и благодарности, а также и как праздник испытаний...»⁹. В дальнейшем «Tēvijā» регулярно сообщала обо всех богослужениях, проводимых архиепископом; печатала фрагменты из его проповедей и речей; публиковала информацию об ординации новых лютеранских пасторов; о перемещениях пасторов с одного прихода на другой; о ремонтных работах в лютеранских церквях и других новостях в жизни приходов, причём восстановление храмов всегда подавалось как заслуга нового режима; о лютеранских богослужениях в преддверии нового учебного года; о службах, проведённых пасторами на могилах жертв коммунистического тер-

рора и т.п. Однако самому архиепископу больше не позволялось при помощи газеты поздравлять население Латвии с религиозными праздниками*. В январе 1944 года «Tēvijā» опубликовала письмо Гринбергса к генеральному комиссару Ото Дрекслеру, в котором архиепископ высказал «свою точку зрения» о большевизме и в очередной раз высказал благодарность за то, что «латышскому народу предоставлены все возможности свободной религиозной жизни»¹⁰.

Наконец, ещё раз, уже последний, архиепископ Т. Гринбергс получил возможность обратиться к читателям «Tēvijā» в январе 1945 года. Примечательно, что в этом обращении, присланном Гринбергсом из Германии, куда он был эвакуирован осенью 1944 года, глава ЛЕЛЦ поздравил «милых курляндских соотечественников и соотечественниц» не с Рождеством, а с Новым Годом и пожелал им, чтобы новый год стал бы годом «святости и счастья для всего нашего народа, для нашей Церкви, для всех нас, находящихся на Родине или на чужбине»¹¹.

Эпизодически ведущая латышская газета вспоминала о существовании на территории Латвии Православной Церкви, как правило, только в рамках конкретных пропагандистских акций. Впервые на страницах «Tēvijā» информация о Православной Церкви прозвучала в номере газеты за 16 августа 1941 года. В этом материале говорилось о торжественном богослужении в рижском кафедральном Христорождественском соборе в честь отправки латвийских священников во Псков в составе так называемой Псковской православной Духовной Миссии. Краткая информация об отправке Миссии была помещена также

* Поздравления верующих с основными религиозными праздниками – Рождеством и Пасхой – «Tēvijā» публиковала в форме анонимных редакционных статей.

Передача Тихвинского Образа представителям Псковской Миссии. Справа от о. Кирилла Зайца – о. Георгий Бениксон. 1943 год

в номере за 18 августа. В номере за 2 сентября было опубликовано письмо о. Иакова Начиса о первых впечатлениях миссионеров от Пскова и населения города¹². Этим коротким сообщением и ограничивается вся информация о деятельности Миссии, напечатанная на страницах «Тēvijā».

Следующая заметка о Православной Церкви появилась 21 апреля 1942 года. В ней говорилось о праздничном богослужении в честь дня рождения Адольфа Гитлера, проведённом экзархом Латвии и Эстонии, митрополитом Литовским и Виленским Сергием (Воскресенским) в сослужении всех православных священников Риги в рижском кафедральном Христорождественском соборе. По словам автора статьи, после службы Сергей обратился к собравшимся с речью, в которой призвал христиан «...благодарить Господа за то, что Он создал такого гения, который освободил как вас самих, так и всю Европу от ужасной большевистской тирании... Великий Вождь и его армия вернули нам свободу. В церквях вновь можно совершать богослужения, не боясь слежки и репрессий. И за всё это – благодарность только Вождю Германии. Ваша самая большая обязанность состоит не только в молитве за

Вождя Германии. Обязанность каждого человека – плодотворно участвовать в решении тех огромных дел, которые вершит сам Вождь»¹³. 30 июля 1942 года газета опубликовала резолюцию рижской конференции православных иерархов Латвии, Литвы и Эстонии с осуждением советского правительства и «разоблачением» июньского воззвания Местоблюстителя патриаршего престола митрополита Московского и Коломенского Сергия (Страгородского), которое он, якобы, или вовсе не подписывал, или же сделал это под ужасным давлением, чтобы спасти духовенство на территории СССР от полного уничтожения. Через два дня «Тēvijā» сообщила о кончине епископа Мадонского Александра (Витолса). Краткое сообщение об этом трагическом событии было напечатано рядом с новостями спорта и распоряжением об ограничении продажи железнодорожных билетов¹⁴.

В октябре 1942 года газета напечатала заметку «Митрополит Сергей отвечает Москве. Тяжёлое обвинение большевизму». В ней экзарх Сергей (Воскресенский) вновь напомнил о всех репрессиях коммунистического режима против Православной Церкви и в очередной раз высказал свои сомнения в авторстве подписанного от лица Местоблюстителя Сергия (Страгородского) послания: «Думая о нём, у нас болит сердце, так как видим, что большевики заставили его публично отрицать свою внутреннюю убеждённость. Зная его много лет, мы прекрасно понимаем, ценой каких ужасных моральных мук большевики выжали из него неправду». 2 декабря 1942 года «Тēvijā» опубликовала материал о собрании псковского и новгородского православного духовенства, которое также усомнилось в авторстве подписанного митрополитом Сергием (Страгородским) послания и «... выразило благодарность немецкому народу и армии за полученную свободу и за возрождение Церкви»¹⁵.

10 апреля 1943 года в редакционной статье под заголовком «Ещё один трюк» читателю вновь напомнили о бесправном положении Церкви в СССР: «Как? В Советском Союзе, в империи Сталина ещё остались священники, священники высокого ранга, которые к стыду своему и своего сословия присылают поздравления Сталину? Остались священники, которые посылают поздравления тому, кто четверть века приказывал высмеивать, преследовать и безжалостно искоренять веру, кто святых этих священников – их храмы, переоборудовал в музеи безбожников?... На свете ещё есть священники, которые молят Господа, чтобы он благословил самого большого в истории злодея, на совести которого миллионы невинных человеческих жертв, в мире есть священники, которые просят благословения палачу?».

Следующий всплеск интереса «Tēvijā» к Православной Церкви был приурочен к знаменитой сентябрьской встрече Сталина с православными иерархами. Интересно отметить, что о решении советского правительства разрешить Московскому Патриархату избрать Патриарха, «Tēvijā» написала 2 сентября, то есть ещё накануне встречи Сталина с иерархами. Уже в ответ на эту встречу 11 сентября была напечатана статья М. Зикманиса «Церковный манёвр большевиков», в которой разоблачался «очередной обман Москвы». По мнению автора статьи, цель этого манёвра, в котором Сталин выступил в роли защитника религии, - успокоить общественное мнение в Англии и США, создать видимость того, что Советский Союз вступил в либеральную эру. 27 сентября газета опубликовала точку зрения митрополита Сергия (Вознесенского) о новой церковной политике в СССР. Судя по всему, у Зикманиса и Сергия был один режиссёр, так как митрополит почти дословно повторил слова первого о новом рекламном трюке совет-

Солдаты Латышского легиона SS

ского правительства, предназначенном для западных союзников СССР. Кроме того, Сергей добавил, что ослабление репрессий против Церкви – это только временная мера, вызванная тяжёлым положением большевизма, которая неизбежно перерастёт в новую волну гонений на Церковь¹⁶. На образование 8 октября 1943 года Совета по делам Русской Православной Церкви при Совнарком СССР «Tēvijā» откликнулась редакционной статьей «Опиум для народа», опубликованной в номере за 13 октября.

Как известно, немецкой администрации не удалось заставить экзарха Сергия выступить с публичным заявлением о недействительности избрания Патриархом Московским и всея Руси Сергия (Страгородского). Поэтому «Tēvijā» была вынуждена ограничиться двумя статьями о поездке Патриарха Сергия на Ближний Восток,

в которых новый титул Сергия брался в кавычки с эпитетом «сталинский»¹⁷.

Наконец, последний раз газета «Tēviņa» уделила внимание Православной Церкви в апреле-мае 1944 года. 8 апреля газета опубликовала заявление Синода епископов Прибалтийского экзархата с очередным разоблачением политики Советского правительства по отношению к религии и Церкви и с призывом к православному русскому населению встать в ряды борцов «за новую, свободную и счастливую Россию». На 2-й странице номера «Tēviņa» за 2 мая было опубликовано сообщение об убийстве митрополита Литовского и Виленского Сергия (Страгородского); в следующих номерах газеты – соболезнования Православной Церкви в связи со злодейским убийством экзарха Сергия, полученные от генерал-комиссара О. Дрекслера и рейхскомиссара Х. Лозе; на 1-й странице номера за 5 мая – репортаж об отпевании и погребении митрополита, которому «Москва» за его апрельский манифест, «...показавший всему миру не загримированное лицо большевизма, ответила десятью пулями на обочине шоссе»¹⁸.

Особый интерес представляют публикации в «Tēviņā», призванные способствовать дехристианизации латышского населения. К этой кампании были подключены ведущие латышские философы и этнографы. Практически в каждом своём номере за 1941 год «Tēviņa» знакомила читателя с постулатами нацистской расовой теории. В одном из первых номеров газеты была напечатана редакционная статья под названием «Духовное возрождение». В этой статье читателю объяснялось, что духовное возрождение латышей придёт через национал – социалистическое мировоззрение, опирающееся на расовую теорию. В редакционной статье одного из сентябрьских номеров газеты пояснялось отношение арийцев к религии: «Показательно, что

со своим Богом древние арийцы говорили больше всего не в церкви и в других торжественных местах, а по дороге на работу, вставая с утра и засыпая вечером». В номере, посвящённом Рождеству, «Tēviņa» в своей редакционной статье поздравила читателей с праздником, но на следующей странице рассказала, как свои праздники отмечали древние латыши «в соответствии со своей древнейшей солнечной религией». В дальнейшем композиционное построение номеров газеты, посвящённых религиозным праздникам, изменилось: на 1-й странице редакция поздравляла верующих с праздником, а на 5-й или 6-й странице того же номера этнограф или философ объяснял, что данный праздник пришёл из язычества и эквивалентен соответствующему языческому празднику. В одном из своих февральских номеров «Tēviņa» пояснила также, чем же в своих религиозных воззрениях ариец отличается от неарийца: «Ариец видит в Боге и божествах существ, которые желают ему добра. Таковыми являются латышские боги Диевиньш, Лайма, многие божества земледелия и скотоводства. И отношение современного арийца к христианскому Богу отличается от неарийского: в восприятии арийца, Бог – это отец, к которому ариец испытывает благоговение и благодарность; в восприятии неарийца, Бог – это не отец, а господин, образ которого внушает страх»¹⁹.

В марте 1942 года на страницах «Tēviņā» лютеранский пастор Висвалдис Сандерс начал полемику по вопросу «Интеллигенция и религия». По его мнению, интеллигентный человек может солидаризироваться с точкой зрения той или иной религиозной конфессии. Однако существуют такие интеллигентные люди, которые не признают Ветхий Завет и церковные догмы. С конфессиональной точки зрения, их можно рассматривать неверующими людьми, однако, считает Сандерс, они таковы-

ми фактически не являются, так как у них своя вера, свои убеждения, своя религия. На страницах другого номера газеты был развит лишь один из вопросов, затронутых пастором Сандерсом – о Ветхом Завете. В анонимной статье под названием «Нужен ли нам Ветхий Завет?» говорилось о том, что защитники Ветхого Завета утверждают, что если отвергнуть Ветхий Завет, то пропадёт основа Нового Завета. Автор категорически с этим не согласен, так как считает, что Ветхий Завет был основой только для еврейских христиан, но не был таковой для всех остальных народов²⁰.

На страницах «Tēvijī» часто печатались статьи отца Висвалдиса Сандерса, доктора теологии, приват-доцента Теологического факультета Латвийского Университета Яниса Сандерса. В октябре 1942 года газета опубликовала его статью под заголовком «Памяти величайших реформаторов», в которой Сандерс, отдавая должное заслугам Мартина Лютера, утверждал, что самым значительным, великим реформатором был римский теолог-дуалист Маркион (II век), который отвергал еврейские Писания. Поэтому Лютера можно рассматривать в качестве прямого продолжателя реформации Маркиона, так как Лютер также выступил против иудейства в христианстве и считал Ветхий Завет еврейской книгой. В рождественские праздники 1942 года Я. Сандерс объяснил читателям газеты, что предки латышей, «как и другие арийские народы, отмечали Рождество задолго до Христа, как праздник возвращения солнца... Только в 4 веке в Риме начали отмечать Рождество Христово, заменив им празднование рождения Бога Солнца. Почему это произошло? Это можно объяснить обычной тактикой католиков, которые вместо древнего народного праздника ставили праздник памяти христианского святого, чтобы искоренить поклонение «языческим» (это слово в статье протестантского теолога взя-

то в кавычки – А.Г.) идолам». Через год, на Рождество 1943 года, Я. Сандерс ещё раз напомнил читателям «Tēvijī», что Рождество Христово заменило собой языческий праздник, и объяснил, что традиция наряжать на Рождество ёлку впервые появилась в 16 веке на юго-западе Германии, откуда распространилась по всему миру, а в 19 веке пришла и на территорию Латвии²¹.

«Tēvijā» регулярно печатала статьи латышских этнографов (О. Лидекс, Б. Сенкевича, Х. Силая и др.), которые знакомили читателя с мифологией балтов, с древними латышскими традициями, то есть, с язычеством. Местами в редакционных материалах просматриваются синкретические мотивы. Так, например, Павилс Кланс (псевдоним редактора Паулса Ковалевскиса), сокрушаясь по поводу наступления Красной Армии, редакционную статью «Tēvijī» за 13 июля 1944 года закончил такой молитвой: «Господи, на чьей стороне справедливость? Не на их, нет! На нашей!... Господи, будь с нами! Лайма, веди нас; Мара, благослови нас!»²².

Таким образом, пропагандистская работа, проводимая в 1941-1945 годах латышской газетой «Tēvijā», полностью укладывается в рамки основных направлений политики нацистской Германии в отношении религии и Церкви на оккупированных территориях. На страницах этой газеты, с одной стороны, в противовес атеистической направленности коммунистического режима декларировалось толерантное отношение немецких оккупационных властей к религиозным чувствам населения и к Церкви; с другой – публиковались материалы, которые должны были способствовать постепенной дехристианизации латышского народа. Местная оккупационная администрация не скрывала своего благосклонного отношения к латышской по национальному составу прихожан Евангелически-лютеранской Церкви, насто-

женно относилась к «латгальской» Римско-католической Церкви, эпизодически в пропагандистских целях «вспоминала» о

существовании Православной Церкви и, исключая баптистов, не «замечала» религиозные меньшинств.

Summary

The article presents an analysis of the attitude of the leading Latvian newspaper "Tēvija" (which was issued in Latvia during the Nazi occupation) towards the Church and religion. The newspaper was the main mass media propaganda tool of the Nazi regime, which was issued in Latvian language. The special role in the periodical was dedicated to the "heroic soldiers of the Mighty Germany" and the "valiant Latvian volunteers".

Concerning the problematic of the Church and religion, occupational regime (via "Tēvija" as the main propaganda tabloid) used it as an ideological counterbalance against the atheistic policy of the Soviets. Thus, the newspaper declared a tolerant

attitude of the occupational regime towards the Christianity, but at the same time ideologically was aimed at dechristianization, by publishing propaganda of the paganism. Regarding the confessional issue, the occupational administration behaved rather differently – it acted friendly towards the Evangelical Lutheran Church, was quite suspicious concerning the Catholic Church, and, in fact, almost did not pay any attention towards the Russian Orthodox Church, occasionally "remembering" about its existence when its name had to be used as a means of propaganda. Latvian Baptist Church was the only "minor" Church "recognized" by the occupational administration.

Reference list

- 1 RSHA IV pārvaldes (gestapo) priekšnieka H. Millera ziņojums // Latvijas suverenitātes ideja likteņgriežos: Vācu okupācijas laikā dokumenti, 1941-1945. Rīga.1990. - 36. - 40. lpp.
- 2 Latviešu periodika. IV.sējums.:1940-1945. Sast. Ē. Fligere. Atb. red. J. Paeglis. Rīga: Latvijas Akadēmiska bibliotēka. 1995. - 125.-127. lpp.
- 3 Zellis K., Olehnovich D. Karikatura v gazete «Tēvija» 1941-1945 g. g.: nekotorye voprosy istochnikovedcheskoj kritiki // Daugavpils Universitātes humanitāro zinātņu vēstnesis. 2005. #7.- S.79-80.
- 4 Vasil'eva O.Ju. Russkaja Pravoslavnaja Cerkov' v politike sovetskogo gosudarstva v 1943-1948 gg. Moskva.1999; Shkarovskij M.V. Nacistskaja Germanija i Pravoslavnaja Cerkov' (Nacistskaja politika v otnoshenii Pravoslavnoj Cerkvi i religioznoe vozrozhdenie na okkupirovannoj territorii SSSR). Moskva.2002; Golikov A., svjashh., Fomin S. Krov'ju ubelennye. Mucheniki i ispovedniki Severo-Zapada Rossii i Pribaltiki (1940-1955). Moskva.1999; Odincov M. I. Religioznye organizacii v SSSR nakanune i v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941-1945 gg. Moskva.1995; Kornilov A.A. Preobrazhenie Rossii. O pravoslavnom vozrozhdenii na okkupirovannyh territorijah SSSR (1941-1944).Novgorod.2000; Nikitin A.K. Nacistskij rezhim i russkaja pravoslavnaja obshhina v Germanii (1933-1945). Moskva.1998 i dr.
- 5 Shkarovskij M.V. Nacistskaja Germanija i Pravoslavnaja Cerkov' (Nacistskaja politika v otnoshenii Pravoslavnoj Cerkvi i religioznoe vozrozhdenie na okkupirovannoj territorii SSSR). Moskva. 2002. - S.151.
- 6 Tēvija. 1942. g. № 144, 146.
- 7 Čakuls J. Totalitārā režīma gūstā // Latvijas Katoļu Baznīcas vēstures materiāli. 20.gadsimts. Viļāni.2001. - 229. lpp.; Ezergailis A. Holokausts// Okupācijas varu nodarīti postījumi Latvijā 1940.-1990.Stokholma.2000.-210.- 212.lpp.
- 8 «Atbrīvotā baznīca» // Tēvija. 1941. g. №32.
- 9 Teodors Grīnbergs. Reformācijas svētkos // Tēvija. 1941. g. №105.
- 10 «Cīņa pret mūsu tēvzemes un Eiropas bojā eju» // Tēvija. 1944. g. №10.

- 11 Arh. T. Grinbergs. Miļie Kurzemes tautieši un tautietes // Tēvija. 1945.g.№5.
- 12 «Pateicības dievkalpojums» // Tēvija. 1942.g.№91.
- 13 «Pateicības dievkalpojums» // Tēvija. 1942.g.№91.
- 14 «Pareizticīgo bīskapu rezolūcija. Pateicības telegramma Lielvācijas Vadonim» // Tēvija. 1942.g. №173; «Miris Madonas bīskaps Aleksandrs» // Tēvija. 1942.№175.
- 15 Tēvija.1942.g.№233; «Krievu pareizticīgas baznīcas pateicība» // Tēvija. 1942.g.№280.
- 16 Red. raksts. Bez ilūzijām // Tēvija. 1943. g. №205; Zikmanis M.Boļševiku baznīcas manevrs // Tēvija. 1943. g. №213; «Metropolīts Sergijs par Staļina jauno baznīcas politiku» // Tēvija. 1943.g.№226.
- 17 «Staļina «patriarhs» apceļo Tuvos Austrumos» // Tēvija. 1943. g. №260; «Staļina «patriarhs» ceļo» // Tēvija. 1943. g. №276.
- 18 «Nogalināts metropolīts ekzarhs Sergijs» // Tēvija. 1944.g.№102; «Ģenerālkomisāra līdzjūtība pareizticīgo baznīcai» // Tēvija. 1944. g. № 103; «Reihskomisāra līdzjūtība» // Tēvija. 1944. g. №104; «Metropolīts Sergijs ar asinīm apliecinājis savu vārdu patiesību» // Tēvija.1944.g.№105.
- 19 Tēvija. 1941.g. №7; Maldonis H. Āriska cilvēka garīgā seja // Tēvija. 1941. g. №59; Burtnieks A. Saules cilts // Tēvija. 1941. g. №150; Šilde Ā. Āriska apziņa // Tēvija. 1942. g. №35.
- 20 «Inteliģence un reliģija» // Tēvija.1942.g.№50; «Vai Vecā Derība mums vajadzīga?» // Tēvija. 1944.g.№63.
- 21 Dr. J. Sanders. Divu lielāko reformatoru piemiņai // Tēvija. 1942. g. №253; Dr. J. Sanders. Ziemsvētki un Kristus piedzimšana // Tēvija. 1942.g. №298; Dr. J. Sanders. Kāda nozīme eglei Ziemsvētkos // Tēvija. 1943.g. №301.
- 22 Pavils Klāns. Latvieši // Tēvija. 1944.g. №178.

Анатолий Кинстлер (Германия)
Anatoly Kinstler (Germany)

Православная Миссия протоиерея Александра Черная в Гессен-Нассау

Orthodox Mission of the Archpriest Alexander Chernay in Hessen Nassau

Сложнейшим периодом в истории Русской Православной Церкви Заграницей (РПЦЗ), в частности, её Германской епархии, явилось время правления нацистского режима в Германии (1933-1945), развязанная этим режимом Вторая мировая война, основной частью которой была война гитлеровской Германии против СССР, и первые послевоенные годы после крушения Германии в 1945 году. Русские православные люди в Германии оказались не просто в эпицентре военных событий, но и на территории врага, который вероломно напал на их родину. Германская епархия РПЦЗ пыталась организовать помощь восточным рабочим, вывезенным нацистским режимом из оккупированных областей СССР. Неоднократно руководством епархии предпринимались попытки договориться с представителями германской власти о допуске православных священнослужителей в лагерь советских военнопленных для оказания им всевозможной помощи, однако из-за позиции руководства НСДАП и Имперского министерства оккупированных восточных территорий этот вопрос так и не удалось

разрешить положительно до конца войны. На первом послевоенном Епархиальном собрании духовенства Германской епархии, которое состоялось 16-17 июля 1946 года, глава епархии, митрополит Берлинский и Германский Серафим (Лядэ)* вспоминал об этих событиях: «самым ярким и жёстким нашим противником, недоброжелателем и вредителем был так называемый Амт Розенберга**», а позже Восточное Министерство. Это, в буквальном смысле, антихристиан-

* Серафим (Лядэ, 1893-1950), митрополит. В 1938 году назначен епископом (с 1939 архиепископ) Берлинским и Германским РПЦЗ. С 1942 года глава Средне-Европейского Митрополичьего Округа РПЦЗ в сане митрополита.

** Розенберг Альфред (1893-1946), один из главных идеологов нацизма. Родился в Ревеле. С 1919 года в Германии. В 1933 году возглавил Внешнеполитическое управление НСДАП (Außenpolitisches Amt). С 1933 по 1945 годы - уполномоченный фюрера по контролю за общим духовным и мировоззренческим воспитанием НСДАП, по вопросам германского рабочего фронта. В 1941 году назначен рейхсминистром занятых восточных территорий. Нюрнбергским трибуналом приговорён к смертной казни. 16.10.1946 года приговор приведён в исполнение.

ское учреждение причиняло нашей Епархии, Православным людям и, в частности, мне лично, непрерывные огорчения, ибо оно всячески препятствовало нам осуществлять духовное окормление всех так называемых «Остов». Нашему духовенству было запрещено служение в лагерях, а «Остам» было строго запрещено посещение наших приходских церквей... Я просил, протестовал, писал ходатайства, лично посещал различные правительственные учреждения, но, к прискорбию, только с незначительными успехами»¹.

Налажена была миссионерская деятельность, а также, благодаря самоотверженному труду священнослужителей и верующих Германской епархии, оказывалась широкая поддержка населению и духовенству оккупированных немцами советских областей. Значительно выросло за годы войны количество русских православных приходов в Германии.

Оказывая давление на Православную Церковь, которое выразилось в основном в проведении политики унификации русских православных приходов на территории Германии во второй половине 1930-х годов, а во время Второй мировой войны в запрете на окормление Германской епархией советских военнопленных и восточных рабочих, нацистские власти в то же время использовали Церковь в своих политических и пропагандистских целях.

Однако, помимо внешних проблем православной церковной жизни в Германии, существовали и проблемы внутрицерковные. Войной было нарушено нормальное течение церковной жизни, отсутствовала возможность провести епархиальное собрание духовенства, в епархии не хватало священнослужителей, предметов церковной утвари, денежных средств на поддержку духовенства и общин епархии. К концу войны к этим проблемам добавилась ещё и временная дезорганизация церковного

управления, когда глава Германской епархии вынужден был на несколько месяцев покинуть пределы Германии.

После разгрома нацистской Германии и её капитуляции Германская епархия столкнулась с новыми вызовами. Необходимо было нормализовать церковную жизнь в Германии, воссоздать епархиальные структуры, наладить отношения с новыми местными и оккупационными властями. Однако важнейшим вопросом для Германской епархии стал вопрос окормления многомиллионного контингента ДиПи* – перемещённых лиц на территории послевоенной Германии. Дальнейшая судьба перемещённых лиц была неопределённой. Большинство ожидало репатриацию в СССР. Ситуация осложнялась тем, что и самой Германии предстояло ещё восстановить свою государственность. Политическая и экономическая нестабильность в Германии, а также неизбежность репатриации ДиПи в СССР, вынуждали значительное число перемещённых лиц искать пути эмиграции из Германии в другие страны. Этот период неопределённости и нестабильности не мог не отразиться негативно и на церковной жизни. Церковь была вынуждена созидать церковную жизнь в условиях быстро менявшихся внешних обстоятельств.

Например, постоянно происходил процесс реорганизации, укрупнения, ликвидации лагерей перемещённых лиц. Ответственно и Церковь должна была реагировать на эти изменения. Епархиальное руководство решало задачи по сохранению общин, их реорганизации, переводу в другие лагеря, по созданию новых церквей и приходов в лагерях, по замещению вакант-

* ДиПи (от англ. DP, displaced person – перемещённые лица) – аббревиатура, обозначающая лиц, вынужденно покинувших места постоянного проживания. Широкое употребление термин получил в результате событий Второй мировой войны.

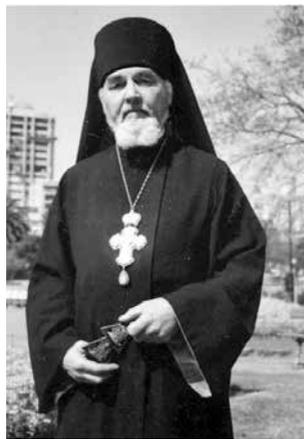

ных должностей священно- и церковнослужителей. Нелегко было и священнослужителям, большинство из которых тоже относились к категории перемещённых лиц. Естественно, в условиях краткосрочного существования большинства православных общин и приходов в Германии послевоенного времени трудно было создать настоящую общину со своими церковными традициями и устоями.

Несмотря на трудности, этот период явился временем расцвета православной церковной жизни. Создавались миссионерские и образовательные проекты, благодаря которым тысячи русских подростков получили религиозное воспитание и светское гимназическое образование. За счёт священников-беженцев в разы увеличилось количество духовенства Германской епархии. Священнослужители окормляли сотни церквей и общин по всей Германии. В районах, где церкви отсутствовали, но проживали православные христиане, проводили работу разъездные священники епархии. Иногда инициаторами и организаторами пастырской работы в таких районах выступали священнослужители, на местах видевшие нужды православных христиан.

Одна из интересных инициатив того времени – организация беженцем из Литвы, протоиереем Александром Чернаем, православной Миссии в Гессен-Нассау*.

* Гессен-Нассау (нем. Hessen-Nassau) – прусская провинция, существовавшая в 1868–1944 годах. Провинция упразднена указом Гитлера от 01.07.1944 года и на её территории были образованы две провинции – Кургессен (округ Кассель) и Нассау (округ Висбаден). В 1945 году часть бывшей провинции Гессен-Нассау вошла в американскую оккупационную зону. После провозглашения американской администрацией в сентябре 1945 года новой земли – Большой Гессен (Гросс-Гессен), в неё была включена большая часть бывшей провинции Гессен-Нассау. С принятием конституции в декабре 1946 года, земля Большой Гессен получила современное название – Гессен.

Архимандрит Алексей (Чернай)
Фото из архива церкви св. Иоанна
Кронштадского в Сан-Диего

Миссия активно действовала и развивалась с февраля 1946 по октябрь 1947 года, когда по распоряжению Епархиального руководства была вынуждена прекратить своё существование.

О работе Миссии известно в основном по автобиографической книге отца Александра Черная – «Жизненный путь русского священника». Документы архива Германской епархии РПЦЗ позволяют подробнее изучить историю православной Миссии в Гессен-Нассау. За весь период существования Миссии она так и не была официально признана со стороны Епархиального руководства, которое в документах именовало её «так называемой Миссией». В настоящей статье, на основании документов архива Германской епархии РПЦЗ, исследуется деятельность организованной отцом Александром Чернаем Миссии в Гессен-Нассау, а также причины её закрытия. В качестве приложения к статье публикуются важнейшие документы, относящиеся к деятельности Миссии: проект Устава, отчёты о её деятельности, доклад отца Александра Черная на заседании членов Правления Миссии. Все документы публикуются впервые.

Протоиерей Александр Чернай. Биографическая справка

Отец Александр родился в 1899 году в г. Ковно (ныне Каунас) Ковенской губернии Российской империи в семье действительного статского советника, судебного деятеля Николая Львовича Черная (1853-1926). С 1918 года отец Александр участвовал в Белом движении. Женился в 1924 году. После окончания Виленской Духовной семинарии Александр был рукоположен в 1925 году митрополитом Виленским и Литовским Елевферием (Богоявленским)* в сан диакона и служил сверхштатным диаконом Ковенского Воскресенского собора. 19.12.1925 года тем же архиереем отец Александр был рукоположен во священника с назначением настоятелем прихода в г. Утене и с поручением заведования Ушпольской церковью.

В начале 1930-х годов отца Александра перевели настоятелем Свято-Сергиевской церкви в Векшнях. В 1942 году, в Векшнях, он принимал мощи новгородских святых, вывезенных немцами из России. 19.12.1943 года Экзархом Прибалтики, митрополитом Литовским и Виленским Сергием (Воскресенским)** отец Александр был удостоен сана протоиерея. В 1944 году скончалась супруга отца Александра, Татьяна, его опора и помощница в жизни и служении. На руках отца Александра остались четверо детей. В том же году отец Александр с

детьми покинул Литву и эвакуировался в Германию.

В 1946 году, в бывшей прусской провинции Гессен-Нассау, им была создана Православная миссия для окормления рассеянных по Гессену православных. Миссией были основаны несколько церквей и православных общин в лагерях ДиПи: Ганау, Гиссена, Арользена, Бутцбаха, Остхайма, Гуденсберга, Корбаха и др. С октября 1947 года отец Александр трудился в должности разъездного священника Гросс-Гессенского викариата Германской епархии. В феврале 1948 года, по приглашению архиепископа Восточно-Американского и Нью-Джерсийского Виталия (Максименко)***, отец Александр с детьми выехал из Германии в Америку. Проживал в г. Цинциннати, штат Огайо, где организовал православную миссию, помогал русским ДиПи в переезде из Европы в Америку. С 1950 года миссионерствовал в г. Хьюстон, штат Техас. В 1957 году протоиерей Александр принял монашество с именем Алексий. В 1958 году, указом Первоиерарха РПЦЗ митрополита Анастасия (Грибановского)****, архимандрит Алексий получил назначение на должность администратора русских православных общин в Южной Африке. В 1974 года, после 16 лет миссионерских трудов в Южной Африке, архимандрит Алексий вернулся в США, где был назначен настоятелем прихода св. Иоанна Кронштадтского в Сан-Диего. Архимандрит Алексий (Чернай) скончался 14.12.1985 года.

* Елевферий (Богоявленский, 1868-1940), митрополит. 21.08.1911 года хиротонисан во епископа Ковенского, викария Литовской епархии. С 1917 года управляющий Литовской епархией. С 1921 года архиепископ Виленский и Литовский (Московский Патриархат). Митрополит (1928)

** Сергей (Воскресенский, 1897-1944), митрополит. С февраля 1936 года епископ Дмитровский (с 08.10.1937 года архиепископ), Управляющий делами Московской Патриархии. С 24.02.1941 года митрополит Виленский и Литовский, Экзарх Латвии и Эстонии. Убит 29.04.1944 года по дороге из Вильнюса в Каунас

*** Виталий (Максименко, 1873-1960), епископ Русской православной Церкви Заграницей. В 1947-1960 годах - архиепископ Восточно-Американский и Нью-Джерсийский. Член Синода РПЦЗ.

**** Анастасий (Грибановский, 1873-1965), митрополит. С 1936 по 1964 годам - Первоиерарх РПЦЗ, Председатель Архиерейского Собора и Синода. С 1964 года на покое.

Церковь во имя
преподобного Сергия
Радонежского в Векшнях
(Литва). Современный вид.

Германия

ТОРГАУ-ЭРФУРТ

В Германию, в г. Торгау (в округе Лейпциг) отец Александр с детьми прибыл 04.09.1944 года. В этот же день он встретился с митрополитом Серафимом (Лядэ), от которого получил разрешение на служение в церквях Германской епархии. Отец Александр вспоминал впоследствии об этом: «Там мы нашли подлинно милосердного самарянина – Владыку Митрополита Серафима Берлинского и Германского (Лядэ). Он принял меня как сына, поместил нас в гостиницу и взял на себя все расходы во время нашего пребывания в Торгау»². Через некоторое время гестаповская полиция перевезла отца Александра с детьми в лагерь «WASAG/Werk «Vogelsang»», находившийся в окрестностях Торгау, в м. Фогельгезанг на реке Эльбе. Труд заключённых использовался на фабрике по производству взрывчатого вещества и боеприпасов. Среди заключённых, а в лагере содержались в основном женщины, было много русских и поляков. 19.10.1944 года из концлагеря в Берген-Бельзене в «WASAG/Werk «Vogelsang»» перевели 750 польских евреек. Несмотря на строгий режим,

Митрополит Берлинский и Германский
Серафим (Лядэ). Вторая пол. 1940-х годов.
Фотография из архива Германской епархии

Православная церковь свт. Иннокентия Иркутского и преп. Серафима Саровского в Бад-Наугейме. Современный вид.

отец Александр в бараках лагеря служил молебны, панихиды и несколько раз литургию, но руководство лагеря вскоре запретило ему совершать богослужения. Незадолго до встречи союзников на Эльбе (25.04.1945 года) из лагеря вывезли заключённых и сняли охрану. Отец Александр эвакуации не подлежал, и его оставили на территории лагеря, но из-за приближавшихся советских войск он вскоре вынужден был покинуть Фогельгезанг.

Он направился с детьми пешком в г.Эрфурт в Тюрингии. Путешествие было опасным, так как повсюду слышны были взрывы снарядов и свист пуль. В предместье Эйленбурга отец Александр оказался на территории, контролируемой советскими войсками. Шесть дней он провёл с семьёй в страхе, но ему удалось покинуть расположение советских войск, пройти советский и американский контроль на мосту через р.Мульда и продолжить путь. 270

километров пути до Эрфурта отец Александр прошёл за пять недель. В занятом американцами Эрфурте скопилось много русских беженцев, которые, познакомившись с отцом Александром, начали объединяться вокруг него. Местный католический священник предоставил отцу Александру возможность служить по воскресеньям в католическом костёле. В Эрфурте семья Чернай прожила до 22.06.1945 года. Слухи о том, что американцы передадут Тюрингию советским войскам, заставили отца Александра и многих русских беженцев покинуть Эрфурт и уходить вглубь Германии. Отцу Александру удалось получить в пользование брошенный советскими войсками грузовик и договориться с властями об эвакуации по железной дороге группы православных, образовавшейся вокруг него в Эрфурте. Из-за перегруженности поездов значительную часть группы, около 60 человек, отец Александр лично вывез на грузовике, совершив несколько рейсов.

БАД-НАУГЕЙМ-ГАНАУ.

Отец Александр двигался в направлении Франкфурта на Майне, зная, что этот город будет входить в американскую зону. В поисках места пристанища он объехал несколько городов – Дармштадт, Висбаден, Бад-Гомбург. В Висбадене отец Александр предложил настоятелю церкви св. праведной Елисаветы о.Павлу Адамантову* свою помощь в совершении богослужений, но получил отказ. Отец Павел посоветовал о.Александру ехать в Бад-Наугейм, где по его сведениям, не было священника.

* Адамантов Павел (1871-1960), протопресвитер. В 1896 году назначен псаломщиком в Российскую Императорскую Миссию в Дрездене. До революции служил в юрисдикции митрополита Санкт-Петербургского, а затем – митрополита Евлогия (Георгиевского). В 1937 году вместе с приходом г.Висбадена перешёл в РПЦЗ.

В конце июня 1945 года о.Александр остановился с группой беженцев из Тюрингии в курортном городе земли Гессен Бад-Наугейме. Из воспоминаний о.Александра: «Городское управление, ... предоставило нам дом – бывшую школу, и там нам сообщили, что в Наугейме много русских беженцев, но пока нет никакой русской организации и что единственная русская церковь (построенная Государем Николаем Вторым и Государыней Александрой Федоровной, которая была дочерью Гессенского герцога и приезжала навещать свою семью) была закрыта и употребляема как склад. Священника русского тоже не было»^{3*}. Вероятно, информацией о русской церкви в Бад-Наугейме ни городское управление, ни отец Павел Адамантов не располагали, так как ещё до приезда отца Александра, инициативой православных, был приглашён священнослужитель и возобновлены богослужения в православной церкви Бад-Наугейма. Храм во имя святителя Иннокентия Иркутского и преподобного Серафима Саровского был открыт в мае 1945 года. После вступления американцев в Бад-Наугейм выяснилось, что в городе проживает значительное число православных, а местная русская церковь используется фирмой «Stisser» как складское помещение. Русские эмигранты – граф

* На самом деле сбор средств на постройку православной церкви в Бад-Наугейме был приостановлен из-за революционных событий в России в 1905 году. Свято-Князь-Владимирское братство решило снимать у города пустующую Рейнгардскую церковь (Reinhardskirche). Первая православная литургия была совершена в храме 11.07.1905 года протоиереем Алексием Мальцевым. В 1907 году Братство купило у города Рейнгардскую церковь. 08.07.1908 года, после внутренней перестройки, храм был освящён во имя свят. Иннокентия Иркутского и преп. Серафима Саровского. В 1910 году Царская Семья во время своего пребывания в Бад-Наугейме и Фридберге несколько раз посещала богослужения в храме.

Р. В. Мусин-Пушкин и В. П. фон Шрейдер – обратились с просьбой об открытии русской церкви к американским и немецким властям, которые оказали всевозможное содействие.

Бургомистр Бад-Наугейма передал православным ключи от церкви, а фирма «Stisser» освободила её от склада. В качестве благодарности за использование помещения владелец фирмы внёс значительную сумму в качестве пожертвования на ремонт церкви. Православного духовенства на тот момент в Бад-Наугейме не было. Граф Р. В. Мусин-Пушкин и В. П. фон Шрейдер отправились в Бад-Киссинген, узнав, что там проживают несколько православных священников, эвакуированных из Берлина. Поскольку в Бад-Наугейме проживали и православные греки, желательно было найти священника со знанием греческого языка. Таковым оказался проживавший в Бад-Киссингене протопресвитер Василий Виноградов**. Он согласился переехать в Бад-Наугейм и возглавить местную православную общину. 22.05.1945 года о. Василий прибыл в Бад-Наугейм, после чего был образован приходской совет, в который вошли граф Р. В. Мусин-Пушкин и В. П. фон Шрейдер, С. С. Воеводский и три представителя греческой общины. Службы в церкви совершались как на славянском, так и на греческом языках.

Ввиду тяжёлого материального положения православная община Бад-Наугейма не имела возможности содержать двух священников, поэтому отца Александра Черная приняли по соглашению приходского совета с отцом Василием Виноградовым на должность регента-псаломщика. Указом митрополита Серафима (Лядэ) в сентябре 1945 года отец Александр был принят

** Виноградов Василий (1885-1968), протопресвитер. Священнослужитель Русской Православной Церкви Московского Патриархата, Прибалтийского Экзархата МП, РПЦЗ.

в клир Германской епархии РПЦЗ. Как опытного священнослужителя, должность псаломщика его не удовлетворяла, уручало бездействие на фоне открывавшихся возможностей по окормлению огромной массы русских беженцев. Ситуацию усугубляло и негативное отношение настоятеля отца Василия Виноградова к отцу Александру.

Отец Василий не давал ему возможности сослужить, произносить проповеди и совершать требы. В письме митрополиту Серафиму (Лядэ) от 23.10.1945 года отец Александр так характеризовал отношение к нему настоятеля:

«О. Виноградов не хочет найти возможности дать мне послужить, что крайне тяжело мне как священнику. ... Я ему высказывал несколько раз своё желание сказать проповедь, и это он тоже отклонил, мотивируя тем, что это затягивает Литургию, а сам никогда не проповедует. Не разрешает мне даже совершать требы, если кто меня и просит. Мне хочется, Владыка, ещё поработать на пастырском поприще пока ещё есть силы и энергия. 20 лет я служил и много работал на своём поприще, а теперь чувствуешь духовное умирание без службы, без проповеди, а здесь причём есть работа, в особенности в Гиссене, Ханау и др. и во всём округе Фридберга».⁴

Отец Александр обратился к главе Епархии с просьбой о назначении его вторым священником церкви в Бад-Наугейме с поручением организовать церковную работу в Гиссене, Ганау и привести в порядок пострадавшие церкви в Гессен-Нассау в качестве благочиния. Уже в этой просьбе просматриваются будущие географические контуры созданной отцом Александром Православной Миссии в Гессен-Нассау. Митрополит Серафим (Лядэ) удовлет-

ворил просьбу отца Александра лишь частично, поручив ему организовать православный приход в Ганау (26.10.1945). Продолжая исполнять должность псаломщика в Бад-Наугейме, отец Александр незамедлительно приступил к организации прихода в Ганау.

В лагере перемещённых лиц в Ганау проживали в основном балтийцы. В документах конца 1940-х годов лагерь назывался эстонским (Hanaу, DP Estnisches Lager), но при основании лагеря основную группу обитателей лагеря составляли бывшие соотечественники отца Александра – литовцы, которых насчитывалось 3300 человек. Выходцев из Латвии было в лагере 1700 человек, а из Эстонии 1000 человек. Процент православных среди них был невысок. Выхав в лагерь Ганау, отец Александр обнаружил там всего 160 православных верующих, с которыми он провёл духовную беседу. Одна из первых литургий в лагере была совершена отцом Александром уже в ноябре 1945 года, за литургией причастилось большинство православных. Богослужения проводились в литовском католическом костёле лагеря, здание которого было значительно разрушено во время войны. Регулярные богослужения, которые отец Александр начал проводить в Ганау с января 1946 года, способствовали сплочению общины и созданию православной церкви в лагере: «Совершая Богослужения, Протоиерей А. Чернай с каждым разом всё больше и больше привлекал молящихся и таким образом подал нам мысль к созданию православной церкви в лагере».⁵ Несмотря на трудности, в том числе и материальные, общине Ганау удалось организовать в лагере церковь. Помещение для церкви предоставила организация ЮНППА⁶. В письме предстоятелю РПЦЗ митрополиту Анастасию (Грибановскому) отец Александр сообщал об организации прихода в Ганау следующее:

«Постепенно учащая богослужения, мне удалось создать небольшую основную группу в лагере Ханау, которая задалась целью устроить свой храм. ... Усилиями этих лиц... храм во имя преподобного Сергия Радонежского был сооружён к началу апреля и освящён мною в Великий Четверг, причём за Литургией в Великую Субботу было множество причастников. Особенно отрадным явлением было то, что вокруг нашего храма объединились все православные, как то Латыши, Эстонцы и даже Украинцы, до тех пор стремившиеся создать свою церковь и державшиеся особняком»⁷.

Организацией ЮНРРА в Ганау были отпущены материалы для изготовления престола, жертвенника и аналоев. Усилиями К.Р.Эллера был сооружён иконостас, а расписан он был профессором Ф.П.Благодяевым. В первый Великий пост для общины число говевших было около ста человек. На Пасхальном богослужении 1946 года в Свято-Сергиевской церкви пел хор, организованный священником из Эстонии-протоиереем Николаем Павским*,

* Павский Николай (1891-26.06.1950), протоиерей. Уроженец Санкт-Петербургской губернии. Происходил из священнической семьи. В 1914 году окончил Санкт-Петербургскую ДС. В сан иерея рукоположён в 1915 году епископом Гдовским Вениамином (Казанским). Служил священником Юрьевского Успенского собора. В 1944 году выехал из Эстонии в Германию. 14.12.1946 года, Управляющим Гросс-Гессенским викариатством Германской епархии архиепископом Филофеем

Директор YMCA в Германии др. Дэвис, директор отдела YMCA в Париже Д.Филипофф (слева) на складе ЮНРРА в Ганау (Германия).

который в качестве ДиПи также проживал в лагере Ганау.

01.02.1946 года отец Александр вынужденно оставил должность псаломщика церкви в Бад-Наугейме, которую исполнял на протяжении семи месяцев. В течение этого периода он дважды подавал прошение об освобождении его от должности псаломщика, но по настоянию приходского совета оставался на приходе. Причиной его окончательного ухода послужили окончательные разногласия с настоятелем церкви отцом Василием Виноградовым, которые не способствовали развитию приходской жизни. Не будучи теперь прикрепленным официально к определённому приходу Германской епархии, отец Александр продолжал совершать богослужения в Ганау, но постепенно его деятельность вышла за пределы этого прихода и приобрела миссионерский характер. Началом этому послужили поездки отца Александра по

(Нарко) был назначен настоятелем Свято-Сергиевской церкви в Ганау.

некоторым селениям Гессена со святой водой в праздник Крещения Господня, 19.01.1946 года: «Во время этого объезда я увидел, что много находится в рассеянии православных, лишённых за дальностью расстояния посещать церковь, и по сему лишённых всякого духовного окормления»⁸. С этого момента миссионерские поездки отца Александра стали регулярными и охватывали всё большее число населённых пунктов Гессена. Результатом поездок, впечатлений от общения с православными в лагерях ДиПи, их тяги к Церкви, явилась идея создания Миссии в Гессен-Нассау для окормления православных в рассеянии. К этому времени вокруг отца Александра уже образовался круг сподвижников как в Бад-Наугейме, так и за его пределами, которые поддержали его в этом начинании. Среди них были полковник С. К. Наместник, граф Р. В. Мусин-Пушкин, В. И. Мещанинов, полковник Е. В. Швидковский, К. Р. Эллерс, М. М. Уздемир, В. П. фон Шрейдер и другие. Для того, чтобы узаконить поездки и миссионерскую деятельность, отец Александр обратился к представителям американских оккупационных властей (Militärgouverneur) во Франкфурте на Майне, которые 16.02.1946 года выдали ему разрешение на создание Миссии. Этот день по праву можно считать днём основания православной Миссии в Гессен-Нассау.

ПРАВОСЛАВНАЯ МИССИЯ В ГЕССЕН-НАССАУ.

10.02.1946 года, посещая Бад Арользен, в котором располагалась главная квартира ЮНРРА, отец Александр ходатайствовал перед представителями этой организации о предоставлении ему права посещения лагерей ЮНРРА для совершения в них богослужений и о духовном попечении православных жителей этих лагерей. Ходатайство было встречено сочувственно и

отцу Александру, а также его сотрудникам были выданы все необходимые документы. Это обстоятельство способствовало расширению миссионерской деятельности отца Александра, так как позволяло ему беспрепятственно посещать лагеря перемещённых лиц. В марте месяце Миссией был произведён сбор одежды для детей из бедных семей. Была собрана и роздана одежда одиннадцати детям. По ходатайству Миссии перед главной квартирой ЮНРРА были получены Пасхальные пакеты для самых нуждающихся представителей ДиПи, проживавших вне лагерей. На Пасхальной неделе отец Александр развезжал по населённым пунктам, в которых проживали эти ДиПи, совершал там Пасхальные литии и лично раздавал пакеты нуждающимся. Естественно, такая забота не могла оставить равнодушными семьи ДиПи: «С великой радостью эти люди и дети принимали подарки, благодаря своего Пастыря, вспомнившего о них в эти светлые дни Святой Пасхи»⁹. При Миссии в Бад-Наугейме была организована библиотека, в которой была представлена в основном русская классическая литература, а также журналы и бюллетени Германской епархии. С 16 февраля по 30 апреля 1946 года отец Александр с сотрудниками провели богослужения и духовные беседы в следующих населённых пунктах: Гессена-Остхайме, Нидермюлле, Фридберге, Бутцбахе, Ганау, Бад-Наугейме, Арользене, Корбахе, Аллендорфе, Ветцларе и др. К отцу Александру присоединились два священнослужителя, проживавшие в Гессене – протоиерей Павел Жиромский* и иеромонах Серафим

* Жиромский Павел (?-1981), митрофорный протоиерей. Священнослужитель РПЦЗ. Член Правления Православной Миссии в Гессен-Нассау. В 1946 году выехал из Германии в Америку, где вошёл в клир Северо-Американской митрополии (с 1970 года-Православной Церкви в Америке).

(Фетисов)*, которые были приняты в члены Правления Миссии.

Убедившись в том, что деятельность миссии приобретает устойчивый характер, 01.04.1946 года отец Александр с секретарём Миссии В.И.Мещаниновым отправился в Мюнхен с докладом к митрополиту Берлинскому и Германскому Серафиму (Лядэ). Рассказав о создании Миссии, отец Александр испросил благословения у Владыки на её деятельность, каковое и получил в устной форме¹⁰. Важно отметить, что к этому моменту Миссия существовала уже полтора месяца, не имея благословения правящего архиерея. В автобиографической книге отца Александра хронология событий несколько отличается от документированных фактов:

«После долгих обсуждений, решили организовать русскую православную Миссию... . Первым делом, ходатайствовали в городском управлении, чтобы очистили церковь и передали её нам – на что получили согласие. Написали Владыке, Митрополиту Серафиму, испрашивая его благословение на нашу Миссию. Он одобрил наше начинание. Затем мы обратились к американским военным властям...»¹¹.

В архиве Германской епархии не сохранилось ни одного документа с официальным разрешением Епархиальной власти на создание и существование Миссии в Гессен-Нассау. Напротив, документы говорят о том, что письменное благословение отцом Александром так и не было получено. Насколько это было существенным, можно

* Серафим (Фетисов, 1908-1998), иеромонах. Священнослужитель РПЦЗ. Член Правления православной Миссии в Гессен-Нассау. В начале 1950-х годов выехал из Германии в Латинскую Америку (Перу). В 1958 году вошёл в клир Северо-Американской митрополии (с 1970 года – Православной Церкви в Америке).

Первоиерарх РПЦЗ, Митрополит Восточно-Американский и Нью-Йоркский Анастасий (Грибановский).

судить по тому факту, что отсутствие благословения на работу Миссии было одной из основных причин при принятии решения о её закрытии. Очевидно, в воспоминаниях отец Александр без какого-либо умысла воспроизвёл правильную последовательность действий при открытии Миссии, но в действительности хронология была обратной.

Подтверждением этому служит следующий эпизод из жизни отца Александра. Через несколько дней после беседы с митрополитом Серафимом и получением от него устного благословения на работу Миссии, отец Александр указом митрополита Серафима от 05.04.1946 года был запрещён в священнослужении и исключён из клира Германской епархии – «ввиду его перехода в иную юрисдикцию и нарушения им церковного благочиния и мира в православных приходах»¹².

Основанием для такого решения послужило письмо отца Василия Виноградова митрополиту Серафиму (Лядэ) от 11.03.1946 года, в котором отец Василий обвинял отца Александра Черная в переходе в юрисдикцию Московской Патриархии,

нарушении мира и благочиния в православных приходах, в самовольной организации православной миссии в Гросс-Гессене. По всей видимости, на встрече отца Александра с митрополитом Серафимом (Лядэ) 01.04.1946 года Владыка не обсудил с отцом Александром обвинительное письмо отца Василия. И если отец Александр Чернай опрометчиво не позаботился о получении письменного благословения на работу Миссии, то отец Василий дважды обращался к митрополиту Серафиму с просьбой прислать ему официальное сообщение о запрещении отца Александра Черная в священнослужении. Сообщение на немецком языке было получено отцом Василием и в дальнейшем было использовано для дискредитации отца Александра перед американскими и немецкими властями. В сообщении митрополит Серафим отметил также, что отец Александр Чернай никогда не был признан им в качестве миссионера в Гессене или других областях Германии¹³. В создавшемся положении за отца Александра заступились его прихожане и сотрудники по миссионерской деятельности. Предстоятелю РПЦЗ митрополиту Анастасию (Грибановскому) были направлены ходатайства членов Миссии и опекаемых ею православных, а также представителей инициативной группы православных Ганау с просьбой защитить отца Александра и вернуть ему возможность дальше служить Церкви. В своём докладе митрополиту Анастасию (Грибановскому) отец Александр по пунктам ответил на обвинения, воздвигнутые против него. Из объяснения отца Александра по вопросу перехода его в другую юрисдикцию следует, что он ранее писал священнику Московской Патриархии в Германии отцу Сергию Положенскому* письмо с вопросом о возможности

найти для него применение в американской оккупационной зоне, на что получил отрицательный ответ.

О.Александр подчёркивал, что во время его обращения к отцу Сергию была утеряна всякая связь с Епархиальной властью и по доходившим слухам митрополит Серафим (Лядэ) был отстранён тогда оккупационными властями от управления епархией. К тому же, отец Александр мог не разобраться в юрисдикционной принадлежности отца Сергия Положенского. Подтверждением этому может служить приведённый о.Александром очень веский довод:

«При принадлежности моей к юрисдикции Московской Патриархии моя работа в лагерях была бы совершенно невозможной, так как каждый видел бы во мне прежде всего представителя Советской власти, и дело миссии могло развиваться только потому, что я находился в юрисдикции Русской Заграничной Церкви, о чём всегда всех ставил в известность»¹⁴.

Митрополит Анастасий поручил владыке Серафиму разобраться в ситуации. В ходе разбирательства выяснилось, что обвинение отца Александра в смене юрисдикции было бездоказательным и не подтвердилось. Епархиальное руководство, ввиду высокого сана отца Василия, поверило ему на слово, не потрудившись проверить эту информацию. Не подтвердились и другие обвинения, за исключением обвинения в самовольной организации Миссии, то есть без благословения правящего архиерея. В личной беседе с митрополитом Серафимом (Лядэ) отец Александр ещё раз объяснил ситуацию с возникновением Миссии и выразил сожаление, что не урегулировал этот вопрос изначально с

Франции в Берлин. Священнослужитель юрисдикции митрополита Евлогия (Георгиевского), а после войны – Берлинской епархии МП.

* Положенский Сергей (1898-1992), митрофорный протоиерей. Выпускник Богословского ин-та в Париже (1934). В 1934 году переехал из

церковной властью. Заступился за отца Александра и его бывший сослуживец по Литовской епархии, протоиерей Герасим Шорец*.

По просьбе отца Александра, отец Герасим, служивший в Мюнхенской Свято-Николаевской церкви, составил митрополиту Серафиму характеристику на отца Александра, в которой, в частности, говорилось: «Протоиерея Александра Чернай хорошо знаю, как начавшего и около 10 лет проходившего пастырское служение во вверенном мне Паневежском благочинии Литовской епархии. В качестве секретаря Викария Ковенского и Заместителя Патриаршего Экзарха я также близко наблюдал дальнейшую пастырскую деятельность о.Чернай и свидетельствую о нём, как о пастыре добром, усердном, особенно рачительном об украшении и благолепии храмов Божиих в местах своего служения»¹⁵.

14.05.1946 года митрополит Серафим (Лядэ) снял с отца Александра запрещение в священнослужении и вновь принял его в клир Германской епархии с правом совершать богослужения в лагерях и местностях Гессен-Нассау, в которых нет самостоятельного прихода и постоянного священника. Но в отношении Миссии митрополит Серафим опять проявил сдержанность: не запретив её деятельность, но и не дав письменного разрешения на её существование. Возможно, это было связано с предполагаемыми административными изменениями в Германской епархии, обсуждавшимися на Архиерейском Соборе РПЦЗ в Мюнхене в те дни – 06.05-09.05.1946 года, согласно которым в Германии предполагалось создать несколько викариатств. С ростом церковных учреждений могли впоследствии возникнуть трудности при проведении

* Шорец Герасим (1886-1966), протоиерей. Священнослужитель Литовской епархии МП (1925-1944), РПЦЗ (1945-1966).

церковно-административной реформы. Но нельзя не отметить, что обсуждался на Соборе и вопрос о постановке миссионерского дела. Высказался по этому вопросу и митрополит Серафим (Лядэ). Согласившись в необходимости миссионерской работы, он заявил о том, что 90 процентов духовенства не могут нести такую работу и миссионерство можно наладить, только постепенно подбирая людей¹⁶. Митрополит Серафим также предложил на Соборе учредить Миссионерский комитет при Архиерейском Синоде и, что характерно, назвать его «Религиозно-просветительским комитетом», так как название «Миссионерский» могло бы быть неправильно истолковано. Вполне возможно, митрополит Серафим опасался обвинений РПЦЗ в прозелитизме. Учитывая этот факт, можно было бы понять настороженность митрополита Серафима в отношении «Православной Миссии в Гессен-Нассау». Однако в самой Германской епархии существовал Миссионерский комитет, и митрополит Серафим в то время активно поддерживал проповедь Православия среди немцев на Севере Германии, в частности, в Гамбурге**. Некоторая двойственность, осторожность,

** Из статьи протоиерея Стефана Ляшевского, посвящённой памяти митрополита Серафима (Лядэ): «Молитвами и предстательством Блаженного Прокопия зародилось немецкое Православие. Начало этому было положено письменным благословением Митрополита Серафима на постоянное совершение православной Литургии на немецком языке... Владыка Митрополит Серафим всячески поддерживал немецкое Православие в Гамбурге. ... Когда в прошлом году он совершал Литургию в св.Прокопиевском храме в г.Гамбурге, которая шла на 3 языках: славянском, немецком и греческом, то Владыка Митрополит говорил проповедь на немецком языке и восхищался прекрасным пением церковного хора из немцев-студентов. Журнал «Распоряжения Высокопреосвященного Венедикта, архиепископа Берлинского и Германского». Сентябрь, 1950 г., с.13-15

Митрополит Берлинский и Германский Серафим (Лядэ) и глава Гросс-Гессенского викариатства архиепископ Филофей (Нарко). Висбаден, Церковь св.Елисаветы. Втор.пол.1940-х годов. Фотография из архива Германской епархии РПЦЗ.

сдержанность в изложенных фактах может объясняться той сложной, нестабильной ситуацией в послевоенной Германии, в которой приходилось церковным иерархам принимать решения.

В архиве Германской епархии не сохранился указ о запрещении о.Александра в священнослужении. Из документов личного дела о.Александра следует, что его прихожане в лагере Ганау узнали о запрещении своего пастыря лишь 27.04.1946 года. Неизвестно, когда указ был доведён до самого отца Александра и получил ли он его лично или опосредованно. Это связано с каноническим и дисциплинарным вопросом. Из отчёта отца Александра о миссионерской деятельности с 16.02 по 30.04.1946 года (см.Приложение) видно, что за время, которое он провёл под запрещением за отчётный период (05.04.1946-30.04.1946), богослужения им не прекращались. Напротив, интенсивность богослужений увеличилась ввиду окончания Великого поста

и праздника Пасхи. Отчёт был отправлен митрополиту Серафиму 01.05.1946 года с сообщением об успешном развитии Миссии и об увеличении количества пасомых. В сопроводительном письме отец Александр ни словом не затрагивает вопрос о запрещении ему священнослужения. Можно предположить, что о запрещении он узнал всё же опосредованно и не счёл нужным реагировать на это. Его реакция проявилась только после ходатайств его прихожан перед Первоиерархом РПЦЗ. Отсутствие реакции Епархиальной власти на совершение отцом Александром богослужений под запрещением тоже говорит в пользу того, что оповещён он был об этом не официально. В каноническом отпуске из Германской епархии, выданном отцу Александру в 1948 году при выезде его в Америку, факт его запрещения проигнорирован: «О.Протоиерей Александр Чернай за время служения в Прав.Германской Епархии под судом, следствием, запрещением не состоял и не состоит...»¹⁷.

В 1946 году, кроме церкви в Ганау, Миссией были основаны ещё несколько церквей и общин в населённых пунктах Гессен-Нассау. В Бад-Арользене, при главной квартире ЮНРРА 11.08.1946 года для служащих этой организации была создана и освящена церковь во имя Двенадцати Апостолов. В Гуденсберге организована община (300 человек), а 15.09.1946 года создан и освящён храм в честь Покрова Пресвятой Богородицы. 15.08.1946 года организована община в Гиссене, численностью 150 человек. Всего с начала работы Миссии – 16.02.1946 года до 31.12.1946 – года отцом Александром было совершено в Гессенской области 152 Литургии, 74 молебна, 64 погребения и панихид, 14 крещений и 4 венчания. Церковный инвентарь для церквей изготовляли из подручного материала. Отец Александр вспоминал, что обитатели лагерей ДиПи:

«творили чудеса изобретательности, употребляя банки из-под консервов для подсвечников, ящики для аналогов и многое другое, необходимое для утвари, из, можно сказать, почти ничего. В результате, с принесёнными нами иконами появлялись скромные, но такие благолепные и намоленные храмы, что было умилительно совершать богослужения в них, смотря на лица молящихся, обращающихся к Спасителю и Его Пресвятой Матери, не имея другой защиты, кроме небесной...»¹⁸.

Православная Миссия Гессен-Нассау в составе Гросс-Гессенского викариатства.

В результате церковно-административной реформы 1946 года в Германской епархии РПЦЗ было образовано несколько викариатств. Миссия в Гессен-Нассау административно-территориально вошла в состав Гросс-Гессенского викариатства. Указом Архиерейского Синода от 28.06.1946 года главой Гросс-Гессенского викариатства был назначен архиепископ Филофей (Нарко)*. Структурные изменения отразились и на деятельности Миссии отца Александра Черная. Архиепископ Филофей разделял позицию митрополита Серафима (Лядэ) в

отношении Миссии. Благословения и официального разрешения на её существование отец Александр от владыки Филофея тоже не получил. Владыка высказался о необходимости реорганизовать Миссию. На собрании членов Правления Миссии 30.08.1946 года был поднят вопрос о её реорганизации, согласно пожеланию Владыки. Правление постановило просить архиепископа Филофея принять под своё покровительство и руководство деятельность Миссии. Также обсуждался вопрос расширения деятельности Миссии и увеличения священнослужителей в её составе.

Одно из следующих собраний членов Правления Миссии посетил лично владыка Филофей. Собрание проходило 18.10.1946 года в Бад-Наугейме. Председательствовал на собрании отец Александр Черная, который выступил с отчётом о деятельности Миссии и её планах на будущее. Прозвучали также доклады представителей Гиссена и Гуденберга. В заключительном слове владыка Филофей вновь затронул вопрос реорганизации Миссии, назвав его весьма сложным. Отметив работу Миссии, владыка Филофей высказал пожелания по её реорганизации: «...как о. Александр, так и его сотрудники выразили желание сохранения Миссии, но она должна получить определённое задание. В о.Александре характерно желание миссионерствовать и умение подходить к людям. Работа Миссии есть, она видна, но она должна быть ближе к архиерею, войти в общую систему церковных организаций Гросс-Гессенской области, а равно и согласно общей структуры Митрополичьего округа»¹⁹. Важно отметить, что Правление Миссии незадолго до этого собрания просило владыку Филофея принять Миссию под его руководство и покровительство. В этом случае трудно было бы представить большую близость Миссии к архиерею. Очевидно, что отец Александр и члены Миссии были готовы рассмотреть

* Филофей (Нарко, 1905-1986), архиепископ. 23.11.1941 года хиротонисан во епископа Слуцкого, викария Минской епархии. С 1942 года – епископ Могилевский и Мстиславский. Временно управлял Белорусской Православной Церковью в период ссылки митрополита Пантелеймона (Рожновского). В 1944 году был вывезен в Германию. В 1946 году с белорусским епископатом и духовенством вошёл в юрисдикцию РПЦЗ. В 1946-1952 годах управлял Гросс-Гессенским викариатством, а в 1952-1971- Северо-Германским викариатством Германской епархии. В 1971-1982 годах – архиепископ Берлинский и Германский. С 1982 года на покое по болезни.

любые предложения по реорганизации Миссии. Для них важно было сохранить Миссию, не допустить её закрытия. А церковное руководство за месяцы, прошедшие со дня образования Гросс-Гессенского викариатства, так и не сформулировало конкретных предложений по реорганизации Миссии.

До конца 1946 года, по указу владыки Филофея, церкви и общины, основанные отцом Александром в Ганау, Гиссене, Гуденберге, были переданы в ведение Гросс-Гессенского викариатства и в них были назначены священнослужители. Потеря этих общин и отсутствие поступлений от них в кассу Миссии в Гессен-Нассау вызвали затруднения в работе Миссии. Несмотря на тяжёлое материальное положение, отец Александр с сотрудниками продолжил деятельность по окормлению православных ДиПи. От организации DP Officer Kassel отец Александр получил полномочия для составления списков православных, находившихся в смешанных лагерях в районе г.Касселя.

Главный представитель YMCA* в Германии обещал полную поддержку деятельности о. Александра. В то же время, 10.02.1947 года, Миссия вынуждена была закрыть церковь в Бад-Арользене, из-за закрытия в этом городе главной квартиры ЮНРРА. Деятельность Миссии сосредоточилась в основном на окормлении общин в Корбахе, Матенберге, Бутцбахе, Альсфельде и др. Дефицит бюджета, приведший Миссию к долгам, суровая зима 1947 года, препятствовавшая поездкам, отсутствие поддержки со стороны духовенства и руководства епархии компенсировались энтузиазмом и неутомимыми трудами сотрудников Миссии. Тем временем руководство Гросс-Гес-

сенского викариатства, по всей видимости, уже решило судьбу Миссии в Гессен-Нассау, так и не осуществив своих планов по её реорганизации. 26.03.1947 года в Висбадене под председательством архиепископа Филофея состоялось собрание духовенства Гросс-Гессенской области. Одним из вопросов, который обсуждало собрание, был вопрос о Миссионерском комитете в Бад-Наугейме, который возглавлял отец Александр Чернай. Среди участников собрания были следующие священнослужители: прот. Павел Адамантов (Висбаден), протопресвитер Василий Виноградов (Бад-Наугейм), прот. Леонид Касперский (Бад-Гомбург), прот. Тихон Киричук (Дармштадт), прот. Митрофан Зноско (Менхегоф, Кассель), прот. Александр Бородаев (Марбург), иером. Серафим (Фетисов, г. Гиссен). Сам отец Александр на этом собрании не присутствовал. После обсуждения вопроса о Миссии в Гессен-Нассау, собрание постановило, ввиду наличия епископа, управляющего Гросс-Гессенской областью, предложить отцу Александру Чернаю ликвидировать Миссию, сообщить о её ликвидации американским, немецким властям и властям ЮНРРА, передать все дела Миссии владыке Филофею и в дальнейшем считать отца Александра разъездным священником викариатства. Это решение было лишь пока рекомендательным. На собрании духовенства присутствовало менее половины духовенства викариатства. 13.05.1947 года владыкой Филофеем было созвано ещё одно совещание духовенства при викариатстве Гросс-Гессенской области. В нём принял участие тот же состав духовенства, за исключением иеромонаха Серафима (Фетисова) из Гиссена. На собрание был приглашён отец Александр Чернай.

Вновь в центре внимания был вопрос о Миссии в Гессен-Нассау. Собрание началось с чтения протокола общего собрания духовенства от 26.03.1947 года.

* YMCA – английская аббревиатура организации Young Men's Christian Association или в русском переводе ХСМА – Христианский Союз Молодых Людей.

Владыка Филофей обратился к собранию с предложением выслушать самого отца Александра Черная и вынести окончательное решение по поводу Миссии. Отец Александр поручил секретарю Миссии В.И.Мещанинову зачитать доклад о её деятельности, в котором затрагивались и взаимоотношения руководства Миссии с Епархиальным начальством. Затем слово взял отец Александр Черная. Подчеркнув идейную сторону работы Миссии, отец Александр предложил собранию признать существование Миссии необходимым и полезным, но прежде реорганизовав её на новых началах. Со стороны отца Василия Виноградова прозвучал набор обвинений: начало работы Миссии без благословения высших церковных властей, отсутствие принципиального согласия на деятельность Миссии со стороны митрополита Серафима (Лядэ) и архиепископа Филофея (Нарко), ходатайство перед светскими властями без благословения митрополита Серафима (Лядэ). По словам отца Василия, существовал лишь разъездной священник со своими светскими помощниками, но никак не Миссия. Отцу Василию возразил протоиерей Митрофан Зноско, который заявил, что несмотря на отсутствие принципиального согласия Епархиального руководства на деятельность Миссии, Германская епархия принимала денежные отчисления Миссии, на заседаниях викариатства принимались протоколы заседаний членов Правления Миссии. К этому можно добавить, что викариатство пользовалось

Архиепископ Берлинский и Германский Филофей (Нарко). 1970-е годы. Фотография из архива Германской епархии РПЦЗ.

плодами трудов отца Александра и его соратников, изымая в свое ведение основанные Миссией церкви. Однако, после обмена мнений, совещание оставило в силе решение общего собрания духовенства от 26.03.1947 года о ликвидации Миссии, признав дальнейшее её существование излишним.

20.06.1947 года отец Александр получил от архиепископа Филофея распоряжение о ликвидации Миссии. Крайним сроком ликвидации Миссии определялось 30.06.1947 года. Согласно указу, отец Александр был оставлен в должности разъездного священника викариатства и ему запрещалось

«вмешиваться в жизнь православных приходов, организованных раньше и в позднейшее время, совершая в них богослужения и требы, только с ведома ...Настоятеля прихода или же по его приглашению»²⁰. Днём позже, 21.06.1947 года, архиепископ Филофей в письме митрополиту Серафиму (Лядэ) назвал следующие причины ликвидации Миссии: самовольная её организация отцом Александром и деятельность, противоречащая самому смыслу её назначения. В качестве подтверждения того факта, что Миссия занималась не своим делом, владыкой Филофеем был приложен доклад о деятельности Миссии за март-апрель 1947 года (см. Приложение). Митрополиту Серафиму были направлены и жалобы бывших сотрудников Миссии на отца Александра, который якобы своим вмешательством вносил смуту в жизнь приходов.

Что мог противопоставить такой организованной работе отец Александр? 25.06.1947 года через архиепископа Филофея отец Александр направил митрополиту Серафиму (Лядэ) апелляционную жалобу. В сопроводительном письме о.Александр отмечал: «Принимая во внимание проделанную работу на пользу служения ближнему и при наличии всё увеличивающегося количества в рассеянии православных, считал бы закрытие Миссии, проработавшей почти полтора года, может быть, не своевременным, так как она всё же приносила пользу как моральную, так и духовную, а посему признавая, что само название «Миссия» не вполне соответствует работе её, то необходима её реорганизация, путём сведения её в Миссионерского священника, дабы сохранить в налаженной с Американскими властями связи, с ограниченным количеством соревнователей и секретаря»²¹.

В апелляционной жалобе о.Александр подробно остановился на всех вопросах, связанных с обвинениями Миссии. Он в

который раз признал, что название «Миссия» не вполне соответствовало деятельности организации и оно не имело для сотрудников принципиального значения, так как на первом месте была работа по окормлению русских беженцев. Коснулся отец Александр и вопроса реорганизации Миссии, которая так и не была проведена главой Гросс-Гессенского викариатства. Ссылаясь на § 4 Устава Миссии, в котором сказано, что Миссия находится в непосредственном подчинении митрополита Берлинского и Германского, отец Александр просил митрополита Серафима (Лядэ) вынести решение по вопросу Миссии. Ссылка на Устав Миссии была некорректной, так как Устав не был одобрен Епархиальным руководством и официально Православной Миссии в Гессен-Нассау не существовало. В документах архива Германской епархии не сохранилось информации о рассмотрении апелляционной жалобы отца Александра. Но в связи с этим событием интересен один документ, который, несомненно, был не в пользу отца Александра. Это отзыв протоиерея Бориса Борисевича*

* Киприан (Борисевич, Борис, 1903-1980), архиепископ. Выпускник Православного богословского ф-та Варшавского ун-та. В священный сан рукоположен в 1928 году в Польской Православной Церкви. 17.03.1939 года резолюцией архиепископа Виленского и Лидского Феодосия (Феодосиева) причислен к храму Виленского Свято-Духовского монастыря. В ноябре 1939 года митрополитом Елевферием (Богоявленским) был принят в клир Литовской епархии с сохранением должности. В феврале 1940 года назначен сверхштатным священником Пречистенского кафедрального собора г.Вильно. 13.04.1942 года Экзарх Сергей (Воскресенский) назначил о. Бориса ключарем Ковенского Благовещенского собора. Эвакуировавшись из Литвы осенью 1944 года, о.Борис получил назначение от митр.Серафима (Лядэ) обслуживать религиозные нужды православных в Линце (Австрия), а 14.08.1945 года был переведён в Аугсбург для организации там православного прихода. Член Епископского

о Миссии и отце Александре. Отец Борис являлся председателем Миссионерского комитета Германской епархии.

В Германию он был эвакуирован из Литвы, где служил также на поприще миссионерства. К отцу Борису за поддержкой обратился сам отец Александр Чернай. Но отец Борис на основании изучения документов Миссии сделал свои выводы из этого дела и сообщил о них митрополиту Серафиму (Лядэ):

«Просмотрел я всё дело Миссии, возглавляемой о. Протоиереем Александром Чернаем, и нахожу, что решение Викариального совета и Владыки Архиепископа Филофея являются вполне правильными и реальными. На основании материалов можно думать, что название и форма Миссии, как о.Чернаю, так и членам Правления Миссии были нужны для своих личных выгод, а не для дела Миссии. За время существования Миссии о. Чернай не сумел снискать доверия ни духовенства, которое с ним работало, ни даже светских лиц, бывших в Правлении Миссии и вышедших из него. Отчёты, присланные о.Чернаем Владыке Филофею, а также имеющиеся у меня, к сожалению, не проливают света на миссионерскую работу, а как работа Миссии выставляются мирские дела, ничего общего с миссионерской работой не имеющие. ... В роли разъездного священника о. Чернай будет вполне на месте. Считаю только необходимым, чтобы Владыка Филофей в своей инструкции о.

совета и председатель Миссионерского Комитета Германской епархии. С 1949 года в Америке. Служил в Православной Церкви Америки. После кончины супруги в 1961 году принял монашество с именем Киприан и был хиротонисан во епископа Вашингтонского, викария Нью-Йоркской епархии.

Чернаю обязал его представлять ему на утверждение план своей работы и поездок на наступающий месяц. Поездки о.Черная должны совершаться по этому утверждённому плану. Без благословения Владыки он не должен ездить по приходам. Это необходимо сделать, чтобы направить работу о.Черная по известному руслу. Я знаю о.Черная ещё по литовской епархии. В нем есть хорошие задатки, но он должен чувствовать над собою твёрдое руководство и тогда сможет работать вполне удовлетворительно»²².

Лишь спустя два месяца митрополит Серафим (Лядэ) вынес своё решение по поводу апелляции отца Александра. Определением от 25.08.1947 года митрополит Серафим утвердил постановление совещания духовенства Гросс-Гессенского викариата от 13.05.1947 года с оставлением отца Александра Черная в должности разъездного священника. 01.10.1947 года члены Правления Миссии провели своё последнее заседание. Под руководством отца Александра в заседании принимали участие члены Правления – С. К. Наместник, В. И. Курилов, М. М. Уздемир, В. И. Мещанинов, а также члены Миссии Р. И. Заворотнова и Е. Н. Заворотная. Отец Александр зачитал указ митрополита Серафима (Лядэ) о ликвидации Миссии, заявив, что работа Миссии с этого момента прекращается и поблагодарил всех сотрудников за бескорыстную и высокополезную деятельность на поприще служения Церкви и ближнему в течение одного года и восьми месяцев существования Миссии. С. К. Наместник, обращаясь к отцу Александру с ответным словом, так охарактеризовал руководителя Миссии:

«Характерной чертой всей Вашей деятельности было всегда то, что Вы следовали священным заветам: «воз-

любви ближнего, как самого себя» и «вера без дел мертва есть». Помимо Вашей деятельности как пастыря, Вы совершали большое русское дело, и я этого никогда не забуду и с почтительной благодарностью буду вспоминать Вас. Убеждён, что все члены Миссии разделяют выраженные мною чувства и мысли»²³.

Все дела и бумаги Миссии были переданы главе Гросс-Гессенского викариатства архиепископу Филофею (Нарко). Недолго прослужил отец Александр в качестве разъездного священника викариатства. В начале 1948 года он получил приглашение от архиепископа Восточно-Американского и Нью-Джерсийского Виталия (Максименко) занять место священника во вверенной ему епархии. Отец Александр согласился на это предложение, тем более что его дочь Елена уже переехала в Америку, выйдя замуж в Германии за американского военного Джона Ковальского. В феврале 1948 года, получив канонический отпуск из Германской епархии, отец Александр с детьми отправился в Америку, где ему предстояло с первых же дней заняться миссионерской деятельностью.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Послевоенное время в церковном отношении митрополит Берлинский и Германский Серафим (Лядэ) в докладе на заседании Епархиального собрания 16-17.07.1946 года охарактеризовал как «процесс собирания епархии и восстановления церковной жизни»²⁴. Глубокая религиозность контингента перемещённых лиц выразилась в возникновении множества православных общин и церквей на территории Германии. В этом отношении вторая половина 1940-х годов в истории Германской епархии – явление уникальное. Большого количество приходов одновременно в Германской

епархии в другие периоды её истории не существовало. Благоприятствовало росту приходов и увеличение количества священнослужителей, эвакуированных в Германию в результате военных событий. В числе духовенства были известные церковные деятели, высокообразованные и опытные пастыри, миссионеры и проповедники, которые явились духовной и нравственной опорой для сотен тысяч ДиПи в послевоенной Германии. Свой заметный вклад в дело духовного окормления перемещённых лиц в Германии внёс и известный выходец из Литвы, миссионер-протоиерей Александр Чернай. Созданная инициативой отца Александра Православная Миссия в Гессен-Нассау просуществовала всего семнадцать месяцев, но и за это короткое время духовную и материальную поддержку в Миссии получили сотни нуждающихся ДиПи. Необходимо учитывать, что о.Александр основывал общины и церкви для ДиПи в районах, где не было священнослужителей и церквей. Он бескорыстно шёл с миссией к своим бывшим соотечественникам. Не всегда критика деятельности Миссии носила конструктивный характер, но отец Александр с соратниками готовы были рассмотреть любые предложения по реорганизации Миссии, чтобы сохранить возможность помогать обездоленным ДиПи. Безусловно, отец Александр, как человек сам относившийся к категории ДиПи, понимал, что созданная им Миссия носит временный характер. ДиПи жили в атмосфере неопределённости и страха за свою судьбу. Многих из них ожидала репатриация на родину или эмиграция в заокеанские страны. И поэтому для отца Александра важно было этот краткосрочный период существования ДиПи в Германии наполнить христианским смыслом. Важно отметить, что перед Епархиальным руководством стояли сложные задачи развития церковной жизни в условиях

политической нестабильности. Деление Германской епархии на викариатства было процессом необходимым и своевременным. Но при возникновении викариатств функции некоторых уже существовавших церковных учреждений оказывались дублирующими по отношению к викариальным властям – гуманитарные миссии, представительство в светских и религиозных организациях, взаимоотношения с местными немецкими и оккупационными властями и т.д. Поэтому вопрос реорганизации церковных учреждений был назре-

шим. В случае с Миссией в Гессен-Нассау реорганизация закончилась ликвидацией Миссии. Но за отцом Александром была сохранена должность разъездного священника Гросс-Гессенского викариатства, что позволило отцу Александру ещё некоторое время окормлять общины и группы православных ДиПи, входивших ранее в сферу окормления Миссии. Своим дальнейшим служением в Америке и в Южной Африке отец Александр доказал, что миссионерство для него – неотъемлемая часть служения Церкви.

Приложение

Устав Православной Миссии в ГЕССЕН-НАССАУ²⁵ (ПРОЕКТ)

§ 1. Наименование Миссии: «Православная Миссия в Гессен-Нассау».

§ 2. Цель миссии:

а) Духовно-религиозное обслуживание всех православных, живущих вдали от церкви на территории Гессен-Нассау и религиозно-духовное воспитание их.

б) Моральная и материальная помощь своим пасомым.

§ 3. Деятельность миссии распространяется на провинцию Гессен-Нассау.

§ 4. Миссия принадлежит к Русской Православной Церкви Заграницей и находится в непосредственном подчинении митрополиту Германскому и Берлинскому.

§ 5. Возглавляет миссию её руководитель.

§ 6. Миссия имеет свою печать.

§ 7. Место пребывания миссии – город Бад-Наугейм.

§ 8. Управляет делами миссии Правление, в состав которого входят:

а) Руководитель миссии.

б) Все лица духовного звания, работающие в миссии.

в) Сотрудники миссии, предложенные руководителем в состав Правления.

г) Представители от основанных миссией церковных общин.

§ 9. Руководитель миссии является председателем Правления.

§ 10. Правление избирает из своей среды: секретаря, для заведования делопроизводством и всей перепиской по делам миссии; казначея, для заведования суммами Миссии.

Примечание: Должность секретаря и казначея могут быть совмещаемы.

§ 11. За исполнение трудов по делам миссии руководителю и секретарю миссии полагается вознаграждение, размер которого устанавливается Правлением.

§ 12. Очередные заседания Правления назначаются не менее одного раза в месяц.

§ 13. В экстренных случаях по распоряжению руководителя миссии может быть назначено чрезвычайное заседание Правления.

§ 14. Все постановления Правления должны быть запротоколированы.

§ 15. На заседания Правления могут быть приглашены лица, не входящие в состав Правления миссии, но приглашённые

руководителем с правом совещательного голоса.

§ 16. Отчёт о деятельности миссии представляется Митрополиту каждые два месяца.

§ 17. В местах разсеяния православных миссией могут быть организованы церковные общины применительно к местным условиям.

§ 18. Представители этих общин обязаны поддерживать постоянную связь с Правлением миссии.

§ 19. Средства миссии состоят из добровольных пожертвований, сборов по подписным листам и добродетельных отчислений из доходов церковных общин.

§ 20. Имущество церковных общин, созданное средствами самих общин, является их собственностью.

§ 21. В церковных общинах составляются описи всего имущества и производит-

ся учёт денежных средств. Копия описи представляется в Правление миссии для сведения.

§ 22. Для ревизии денежной и хозяйственной отчётности миссии избирается по одному представителю в трёх церковных общинах по указанию руководителя. Они составляют ревизионную комиссию, заключения которой передаются в Правление для представления при очередном отчёте Митрополиту.

§ 23. Ревизионная комиссия созывается руководителем миссии не реже одного раза в год.

§ 24. Для изменения или дополнения Устава необходимо постановление Правления. Это постановление представляется на утверждение Митрополиту.

§ 25. В случае ликвидации миссии всё оставшееся имущество и денежные средства передаются в распоряжение Митрополита.

ОТЧЁТ О МИССИОНЕРСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ О. ПРОТОИЕРЕЯ
АЛЕКСАНДРА ЧЕРНАЙ С 16 ФЕВРАЛЯ
ПО 30 АПРЕЛЯ 1946 ГОДА²⁶.

16.02.46 – Посещение во **Франкфурте** начальника по религиозным делам (Mist. Major Kait Mil.Gouvern). Получено одобрение и оказано содействие.

17.02 – деревня **Ostheim** (группа православных). Молебен. Духовная беседа.

19.02 – деревня **Niedermühle** – причастие больной русской женщины.

22.02 – город **Friedberg** – бараки за городом у разбитого сахарного завода – небольшая группа (21 чел.) православных в тяжёлых условиях. Крещение младенца. Духовная беседа. Раздача одежды бедным детям, приобретённой посредством добровольных пожертвований.

24.02 – лагерь **Hanau** – Литургия в кирхе. Отпевание (заочное).

26.02 – город **Butzbach** – Молебен с акафистом. Отпевание (заочное) убитого Полтавцева. Совершена служба в частном доме. 27.02.02.03 – был болен.

03.03- город **Bad Nauheim** – Литургия (в собственной квартире) для заготовки Св. Агнецв.

05.03 – лагерь **Hanau** – 6.03 в 10 часов утра Литургия Преждеосвященных Даров. Исповедников и причастников 27 чел.

09-11.03 – город **Arolsen** – по предложению главной квартиры UNRRA для совершения богослужения для православных служащих и живущих в лагере. Вечером 9.03 – вечерня и исповедь, 10.03 – Литургия (в кирхе). 11.03-представление властям UNRRA.

12.03. – город **Frankfurt** – представление уполномоченному при главной квартире UNRRA мистеру Вое с рекомендательным письмом от главного управления UNRRA.

Получение от него разрешения на посещение лагерей и полномочия на Hessen.

15.03 – город **Hanau** – Литургия. Вечером духовная беседа.

18.03 – лагерь **Korbach** – Краткое богослужение и беседа.

27.03 – лагерь **Hanau** – Литургия. Причастников 13 человек.

29.03 – город **Butzbach** – Литургия Преждеосвященных Даров, перед ней исповедь.

31.03 – город **Friedberg** – Литургия в сослужении с о.Протоиереем Павлом Жиромским. Перед ней исповедь.

01.04 – город **München** – Представление Митрополиту Серафиму и Синоду. Получено благословение Высокопреосвященнейшего Владыки.

03.04 – лагерь **Hanau** – Литургия. Исповедь. Крещение младенца. Заочное отпение.

05-06.04 – лагерь **Korbach** – прибытие 5.05 в 7 часов вечера, 6.04-в 10 часов утра- Богослужение, исповедь и причастие.

06.04 – город **Arolsen** – 7 часов вечера- Всенощная в главной квартире UNRRA, после всенощной исповедь.

07.04 – ----- – Литургия (Благовещенье).

08.04 – ----- – в главной квартире UNRRA ходатайство о выдаче бедным православным продовольственных пакетов к празднику Св.Пасхи.

10.04 – лагерь **Hanau** – Литургия в кирхе. Переговоры и хлопоты в связи с организацией устройства своего православного храма.

12.04 – город **Friedberg** – Литургия /по просьбе группы православных, живущих там/. Совершение таинства миропомазания над двумя детьми.

14.04 – лагерь **Hanau** – Литургия.

15.04 – лагерь Allendorf – по приглашению сербов богослужение. Там же посещение двух русских лагерей. Связь с местным комитетом UNRRA. Назначение периодических богослужений.

17.04 – лагерь **Wetzlar** – Связь с Иеромонахом Серафимом, совершающим богослужения в городе для православных лагеря. Лагерная церковь таинственно сторела. Иеромонах Серафим находится в тяжёлых условиях. Предприняты шаги перед UNRRA для улучшения как его положения, так и церкви. Получение в главном складе UNRRA продовольственных подарков для бедных православных, живущих вне лагерей (в рассеянии) по представленному списку.

18.04 – лагерь **Hanau** – (Великий Четверг). В 8 часов утра освящение престола и устройство церкви в помещении, предоставленном UNRRA. В 10 часов утра Литургия. Вечером в 7 часов- чтение 12 Евангелий.

19.04 – там же. В 2 часа дня в своей православной церкви вечерня с выносом плащаницы. В 7:30 часов вечера утренняя с чином погребения.

20.04 – там же, исповедь в 8 часов утра. В 9 часов Литургия. Отмечается большое число говеющих (около 100).

21.04 – там же. Светлое Христово Воскресение. В 12 часов ночи Пасхальная заутреня. Переполненный храм. Прекрасно пел вновь организованный хор под руководством о.Протоиерея Николая Павского. Большое количество причастников. Днём поездка на автомобиле по разным населённым пунктам для раздачи продовольственных пасхальных пакетов бедным православным. Большая радость и благодарность этих людей.

22.04 – город **Butzbach** – Пасхальная утренняя. Раздача пасхальных пакетов.

23.04 – деревня **Ostheim** – Крещение младенца.

24.04 – лагерь **Hanau** – Вторая Пасхальная Литургия. Раздача св.Артоса.

26.04 – город **Arolsen** – (выехал в 9 часов утра, приехал в 7 часов вечера).

27.04 – В 9 часов утра, на предоставленной UNRRA машине в город **Korbach**, где совершено Пасхальное богослужение. В 1 час дня возвратился в гор. **Arolsen**. В 7 часов вечера Пасхальная утренняя.

28.04 – Пасхальная Литургия. Весьма стройно пел хор, организовавшийся из православных служащих UNRRA. В 8 ча-

сов вечера поминовение усопших, панихида.

29.04 – Совещание по поводу устройства своей православной церкви в Арользене. Выражено желание сотрудников Миссии устроить церковь в честь 12 Апостолов.

Протоиерей А. Чернай. 1946, мая 1-го дня.

ДОКЛАД ПРОТОИЕРЕЯ АЛЕКСАНДРА
ЧЕРНАЯ НА ЗАСЕДАНИИ ЧЛЕНОВ
ПРАВЛЕНИЯ МИССИИ В ГЕССЕН-
НАССАУ. 18.10.1946, БАД-НАУГЕЙМ²⁷.

Ваше Высокопреосвященство и высокое собрание, позвольте доложить мне о деятельности Миссии и планах её на будущее.

Этот доклад представляется Вашему Высокопреосвященству для Вашего заключения и направления Владыке Митрополиту Серафиму, согласно личного его распоряжения 6 октября с/г в г. Висбадене.

В соответствии § 2 нашего Устава, в котором указана цель Миссии, Миссия развивала свою работу, преследуя следующие цели:

а) духовно-религиозное обслуживание всех православных, живущих на территории Hessen-Nassau вдали от церквей. За прошедший период было достигнуто следующее, а именно: объезжались места рассеяния православных людей, велись духовные беседы, совершались требы и там, где позволяла обстановка, совершались богослужения. Мною приглашались священники – Прот. Павел Жиромский, в начале помогавший в работе, уехавший в Америку, и о. Серафим Фетисов (иеромонах).

Запуганные и загнанные судьбой люди в силу исключительных, ненормальных обстоятельств, в начале шли недоверчиво на службу, боясь проявить себя православными, ибо если православный, стало быть –

русский, а если русский – так значит увезут насильно на восток, таково было настроение. Вот почти везде была такова обстановка. Надо прежде было заслужить какое-то доверие этих людей, чтобы создать хотя бы небольшую группу православных, которая могла бы оказывать и на других благотворное влияние; вот в этом было самое трудное в начале, что нужно было систематическими выездами и службами преодолевать. Впоследствии организовались общины православные, где хотя и при большом напряжении, но по местным условиям удалось организовать и открыть общинные церкви, кои в наличии к данному времени следующие: I. Напац, в честь преп. Сергия Радонежского Чудотворца; II. Арользен, в честь 12 Апостолов; III. Гуденсберг, в честь Покрова Пресвятой Богородицы; IV в данное время организуется образованной православной общиной церковь в Гиссене в честь св. Чудотворца Николая.

б) Вторая цель Миссии – моральная и материальная поддержка, о чём должен сказать, что среди живущих православных в рассеянии нужда очень велика и мною изыскивались все возможности для оказания помощи этим людям, но к великому сожалению, помощь, оказанная Миссией, была гораздо меньше той, каковую желательно было бы оказать нуждающимся. Миссия стремилась использовать все возможности, хотя это было очень нелегко, в

связи с общим тяжёлым экономическим положением, а также благодаря отсутствию материальных средств Миссии.

Удалось добиться тесного контакта с начальником Религиозного отдела, майором Кайт, Американским командованием и с главной квартирой UNRRA, которые во всех наших начинаниях охотно шли и идут навстречу. От UNRRA получены правомочия на посещение всех лагерей DP в Hessen-Nassau. Благодаря этому тесному контакту, удалось получить на складах UNRRA некоторое количество одежды и обуви, которая была роздана нуждающимся православным.

К празднику св. Пасхи были получены пасхальные подарки для опекаемых Миссией. Кроме того, налажена связь с ИМКА, с директором её на всю Германию др. Дэвисом, снабдившим нас некоторым количеством Евангелий, книгами русских классиков. Евангелия все розданы. А русские книги читаются с жадностью людьми в рассеянии, истосковавшимися по русскому литературному слову. Обещено более в широкой степени снабдить нас ещё Евангелиями и библиями, русскими книгами, букварями, учебниками Закона Божия, тетрадами и карандашами. На днях я имел свидание с директором отдела ИМКА проф. Филиповым, который сообщил мне, что после первого числа будущего месяца это будет получено, так как транспорт ИМКОЙ за этим отправлен в Любек.

Благодаря связи с ИМКОЙ организована сейчас небольшая пока библиотека, кроме полученных книг ИМКА выписываются все периодические издания, как то: журналы, газеты и бюллетени, духовные и светские, что даёт возможность читателю знакомиться с положением эмиграции, а также получать духовное утешение. Несмотря на её малость, она обслужила 250 человек.

В частности, Миссия заботится и об осуждённых лицах, попавших в тяжёлое

положение, считая своим долгом помочь ближнему. Возбуждено ходатайство о смягчении участи одного осуждённого русского высокопорядочного и уважаемого всеми человека, осуждённого по своей неосторожности на 3 года тюремного заключения. ... Также и в других разнообразных случаях Миссии приходится хлопотать то об одном, то о другом лице, защищая православные интересы и православных. Вот всё, что до сего времени делалось.

Что же касается планов на будущее, указать точно трудно, так как они весьма разнообразны и зависят, с одной стороны, от дальнейшей деятельности Миссии, а с другой стороны – от местных условий. Я считал бы, что планы на будущее заключаются в следующем:

I. Поддержание связи и духовного окормления лиц, находящихся в пунктах рассеяния православных людей, с коими ранее была установлена связь, как то: 1. Butzbach, 2. Ostheim, 3. Alendorf, 4. Гиссен и др.

II. В дальнейшем объезжать православных в рассеянии в новых пунктах, духовно окормлять их, помогать им во всех их нуждах по мере сил, совершать им требы и где возможно – богослужения, создавать общины и общинные храмы, передавая их в распоряжение Высокопреосвященному Архиепископу для поставления в них священников.

В настоящее время кроме Гиссена предполагается создание православных общин в Шварценборне, Шторндорфе, Альсфельде, Бюдингене, так и в районе Касселя-Корбахе и др.

Желательно бы было организовать какую-либо материальную помощь более реальную, для оказания помощи несчастным православным русским людям, находящимся в безвыходном тяжёлом материальном положении: есть больные дети, есть русские инвалиды, например, около

Арользена есть несчастных три инвалида, не могущих быть ДР в силу одних или других обстоятельств, предоставленных своей собственной судьбе и совершенно одинокие, без всяких средств к существованию. И такие люди обращаются за материальной помощью, а оказать помощь нечем.

Посему желательно в дальнейшем всесторонне расширить деятельность на поприще

ОТЧЁТ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВОСЛАВНОЙ МИССИИ ГЕССЕН- НАССАУ ЗА МАРТ-АПРЕЛЬ 1947 ГОДА²⁸.

01.03 – Посещение тяжелобольного, лежащего в госпитале г. Марбурга проездом на Корбах по просьбе служащих амер[иканского] Кр[асного] Креста.

02.03 – **Корбах.** Литургия, после чего духовная беседа.

13.03 – **Гейдельберг.** Посещение с секретарём миссии В.Мещаниновым отдела связи штаба 3-й армии в связи с насущными потребностями миссии.

14.03 – **Бутцбах.** Молебен и духовная беседа.

15.03 – **Бад-Наухейм.** Вынос св. Креста Господня. Сослужение с протопр.В.Виноградовым.

16.03 – **Гиссен.** Литургия, служение совместно с настоятелем церкви иеромонахом Серафимом.

18.03 – **Висбаден.** Посещение Архиепископа Филофея.

20-21.03 – **Гуденсберг.** Посещение секретаря миссии лагеря для свидания с настоятелем и по делам миссии.

22.03 – **Корбах.** Всенощная.

23.03 – ----- . Литургия и духовная беседа.

25.03 – **Бад-Наухейм.** Совершение бракосочетания американского гражданина Юанна Ковальского с Еленой Чернай.

служения ближнему во всех отношениях, главная задача – поддерживать дух православной веры, поучать духовно, подкреплять и морально, а также помогать в трудных обстоятельствах людям, в связи с ненормальными и тяжёлыми условиями жизни.

Прот. А. Чернай

26.03 – **Висбаден.** Поездка к Архиепископу Филофею и свидание с и.д. секретаря Владыки.

02.04 – **Кассель.** Посещение секретарём Миссии представителя Германского отдела У.М.С.А. д-ра Штанге и совещание с ним о делах Миссии. Обещано полное содействие работе Миссии.

03.04 – **Матенберг.** Посещение секретарём Миссии лагеря в связи с предстоящим приездом руководителя Миссии и выяснение числа православных.

05-06.04 – **Гиссен.** Всенощная и Литургия в сослужении с настоятелем храма Иеромонахом Серафимом. После службы поездка в Гуденсберг по приглашению.

07.04 – **Гуденсберг.** Посещение лагеря в день Благовещения с Секретарём Миссии. Литургия.

Служение при Настоятеле храма А.Марцинюке.

08.04 – **Матенберг.** Всенощная и духовная беседа накануне, а в самый день литургия. Великий Вторник. Исповедывалось и причащалось 21 человек.

09.04 – **Бутцбах.** Литургия. Прибытие православных из Остхайма. Исповедывалось и причащалось 13 человек. Сослужил Иеромонах Серафим.

10.04 – **Гиссен.** Чтение 12 Евангелий. Служение с Иеромонахом Серафимом.

11.04 – **Гиссен.** Вынос Плащаницы, вечером принятие участия в погребении в

Бад-Наухайме, сослужение с Протопресв. В.Виноградовым.

12.04 – **Гиссен**. Утренняя в 7 часов утра с чином погребения, после того вечера.

13.04 – **Корбах**. Посещение с членом Правления Миссии М.М.Уздемиром. Пасхальная заутреня, присутствовало свыше 40 человек, 1 причащался. Всего за Великий Пост исповедывалось и причащалось 31 человек. Начало службы в 12 часов ночи, после заутрени – литургия. Общая разговорень.

17.04 – **Альсфельд и Шторндорф**. Пасхальный молебен и духовная беседа. Посещение Секретарем Миссии Архиепископа Филофея в Висбадене по делам Миссии.

19.04 – **Корбах**. Пасхальная вечерня.

20.04- Совершено бракосочетание директора отдела ЮНРРА Виктора Павельса с Ниной Глидзе, того же дня посещение с крестом православных Арользена и Ландау, а также посещение Менхгофа и сове-

щание с протоиереем М.Зноско по делам Миссии.

25.04 – **Бад-Наухайм**. Заседание правления Миссии.

26.04 – **Матенберг**. Поездка с секретарём Миссии. Всенощная и духовная беседа.

27.04 – **Матенберг**. Литургия. Присутствовало 60 человек. Исповедывалось и причащалось 38 человек, после чего совершено крещение младенца и напутственный молебен. За время с 1 часа дня до 10 часов вечера Протоиерей А.Чернай обошёл дома православных лагеря с пасхальной литией.

28.04 – **Матенберг**. Совещание с представителями Литовского Комитета лагеря для выяснения количества православных в лагере с целью привлечения их к участию в церковной жизни. Возвращение в Бад-Наухайм.

Протоиерей А.Чернай

Summary

The article of German archivist Anatoly Kinstler is devoted to the activities of the «Orthodox Mission in Hessen Nassau», founded by a Lithuanian immigrant in the post-war Germany – the Archpriest Alexander Chernay (Archimandrite Alexis in monasticism).

A famous Orthodox Missionary Father Alexander Chernay left Lithuania for Germany in 1944. His ministrations in Germany were focused on the spiritual and the material support of the Orthodox Christians from the population of Displaced Persons. The Orthodox mission, founded by the Father Alexander in Hessen Nassau, worked just 18 months, nevertheless even during so short period of time it offered spiritual and material support to hundreds of the Displaced Persons

lived in the region. It needs to be noticed that Archpriest Alexander founded parishes and churches in regions where no any Orthodox churches or the priests were worked before.

Based on the documentation from the archive of the German Eparchy of the Russian Orthodox Church Abroad, the author of the article investigates the activities of the Mission in Hessen Nassau and the reasons of its closedown by the management of the German Eparchy. As an addendum to the article, for the first time, the most important documents of the Mission, i.e. draft regulations, missionary reports and the report by Father Alexis during the conference of the board members of the Mission have been published.

Reference list

- 1 Rasporjzhenija Vysokopreosvjashhenijshego Serafima, Mitropolita Berlinskogo i Germanskogo i Sredne-Evropskogo Mitropolich'ego okruga. Avgust 1946. Otchet mitropolita Serafima (Ljadje) na Eparhial'nom Sobranii Germanskoj Eparhii, sostojavshegosja v g. Mjunhene 16-17 ijulja 1946g., l.1-7
- 2 Zhiznennyj put' russkogo svjashhennika. Iz vospominanij otca Arhimandrita Alekseja (Chernaj). Izd.: Globus, San-Francisko, 1981, s. 167
- 3 Zhiznennyj put' russkogo svjashhennika. s. 172.
- 4 Pis'mo protoiereja Aleksandra Chernaja mitropolitu Serafimu (Ljadje) ot 23.10.1945 goda. AGE, F.2, Op.1, d.1, ch.34, l.36-38
- 5 Pis'mo starosty cerkvi v Ganau polkovnika E.V.Shvidkovskogo i K.R.Jellersa predstojatelju RPCZ mitropolitu Anastasiju (Gribanovskomu) ot 06.05.1946 goda. AGE, F.2, Op.1, d.1, ch.34, l.22-24
- 6 JuNRRRA – ot angl. abbreviatury UNRRA (United Nations Relief and Rehabilitation Administration)- Administracija pomoshhi i vosstanovlenija Ob»edinennyh nacij.
- 7 Pis'mo protoiereja Aleksandra Chernaja predstojatelju RPCZ mitropolitu Anastasiju (Gribanovskomu) ot 04.05.1946 goda. AGE, F.2, Op.1, d.1, ch.34, l.20-21
- 8 Pis'mo protoiereja Aleksandra Chernaja predstojatelju RPCZ mitropolitu Anastasiju (Gribanovskomu) ot 04.05.1946 goda. AGE, F.2, Op.1, d.1, ch.34, l.20-21
- 9 Hronika pravoslavnoj Missii v Gissen-Nassau, 1947 god. AGE, F.3, Op.1, Korobka 5, d.5/4, b/l
- 10 Pis'mo protoiereja Aleksandra Chernaja predstojatelju RPCZ mitropolitu Anastasiju (Gribanovskomu) ot 04.05.1946 goda. AGE, F.2, Op.1, d.1, ch.34, l.20-21
- 11 Zhiznennyj put' russkogo svjashhennika. ..., s. 172
- 12 Pis'mo mitropolita Serafima (Ljadje) protopresviteru Vasiliju Vinogradovu ot 05.04.1946 goda s vypiskoj iz ukaza o zapreshhenii otca Aleksandra Chernaja v svjashhennosluzhenii. AGE, F.2, Op.1, d.1, ch.34, l.30
- 13 Pis'mo mitropolita Serafima (Ljadje) protopresviteru Vasiliju Vinogradovu ot 15.04.1946 goda. AGE, F.2, Op.1, d.1, ch.34, l.31
- 14 Pis'mo protoiereja Aleksandra Chernaja predstojatelju RPCZ mitropolitu Anastasiju (Gribanovskomu) ot 04.05.1946 goda. AGE, F.2, Op.1, d.1, ch.34, l.20-21
- 15 Otzyv ob otce Aleksandre Chernae ego byvshego sosluzhivca protoiereja Gerasima Shoreca ot 13.05.1946 goda. AGE, F.2, Op.1, d.1, ch.34, l.28
- 16 Protokol #3 Arhierijskogo Sobora Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi Zagranicej ot 26 aprelja / 9 maja 1946 goda. AGE, F.4, Op.2, Korobka 18, d.18/1, s.33-34
- 17 Kanonicheskij otpusk iz Germanskoj eparhii, vydannyj protoiereju Aleksandru Chernaju. AGE, F.2, Op.1, d.1, ch.34, l.1-1 ob.
- 18 Zhiznennyj put' russkogo svjashhennika. .... s. 173
- 19 Protokol sobranija chlenov Pravlenija Missii v Gessen-Nassau ot 18.10.1946 goda. AGE, F.3, Op.2, Korobka 54, d.54/1, b/l
- 20 Rasporjzhenie arhiepiskopa Filofeja (Narko) ot 20.06.1947 goda o likvidacii Missii v Gessen-Nassau i sohranении za otcom Aleksandrom Chernaem prav i objazannostej raz»ezdnogo svjashhennika. AGE, F.3, Op.2, Korobka 54, d.54/1 b/l
- 21 Pis'mo protoiereja Aleksandra Chernaja mitropolitu Serafimu (Ljadje) ot 25.06.1947 goda. AGE, F.3, Op.2, Korobka 54, d.54/1, b/l
- 22 Pis'mo predsedatelja Missionerskogo kom-ta Germanskoj eparhii prot. Borisa Borisevicha mitr. Serafimu (Ljadje) ot 30.06.1947 goda s otzyvom o dejatel'nosti Pravoslavnoj Missii v Gessen-Nassau. AGE, F.3, Op.2, Korobka 54, d.54/1, b/l
- 23 Protokol sobranija chlenov Pravlenija Missii v Gessen-Nassau ot 01.10.1947 goda. AGE, F.3, Op.2, Korobka 54, d.54/1, b/l
- 24 Rasporjzhenija Vysokopreosvjashhenijshego Serafima, Mitropolita Berlinskogo i Germanskogo i Sredne- Evropskogo Mitropolich'ego okruga. Avgust 1946. Otchet mitr.Serafima (Ljadje) na Eparhial'nom Sobranii Germanskoj Eparhii, sostojavshegosja v g.Mjunhene 16-17 ijulja 1946g., l.4
- 25 AGE, F.3, Op.1, Korobka 5, d.5/4, b/l., Rukopis'. Podlinnik.
- 26 AGE, F.2, Op.1, d.1, ch.34, l.25-26 ob., Rukopis'. Podlinnik.
- 27 AGE, F.3, Op.2, Korobka 54, d.54/1, b/l., Rukopis'. Podlinnik.
- 28 AGE, F.3, Op.2, Korobka 54, d.54/1, b/l., Rukopis'. Podlinnik.

Сергей Мянник (Эстония)
Sergey Mannik (Estonia)

Митрополит Таллиннский и всея Эстонии Александр (Паулус)

Metropolitan of Tallinn and All Estonia Alexander (Paulus)

В истории Православия на Эстонской земле значительную роль сыграл митрополит Таллиннский и всея Эстонии Александр (Паулус). Он руководил эстонской паствой в течение почти 25 лет. Его деятельность, принятые решения и поступки и в наши дни вызывают ожесточённые споры и конфликты как в Эстонии, так и в мире.

Митрополит Александр, в миру Александр Паулус, родился в эстонской крестьянской семье 2(15) февраля 1872 года в местечке Орикюла Перновского уезда Лифляндской губернии. Отец мальчика Карл (06.10.1826-03.11.1877), при крещении получивший православное имя Кирилл, имел свое фермерское хозяйство, а мать Лийза (20.02.1832-08.07.1897), в крещении Елизавета, занималась воспитанием детей и ведением домашнего хозяйства. Таинство крещения младенца совершил настоятель храма Петра и Павла в Вяндра священник Дионисий Вяльбе*. В 1877 году ребенок

потерял отца, который утонул, переплывая реку. Хозяйством стал управлять старший брат Александра – Ганс (21.11.1854-1939), который, насколько это возможно, постарался заменить отца для маленького мальчика. В 1881 году Александр поступил во вспомогательную школу прихода Вяндра и в 1883 году успешно перешёл в основную приходскую школу. Как лучший ученик в 1884 году он был направлен в Рижское духовное училище, по окончании которого продолжил обучение в Рижской духовной семинарии, повторив судьбу многих своих православных сверстников, желавших получить образование.

В 1894 году Александр Паулус окончил семинарию по II разряду, его однокурсниками были будущий священномученик протоиерей Михаил Блейве**, митрофор-

Петра и Павла в Сууре-Яани с 1885 г. до кончины.

* Вяльбе Дионисий (1847-1906), священник. Окончил Рижскую духовную семинарию (РДС). Рукоположён во пресвитера в 1869 г. Настоятель храма во имя Петра и Павла в Вяндра 1869-1885,

** Блейве Михаил (1873-1919), протоиерей. Окончил РДС в 1890 г. Рукоположён во пресвитера в 1900 г. С 1916 г. клирик Успенского собора в Тарту. 14 января 1919 года убит эстонскими большевиками в Тарту вместе с епископом Платоном

ный протоиерей Николай Пятс*, многолетний секретарь Синода Эстонской Апостольской Православной Церкви (ЭАПЦ) протоиерей Дионисий Самон**. Выпускник семинарии был зачислен в клир Рижской епархии и определён на должность псаломщика-учителя прихода во имя равноапостольной княгини Ольги в деревне Лейзи. В 1897 году молодой человек, как один из лучших учителей, получил повышение и был переведён в Никольский приход в Колга-Яани уже на должность старшего псаломщика-учителя, а оттуда в 1900 году – в городской приход во имя Иоанна Предтечи в Феллине***. В 1901 году Александр Паулус обвенчался с Зинаидой Ахтманн, дочерью псаломщика из Пярну. Позднее в браке родились сын Александр (13.09.1902-17.10.1973) и дочь Тамара (06.01.1906-?).

26 августа 1901 года епископ Рижский и Митавский Агафангел (Преображенский)****

и протоиереем Николаем Бежаницким. Причислен к лику новомучеников на Архиерейском соборе РПЦ 2000 года.

* Пятс Николай (1871-1940), митрофорный протоиерей. Брат первого президента Эстонской республики Константина Пятса. Окончил РДС, рукоположён во пресвитера в 1899 г. Настоятель храма Симеона и Анны в Таллинне (1919-1936) и Александро-Невского кафедрального собора (1936-1940). Председатель Синода ЭАПЦ 1920-1930 и 1935-1940 гг.

** Самон Дионисий (1871-1950), протоиерей. Окончил РДС. Рукоположён во пресвитера в 1896 г. В 1922-1938 гг. настоятель Николаевской Коплиской церкви Таллинна. Секретарь Синода ЭАПЦ 1920-1941 гг.

*** Феллин до 1919 года. Ныне город Вильянди, эст. *Viljandi*

**** Агафангел (Преображенский) Александр Лаврентьевич, 1854-1928), митрополит. В 1889 г. хиротонисан во епископа Киренского, викария Иркутской епархии. 1893-1897 гг. епископ Тобольский и Сибирский. С 4.10.1897 – епископ Рижский и Митавский. 6.05.1904 возведён в сан архиепископа. 1910-1913 гг. на Литовской кафедре. С декабря 1913 г. архиепископ Ярославский и Ростовский. Один из трех кандидатов, названных

рукоположил Александра Паулуса в Рижском кафедральном соборе во диакона, а через три дня во пресвитера. Первым назначением священника был храм Рождества Христова в Кыргессааре на острове Даго****. В 1903 году отец Александр, согласно поданного прошения, был переведён в храм во имя Алексия митрополита Московского поселка Нуйя, а оттуда в 1908 году в храм Рождества Богородицы Лайузского прихода. Летом 1909 года семью Паулуса постигло большое горе: 20 июля после непродолжительной болезни скончалась матушка Зинаида.

В 1916 году отец Александр был назначен настоятелем крупного Преображенского прихода города Пярну.

8 августа 1917 года на Предсоборном Соповещании Рижской епархии, состоявшегося в Юрьеве****, решался вопрос о выборе делегатов на Поместный Собор Русской Православной Церкви. В своих выступлениях представители приходов Эстонии предложили восстановить Ревельское викариатство и выдвинули кандидатом в епископы протоиерея Павла Кульбуша*****,

патриархом Тихоном на местоблюстительство Патриаршего Престола. Прославлен в лике святых новомучеников и исповедников Российских в 2000 г.

**** Даго – остров Хийумаа Моонзундского архипелага

***** Юрьев ныне город Тарту. В 1030-1224 и 1893-1918 гг. Юрьев, 1224-1893 гг. Дерпт, с 1918 г. Тарту

***** Платон (Кульбуш Павел Петрович, 1869-1919), епископ. Рукоположён во пресвитера в 1894 г. Инициатор строительства в Петербурге эстонской православной церкви во имя Исидора Юрьевского. Благочинный эстонских приходов Санкт-Петербургской епархии. Хиротонисан во епископа Ревельского, викария Рижской епархии 31.12.1917. Временно управляющий Рижской епархией. Убит большевиками 14.01.1919 в Тарту. Причислен к лику святых на Архиерейском соборе в 2000 г.

настоятеля эстонского Исидоровского прихода Петрограда.

Аналогичное предложение последовало и со стороны латышских делегатов: учредить викария для управления латышскими приходами. Архиепископ Рижский и Митавский Иоанн (Смирнов)* на заседании Поместного Собора поддержал обращение делегатов и в своем докладе Синоду представил проект инструкции, в которой подробно изложил права и обязанности викариев. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Тихон** утвердил избрание викарного епископа для Эстонии, и протоиерей Павел был пострижен в монашество с именем Платон. Хиротония архимандрита Платона во епископа Ревельского состоялась 31 декабря 1917 года (13 января 1918 года) в Ревельском Александро-Невском соборе. По благословению Святейшего

Патриарха её совершили митрополит Петроградский и Ладожский Вениамин (Казанский)*** и епископ Лужский Артемий (Ильинский)****.

В условиях продолжающегося наступления германских войск и начинающейся гражданской войны Патриархом Тихоном 10 (23) января 1918 года было принято решение поручить епископу Платону временное управление всей Рижской епархией. Владыка много сил приложил для восстановления разрушенных войной епархиальных структур. Несмотря на сильное противодействие немецких оккупационных властей, в 1918 году преосвященный архипастырь посетил 71 приход, не только в Эстонии, но и в Латвии, совершая богослужения и проповедуя. 2 января 1919 года епископ Платон был задержан в Юрьеве и 14 января зверски убит красными комиссарами в подвале Кредитного банка. Рижская епархия вновь осталась без архипастырского окормления.

После гибели епископа Ревельского Платона для Эстонской Православной Церкви сложилась очень трудная ситуация. Остро встал вопрос об избрании нового архипастыря, который смог бы повести за собой православных в трудных условиях войны и изменения государственно-

* Иоанн (Смирнов Иван Ксенофонтович, 1844-1919), архиепископ. В 1867 г. окончил Санкт-Петербургскую духовную академию со степенью кандидата богословия. В 1883 г. рукоположен во пресвитера. В 1901 г. пострижен в монашество и возведен в сан архимандрита. В 1902 г. хиротонисан во епископа Чебоксарского. В 1910 г. назначен епископом Рижским и Митавским. В 1912 г. возведен в сан архиепископа. 20 сентября 1917 г. переведен на Рязанскую кафедру.

** Тихон (Беллавин Василий Иванович, 1865-1925), Патриарх Московский и всея России. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию в 1888 г. со степенью кандидата богословия. В 1891 г. пострижен в монашество и рукоположен во иеромонаха. 19.10.1897 хиротонисан во епископа Люблинского, викария Холмско-Варшавской епархии. 1898-1907 гг епископ Алеутский и Североамериканский. В 1905 г. возведен в сан архиепископа. С 1907 г. архиепископ Ярославский и Ростовский, впоследствии Виленский и Литовский. В 1917 г. избран митрополитом Московским и Коломенским. 5 (18) ноября 1917 года избран Патриархом Московским и всея России. Скончался 25 марта (7 апреля) 1925 года, в праздник Благовещения. Канонизирован Архиерейским Собором Русской Православной Церкви в 1989 г.

*** Вениамин (Казанский Василий Павлович, 1873-1922), митрополит. В 1895 г. пострижен в монашество и в 1896 г. рукоположен во иеромонаха. В 1910 г. хиротонисан во епископа Гдовского, викария Санкт-Петербургской епархии. С 1917 г. митрополит Петроградский и Гдовский. Расстрелян в 1922 г. В 1992 г. Архиерейским Собором Русской Православной Церкви причислен к лику святых.

**** Артемий (Ильинский Александр Матвеевич, 1870-1937), архиепископ. 30.07.1917 хиротонисан во епископа Лужского, викария Петроградской епархии. В 1922-1923 гг. уклонялся в обновленческий раскол. 1924-1928 гг. в ссылке. В 1928-1930 гг. епископ Олонецкий, в 1930 г. переведен на Тобольскую кафедру. Арестован в апреле 1937 года. Расстрелян 30.08.1937.

Временный Эстонский епархиальный совет. 1919

го строя. 9 февраля 1919 года временный Эстонский епархиальный совет* выступил со специальным сообщением о гибели владыки Платона и опубликовал решение о созыве Собора Эстонской Православной Церкви¹.

21 марта 1919 года на заседании Собора в Таллинне было принято заявление о полной независимости Церкви: «Православная Церковь в Эстонии с точки зрения потребностей эстонского народа и государственного суверенитета должна быть отдельной, независимой, автокефальной Церковью»².

* Временный епархиальный совет (встречается название: временный епископский совет) управлял Эстонской Православной Церковью после гибели епископа Платона. В состав совета входили: священники: Иоанн Паавель, Антоний Лаар, Карп Тизик, Александр Бежаницкий и Николай Пятс. От мирян Николай Канн, Пауль Сепп и Антон Мянгель.

По мнению собравшихся делегатов, возглавить Церковь должен был архиерей в сане архиепископа, он должен был иметь викария в сане епископа. Одним из кандидатов на должность главы Эстонской Православной Церкви, согласно решению, принятому ещё на собрании в августе 1917 года, при единодушном одобрении собравшихся клириков и мирян заочно был избран профессор Александр Каэлас**.

** Каэлас Александр (21.10.1880-19.04.1920) – богослов, философ и психолог. Выпускник РДС (1901), Московской духовной академии (1905, кандидат богословия) и Московского университета (1911), член Поместного Собора Русской Православной Церкви 1917–1918 гг., приват-доцент Московского (1914–1919) и Иркутского (1919–1920) университетов. В 1919 г. заочно избран профессором философии Тартуского университета и кандидатом на кафедру правящего архиерея Эстонской Православной Церкви – епископа Таллиннского и Эстонского. Скончался в Иркутске от тифа.

Протоиерей Александр Паулус был избран кандидатом на замещение должности vicарного епископа, но вскоре после избрания он отказался от предложенной ему хиротонии, формально сославшись на плохое состояние здоровья. Наиболее вероятной причиной отказа было полное отсутствие поддержки со стороны представителей русских приходов, желавших избрания vicарного епископа русского по национальности и воздержавшихся при голосовании.

В октябре 1919 года Высшее Церковное Управление Русской Православной Церкви поручило архиепископу Псковскому Евсевию* «по удостоверению в канонической правоспособности священника Александра Паулуса к посвящению в сан епископа»³ рукоположить его во епископа Ревельского, vicария Рижской епархии. Но такое положение уже категорически не устроило Эстонский епархиальный совет, который в телеграмме протоиерея Карпа Тизика** просит разрешить хиротонисать

* Евсей (Евстафий Евсеевич Гроздов, 1866-1929), архиепископ. Рукоположен во священника в 1890 г. овдовел в 1895 г., пострижен в монашество в 1902 г. Хиротонисан во епископа Угличского, vicария Ярославской епархии в 1906 г. С 1910 г. епископ Тобольский и Сибирский, с 1912 г. Псковский и Порховский. В 1918 г. возведен в сан архиепископа. В 1919 г. управлял Северо-Западными епархиями России, одновременно епископ Северо-Западной армии. В 1920-1925 гг. на покое. С 1.12.1925 архиепископ Нарвский и Изборский.

** Тизик Карп Андреевич (1843-1922), митрофорный протоиерей. Окончил РДС и Московскую

Архиепископ Александр (Паулус)

священника Александра Паулуса как независимого епископа для Эстонии.

Проявляя заботу об организации жизни православной церкви в Эстонии, решением Священного Синода и Высшего Церковно-

духовную академию со степенью кандидата богословия. Рукоположен во пресвитера в 1872 г., служил в храме во имя Марии Магдалины в Хаапсалу, где совершил первое богослужение на эстонском языке. С 1888 г. клирик кафедрального Преображенского собора в Ревеле, а с 1900 г. Александро-Невского собора. С 1919 г. член эстонского епархиального совета, профессор православной кафедры Тартуского университета.

го Совета была учреждена самостоятельная епископская кафедра с титулом Эстонский и Ревельский⁴. Однако и это предложение оставалось долго нереализованным. Последовало новое обращение к Патриарху Тихону: «Православная церковь в Эстонии, сохраняя апостольскую преемственность, отныне должна быть автокефальной, независимой от какой-либо другой церковной власти и именоваться Апостольской православной церковью Эстонии»⁵.

Далее ещё раз упоминается об избрании кандидатов во епископы профессора Александра Каэласа и священника Александра Паулуса.

В апреле 1920 года в Иркутске от тифа неожиданно скончался профессор Александр Каэлас. Это вновь обострило вопрос о правящем архипастыре Эстонии, рассматривался даже вариант «обратиться к англиканскому епископу в Лондоне»⁶. В итоге для решения вопроса о правящем архиерее и автокефалии Эстонской церкви в Москву был командирован⁷ член епископского совета Эстонии директор Ревельской реальной гимназии Павел Сепп*. В ответ на все ходатайства в конце июня 1920 года в Таллинн поступило письмо от митрополита Владимирского Сергия (Старгородского)**, в котором было отмечено: «... при-

* Сепп Павел Иванович (1874-1953) – художник. Образование получил в Петербурге, занимался под руководством И. Репина. В 1919-1920 гг. в составе временного епархиального совета от мирян. Весной 1920 г. вёл переговоры в Москве с патриархом Тихоном, приведшие к дарованию автономии Эстонской Православной Церкви.

** Сергей (Старгородский Иван Николаевич, 1867-1944), Патриарх Московский и всея Руси. Пострижен в монашество и рукоположен во иеромонаха в 1890 г. В 1901 году хиротонисан во епископа Ямбургского, викария Санкт-Петербургской епархии. 1905-1917 гг. архиепископ Финляндский. С марта 1924 г. митрополит Нижегородский. Заместитель Патриаршего Местоблюстителя в 1927-1936 гг., с 1 января 1937 г. Патриарший Местоблюститель. 8 сентября

знать Эстонскую Православную Церковь, согласно её желанию, автономною впредь до разрешения вопроса об автокефалии её Всероссийским Церковным Собором»⁸.

В сентябре 1920 года Собором Эстонской Православной Церкви были вновь проведены выборы правящего архиерея. Настоятель Преображенского храма города Пярну протоиерей Александр Паулус тайным голосованием был избран архиепископом Ревельским и всея Эстонии. Одновременно викарием для русских приходов был избран иеромонах Иоанн (Булин)***. В письме на имя Святейшего Патриарха Тихона председатель Синода ЭПЦ просил утвердить это избрание и лично приехать в Эстонию для совершения хиротонии.⁹

Святейший Патриарх Тихон утвердил избрание на кафедру «правлящего архиепископа Эстонии священника Александра Паулуса, с обязательством его принять, до хиротонии во епископа, рясофор»¹⁰. В этом же письме было указано, «что же касается избрания тем же съездом на кафедру викария для православных русских приходов в Эстонии иеромонаха Иоанна (Булина), то известить Синод Эстонской Церкви... избрание иеромонаха Иоанна, так далеко не достигшего возраста, необходимого по церковным канонам, для принятия епископского сана, не может быть утверждено»¹¹.

1943 г. избран Патриархом Московским и всея Руси.

*** Иоанн (Булин Николай Александрович. 1893-1941), епископ. Окончил РАС в 1915 г. по первому разряду и поступил в Петербургскую духовную академию. По окончании школы прапорщиком в действующей армии в 1916-1917 гг. В 1918 г. пострижен в монашество и рукоположен во иеромонаха. В январе 1919 г. бежал в Эстонию. С 1920 г. наместник Печерского монастыря. 25.04.1926 хиротонисан во епископа Печерского. В 1929-1934 гг. депутат парламента Эстонии. Уволен на покой в 1932 г. Арестован 18.10.1940. Расстрелян 30.07.1941

Святейшего Патриарха власти Советской России не пустили в Эстонию,¹² как написала газета «Печерянин»: «Советская власть, вероятно из боязни, что патриарх не возвратится обратно, отказала ему в этой поездке».¹³

По благословению Патриарха Тихона 4 декабря 1920 года в помещении Синода ЭПЦ архиепископ Псковский и Порховский Евсевий (Гроздов) и архиепископ Финляндский и Выборгский Серафим (Лукьянов)* совершили наречение протоиерея Александра Паулуса во архиепископа Ревельского и всея Эстонии.¹⁴

На следующий день в Ревельском (Таллинском) кафедральном соборе во имя Александра Невского архиепископами Евсвием и Серафимом была совершена епископская хиротония нового архипастыря Эстонии. В своем поздравлении архиепископу Александру Святейший Патриарх Тихон отметил: «Храним твёрдое упование, что дарование автономии Эстонской Церкви послужит залогом преуспевания её на путях устроения Царства Божия в людях, и что Ваше Высокопреосвященство, озаряемое восприятием Вами благодати Святого Духа, сумеете без потрясений провести корабль церковный среди «напастей» современного житейского моря»¹⁵

После обретения Эстонией независимости православное духовенство, особенно русское, воспринималось радикально настроенными политиками как наследие Российской Империи и опора царского

* Серафим (Лукьянов Александр Иванович, 1879-1959), митрополит. В 1914 г. хиротонисан во епископа Сердобольского, викария Выборгской и Финляндской епархии. С 1917 г. епископ Финляндский и Выборгский. В 1920 г. возведён в сан архиепископа. С 1924 г. на покое. С 1927 г. состоял в епископате Русской зарубежной церкви с титулом архиепископа Западно-Европейского. В 1938 г. возведён в сан митрополита. В 1945 г. принят в Московский Патриархат. С 1949 г. на покое.

режима. Был взят курс на получение полной независимости от России и Русской Православной Церкви. Всё осложнялось ещё и противоречиями между эстонской и русской частями духовенства.

Летом 1920 года Эстонский епархиальный совет за подписью Пауля Сеппа направил официальное письмо министру внутренних дел Эстонской республики Александру Хеллату** с требованием самых радикальных мер против русского православного духовенства.

В числе подлежащих аресту и высылке из страны были архиепископ Евсевий (Гроздов), протоиереи Алексей Аристов***, Василий Чернозерский****, Иоанн Богоявленский***** и другие. Почти со всех лиц, указанных в списке, были взяты расписки о том, что они ознакомлены с решением властей и обязаны в 10-дневный срок по-

** Хеллат Александр (1881-1943), эстонский государственный и политический деятель. 1919-1920 гг. министр внутренних дел, 1921-1933 гг. на дипломатической службе, 1933-1943 гг. государственный судья.

*** Аристов Алексей Петрович (1853-1931), протоиерей. В 1878 г. окончил Киевскую духовную академию со степенью кандидата богословия. С 1895 г. ректор РДС. С 1909 г. настоятель Александро-Невского собора в Ревеле.

**** Чернозерский Василий Иванович (1868-1940) протоиерей. Окончил Псковскую духовную семинарию, настоятель Псковского Свято-Троицкого кафедрального собора. В 1919 г. эмигрировал в Эстонию. С 1920 г. настоятель Никольского храма в Таллинне. Участвовал в создании и был председателем Нарвского епархиального совета.

***** Исидор (Богоявленский Иоанн Яковлевич, 1879-1949), епископ. В 1904 г. окончил Санкт-Петербургскую Духовную Академию, кандидат богословия. В 1905 г. рукоположён во священника, с 1912 г. настоятель Павловского собора Гатчины. С 1915 г. магистр богословия. С 1919 г. в Эстонии, служил в Таллинне в Александро-Невском соборе и храме во имя Симеона и Анны. 1946-1947 гг. ректор Ленинградской духовной академии и семинарии. В 1947 г. рукоположён во епископа Таллиннского и Эстонского.

Синод ЭАПЦ. 1932

кинуть страну. Благодаря усилиям русской общественности, особенно русского депутата парламента Эстонии А. П. Сорокина, высылку удалось приостановить, а впоследствии и отменить.

Осенью 1921 года архиепископом Александром была предпринята попытка созвать Собор духовенства прибалтийских автономных церквей – Эстонской, Латвийской и Финляндской. На Соборе предлагалось решить вопросы получения канонического права на совершение епископских хиротоний, освящения мира, церковной практики, касающейся тех или иных обычаев церкви. Но такая инициатива не встретила поддержки у архиепископа Рижского и всея Латвии Иоанна (Поммера)*,

* Иоанн (Поммер Иван Андреевич, 1876-1934), архиепископ. Родился в Латвии, в 1904 г. окончил Киевскую духовную академию со степенью

и архиепископа Финляндского Серафима (Лукьянова), которые твёрдо держались линии канонического общения с Русской Православной Церковью.

23 сентября 1922 года Собор Эстонской Православной Церкви принял постановление об обращении к Константинопольскому Патриарху с просьбой довершить каноническое устройство Церкви и предоставить ей автокефалию. В июне 1923 года в Стамбуле прошли переговоры между Константинопольским Патриархом

кандидата богословия. В 1912 г. хиротонисан во епископа Слуцкого, викария Минской епархии. В 1918-1920 гг. епископ Пензенский и Саранский. В августе 1920 г. избран на кафедру архиепископа Рижского и всея Латвии. В 1926-1931 гг. – депутат латвийского Сейма. Убит в ночь с 11 на 12 октября 1934 г. В 2001 г. прославлен в Соборе новомучеников и исповедников Российских.

Мелетием IV (Метаксакисом)* и делегацией Эстонской Православной Церкви, возглавляемой архиепископом Александром. Патриарх Мелетий 7 июля 1923 года вручил владыке Александру Томос, в котором Эстонская Православная Церковь была преобразована в автономный округ в составе Константинопольского Патриархата под наименованием Эстонская Православная Митрополия. Правящему епископу присваивался титул Митрополита Таллиннского и всея Эстонии. Эстонская Православная Церковь должна была быть разделена на три епархии: Таллинскую, Нарвскую и Печерскую. Добиться автокефалии и у Константинопольского Патриарха не удалось.

Для Русской Православной Церкви 1922-1923 годы были одними из самых тяжёлых в начале XX века. Был развязан открытый государственный террор, который привёл к большим жертвам среди духовенства. Начало 20-х годов было периодом устроения Русской Православной Церкви в новых политических и социальных условиях. Занятая всецело своими внутренними делами, Русская Церковь не могла тогда оказывать прежнего влияния на церковное положение Православного Востока, чем фактически и воспользовались в Константинополе. В заключении пребывал Патриарх Тихон, который не мог даже выразить протест против неканонических действий Константинопольского Патриархата. На сообщение Патриарху Тихону о совершённом деянии митрополит Александр не дождался ответа, хотя и получил уведомление из Москвы, через министер-

ство иностранных дел Эстонии, что письмо дошло до адресата¹⁶.

В июле 1926 года был принят новый Устав: Эстонская Православная Церковь получила новое официальное название – Эстонская Апостольская Православная Церковь. В состав ЭАПЦ входили 147 приходов и три монастыря. Общее количество православных достигало 200 тысяч человек. В 1924 году была образована Нарвская епархия, куда вошли русские приходы. 10 сентября 1924 года бывший архиепископ Псковский и Порховский Евсей был единогласно избран на Нарвскую архиерейскую кафедру представителями от 31 русского прихода Эстонии. Собор Эстонской Православной Церкви 1 декабря 1925 года утвердил избрание архипастыря с титулом Нарвский и Изборский.

В 1923-1940 годах в Эстонии было построено и освящено 15 новых храмов¹⁷, среди них церковь Святителя Николая в Венкюла (1923), Иоанна Предтечи в пригороде Таллинна Нымме (1924), Рождества Богородицы в Сурью (1925), Петра и Павла на острове Пийрисаар (1927), святителя Николая в Копли (Таллинн, 1935), Преображения Господня в Кохтла-Ярве, Петра и Павла в Саатсе (1939) и другие.

В 1933 году при Печерском монастыре была открыта духовная семинария, ректором которой был назначен архиепископ Николай (Лейсман)**, который имел опыт преподавания и провёл большую работу по организации обучения студентов. В Тартуском университете на теологическом факультете была открыта Православная кафедра, которую возглавил протоиерей

* Мелетий (Метаксакис, 1871-1935), патриарх. В 1892 пострижен в монашество и рукоположён во диакона. С 1910 г. митрополит Киттийский. В 1918-1920 гг. архиепископ Афинский. В 1921 г. избран на Константинопольскую патриаршую кафедру. 20.09.1923 ушёл на покой. 20.05.1926 избран патриархом Александрийским.

** Николай (Лейсман Николай Андреевич, 1862-1947), архиепископ. В 1887 г. окончил Санкт-Петербургскую духовную академию со степенью кандидата богословия. Рукоположён во пресвитера в 1888 г. 02.04.1933 хиротонисан во епископа Печерского. В 1935 г. возведён в сан архиепископа. В 1940 г. ушёл на покой.

Василий Мартинсон*, бывший ректор Санкт-Петербургской духовной семинарии, где можно было получить высшее богословское образование.

В 1938 году по инициативе протоиерея Иоанна Богоявленского в Таллинне были открыты русскоязычные богословско-пастырские курсы. За годы пребывания на Эстонской кафедре митрополит Александр рукоположил более ста священнослужителей. В том числе очень известных впоследствии, таких как протоиерей Михаил Ридигер** (отец Святейшего Патриарха Алексия II***), протопресвитер Александр Киселёв****, протоиерей Ростислав Лозинский*****, будущие Эстонские архи-

пастыри протоиереи Георгий Алексеев*† и Роман Танг**.

Во многом благодаря усилиям митрополита Александра в 1934 году приходы получили компенсацию за национализированную в начале 20-го годов церковную землю. В 1937 году согласно новой Конституции Эстонской Республики глава ЭАПЦ стал членом Государственного Совета.

В июле 1940 года в пределы Эстонской Республики вступили войска Красной Армии. 6 августа 1940 года Эстония была включена в состав СССР, что означало начало кардинальных перемен во всех сферах жизни.

В сентябре 1940 года епископ Иоанн (Булин), известный своими антибольшевистскими выступлениями, активно агитировал в Печерах за присоединение к Московскому Патриархату. Игумен Павел Горшков*§

* Мартинсон Василий (1874 – 1955), протоиерей. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию в 1900 г., кандидат богословия. Рукоположен во пресвитера 17.02.1907. Преподаватель немецкого языка в Академии. В 1922 г. переехал в Эстонию и получил должность профессора догматики Богословского факультета Тартуского университета. В 1944 г. уехал в Германию, с 1952 г. в США.

** Ридигер Михаил Александрович (1902-1962). Рукоположен во священника в 1941 г., клирик храма Симеона и Анны, в 1945-1946 гг. ключарь Александро-Невского собора. С 1946 года настоятель храма Рождества Богородицы (Казанская церковь). В 1958 г. возведен в сан протоиерея. Отец Святейшего Патриарха Алексия II.

*** Алексей (Ридигер Алексей Михайлович, 1929-2008), Патриарх Московский и всея Руси. Рукоположен во священника в 1950 г. Хиротонисан во епископа Таллиннского и Эстонского 3.09.1961. В 1964 г. возведен в сан архиепископа, в 1968 в сан митрополита. 1986-1990 митрополит Ленинградский и Новгородский, управляющий Эстонской епархией. 7.06.1990 избран на Московский Патриарший Престол.

**** Киселев Александр Николаевич (1909-2001), протопресвитер. Рукоположен во пресвитера в 1933 г. митрополитом Александром (Паулусом), служил в Таллинне. В 1940 г. уехал в Германию. В 1949 г. переехал в США. В 1991 г. вернулся в Россию.

***** Лозинский Ростислав Романович (1912-1994). Рукоположен во пресвитера в 1934 году. 1944-1957

настоятель Успенского собора в Тарту. С 1957 г. клирик Ивановской епархии. 1969-1974 г. настоятель храма Двенадцати Апостолов города Тулы. Доктор богословия, почётный гражданин города Тулы.

*† Иоанн (Алексеев Георгий Михайлович, 1892-1966), архиепископ. Окончил Петербургскую духовную академию в 1918 г. со степенью кандидата богословия. С 1919 г. в Эстонии. Рукоположен во пресвитера в 1931 г. В 1937 г. возведен в сан протоиерея. В 1955 г. пострижен в монашество и хиротонисан во епископа Таллиннского и Эстонского. В 1961 г. назначен архиепископом Горьковским и Арзамаским.

** Роман (Роман Танг, 1893-1963), архиепископ. 8.03.1931 рукоположен во священника. 16.04.1950 хиротонисан во епископа Таллиннского. С 20.12.1955 епископ Лужский. 1956-1958 епископ Ивановский и Кинешемский, 1958-1959 Курский и Белгородский. 21.05.1959 назначен архиепископом Виленским и Литовским.

*§ Павел (Горшков Петр Михайлович, 1867-1950), игумен. В 1897 г. пострижен в монашество и рукоположен во иеродиакона. В 1904 г. рукоположен во иеромонаха. С 1920 г. в Псково-Печерском монастыре. Арестован 19.10.1944. Умер в Сиблагере.

в рапорте митрополиту Александру от 30 сентября 1940 года¹⁸ пишет: «Очень удивлён я поведением владыки Иоанна. 12 с.м. он явился к и.д. настоятеля иг. Парфению и «властно потребовал собравшимся всем священнослужителям, нас оказалось 12 чел., и, прочитав нам покаянное прошение на имя архиепископа Елевферия*, для присоединения к Русской Патриархии, убедил нас всех подписаться к прошению, что мы и сделали». Далее о. Павел отмечает: «... он всех так убедил, что уполномочен от Владыки Елевферия на то и уже назначен настоятелем Сорокомуч. прихода...» Приход Сорока мучеников Севастийских 5 августа 1940 года обратился к митрополиту Виленскому и Литовскому с просьбой о принятии его в ведение Московской Патриархии. Чувствуя правильность своей канонической линии в резолюции владыка Елевферий отметил: «Радуюсь неисповедимому промыслу Божию, призвавшему Сорокамученический приход Печерского края в Эстонии в течение 17 лет хранить в своих сердцах неизменную любовь к Матери Русской Церкви.. воспринимаю в своё временное Архипастырское ведение, в твердой надежде, что сей первенец в святом и спасительном деле будет светлым примером в твёрдом пребывании в Православной Церкви для всех, кого Господь призывает из церковного раскола возвратиться к ожидающей Матери Церкви»¹⁹.

С воззванием вернуться в Московский Патриархат приходской совет обратился и к другим приходам Печерского края. За свои действия община подверглась давлению со стороны митрополита Александра и Синода ЭАПЦ. Желание прихода воссоединиться было охарактеризовано «вредным не только для церковной жизни, но и для общественного порядка».²⁰ Взаимоотношения с русскими приходами и русскими священниками у митрополита Александра и Синода складывались всегда сложно. Так протоиерей Петр Пяхкель** в письме архиепископу Иоанну (Поммеру) в 1925 году пишет: «...ещё в прошлом году русскому населению предоставлено было право иметь собственного епископа, правда, зависимого от митрополита и Синода; как мы тогда уже предполагали, это должно было быть чревато последствиями. Теперь эти последствия постепенно начинают проявляться. Недавно наш парламент принял закон об отделении церкви от государства... По этому закону, например, признаются все существующие церковные организации, но вместе с тем каждой единице организации, т.е. приходу даётся право в любой момент по своему желанию выступить из организации, т.е. официальной церкви, причём за приходом сохраняется всё его имущество и права. Если учесть всё накопившееся против митрополита и Синода недовольство из-за насильственного введения нового стиля, удаления русофильствующего духовенства (напр. Аристова), принудительного обэстонивания печерских полуверцев и т.п., то немудрено, что русские пожелают использовать новый закон для образования отдельной и вполне автономной церковной организации. Они

* Елевферий (Богоявленский Дмитрий Яковлевич, 1868-1940), митрополит. Рукоположен во пресвитера в 1890 г., пострижен в монашество в 1904 г. Хиротонисан во епископа Ковенского, vicария Литовской епархии. С 1917 г. епископ Литовский и Виленский, в 1921 г. возведен в сан архиепископа. В 1928 г. возведен в сан митрополита.

** Петр (Пяхкель Петр Михайлович, 1875-1948), епископ. В 1897 г. окончил РДС. В 1901 г. рукоположен во пресвитера. В 1917-1920 гг. служил в Азове. Вернулся в Эстонию в 1923 г. В 1924-1933 гг. преподаватель латыни и Закона Божия в Валга. С 1933 г. преподаватель в Печерской духовной семинарии. 7.09.1943 г. хиротонисан во епископа Печерского, но хиротония была не признана Московской Патриархией. Арестован в 1945 г. Скончался в заключении.

уже давно смотрят на своих собратьев православных эстонцев – как почти на еретиков. Действительно, у нас идёт какая-то проэстонизация православия: не говоря уже о кантах, которые все обязаны вводить в церквах, во многих православных церквах уже даются концерты на виолончели, скрипке, духовых инструментах, а в ревельском эстонском Преображенском соборе предполагается даже установить орган.

Русские смотрят – и диву даются. Но результат начинает сказываться. Никого мы этими нововведениями не приобрели, а русских уже потеряли»²¹. Ещё в одном письме о. Петр возвращается к ситуации с русскими священниками: «Сейчас они в церковном отношении совершенно автономны, но скоро, вероятно, совершенно отделятся от Эстонской Церкви; даже наиболее умеренные из русских говорят, что церковное единение может продолжаться не больше 10 лет, т.е. пока ещё живо старшее поколение священников-эстонцев, прошедших семинарию; с молодыми же, набранными с бору по сосенке, не имеющими ни знаний, ни традиции, они не желают иметь никакого дела»²².

Понимая всю сложность создавшейся ситуации и пытаясь взять ситуацию под контроль, Синод ЭАПЦ 16 сентября 1940 года за подписью протоиереев Карла Густавсона* и Дионисия Самона направляет Нарвскому епархиальному совету специальное письмо: «По случаю вступления в Союз Советских Социалистических Республик и изменения государственного строя возникла необходимость изменить и общий строй Православной Церкви Эстонии и восстановить прежнее общение с Российской Церковью. Вопрос о соедине-

нии с Московской Церковью обсуждался в Синоде и решён положительно».²³

16 ноября 1940 года Синод ЭАПЦ во главе с митрополитом Александром обратился к Патриаршему Местоблюстителю митрополиту Московскому и Коломенскому Сергию (Старогородскому) с прошением о воссоединении с Московским Патриархатом на правах автономной церкви и с сохранением на прежних местах архипастырей. В своём письме владыка Александр объяснял уход в Константинопольский Патриархат следствием «затруднительности нормального общения с представителями Российской Церкви, а с другой стороны – вследствие возникновения некоторых внутренних разногласий».²⁴

Впоследствии митрополит Александр объяснял решение о возвращении давлением со стороны советских властей и руководства Русской Православной Церкви. Процесс советизации затронул все сферы жизни, включая и церковь, но было и большое желание многих приходов, особенно Причудья, возвратиться в лоно Матери-Церкви. Этот процесс мог выйти из-под контроля Синода, и глава ЭАПЦ оказался бы перед угрозой потери власти. Что касается руководства РПЦ, то с её стороны не было не только никакого давления, но даже выражения какого-либо интереса. Только 13 декабря 1940 года Патриарший Местоблюститель митрополит Сергей прислал ответное письмо, в котором сделал подробный разбор обращения митрополита Александра. По вопросу автономии Местоблюститель, хорошо знакомый с политикой руководства СССР по отношению к Церкви и сознававший неисполнимость этого пожелания, отмечал: «Вопрос об автономии я бы советовал теперь не ставить. Он только осложнит наше дело, а чего-либо практического, осязательно полезного, в частности для Вашей Церкви, не принесёт»²⁵

* Густавсон Константин (1873-1942), протоиерей. Окончил РДС (1895), Петербургскую академию художеств (1906), Тартуский университет (физ.-матем. факультет, 1921). Член Синода ЭАПЦ 1937-1941 гг.

Несомненно, митрополита Сергия интересовала искренность митрополита Александра и Синода в стремлении воссоединиться с Матерью Церковью, их оценка действий в 1923 году. В письме Местоблюститель обратил внимание на некоторое недопонимание или легкомысленность совершённого перехода: «... обстоятельства и всякие внешние давления увлекли Вас в сомнительное предприятие с Константинополем. О последнем Вы как будто и забыли: вычеркнуть его совсем из вашей истории, конечно, нельзя, но оно для Вас как будто уже не имеет никакой нормативной силы»²⁶. Митрополит Сергей особое внимание уделил тяжести действий в 1923 году: «Так как канонически достаточных оснований, которые оправдали бы такой разрыв с законным Кириархом тогда не было, а разные политические соображения не оправдывали поспешности, с какой проведено было дело; то совершённая Эстонией перемена, перед судом предания нашей Христовой и Апостольской церкви, может быть оценена лишь как самочиние, раскол и неизбежно попадает тем суровым прещениям, которыми наша Церковь карает в особенности неверность иерархии и клира принятым ими обязательствам и обетам»²⁷. В заключении своего послания митрополит Сергей отметил: «Так как мы с Вами уговариваемся о мире, то прошу Вас с миром принять в свою систему и всё, что сделано по Вашей епархии нами отсюда (мною и владыкой Елевферием)²⁸»

Для получения более полной информации о положении церковных дел в Латвии

Митрополит Виленский и Литовский Сергей (Воскресенский), Экзарх Латвии и Эстонии

и Эстонии Указом Московской Патриархии от 20 декабря 1940 года в Таллинн был командирован архиепископ Дмитровский Сергей (Воскресенский)*, один из бли-

* Сергей (Воскресенский Дмитрий Николаевич, 1897-1944), митрополит. Окончил Московское духовное училище. В 1922 поступил в Московский Данилов монастырь. В 1925 пострижен в монашество. 29.10.1933 хиротонисан во епископа Коломенского, с 10.05.1934 – епископ Бронницкий. С 8.10.1937 – архиепископ Дмитровский, управляющий делами Московской Патриархии. В марте 1941 назначен митрополитом Виленским и Литовским, экзархом Латвии и Эстонии. Ока-

Подписание акта о переходе в Константинопольский Патриархат. 23.09.1923

жайших помощников Блаженнейшего митрополита Сергия. Поездка состоялась, несомненно, с разрешения советских властей, которые были заинтересованы во включении в государственную жизнь страны регионов, не тронутых гонениями на церковь, имевших свои богословские учебные заведения, монастыри, храмы и тысячи верующих. К большому сожалению, и теперь довольно сложно установить, насколько процесс возвращения православных приходов Эстонии, как и Латвии, под омофор Русской Православной Церкви так или иначе был связан с включением Прибалтийских государств в состав Советского Союза, справедливо полагая, что данный

завшись на оккупированной территории, сохранил верность Московскому Патриархату. Убит в 1944 году.

процесс не мог пройти без одобрения советских властей.

Результатом проведённых переговоров было заседание Синода ЭАПЦ 17 января 1941 года под председательством митрополита Александра при участии архиепископа Дмитровского Сергия. На заседании Синода владыка Александр подробно изложил обстоятельства, которые привели в 1923 году к переходу в юрисдикцию Константинопольской Патриархии. Архиепископ Сергей озвучил позицию Местоблюстителя по вопросу автономии, заметив, что «с присоединением Эстонии к СССР этот вопрос сам собою отпадает».²⁹

Был рассмотрен вопрос о праздновании Пасхи и других праздников по старому и новому стилю. Также владыка Сергей заверил собравшихся, «что положение Церкви и духовенства в Московской Патриархии

не так трудно, как представляется за границей. Прежде всего он отрицает сам факт преследования Церкви, так как сталинская конституция признаёт свободу вероисповедания».³⁰ Итогом заседания было решение «вновь просить Матерь Церковь принять Эстонскую Церковь в каноническое общение, покрыв любовью грех отпадения».³¹

31 декабря 1940 года скончался митрополит Елевферий (Богоявленский), и Указом от 24 февраля 1941 года архиепископ Дмитровский Сергей (Воскресенский) был возведён в сан митрополита и назначен на Литовскую кафедру, экзархом Латвии и Эстонии.³² Назначение владыки Сергея экзархом, видимо, было связано с сомнениями Блаженнейшего Сергея (Старгородского) в искренности митрополита Александра. Отношение Местоблюстителя к процессам, происходившим в Эстонии, даёт ясно понять Указ от 1 марта 1941 года: «Характеристику, данную Эстонскому расколу Митрополитом Александром и членами Синода, нельзя не признать изложенную очень смягчённо. Правда, конечно, что Эстонская иерархия пошла на раскол под давлением тогдашних политических обстоятельств (и, вероятно, ещё более под давлением политических деятелей) и вопреки желанию православной паствы».³³ Далее в Указе подробно рассматриваются вопросы организации деятельности Православной Церкви в Эстонии, языки богослужений.

В марте 1941 года Патриарший Местоблюститель митрополит Московский и Коломенский Сергей телеграммой пригласил митрополита Александра в Москву для окончательного урегулирования церковного вопроса. В зале Патриархии митрополит Александр «выразил Местоблюстителю своё искреннее убеждение, что т.н. эстонская автокефалия была учреждена вопреки дарованной автономии».

Патриарший Местоблюститель
митрополит Московский и Коломенский
Сергий (Страгородский)

Митрополит Сергей (Страгородский) в ответ на это совершил краткое покаянное молитвословие с пением тропаря и кондака святой Пятидесятницы и чтением разрешительных молитв из чина исповедания: «Господи, Боже спасения рабов Твоих» и с последующим взаимным традиционным приветствием «Христос посреде нас»³⁴. 30 марта в московском Богоявленском соборе была совершена Божественная Литургия, после которой митрополиты Московский Сергей, Таллиннский Александр, Рижский Августин*, Литовский Сергей и

* Августин (Август Петерсон, 1873-1955), митрополит. Сын крестьянина-латыша. Окончил РДС в 1895 г. Рукоположен во пресвитера в 1904 г. В 1914-1917 гг. полковой священник. В 1921 г. вернулся в Латвию. В 1936 г. хиротонисан во епи-

ещё шесть архиереев подписали «Акт о присоединении из бывшей эстонской автокефалии к Матери Церкви Российской митрополита Александра (Паулуса)». На следующий день был подписан Указ №392, в котором митрополит Александр признавался «состоящим в юрисдикции Московской Патриархии».³⁵

Впоследствии митрополит Александр несколько иначе трактовал события, происходившие в Москве в конце марта 1941 года. «Вечером, около 4-5 часов, состоялось запланированное посвящение во епископа Венедикта*, на котором епископы собрались все вместе и надели мантии, после чего экзарх митрополит Сергей начал быстро читать покаянные псалмы и молитвы, которые привели меня в большое удивление... Во время этого чтения митрополит Латвийский Августин, который стоял у меня за спиной, дотронулся до меня и тихо сказал: «Это читают тебе, а вчера читали мне». Таким образом, это «покаяние» провели, не предупредив меня».³⁶ Вероятнее всего, сам «Акт о воссоединении» и чин совершения покаяния был разработан руководством Патриархии без согласования с митрополитом Александром и Синодом ЭАПЦ. Однако трактовка действий представителей «эстонской схизмы» была однозначной на протяжении всего периода переписки между Таллинном и Москвой, по согласованию условий возвращения ЭАПЦ в лоно Московской Патриархии.

скопа, возведён в сан митрополита Рижского и всея Латвии в составе Константинопольского Патриархата. В 1941 г. перешёл с паствой в Московский Патриархат. С лета 1941 г. на покое. С началом войны пытался организовать собственную церковную структуру. В 1944 г. эмигрировал в Германию, где и скончался.

* Вероятнее всего было совершено наречение архимандрита Венедикта: (Василий Бобковский, 1876-1951), архиепископ. Хиротонисан во епископа Брестского, викария Гродненской епархии 30.03.1941. С 1946 г. в клире РПЦЗ.

Вероятнее всего, Блаженнейший митрополит Сергей и не стремился к публично-му покаянию митрополита Александра, с учётом его возраста и положения, и старался совершить чинопоследование скромно и тактично. К примеру, в 1945 году воссоединение духовенства и мирян, самочинно отколовшихся от Матери-Церкви Российской, проходило публично в храме во имя святителя Николая в Таллинне, где протоиерей Христофор Винк** зачитал и вручил архиепископу Григорию*** (Чукову) подписанное членами Синода ЭАПЦ покаяние в учинении раскола после начала войны в 1941 году³⁷.

Незадолго до начала войны экзарх митрополит Литовский Сергей посетил Таллинн и совершил Божественную Литургию в сослужении митрополита Александра (Паулуса) и епископа Павла (Дмитровского) в Таллиннском храме во имя Симеона и Анны, совместным богослужением подтвердив возврат в лоно Матери Церкви. Какими сложились личные и служебные взаимоотношения между митрополитом Александром и митрополитом экзархом судить достаточно сложно. Несомненно, митрополит Сергей обладал административными и дипломатическими способностями, но слишком короткий отрезок

** Христофор Винк (1878-1972), митрофорный протоиерей. В 1901 году окончил РДС. Рукоположён во пресвитера 02.02.1908. Настоятель храма Иоанна Предтечи в Нымме в пригороде Таллинна в 1923-1960 гг. Член Синода ЭАПЦ (1935-1937; 1942-1945). С 1960 и до кончины на покое.

*** Григорий (Николай Кириллович Чуков, 1870-1955), митрополит. Окончил Санкт-Петербургскую Духовную Академию в 1895 году со степенью кандидата богословия. 1924-1935 гг. настоятель Николае-Богоявленского собора в Ленинграде. С 1927 года магистр богословия. 14.10.1942 хиротонисан во епископа Саратовского, 1944-1945 гг. архиепископ Псковский и Порховский. С 7.09.1945 и до кончины митрополит Ленинградский и Новгородский.

времени было отведено для налаживания церковной жизни в мирных условиях.

Вскоре после оккупации Эстонии немецкими войсками митрополит Александр объявил о разрыве с Московским Патриархатом и восстановлении деятельности ЭАПЦ и её Синода в полном объёме. 14 октября 1941 года он обратился к причтам Таллиннской и Нарвской епархий с циркулярным письмом, в котором говорилось: «Со стороны властей я признан единственным ответственным главою Эстонской Православной Церкви, на каковую должность я избран и рукоположён в 1920-е годы. Все приходы и церковные учреждения, входившие в состав Эстонской Православной Церкви до захвата власти большевиками, т.е. до 21 июня 1940 года, а также их деятели и члены их обязаны точно, срочно и беспрекословно исполнять мои распоряжения и указы».³⁸ В циркуляре митрополит Александр известил свою паству о прекращении им поминовения за богослужениями Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского), а также экзарха Латвии и Эстонии митрополита Сергия (Воскресенского). В сопроводительном письме епископу Нарвскому Павлу (Дмитровскому) митрополит Александр указал, что «он получил для своих действий особые полномочия от немецких властей и главы Эстонской Директории г. Мая».³⁹ С таким решением не согласился владыка Павел. Он направил митрополиту Александру и председателю Синода протоиерею К. Густавсону несколько писем, в которых разяснял несправедливость и неканоничность таких действий. В ответном письме митрополит Александр отметил: «...весной 1941 г. Эстонская Церковь только притворным образом, уступая насилию, воссоединилась с Российской Православной Церковью, а в действительности она и её приходы не могут быть в единении с Московским Патриаршим Местоблюстителем,

Епископ Нарвский Павел (Дмитровский)

митрополитом Сергием (Страгородским), так как он действует по указке безбожных большевистских властей, молится за них и желает им благословения Божия и победы».⁴⁰ Конечно, свою роль в принятии решения о разрыве с Московским Патриархатом сыграли успехи немецкой армии в первые месяцы войны, а речи о восстановлении связи с Константинопольским Патриархатом, который находился под влиянием Великобритании, не могло и быть. Тем более, что немецкие власти своим распоряжением от 28 октября 1942 года уже официально запретили эстонскому митрополиту всякие контакты с Константинопольским Патриархатом.

Несомненно, деятельность Русской Православной Церкви в Прибалтике жёстко контролировалась немецкими оккупационными властями. Первые циркуляры относительно религиозной политики по-

явились еще до начала военной кампании против СССР. В процессе непосредственной подготовки к ней некоторые германские ведомства пытались наметить свой подход к этой немаловажной проблеме. 10 августа 1941 года шефом РСХА Гейдрихом был издан оперативный приказ №10, в котором в частности говорилось: «О поощрении Православной Церкви также не может быть и речи. Там, где население занятых областей советской России желает религиозной опеки, и там, где без содействия местных германских властей имеется в распоряжении священник, можно допускать возобновление церковной деятельности. Ни в коем случае, однако, с германской стороны не должно явным образом оказываться содействие церковной жизни, устраиваться богослужения или проводиться массовые крещения. О воссоздании прежней Патриаршей Русской Церкви не может быть и речи. Особо следует следить за тем, чтобы не состоялось, прежде всего, никакого ... организационного слияния находящихся в стадии формирования церковных православных кругов. Расщепление на отдельные церковные группы, напротив, желательно. Равным образом не надо препятствовать развитию сектантства на советско-русском пространстве... При всех различиях конкретных местных условий в любых расположениях должно, однако, оставаться основополагающим, что поощрение любых конфессий вообще не должно иметь место и что деятельность Католической или Униатской Церквей в дальнейшем будет прекращена. При всех обстоятельствах любое церковное влияние, идущее с территории Рейха ... или из других государств, граничащих с Россией, должны выявляться и пресекаться».⁴¹ Трудности военной кампании в России заставляли немецкое руководство проявлять определенную осторожность во взаимоотношениях с церковными струк-

турами Русской Православной Церкви. Приказом от 17 апреля 1941 года был создан рейхскомиссариат «Остланд» во главе с Хинрихом Лозе, включивший в себя четыре генерал-бецирка: Литву, Латвию, Эстонию и Белоруссию. Очень энергично действовал в условиях немецкой оккупации экзарх митрополит Сергей, оставшийся в Риге и не эвакуировавшийся с отступающей Красной Армией. Умело лавируя между немецкими чиновниками, владыка сумел добиться официального признания экзархата. Он установил хороший контакт с командованием группы армий «Север», которые проявляли более терпимый подход к Православной Церкви, чем гражданские власти, и получил со стороны соответствующих служб вермахта разрешение на создание «Православной миссии в освобождаемых областях России», а также посещение священниками лагерей для военнопленных и перемещённых лиц. В то же время к такой энергичной деятельности экзарха негативно относились чиновники Министерства занятых восточных территорий, которые небезосновательно опасались создания церковной организации на обширных пространствах и возникновения в дальнейшем единого фронта против немцев, отмечая желательность создания в противовес национальных церковных объединений.

Окончательный разрыв отношений митрополита Александра и епископа Павла произошёл в июне 1942 года после обмена воззваниями к русским приходам Нарвской епархии с разъяснениями своих позиций. Неожиданно деятельность нарвского архиерея поддержали чиновники из рейхскомиссариата «Остланд», которые выпустили инструкцию, в которой указывалось, что духовенству и приходам даётся право выбора – войти в Эстонскую епархию митрополита Александра или русскую епископа Павла. Оккупационными властями было принято решение, что митропо-

лит Александр получал титул Ревельский, а не Эстонский. Немецкая администрация считала митрополитом в Прибалтике экзарха Сергия. В итоге только один русский приход во имя пророка Илии деревни Скамья вышел из подчинения архипастыря нарвской епархии и перешёл к митрополиту Александру. В некоторых публикациях отмечается, что в экзархате остались два монастыря из Эстонии: Печерский и Пюхтицкий. Однако необходимо отметить, что в Пюхтицкой обители энергично и решительно поддерживал митрополита Александра клирик монастыря протоиерей Николай Цветаев*. Как отмечено в кратком очерке о состоянии Православной Церкви во время оккупации: «здесь он проявил себя решительным противником Матери-Церкви. В этом направлении он произносил не только публичные проповеди, но строго следил за настроением каждой монахини. Такие действия его привели к тому, что некоторые из молодых насельниц монастыря вынуждены были совсем оставить монастырь».⁴²

В архиве ЭПЦ МП сохранились документы, которые указывают на поддержку обители митрополита Александра. «Мы монастырь, желаем быть под Синодом Эстонской Апостольской Православной Церкви, под церковным правлением, так как мы составляем вместе приход и монастырь»,⁴³ – пишет игумения Иоанна** в октябре 1942 года. В дополнение 13 октября 1942 года настоятельница монастыря вновь сообщает митрополиту Александру

* Цветаев Николай, протоиерей. Клирик нарвского Преображенского собора (1925-1927), настоятель Ильинского храма в Васкарве, клирик Пюхтицкого монастыря. Эмигрировал из Эстонии в 1944 г.

** Игумения Иоанна (Анна Алексеевна Коровникова, 1867-1943). Поступила в Пюхтицкий монастырь в 1893 г., пострижена в монашество в 1908 г. В 1920 г. утверждена настоятельницей, в 1921 г. возведена в сан игумении.

желание и впредь оставаться в ведении Синода ЭАПЦ, но одновременно обращается с просьбой «исполнить наше насущное желание оставить нерушимо празднование Св. Пасхи и всех праздников в обители по восточной пасхалии, сохранить Богослужебный церковно-славянский язык и церковный стиль русской Православной Церкви, так как у нас это в настоящее время ведётся».⁴⁴ В монастыре опасались обязательного перехода на новый стиль и совершения богослужений на эстонском языке.

Через год в июле 1943 года протоиерей Павел Калинин*** обратился уже к игумении Алексии**** с разъяснением позиций митрополита Александра и епископа Павла, а также с настоятельной просьбой: «Держитесь, дорогая матушка, своего законного митрополита и впредь».⁴⁵ Вероятно, обитель старалась остаться в стороне от сложных и противоречивых вопросов канонической принадлежности, и у окружения главы эстонской митрополии были опасения, что монастырь может перейти к экзарху.

У митрополита Александра сохранялось достаточное большое количество сторонников среди русских священников нарвской епархии. Так протоиерей Павел Калинин, несмотря на то, что служил в нарвском кафедральном Преображенском соборе, энергично агитировал духовенство

*** Калинин Павел Петрович (1880-1961), митрофорный протоиерей. Рукоположен во пресвитера в 1908 г. Клирик нарвского Преображенского собора. Запрещен в священнослужении митрополитом Сергием (Воскресенским). Арестован в 1944 г., освобожден в 1946 г. Запрет снят в 1949 г. Патриархом Алексием (Симанским). Настоятель храма св. Николая в Копли с 1956 г. На покое с 1959 г.

**** Игумения Алексия II, в схиме – схиигумения Сергия (Голубева – 1881-1953). В монастырь поступила в 1896 г., возведена в сан игумении 20.01.1943 митрополитом Александром (Паудсом).

Митрополит Александр
в Преображенском
соборе Таллинна

70-летие митрополита
Александра. 1942

и мирян следовать за своим митрополитом Александром, а не за Патриаршим Местоблюстителем и его экзархом⁴⁶. Он постоянно информировал митрополита Александра о положении дел в Нарвской епархии и Экзархате. «Так, например, в воскресенье, 9 августа, сп. Павел в Нарвском соборе выступил с пространной речью перед довольно многочисленной аудиторией, в которой были не только русские, но и немецкие слушатели... он в течение 30 минут бесстыдно агитировал против Вас – законного главы нашей Церкви, выставляя Вас как клятвопреступника и изменника».⁴⁷ Оказавшись в очень сложных условиях, многие священники, фактически состоя в причте Нарвской епархии, старались сохранять хорошие отношения и с владыкой Александром, направляя ему поздравления, сообщения о событиях в приходах и действиях епископа Павла. В какой-то мере понятна

их позиция в непредсказуемых и тяжелых условиях военного времени.

Среди эстонского духовенства были пастыри, которые считали действия главы Эстонской Церкви не каноничными и сохранили верность Московскому Патриархату. «Случаи эти в Эстонии немногочисленны, но тем более отрадны. К числу их относятся: протоиерей Василий Мартинсон, профессор Юрьевского Университета, протоиерей Иоанн Мельтсаар*

* Мельтсаар Иоанн (1893-1978), митрофорный протоиерей. Окончил Ярославскую духовную семинарию. В 1921 г. рукоположен во пресвитера. В 1923 г. вернулся в Эстонию. Настоятель Георгиевского храма в Вярска (1923-1933), впоследствии настоятель храма Успения Пресвятой Богородицы в Пайде и во имя Святого Духа в Пыльтсамаа. За поддержку епископа Павла митрополитом Александром уволен за штат. Священствовал в Казанской церкви в Таллинне, вмч. Екатерины в Пярну и Александро-Невском соборе в Тал-

(Таллинн), протоиерей Андрей Ристкок* (Пярну)»⁴⁸

Все попытки примирения и увещевания со стороны митрополита-эксарха ни к чему не привели. Митрополит Александр и Синод твёрдо придерживались мнения, что «единения и дела с нынешнею Московской Церковью и её представителями, так как не признают её истинно Христовою, свободно от антирелигиозного влияния и канонически верною Церковью ввиду того, что её глава – митрополит Сергей (Старогородский) покорно исполняет волю безбожных большевистских Московских властей».⁴⁹ Практически во всех посланиях, циркулярах и частных письмах митрополит Александр старался обратить внимание на принадлежность эксарха к «безбожной церкви» и указывал на «состоявшееся, во время большевистской власти вмешательство в дела нашей Церкви Московского Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Старогородского)».⁵⁰

В своих письмах владыка Александр не стеснялся в выражениях по отношению к эксарху, так он пишет протоиерею Иоанну Свемпу: «Тот «крокодил», о «деятельности» которого Ты мне писал, сделав своё дело у Вас, теперь оскаливает свои зубы и протягивает свои когти по отношению к нам. Он, оказывается, всё же успел заручиться доверием сильных и за ним официально признано право деятельности и в Эстонии».⁵¹

линне. С 1973 г. и до кончины настоятель храма Рождества Богородицы (Казанская церковь) в Таллинне.

* Ристкок Андрей Михайлович (1881-1950), протоиерей. Рукоположён во пресвитера в 1930 г., настоятель Упенского храма в Пайде (1930-1932), Иоанна Предтечи в Вильянди (1932-1939), Иоанна Предтечи в Калли (1939-1940). С 1941 г. и до кончины настоятель храма вмч. Екатерины в Пярну.

Деятельность митрополита Сергия (Воскресенского) очень беспокоила Митрополита Александра и Синод. Стараясь разоблачить эксарха перед немцами, основной упор глава ЭАПЦ делал на том, что митрополит Сергей только на словах является сторонником немцев, а на деле проводит агитацию за советскую власть. В письме митрополиту Рижскому Августину митрополит Александр отмечает: «Я не писал обширных сочинений об этих Сергиях, как Ты, но неоднократно докладывал, кому следует, о совершенно нежелательном пребывании у церковного руля лиц, подобных М[итрополиту] Сергию. По моему мнению, с подобными лицами нет необходимости рассуждать на канонических основаниях, на каковые они, можно буквально сказать «плюют», а следует напирать на то, что они являются пособниками безбожного большевизма».⁵²

Осенью 1942 года в Таллинне побывали протоиерей Андрей Янсон, однокашник митрополита Александра по семинарии, и протоиерей Иоанн Янсон. Они пытались примирить главу ЭАПЦ с митрополитом Сергием, но потерпели в этом деле неудачу. «Посетили меня, действительно, два о. Янсона и убеждали меня покориться своему начальству, пытаюсь утешить меня могущими постигнуть меня в случае моего упорства и отказа духовными и гражданскими репрессиями»⁵³, отмечал в письме митрополиту Августину владыка Александр.

На собранном в начале ноября 1942 года в Риге епископском совещании было принято решение по делу митрополита Ревельского Александра (Паулуса). Своим Указом от 5 ноября 1942 года митрополит Сергей (Воскресенский) за разрыв канонических отношений с Матерью-Церковью, а также «за клятвопреступление во св. причастии и за самочинное отделение от законного церковного священноначалия» эксарх Латвии

и Эстонии митрополит Сергей (Воскресенский) уволил митрополита Александра от управления «Эстляндской» епархией, запретив его в священнослужении и предал его «суду Собора архиереев».⁵⁴ По поручению митрополита Александра 16 декабря 1942 года Синод ЭАПЦ, за подписью священника Николая Кокла*, направил ответ митрополиту Литовскому и Виленскому. В нём вновь приводятся аргументы о том, что Московский Патриархат и его представители «покорно исполняют волю безбожных большевистских московских властей, что ясно из того, например, что он⁵⁵ в своём послании от 22 июня 1941 года призывает «пастырей и пасомых Христовой Православной Церкви: бороться за безбожников – большевиков и против Германцев, которых называет «фашиствующими разбойниками», произносит по радио речи в доказательство мнимой свободы совести и религиозного культа в советской России».⁵⁶

В заключении было отмечено: «Эстонская Православная Митрополия не признаёт своим архипастырем Вас, как ставленника и представителя Московской Церкви, появившегося в Прибалтике во время власти большевиков»⁵⁷

В условиях военного времени архиерейский суд не состоялся, да и вероятнее всего, и не был бы допущен немецкими оккупационными властями, стремившихся к разрозненности православных. После трагической гибели митрополита Сергея (Воскресенского), последовавшей 28 апреля 1944 года, вопрос о церковном суде уже не поднимался.

* Кокла Николай Константинович (1912-1983), митрофорный протоиерей. Окончил теологический факультет Тартуского университета. Рукоположен во пресвитера в 1936 г. настоятель Преображенского собора в Таллинне в 1940-1983 гг. секретарь Таллиннского епархиального управления в 1946-1983 гг.

Все эстонские православные приходы, а также часть русских, продолжали считать митрополита Александра главой Церкви до самого конца его пребывания в Эстонии. По воспоминаниям современников, митрополит Александр был очень не требовательным в быту. Во время войны он проживал в частном доме у своей дочери в пригороде Таллинна недалеко от железнодорожной станции Кивимяэ. Часто ходил в галифе, высоких сапогах и пиджаке, имея отличную выправку, можно было подумать, что он бывший офицер. В своей книге «О моем пути» митрополит Таллиннский и всея Эстонии Корнилий** вспоминает: «О митрополите Александре как о человеке мне трудно говорить, он служил сравнительно редко, не каждое воскресенье. Служил просто, не был требовательным, русским языком владел в совершенстве. Считали, что он говорит с акцентом, но это был не акцент, а слишком чистый выговор. Митрополит всегда начинал свои проповеди словами: «Возлюбленные отцы, братья и сестры», произнося «сэстры». Служил он, в основном, в Преображенском соборе, но бывал и в русских храмах. При митрополите Александре существовала такая традиция: 12 Евангелий он читал в Казанской церкви, а вынос плащаницы совершал дважды – в Александро-Невском соборе и в Преображенском: в час и в три часа дня»⁵⁸

** Корнилий (Якобс Вячеслав Васильевич), митрополит Таллиннский и всея Эстонии. (19.06.1924 – 19.04.2018). рукоположен во пресвитера в 1948 г., настоятель храма Марии Магдалины в Хаапсалу. В 1951-1957 гг. клирик Вологодской епархии. В 1957 году арестован и осужден на 10 лет лагерей, в 1960 году освобожден, в 1988 году реабилитирован. 1960-1990 гг. настоятель храма Иоанна Предтечи в Таллинне. В 1990 году пострижен в монашество и рукоположен во епископа Таллиннского. В 1995 г. возведен в сан архиепископа, в 2000 в сан митрополита. Умер 19 апреля 2018 г.

20 сентября 1944 года владыка Александр был вывезен с группой священников и мирян из Таллинна незадолго до вступления в город советской армии. В книге «Эстонская Апостольская Православная Церковь в изгнании» отмечено, что «митрополит Александр бежал на запад, понимая, что на родине ему не дадут возможности работать».⁵⁹ Первоначально он был помещён в лагерь Омштеде, находившийся под Ольденбургом, в северной Германии. В лагерном бараке была создана первая временная церковь для беженцев-эстонцев. Постепенно в других лагерях также появились временные храмы, в которых богослужения совершались на родном для эстонцев языке. С волной беженцев Эстонию покинули 22 клирика и большая

группа православных мирян, которые со временем разъехались по многим странам.

В марте 1947 года митрополит Александр получил разрешение на переезд в Швецию и постоянно проживал в Стокгольме. 15 января 1948 года им был учреждён Синод для управления 17 эстонскими приходами, находившимися в разных странах⁶⁰. В эмиграции митрополит Александр продолжал считать себя главой ЭАПЦ с титулом Таллиннский и всея Эстонии. Скончался митрополит Александр 15 октября 1953 года и был похоронен на православной части Лесного кладбища в Стокгольме. После кончины архипастыря приходы эстонской диаспоры были включены в местные епархиальные структуры Константинопольского Патриархата.

Summary

Metropolitan of Tallinn and All Estonia Alexander (Paulus) played a prominent role in the history of Orthodoxy on the land of Estonia. He headed Estonian congregation for almost 25 years. Even today his activities, decisions and actions arouse vehement debates and conflicts both in Estonia and in the whole world. His bishop ordination took place in December 1920, but already in 1923 Estonian Orthodox Church, under his leadership, was transferred from the jurisdiction of the Russian Orthodox Church over to the Patriarchate of Constantinople. After the Republic of Estonia was incorporated into the Soviet Union, Metropolitan Alexander comes back to the Patriarchate of Moscow, but soon after the occupation of Estonia by German troops, Primate Alexander left again the jurisdiction of the Russian Orthodox Church and fully restored the Estonian Apostolic Orthodox Church and its Synod. There is no doubt that the successes of the German Army during the first months

of the war played their essential role in the decision to break-off with the Moscow Patriarchate but restoring the relations with the Patriarchate of Constantinople, which was under the leadership of the Great Britain, was out of the question. Moreover, the German authorities, in their regulation from 28 October 1942, officially prohibited all the contacts between Estonian Metropolitan and the Patriarchate of Constantinople.

Father Alexander and a group of priests and laity emigrated from Tallinn on 20 September 1944 shortly before the Soviet Army entered the city. On 15 January 1948, in Sweden, a Synod was established to administer 17 Estonian dioceses in different countries.

Metropolitan Alexander passed away on 15 October 1953; he was buried in the Orthodox part of the Woodland Cemetery in Stockholm. After the death of the Archpastor the parishes of the Estonian diaspora were included in the diocesan structures of the Patriarchate of Constantinople.

Reference list

- 1 Pravoslavie v Jestionii. Issledovanija i dokumenty. M. 2010. T.2, s. 20
- 2 Tam zhe s. 21
- 3 Postanovlenie Vysshego cerkovnogo upravlenija ot 7 (20) oktjabrja 1919 g. #1050. Pravoslavie v Jestionii. Issledovanija i dokumenty. M. 2010. T.2, s. 27
- 4 Ukaz Patriarha Moskovskogo i vseja Rossii Tihona eparhial'nomu sovetu Jestonskoj Respubliki ot 9 dekabrja 1919 goda. Jestonskij Istoricheskij Arhiv (EAA) F. 1655. Op.3. D.248. L.92-92 ob.
- 5 EAA F. 1655. Op.3. D.248. L.94
- 6 Pravoslavie Latvii v dokumentah jepohi: Arhiepiskop Ioann (Pommer) v Latvii – 1921 god. Al'manah 43. Riga. 2016. S.54. Latvijskij Gosudarstvennyj Istoricheskij Arhiv (LGIA). F.1370. Op.1. D.75. L.32
- 7 EAA F. 1655. Op.3. D.248. L.80
- 8 Pis'mo mitropolita Vladimirskogo Sergija P.I.Seppu. EAA F. 1655. Op.3. D.258. L.57-57 ob.
- 9 EAA F. 1655. Op.3. D.248. L.48-48 ob.
- 10 Pis'mo Patriarha Tihona Sinodu Pravoslavnoj Cerkvi Jestionii ot 12(25) oktjabrja 1920 goda #2719. F. 1655. Op.3. D.259. L.90-90 ob.
- 11 Tam zhe
- 12 Otvet sekretneho otdela VChK Patriarhu Tihonu. EAA F. 1655. Op.3. D.248. L.77
- 13 Gazeta «Pecherjanin» 23 ijulja 1920 g. #2
- 14 Akt o narechenii protoiereja Aleksandra Paulusa. EAA F. 1655. Op.3. D.258. L.106.
- 15 Pis'mo Patriarha Tihona arhiepiskopu Aleksandru ot 4 fevralja 1921 goda. EAA F. 1655. Op.3. D.266. L.9.
- 16 Raspiska o poluchenii proshenija. EAA F. 1655. Op.3. D.422. L.1.
- 17 Eesti Apostlik Ortodoksne Kirik Eksiilis. Stockholm. 1961. L26 (Jestonskaja Apostol'skaja Pravoslavnaja Cerkov' v izgnanii. Stokgol'm. 1961)
- 18 Pis'mo igumena Pavla Gorshkova mitropolitu Tallinskomu i vseja Jestionii Aleksandru ot 30 sentjabrja 1940 g., arhiv JePC MP.
- 19 Rezoljucija mitropolita Litovskogo i Vilenskogo Elevationija ot 1.09.1940. EAA F. 1655. Op.3. D.416. L.72-72 ob.
- 20 Pravoslavie v Jestionii. Issledovanija i dokumenty. M. 2010. T.1, s. 223
- 21 Pis'mo protoiereja Petra Pjakhelja arhiepiskopu Ioannu (Pommeru) ot 25.11.1925. «Istorija v pis'mah» iz arhiva svjashhennomuchenika arhiepiskopa Rizhskogo Ioanna (Pommere). Tver'. 2015 T.1 S.496
- 22 Pis'mo protoiereja Petra Pjakhelja arhiepiskopu Ioannu (Pommeru) 1925 goda. «Istorija v pis'mah» T 1. S 499
- 23 EAA F. 1655. Op.2. D.2629. L.2.
- 24 Pravoslavie v Jestionii. Issledovanija i dokumenty. M. 2010. T.2, s. 117
- 25 Pis'mo Patriarshego mestobljustitelja mitropolita Moskovskogo Sergija mitropolitu Jestonskomu Aleksandru ot 13 dekabrja 1940 goda #679. EAA F. 1655. Op.3. D.416. L.91-92 ob.
- 26 Tam zhe
- 27 Tam zhe
- 28 Tam zhe
- 29 Tam zhe Pravoslavie v Jestionii. Issledovanija i dokumenty. M. 2010. T.2, s. 126
- 30 Tam zhe
- 31 Tam zhe
- 32 Ukaz Moskovskoj Patriarhii o naznachenii Sergija (Voskresenskogo) mitropolitom Litovskim i Vilenskim, jekzarhom Latvii i Jestionii. EAA F.1655. Op.3. D.416. L. 95
- 33 Ukaz Moskovskoj Patriarhii preosvjashhennomu Sergiju, mitropolitu Litovskomu i Vilenskomu, jekzarhu Latvii i Jestionii. EAA F.1655. Op.3. D.416. L. 95
- 34 Patriarh Aleksij II. Pravoslavie v Jestionii. M. 1999. S.550
- 35 EAA F.1655. Op.3. D.427. L. 19
- 36 Cirkuljarnoe pis'mo mitropolita Aleksandra. Pravoslavie v Jestionii. Issledovanija i dokumenty. T.2, s. 180
- 37 Patriarh Aleksij II. Pravoslavie v Jestionii. M. 1999. S.561-562
- 38 Pis'mo mitropolita Tallinskogo Aleksandra nastojatelju tallinskoj cerkvi svjatyh Simeona i Anny protoiereju Ioannu Bogojavlenskomu. Pravoslavie v Jestionii. Issledovanija i dokumenty. T.2. S. 139
- 39 Kratkij ocherk sostojanija Pravoslavnoj Cerkvi vo vremja vlastvovanija v JeSSR nemeckih okkupantov. Arhiv JePC MP S.2
- 40 Tam zhe
- 41 Fomin S., sost. «Strazh doma Gospodnja. Patriarh Moskovskij i vseja Rusi Sergij Starogorodskij». M.2003. s. 537. Shkarovskij M.V. «Politika nacistkoj Germanii po otnosheniju k Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi v 1941-1945 gg.» Cerkovno-istoricheskij vestnik. 1999. #2-3. S266-267
- 42 Kratkij ocherk sostojanija Pravoslavnoj Cerkvi vo vremja vlastvovanija v JeSSR nemeckih okkupantov. Arhiv JePC MP S. 10

- 43 Pis'mo igumenii Pjuhtickogo monastyrja Ioanny mitropolitu Aleksandru # 33 ot 8.10.1942. Arhiv JePC MP
- 44 Pis'mo igumenii Pjuhtickogo monastyrja Ioanny mitropolitu Aleksandru # 34 ot 13.10.1942. Arhiv JePC MP
- 45 Pis'mo protoiereja Pavla Kalinkina igumenii Aleksii ot 8 ijulja 1943 goda. Arhiv JePC MP
- 46 Kratkij ocherk sostojanija Pravoslavnoj Cerkvi vo vremja vlastvovanija v JeSSR nemeckih okkupantov. Arhiv JePC MP S. 9
- 47 Pis'mo protoiereja Pavla Kalinkina mitropolitu Aleksandru ot 15 avgusta 1942 g. Arhiv JePC MP
- 48 Kratkij ocherk sostojanija Pravoslavnoj Cerkvi vo vremja vlastvovanija v JeSSR nemeckih okkupantov. Arhiv JePC MP S.11
- 49 Pis'mo Sinoda JeAPC Patriarshemu jekzarhu mitropolitu Sergiju. EAA F1655. Op.3. D.431. L. 308
- 50 Pis'mo mitropolita Tallinskogo Aleksandra episkopu Narvskomu Pavlu ot 30 ijunja 1942 g. F1655. Op.2. D.2629. L. 30-31
- 51 Otvetnoe pis'mo mitropolita Aleksandra protoiereju Ioannu Svempu ot 12 sentjabrja 1942. Pravoslavie v Baltii #2. Riga 2014. S 157
- 52 Pis'mo mitropolita Aleksandra mitropolitu Avgustinu ot 27 fevralja 1942. Pravoslavie v Baltii #2. Riga 2014. S 148
- 53 Pis'mo mitropolita Aleksandra mitropolitu Avgustinu ot 27 nojabrja 1942. Pravoslavie v Baltii #2. Riga 2014. S 159
- 54 Ukaz mitropolita Litovskogo Sergija, jekzarha Latvii i Jestonii, o mitropolite Aleksandre. Pravoslavie v Jestonii. Issledovanija i dokumenty. M. 2010. T.2, s. 165-169. EAA F1655. Op.3. D.431. L. 270-273
- 55 Imeetsja vvidu poslanie mitropolita Sergija (Starogorodskogo) ot 22 ijunja 1941 goda
- 56 Pis'mo Sinoda Jestonskoj Pravoslavnoj Mitropolii ot 16 dekabrja 1942 goda #1001 mitropolitu Litovskomu i Vilenskomu Sergiju (Voskresenskomu). Arhiv JePC MP
- 57 Tam zhe
- 58 Mitropolit Tallinskij i vseja Jestonii Kornilij «O moem puti». Tallinn. 2009. S. 43-44
- 59 Eesti Apostlik Ortodoksne Kirik Eksiilis. Stockholm. 1961. L 26
- 60 Jestonskie pravoslavnye prihody za predelami Jestonii: sem' v Shvecii, chetyre v SSHA, tri v Kanade, po odnomu v Anglii, Germanii i Avstralii.

Репрессии против духовенства Литовской православной епархии в период сталинизма

The persecution of the Clergy of Lithuania's Orthodox Diocese in the years of Stalinism

В истории Литовской и Виленской православной епархии было немало трудных периодов. Один из них – советские годы. Им предшествовали политические катаклизмы Второй мировой войны, когда с продвижением Красной Армии на запад Литва в октябре 1939 г. обрела свою столицу Вильнюс, но летом 1940 г. потеряла государственную независимость. С облегчением после года правления большевиков встреченные немцы отступили летом 1944-го, но мир при сталинизме не наступил – войска НКВД подавляли вооружённое сопротивление литовских партизан и обеспечивали проведение очередных депортаций.

События в стране определяли ситуацию и в Литовской православной епархии. Её границы и государственная принадлежность с 1939 г. менялись несколько раз, центр правления из Каунаса был перенесён в Вильнюс, где священники присоединённого к Литве Вильнюсского края были вынуждены перейти из юрисдикции автокефальной Польской православной Церкви в лоно Московской патриархии.

Эта юрисдикция была сохранена и в период немецкой оккупации 1941–1944 гг., при активном участии руководства епархии в возрождении православных приходов на оккупированной территории СССР и в антибольшевистской пропаганде.

Советскую оккупацию Литовская епархия встретила без владыки – архиепископ Даниил (Юзвюк), преемник убитого 29 апреля 1944 г. митрополита Сергия (Воскресенского), выехал с отступающими немцами и до 1946 г. жил в Чехословакии.

Репрессии, сопровождавшие установление советского режима в Литве, не могли обойти стороной русскую общину, которая не вызывала доверия, по своей сути была «буржуазной», «белоэмигрантской» и, следовательно, «антисоветской».

В центре внимания данной работы – список православных священников, подвергшихся репрессиям НКГБ/МГБ в 1940–1941 и в 1944–1951 гг., причины и обстоятельства репрессий. За эти годы были задержаны 12 священников, только четверо из которых после лагерей вернулись к священнослужению в Литовскую епархию.

В Особом архиве Литвы (далее – ОАА) хранятся уголовные дела арестованных священников, уже изученные некоторыми историками. Большой вклад в увековечивание памяти этих жертв сталинизма внесли историки Литовской православной епархии журналисты Ирина Арефьева и Герман Шлевис, усилиями которых данные о священниках Литвы включены в сайт «Открытый список», собирающий информацию о людях, репрессированных в Советском Союзе по политическим мотивам в период с октября 1917-го по 1991 г.¹ Кроме того, тема репрессий над священниками прослежена в книге Г. Шлевиса «Православные храмы Литвы» и в статьях И. Арефьевой². В научном дискурсе тему продолжил историк из Санкт-Петербурга Иван Петров³: он изучил содержание уголовных дел некоторых священников, анализ которых позволил сделать выводы о характерных обвинениях (служба в Белой армии, членство в эмигрантских организациях; в послевоенный период – пособничество немецким оккупантам, поддержка русских коллаборационистских военных формирований, пораженческие настроения и т.д.). Однако из-за явного недостатка информации о масштабе репрессий над православным духовенством Литовской епархии некоторые обобщения автора вызывают недоумение. Например, располагая данными о двух репрессированных в 1939–1941 гг. священниках Литовской епархии, он утверждает, что «советские власти приступили к политике прямых репрессий» и что «категории репрессированного духовенства можно особенно четко классифицировать при рассмотрении ситуации в Литве»⁴ (надо заметить, что один из двух указанных им в этом контексте священников был репрессирован в 1939 г. не в Литве, которая тогда еще не была советской, а НКГБ Белорусской ССР).

***

Вряд ли было бы возможным создать коллективный портрет репрессированного православного священника Литвы – это были лица разных возрастов (с 27 до 66 лет), представители монашества и белого духовенства, настоятели деревенских приходов и представители руководящего звена, трудоспособные и инвалиды, арестованные в приходах Литовской епархии в пределах довоенной Литовской Республики (6) и присоединённого в 1939 г. Вильнюсского края (6). Краткие биографические данные и сведения об их аресте и осуждении представлены в приложении к статье.

Причины репрессий скорее всего кроются не в обвинениях, выдвинутых НКГБ/МГБ (многие из них после 1956 г. были признаны несоответствующими действительности, три священника добились оправдания и снятия судимости), а в оперативных соображениях этих органов, политическом заказе режима. Большинство арестов православных священников в Литве было произведено в 1944 (три) и в 1949 г. (пять), что тоже заслуживает внимания историка в поисках причин происшедшего.

Объект данного исследования ограничивается списком священнослужителей, арестованных при исполнении должности в Литовской православной епархии, т.е. включает тех, которые подверглись репрессиям перед войной или в других республиках СССР. Таких лиц в Литве было немало, включая епископов*.

* За антисоветскую деятельность в 30-ые годы были осуждены первые послевоенные архиепископы Корнилий (Попов) и Филарет (Лебедев). Из рядового духовенства несколько лиц прибыли в епархию из заключения, например, с 1955 г. в приходах Литвы служил о. Николай Крейдич (1908–?), который в 1940–1948 и 1949–1954 гг. был репрессирован в Белорусской ССР; в составе Вильнюсского монастыря с 1959 г. числился архимандрит Стефан (Светозаров, 1890–1969),

Клир Литовской православной епархии был немногочисленным: в 1940 г. в епархии было 46 приходов (31 – в пределах Литовской Республики и 15 – в Вильнюсском крае), в которых служили ок. 50 священников. С политическими переменами 1939 г. в юрисдикцию Московской патриархии была принята часть клира Виленской епархии, состоявшей в составе Польской автокефальной Церкви: 17 протоиереев и священников, 4 диакона и 13 монахов Св.-Духова монастыря; ряды священнослужителей тогда пополнили и беженцы из других епархий Польши⁵. Министерство просвещения Литвы в начале 1940 г. определило финансовые средства для содержания дополнительных штатов православной епархии, но они выплачивались недолго.

За сравнительно короткий период оккупации Советским Союзом в 1940–1941 гг. наиболее болезненными оказались экономические и «культурные» реформы: как и все другие конфессии, православные церкви лишились финансирования из бюджета, земли (до 3 га) и приходской недвижимости. В школах более не преподавался Закон Божий, перестала издаваться религиозная литература и периодика.

В 1940–1941 гг. православная епархия лишилась трёх священников. Первым и единственным из клира Литовской епархии самостоятельный выбор сделал наставник прихода Семелишкес протои-

который в 1947 г. вернулся в СССР из эмиграции, а в 1953 г. был осуждён как участник организации «Истинно Православная Церковь», но скоро реабилитирован; с 1958 г. как заштатный священник в Литовской епархии состоял о. Георгий Радецкий (1922–?), который в 1944–1956 гг. был осуждён определением Военного трибунала Ленинградского военного округа за участие в работе Псковской православной миссии (служил в ней переводчиком и псаломщиком).

ерей Иван Гондури^{*}, в прошлом генерал-лейтенант Российской армии. Он не стал дожидаться власти большевиков и после вступления советской армии летом 1940 г. покинул Литву. Он оказался в юрисдикции Русской Православной Церкви за границей и был назначен священником Русского корпуса, действовавшего в 1941–1945 гг. на территории Югославии⁶. Иной путь выбрал другой священник епархии – Викторас Мажейка^{**}, служивший в церкви Скуодас. Наверное, не выдержав притеснений новой власти, из-за которых выжить и прокормить семью в должности священника приписной церкви стало невозможным, он отрёкся от сана и даже стал комиссаром⁷.

В июне 1941 гг. был арестован настоятель прихода Ужусалая о. Степан Семенов, православный капеллан литовской армии (см. приложение). Члены его семьи, за исключением трёх замужних дочерей, в июне 1941 г. были депортированы в Алтайский край⁸. Инициаторами расправы с о. Семеновым выступили местные коммунисты, заявившие о его антисоветских действиях в прошлом⁹.

Жизнь приходов замерла, люди были напуганы. «С невероятной быстротой менялись люди, и всё подлинное, что образовывало мировоззрение, давало смысл и цель в жизни – по заветам Христовым – исчезало или пряталось в недостижимую глубину»¹⁰, – писал в своих воспоминаниях настоятель Александр Чернай. Он был вынужден устроиться на работу по

* И. Гандурин (1866–1946) после ухода в 1917 г. в отставку жил в Литве, в 1928 г. сдал экзамены, организованные митрополитом Елевферием, и был посвящён в иереи, с 1939 г. – протоиерей; до 1940 г. был настоятелем прихода Семелишкес.

** С приходом немцев В. Мажейка (1900–1941) снова надел рясу, но в церкви не служил, завёдал складом. С женой они были расстреляны повстанцами летом 1941 г. после того, как были обнаружены подписанные им списки депортированных людей.

прокладке шоссе, по ночам его вызывали на допросы в местное отделение НКГБ местечка Векшняй.

Всё же положение о. Черная не было характерным для большинства приходов епархии, в 1940–1941 гг. костёлы, церкви и молитвенные дома не закрывались. Духовенства не было среди групп людей, намеченных к депортации из Литвы в 1941 г. (в списках фигурировали «буржуазные элементы»: деятели государства, чиновники, офицеры, руководство политических партий и организаций, капиталисты и др.; вместе с литовцами в них были польские, еврейские, русские, украинские и белорусские «контрреволюционеры», немецкие шпионы – всего 19 610 лиц¹¹).

***

Летом 1944 г. жители Литвы с ужасом наблюдали за приближением советской армии. Многие, помня репрессии и массовые депортации июня 1941-го, оставили Родину и выехали с большим потоком беженцев. Выехали 3 католических епископа и ок. 250 ксендзов, из православных – архиепископ Даниил (Юзьвук), в лагерях беженцев Германии оказалось несколько священников епархии – Александр Чернай* с детьми, Герасим Шорец**, Александр Шабловский***,

* Настоятель церкви Векшняй Александр Чернай (1900–1985) позже активно включился в деятельность Русской Православной Церкви за границей; эмигрировал в США и принял монашеский постриг, архимандрит Алексей.

** Настоятель и благочинный Паневежиса протоиерей Герасим Шорец (1886–1966) был одним из самых образованных священников епархии, издавал апологетические листовки. Позже служил в русских приходах в США в юрисдикции Русской Православной Церкви за границей.

*** Настоятель церкви Укмерге (с 1924 г.) Александр Шабловский (1879–?), позже проживал в Канаде, состоял в юрисдикции Русской Православной Церкви за границей.

Иоан Маевский****. Надо заметить, что из духовенства свою паству не оставил ни один наставник старообрядцев Литвы (выехал только председатель Верховного совета старообрядцев Борис Пимонов).

Более 10 лет, до 1955 г., во главе Вильнюсской кафедры стояли архиепископы, в управлении которых находились и другие епархии****. Всё же это обстоятельство вряд ли имело значение для процесса интеграции сравнительно небольшой Литовской епархии в советское государство. Это было в компетенции уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при СМ СССР по Литовской ССР (далее – Совет по делам РПЦ), назначенного в Вильнюс в январе 1945 г. Масштаб его работы существенно отличался от сферы действия его коллеги – уполномоченного Совета по делам религиозных культов, в ведении которого были дела всех других Церквей Литвы, в том числе и Католической. До 1949 г. в Литве было зарегистрировано и официально действовало всего 60 православных церквей, 44 из них были приходскими, 14 приписными и 2 молитвенных дома; в епархии служили 48 православных священников, 6 диаконов и 15 псаломщиков¹². Кроме того действовали мужской Св.-Духов и женский Мариинский монастыри со своими церквями.

**** Наставник прихода Тельшяй (с 1929 г.) иерей Иоан Маевский (1888–1949), кажется, в 1944 г. был вывезен немцами насильно; в 1946 г. вернулся из Германии, был назначен настоятелем церкви в Кибартай.

***** Управляющий белорусскими епархиями архиепископ Василий (Ратмиров) занимал должность всего с февраля по апрель 1945 г.; сменивший его архиепископ Корнилий (Попов) – до ноября 1948 г., будучи архиепископом Латвийской епархии; архиепископ Фотий (Топиро) – в 1949–1951 гг., будучи экзархом приходов Московской Патриархии в Западной Европе; архиепископ Филарет (Лебедев) – архиепископом Рижским и Латвийским.

Поводом для первых репрессий против православных священников Балтийских стран послужили данные об их антисоветской активности в 1941–1944 гг., о пособничестве немцам – прежде всего участии в работе Псковской миссии и «Русских комитетов». Литву это коснулось только частично – маленькая Литовская епархия в сущности не приняла участия в организации миссионерской деятельности Псковской православной миссии, за исключением открытия в Вильнюсе богословских курсов и последних месяцев работы миссии в эвакуации в Литве (с центром в г. Шяуляй, где был арестован её руководитель о. Кирилл Зайц)¹³.

Под названием Внутренней православной миссии она заботилась об обслуживании духовных нужд русских беженцев около 4 месяцев (с февраля до конца июня 1944 г.). Всё духовенство (ок. 40 священников) и церковнослужители миссии, по данным историка Константина Обозного, прибыли в Литву из оккупированных областей РСФСР, БССР и УССР, при том миссия работала самостоятельно, не была связана с Литовским Епархиальным управлением¹⁴.

Сразу же после оккупации Вильнюса некоторые православные священники вызывались в НКГБ, где сотрудники органов провели их допросы по поводу ситуации в 1941–1944 гг. и убийства митрополита Сергия (Воскресенского). На более видных лиц православной епархии были заведены дела-формуляры, т.е. собиралась компрометирующая их информация, было организовано наблюдение над их поведением и связями. Последовали аресты более осведомлённых лиц – в августе 1944 г. был задержан архимандрит Вильнюсского монастыря Филипп Морозов, в октябре – первое лицо в епархии – управляющий канцелярией Епархиального управления о. Лука Голод. Первый из них, рассказавший

на допросе о своих встречах с офицерами гестапо и дружественных отношениях с митрополитом Сергием, был отправлен в Москву в распоряжение НКГБ СССР¹⁵, дальнейшая его судьба неизвестна. Тяжело больной о. Голод после 4 месяцев задержания был освобождён.

В ноябре 1944 г. был арестован настоятель церкви г. Укмерге о. Александр Соколов, который, будучи наставником церкви Зарасай, несколько месяцев в 1943–1944 гг. состоял уездным уполномоченным Бюро поверенного по делам русского населения Литовской генеральной области. Это Бюро (или «Русский комитет»), организованное оккупационными властями в марте 1943 г., имело двойственные цели: с одной стороны, обеспечивать социальные и культурные нужды местных русских и беженцев, с другой – гарантировать лояльность русского населения. Оно развернуло свою деятельность через волостных и деревенских уполномоченных, в сеть которых были включены некоторые священнослужители (из православных – о. А. Соколов). В 1943 г. Бюро приняло участие в мобилизации русской молодёжи в немецкую армию и отряд вспомогательной полиции, пытаясь распространить повестки через православных и старообрядческих священников. НКГБ, квалифицировавшее Бюро как отдел гестапо, последовательно преследовало его сотрудников. Все те, кто не успели оставить Литву, были арестованы по списку участников конференции представителей русского населения, состоявшейся 17 ноября 1943 г. в Каунасе¹⁶. О. А. Соколов был одним из участников конференции и произнёс на ней речь, в которой обратил внимание на склонность органов местного литовского самоуправления необоснованно обвинять и преследовать русских (на это жаловались все участники конференции), но и выразил надежду «на победу героической германской армии над

большевизмом и на освобождение русского народа от большевистского гнета»¹⁷.

Репрессии над православными священниками участились в 1949 г., когда были арестованы 5 клириков епархии. До этого последние аресты производились в 1946–1947 гг. – были задержаны два священника, приехавшие в Литовскую епархию в конце войны из России и Белоруссии (Федор Калиничук и Вениамин Неоронов; см. в приложении).

Чем были вызваны репрессии 1949 года? Положение Православной Церкви в Советском Союзе стало ухудшаться еще в 1948 г. Московской патриархии не удалось осуществить указания правительства – инициировать движение христианских Церквей против Ватикана, перенять руководство восточными Православными Церквями или хотя бы обеспечить поддержку ими зарубежной политики СССР¹⁸. В Литве ситуация тоже изменилась. В 1948–1949 гг. был достигнут перелом в осуществлении советизации Литвы: стремительно создавались колхозы, были организованы самые крупные депортации населения, сломлена структура Католической Церкви (ликвидированы монастыри, произведено соединение некоторых епархий и пр.). К этому времени властям Литовской ССР удалось убедить Совет по делам РПЦ при СМ СССР в необходимости отказаться от идеи использования потенциала православной епархии в борьбе против влияния «реакционного» католицизма. Эта идея, вынашиваемая с 1944 г., заметно отразилась на положении православия в Литве: некоторое время власти избегали дискредитации православных священников, епархия сохранила мужской и женский монастыри, были отремонтированы все церкви, пострадавшие от военных действий, в виде исключения в Вильнюс были возвращены мощи православных святых, открыта Духовная семинария (без согласия на то вла-

сти Литовской ССР, которая настояла на её закрытии) и т.д. Изменение политической линии ухудшило положение Церкви, это выразилось и волной арестов.

Ошибочно было бы предполагать, что репрессированные священники отличались особо враждебным отношением к советской власти или занимались противозаконной деятельностью. Хотя аресты священнослужителей, как правило, были мотивированы антисоветской агитацией и враждебной к СССР деятельностью, органами НКГБ/МГБ прежде всего двигала попытка контролировать происходящее в православной епархии и создание атмосферы недоверия, страха, в которой исключён обмен критическим мнением даже в близком кругу.

Доводом такого утверждения служит анализ уголовных дел иеромонаха Евстафия (Архипа Андрейчука) и Александра Нестеровича. В 1949 г. диакон монастыря – сотрудник МГБ «Коля» – принёс в МГБ Лит. ССР «антисоветскую» книгу философа Николая Бердяева, которую он одолжил у иеромонаха Евстафия. Она была сфотографирована, составлен обзор содержания, послуживший вещественным доказательством преследования вышеупомянутых клириков. Однако читатель книги о. Евстафий был арестован в 1949 г., а владелец и «распространитель» антисоветской литературы о. Нестерович – в 1951 г. Настоящей причиной ареста последнего, о. Нестеровича, была его должность секретаря Епархиального управления. Его несколько раз вызывали в отдел МГБ, уговаривая сообщать о происходящем и настроениях в центре епархии¹⁹, а после отказа арестовали и заменили другим лицом.

В одном из отчётов уполномоченный Совета по делам РПЦ изложил процедуру назначения секретаря Епархиального управления после ареста о. Нестеровича. Архиепископ предложил на эту должность

кандидатуру священника Владимира Гаврилова, но уполномоченный после консультаций с МГБ её отклонил. Тогда архиепископ предложил четыре кандидата, из которых уполномоченный через два дня «рекомендовал» секретарём назначить Антония Керковича. Позже он успешно сотрудничал с уполномоченными Совета, информируя о разговорах, настроениях, гостях Епархиального управления. По утверждению уполномоченного, некоторые документы он получал даже раньше, чем архиепископ²⁰.

Материалы для обвинения священников епархии добывались посредством доносов местных активистов, а также агентуры и секретных осведомителей – Вильнюсский мужской монастырь посещали «маршрутные» агенты, среди духовенства также появились секретные сотрудники МГБ²¹. Практиковались вызовы на допросы «в качестве свидетеля», во время которых следователи НКГБ/МГБ требовали дать показания об антисоветской деятельности знакомых священнослужителей.

Несмотря на духовный сан, допросы арестованных священников проходили в обыденной практике тех лет – людям не позволяли несколько суток спать, угрожали избиением (один из допросов о П. Соколова продолжался 14 часов, о Ф. Калининчука – более 2 суток, псаломщик С. Корнилов был избит и 7 суток провел без сна)²².

***

После 1951 г. аресты священников Литовской епархии прекратились, но ранее осуждённые часто сталкивались с дискриминацией – следуя инструкциям Совета по делам РПЦ, уполномоченный отказывался выдавать справки служителей культа репрессированным священникам. Епископы были информированы, что ранее судимых, лишённых свободы и ссыльных лиц уполномоченные регистрировать не будут, поэтому их «не следует» возводить в сан²³. Пользуясь инструкциями, уполномоченный Совета не принимал просьбы епископов о назначениях в приходы, посвящении в сан или о принятии в Св.-Духов монастырь ранее судимых мужчин. Например, епископ был вынужден отозвать назначение в церковь села Гегобраста о. Николая Попова (1894–1960; в Литве жили его дети), который под старость лет в 1959 г. переехал из Новгородской епархии²⁴; в 1962 г. по указанию уполномоченного был отчислен из монастыря заштатный священник Георгий Янель (1887–1972), который ранее был осуждён в Белорусской ССР как «изменник родины»²⁵.

Духовенство Литовской епархии пополнило долгие списки новомучеников Русской Православной Церкви – иеромонах Давид (Грушин) умер в лагере, о судьбе некоторых неизвестно, а из тех, кто выжили и в 1954–1956 гг. были освобождены, только четыре вернулись в епархию.

РЕПРЕССИРОВАННЫЕ СВЯЩЕННИКИ ЛИТОВСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЕПАРХИИ (1941, 1944–1951 ГГ.)

1. Семёнов Степан Варфоломеевич (1887–?)
Репрессирован: 04.06.1941–1951
Настоятель церкви села Ужусалаяй. Родился в Литве; в 1908 г. окончил учительскую семинарию в г. Паневежис, работал

учителем; в 1916 г. в эвакуации окончил Екатеринославский педагогический институт; в 1916–1919 г. служил в армии (в том числе – генерала Деникина); в 1920 г. интернирован в Польше, стал служить

псаломщиком; в 1921 г. в Вильнюсе сдал экстерном экзамены и получил назначение в церковь села Ужусалай. В 1935–1940 гг. – капеллан Литовской армии.

Арестован 04.06.1941 г. – коммунисты окрестных деревень донесли об его крайне антикоммунистических взглядах (обвинялся в том, что был офицером деникинской армии, расстреливал военнопленных красноармейцев, помогал «режиму Сметоны» бороться с революционным движением – с оружием в руках преследовал местных коммунистов, доносил на них органам безопасности и т.д.). Прокурор Красноярского края предлагал назначить ему высшую меру наказания – расстрел, однако Особое совещание при НКВД СССР (далее Особое совещание) ограничилось 10 годами исправительных работ в лагере (02.01.1943 г., «за активную борьбу против советской власти в годы гражданской войны»). Отбыв срок наказания в 1951 г. инвалид С. Семёнов как «враг советской власти» не получил разрешения вернуться в Литву, переселён в дом инвалидов под надзор органов МГБ. Его жена, сын и дочь в 1941 г. были выселены в Алтайский край.

2. Морозов Павел Леонтьевич (1890–?)

Репрессирован: 08.1944–?

Бывший архимандрит Филипп. Родился в Вологодской епархии в семье диакона. Окончил Петербургскую духовную академию (1914). В Вильнюсе с 1922 г., в 1922–1924 гг. ректор духовной семинарии. В июне 1925 г. принял католичество, служил в костёле; был предан анафеме, но после покаяния в начале 1927 г. принят в Православную Церковь в сущем сане. Его прошение перейти в юрисдикцию Московской патриархии (1940) из-за войны осталось не рассмотренным. Арестован в августе 1944 г. как пособник немцев и отправлен в Москву в распо-

ряжение НКГБ СССР. Дальнейшая его судьба неизвестна.

3. Голод Лука Филимонович

(17.10.1891–06.11.1947)

Под арестом: 24.10.1944–24.02.1945

Протоиерей, управляющий канцелярией православной епархии, настоятель Св. Николаевской церкви Вильнюса, преподаватель духовной семинарии.

Родился в Холмской губ., окончил Холмскую духовную семинарию (1913), с 1914 г. иерей; служил в церквях Гродно и др. Единственный священник Виленской православной епархии, в 20–30 годы оставшийся в юрисдикции Московской патриархии. Был назначен митрополитом Евлогием управляющим церквями в Западной Европе (служил во Франции). После перехода митр. Евлогия в юрисдикцию Константинопольского патриарха получил назначение митрополита Елевферия (Богоявленского) настоятелем патриаршей общины Вильнюса (1932), в 1939 г. – настоятелем церкви Св. Николая.

Арестован 24.10.1944 г. за связи с польской разведкой и белоэмигрантами, пособничество немцам.

Освобождён из-под стражи 24.02.1945 из-за тяжёлого состояния здоровья (туберкулёз) и благодаря показаниям двух женщин о его помощи советским партизанам.

4. Соколов Александр

Александрович (1917–?)

Репрессирован: 14.11.1944–05.05.1956

Священник церкви г. Укмерге. Родился в Гомеле в семье военного. Окончил три курса Теологического ф-та Варшавского ун-та и с 1939 г. служил диаконом Вильнюсского и Каунасского кафедральных соборов. В 1943 г. был посвящён в иереи и служил настоятелем церквей в Зарасай (до 10 1944) и Укмерге.

Удостоверение личности диакона Вильнюсского собора Александра Соколова, 1941 г., ОАЛ

Арестован как резидент гестапо – с декабря 1943 г. состоял уполномоченным Бюро поверенного по делам русского населения Литовской генеральной области в Зарасайском уезде.

Трибуналом войск НКВД Литовской ССР осуждён на 15 лет работ в исправительно-трудовом лагере (далее – ИТЛ) и на 5 лет ссылки.

Отбыв срок наказания, в Литву не вернулся, работал псаломщиком в церквях Белоруссии.

5. Калиничук Федор Федорович (1880–1960)

Репрессирован: 03.06.1946–1954

Священник церкви села Каралишкяй. Родился в Николаевском уезде на Украине, украинец. Окончил Одесскую духовную семинарию (1906), Юридический ф-т Варшавского ун-та (1914); работал юрисконсультom в Украинской, Белорус-

ской ССР. В мае 1944 г. переехал в Литву, в июле 1945 г. был назначен на должность настоятеля церкви села Каралишкяй.

Арестован за пособничество немцам (работал в окружном суде при Генеральном комиссариате Белоруссии в Минске, с 11 1943 – вице-президентом). Военным трибуналом войск МВД Минской области приговорён к 8 годам ИТЛ с последующем поражением в правах сроком на 4 г.

В 1954 г. вернулся из лагеря и до самой смерти был священником церкви села Рудамина.

6. Неоронов Вениамин

Михайлович (1886–?)

Репрессирован: 1947–?

Украинец, сын священника. С 1942 г. служил в Брянске, с 1943 г. – в Литве, в церкви села Каунатава. Там арестован; дальнейшая судьба неизвестна.

Священник Евгений Насекайло при содержании его в 1939 г., ОАЛ

7. Корнилов Сергей Алексеевич (1913–?)

Репрессирован: 30.10.1947–1956

Псаломщик; работал в оперном театре г. Каунас, студент Консерватории. Родился в Тамбовской губ., с 1918 г. проживал в Литве. Окончил пастырские курсы в Каунасе (1932) и был назначен псаломщиком в Шяуляй, в 1938 г. – Каунас.

Арестован за работу полицейским в лагере русских беженцев в г. Алитус, участие в белоэмигрантских антисоветских организациях и работе Бюро поверенного по делам русского населения.

Решением Особого совещания осуждён на 10 лет в ИТЛ. По возвращении не смог найти работу, в 1957 г. добился снятия судимости.

8. Насекайло Евгений Исидорович (1912–?)

Репрессирован: 13.10.1939–1947;

23.02.1949–1958; 09.1958–18.02.1959

Настоятель церкви св. Николая г. Вильнюса. Родился в Воложинском уезде,

сын священника. Окончил Варшавскую духовную семинарию (1937).

Первый раз арестован отделом НКГБ Вилейской области за деятельность в антисоветских белоэмигрантских «террористических» организациях и в качестве агента 2-о отдела Ген. штаба Польши (с 1928 г., т.е. будучи учеником). Особым совещанием приговорён к 8 годам ИТЛ (29.11.1940). После отбытия срока наказания в 1947 г. прибыл в Вильнюс, назначен настоятелем церкви св. Николая.

Повторно арестован в 1949 г., ему инкриминировали ту самую деятельность, за которую уже отбыл наказание; отказался подписать протоколы допросов. Решением Особого совещания сослан на поселение в Красноярский край. Работал 5-м священником в Покровской церкви г. Красноярска. В 1957 г. прокуратура Лит. ССР заключила, что был сослан незаконно, дело прекращено из-за отсутствия состава преступления.

Приговором Красноярского краевого суда (25.10.1958) осуждён на 10 лет ИТЛ (за мнимое присвоение денежных средств при ремонте храма), но в феврале 1959 г. освобождён. В Литву не вернулся, служил в Эстонской епархии, в одной из церквей Таллинна.

14.02.1958 г. подал жалобу на имя ген. прокурора СССР по поводу реабилитации. Вновь опрошенные свидетели своих показаний не подтвердили, и решение Особого совещания при НКВД СССР 1940 г. было отменено.

9. Грушин Дмитрий

Грогорьевич (1887–20.11.1950)

Репрессирован: 26.08.1949–20.11.1950

Иеромонах Давид. Родился в Рязанском уезде, сын крестьянина; с 1910 г. состоял в братии Валаамского монастыря; в 1916 г. мобилизован, после излечения ран в 1919 г. мобилизован в Красную Армию. В 1920 г. попал в плен в Польше, с 1921 г. проживал в Вильнюсе как военнопленный; после освобождения в октябре 1922 г. вступил в Св.-Духов монастырь, где до 1938 г. был диаконом, до июля 1948 г. – священником. Позже назначен настоятелем прихода Ужпалай.

Арестован за антисоветскую агитацию (обвинялся в том, что критиковал колхозный строй, антирелигиозную политику правительства). Решением Особого совещания от 25.02.1950 г. осуждён на 10 лет в ИТЛ. Умер в лагере в Алтайском крае.

10. Ракецкий Федор

Евдокимович (1904–1978)

Репрессирован: 31.12.1949–1955

Второй священник церкви св. Евфросинии Вильнюса. Родился в Вильнюсе, сын священника; белорус; окончил Теологический ф-т Варшавского ун-та (1939); служил капелланом военного госпиталя в Варшаве. В начале войны попал в плен,

Иеромонах Св.-Духовского монастыря Давид (Грушин), ОАЛ-1

но освобождён по состоянию здоровья; служил в церквях Польши и Белорусской ССР. С октября 1945 г. работал в Литовской епархии, в Вильнюсе, 1947–1949 гг. в Клайпеде, позже второй священник церкви св. Евфросинии Вильнюса.

Арестован за антисоветскую агитацию (клевету на руководителей партии и правительства, распространение слухов о войне). Особым совещанием осуждён на 10 лет в ИТЛ (08.07.1950).

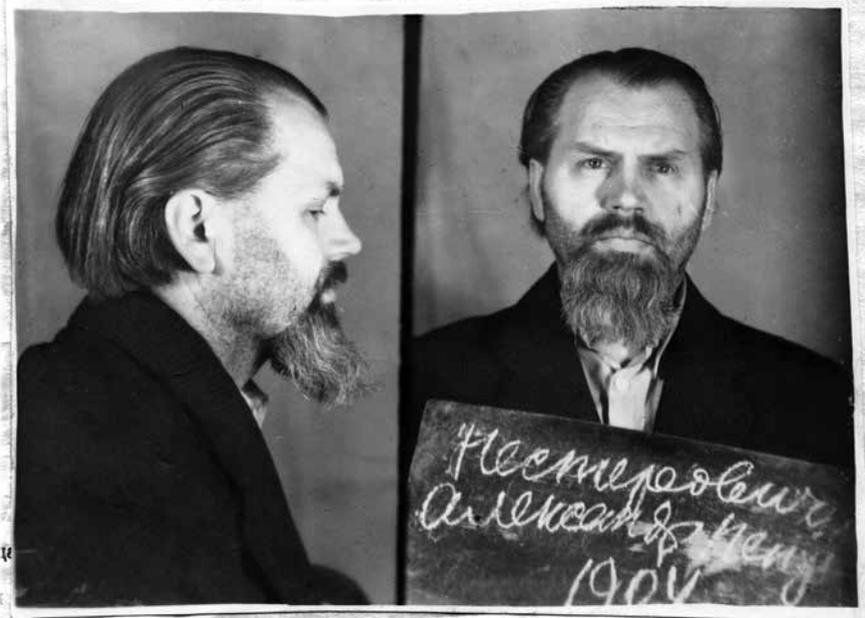
В 1955 г. вернулся из лагеря, работал настоятелем в г. Рокишкис и других приходах Литовской епархии.

11. Андрейчук Архип Андреевич (1914–1980)

Репрессирован: 28.12.1949–1956

Иеромонах Евстафий Вильнюсского Св.-Духовского монастыря. Родился в

Место для фотокарточки (арестованного)

Священник Александр Нестерович при его содержании в 1951 г., ОАЛ

Ровенском уезде на Украине, вырос в детском доме при монастыре. В 1932–1936 гг. служил послушником при Почаевском ските и лавре, в 1936–1938 гг. – послушником Жировицкого, в 1938–1939 гг. – Вильнюсского монастырей. В 1939 г. принял монашеский постриг, окончил пастырские курсы в Вильнюсе (1942), в 1946 г. посвящён в сан иеромонаха; с июня 1949 г. – настоятель Вильнюсской церкви св. Николая.

Арестован за антисоветскую агитацию и распространение антисоветской литературы (обвинялся в том, что в годы оккупации оглашал антисоветские послания митрополита Сергия (Воскресенского), позже читал и хранил антисоветские книги).

Особым совещанием осуждён на 10 лет ИТЛ. В 1956 г. освобождён со снятием судимости. До самой смерти жил в Св.-Духовском монастыре, в 1971–1976 гг. был в нём наставником

12. Соколов Петр Алексеевич (1913–?)

Репрессирован: 1949–1956

Священник прихода села Интурке. Родился в Дисненском уезде; окончил пастырские курсы в Каунасе (1932). Осуждён Особым совещанием на 10 лет ИТЛ и поражением прав на 5 лет за пособничество немцам в 1941–1944 гг. (обвинялся в том, что собирал от прихожан деньги и тёплые вещи для германской армии, призывал молодёжь добровольно вступать в ряды Русской освободительной армии, раздавал повестки и т.п.). Срок отбывал в Воркуте.

По возвращении в Литву уполномоченный уговорил его отказаться от сана и помог трудоустроиться электромонтёром. В 1974 г. по инициативе П. Соколова его уголовное дело было пересмотрено, приговор 1949 г. отменён и дело прекращено за недоказанностью обвинения.

13. Нестерович Александр Петрович (1904–10.02.1992)

Репрессирован: 20.02.1951– 17.07.1956

Настоятель церкви свв. Михаила и Константина г. Вильнюс, секретарь канцелярии Литовской и Виленской епархии. Родился в Кривичском уезде, белорус. Окончил Вильнюсскую духовную семинарию (1929) и Теологический ф-т Варшавского ун-та (1933); с 1939 г. – настоятель церкви свв. Михаила и Константина. Арестован за антисоветскую агитацию (обвинялся в том, что в период немец-

кой оккупации выступал в церкви с антисоветскими проповедями, позже клеветал на политику партии и правительства, хранил и распространял среди близких знакомых антисоветскую литературу и пр.). Постановлением Особого совещания (09.06.1951) «за антисоветскую агитацию» заключён в исправительно-трудовой лагерь сроком на 10 лет.

Вернулся в Вильнюс в 1956 г. и был назначен настоятелем церкви свв. Михаила и Константина.

ВЫВОДЫ

Советская и немецкая оккупации в корне изменили положение Литовской и Вильнюсской православной епархии, начиная с её границ и заканчивая управлением с участием уполномоченного Совета по делам РПЦ. Перемены сопровождалась репрессиями НКГБ/МГБ – от них в 1941 г. пострадал один священник епархии, в 1944–1951 гг. – 11 (когда во всей епархии служило ок. 50 клириков). Хотя аресты священнослужителей, как правило, официально были мотивированы антисоветской агитацией и враждебной к СССР деятельностью с 1917 г., органами НКГБ/МГБ прежде всего двигал интерес осведомлённости

о происходящем в православной епархии и создание атмосферы недоверия, страха, в которой исключён обмен критическим мнением даже в близком кругу.

Большинство священников подверглось репрессиям в 1949 г. Это тоже свидетельствует о натянутой «организованности преступности» священнослужителей епархии, когда после некоторого промежутка привилегированного положения (в связи с усилиями Совета по делам РПЦ при СНК/СМ СССР использовать потенциал Литовской православной епархии «в борьбе с реакционным католичеством») политическая линия изменилась.

Summary

The article analyzes the reasons for and the circumstances for the repressions of the clergy of Lithuania's Orthodox diocese in 1940-1941 and 1944-1953, providing statistical data about the scale of the repressions, as well as about the clergy, who withdrew from Lithuania already before the start of the Soviet occupation. At the end of the article there is an attachment – data about the biographies of the repressed Orthodox clergy and their criminal cases.

From the about 50 clergy of the Orthodox diocese 12 were arrested. It would be difficult to make a collective portrait of the repressed because they were men of various ages (from 27 to 66 years old), pastors of rural parishes and representatives of the leadership of the Orthodox diocese, two monks, clergy of the Lithuanian and Polish (the Vilnius region joined to Lithuania in 1939) parts of the diocese. Most of the clergy were repressed in 1949. That was determined by the changes in

the situation of the Orthodox Church in the USSR, when the Soviet regime abandoned the efforts with its help to mobilize the opposition of Christian Churches to the Vatican, while in Lithuania – to use the potential of the diocese seeking to weaken the influence of «reactionary» Catholicism.

The arrest of the Orthodox clergy was most often motivated by anti-Soviet activities and agitation from 1917, however the security organs primarily sought to intimidate all the clergy, to prevent the sharing of critical opinions, and also to influence the governance of the diocese.

Reference list

- 1 Sm.: <https://ru.openlist.wiki>
- 2 Shlevis G. Pravoslavyne hramy Litvy. Vil'njus, 2006; Aref'eva I.S. I stal svjashhennik lesorubom... // Litovskij kur'er. 1998. # 43(191) S.18.
- 3 Petrov I. V. Pravoslavnaja Baltija 1939–1953 godov. Period vojn, repressij i mezhnacional'nyh protivorechij. Sankt-Peterburg, 2016. S. 263–270.
- 4 Petrov I. V. Repressii protiv baltijskogo pravoslavnogo duhovenstva v 1940–nachale 1941 goda. <https://cyberleninka.ru/article/v/repressii-protiv-baltiyskogo-pravoslavnogo-duhovenstva-v-1940-nachale-1941-goda>.
- 5 Ukaz «Litovskago Pravoslavnago Eparhial'nago Sov'eta, Golos» Litovskoj Pravoslavnoj Eparhii. 1939. # 9/12. S. 10.
- 6 Shkarovskij M. V. Duhovenstvo Russkogo korpusa v Jugoslavii v 1941–1945 godah // Vestnik cerkovnoj istorii. 2008. # 1(9). S. 182 (http://www.sedmitza.ru/data/430/996/1234/179_200.pdf).
- 7 *Zbiznennyj put' russkogo svjashhennika. Iz vospominanij arhimandrita o. Alekseja (Chernaj). San Francisko, 1981. S. 131–137.*
- 8 Ugolovnoe delo S. Semenova, OAL, f. K 1, op. 58, d. 13752.
- 9 Protokoly doprosov I. Korpushenko, S. Volosenko i dr. ot 10 01, 16 01 1941, OAL, f. K 1, op. 58, d. 13752, l. 16, 18–19.
- 10 *Zbiznennyj put' russkogo sejasbhennika. Iz vospominanij arhimandrita o. Alekseja (Chernaj). S. 137.*
- 11 Telegramma narkoma gosbezopasnosti Litovskoj SSR Gladkova narkomu gosbezopasnosti SSSR Merkulovu ot 12 05 1941 g., OAL, f. K–1, op. 10, d. 5, l. 263–269.
- 12 Informacionnyj otchet V. Gushhina za III–IV kvartaly 1949 g., Otdel dokumentov KP Litvy OAL, f. 1771, op. 92, d. 21, l. 20, 51.
- 13 Sm.: Oboznyj K. P. Istorija Pskovskoj pravoslavnoj missii 1941–1944 gg. M. 2008. S. 488–501.1.
- 14 Oboznyj K. P. Istorija Pskovskoj pravoslavnoj missii 1941–1944 gg. S. 495, 491.
- 15 Sov. sekretnaja dokladnaja zapiska o prodelannoj agenturno-operativnoj rabote NKGB Litovskoj SSR za avgust 1944 g., OAL, f. K-1, op. 10, d. 9, l. 27–28.
- 16 Sm.: Laukaitytė R. Rusai Lietuvoje vokiečių okupacijos metais (1941–1944) // *Lietuvos istorijos metraštis. 2010 metai, 1*. Vilnius, 2011. P. 57–69.
- 17 Pervaja russkaja konferencija v Litve // Vestnik Bjuro poverennogo po delam russkogo naselenija Litovskoj general'noj oblasti. 1943 11 25. S. 2.
- 18 Shkarovskij M. V. Russkaja pravoslavnaja cerkov' i sovetskoe gosudarstvo v 1943–1964 godah. Sankt-Peierburg, 1995. S. 41.
- 19 Aref'eva I.S. I stal svjashhennik lesorubom... // Litovskij kur'er. 1998. # 43. S.18.
- 20 Otchet upolnomochennogo Soveta po delam RPC za I kvartal 1951 g. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Litvy (dalee – CGAL), f. R-238, op. 2, d. 9, l. 10–11; takzhe sm.: Informacionnyj otchet upolnomochennogo A. Efremova za 1959 g., tam zhe, op. 1, d. 24, l. 36 i pr.
- 21 Sov. sekretnyj doklad i. d. nachal'nika otdela MGB Shvenchenskogo uezda ministru gosbezopasnosti Lit. SSR ot 16 12 1947, Otdel dokumentov MVD OAL, f. V-135, op. 7, d. 168, l. 7; Sov. sekretnaja spravka ot 24 02 1950 g., OAL, f. K-1, op. 58, d. P 11894, l. 31-14.
- 22 Protokol doprosa ot 03-04 08 1949 g., OAL, f. K-1, op. 58, d. P 11649 LI, l. 20–22; Protokol doprosa ot 10-12 07 1946 g., OAL, f. K-1, op. 58, d. 909/3, l. 23; Zhaloba S. Kornilova gen. prokuroru Lit. SSR ot 24 05 1956 g., OAL, f. K-1, op. 58, d. 43312/3, l. 26.
- 23 Instruktivnye pis'ma G. Karpova upolnomochennym Soveta po delam RPC ot 23 09 1948 g. # 830, 02 02 1949 g. # 35, CGAL, f. R-238, op. 2, d. 1, l. 100–101, 110.
- 24 Otchetno-informacionnyj doklad za 1959 g., CGAL, f. R-238, op. 1, d. 24, l. 16.
- 25 «Informacionnyj doklad o polozhenii i dejatel'nosti «Svjatoduhovskogo» monastyrya v gor. Vil'njus po sostojaniju na 01 01 1963», CGAL, f. R-238, op. 1, d. 33, l. 58.

Мемуары

Memoirs

Воспоминания протоиерея Владимира Блазмы

Memoirs of the priest Vladimir Blazma*

В рамках рубрики «Мемуары» предлагаем вниманию читателей воспоминания протоиерея Владимира Феликсовича Блазмы. Владимир Блазма родился 2 августа 1910 года в городе Лохвица Полтавской губернии, в семье юриста, выходца из Латвии. В 1922 году семья переехала в Латвийскую республику, где Владимир окончил Рижскую русскую гимназию и юридический факультет Латвийского университета. В 1947 году Владимир Блазма был рукоположён во пресвитера. Служил в храмах Вентспилса, Риги и Юрмалы. В 1952 году о. Владимир экстерном окончил Ленинградскую Духовную Академию. Труды о. Владимира были отмечены многими наградами: крестом с украшениями, Патриаршей грамотой и орденом святого князя Владимира III степени. Скончался о. Владимир в Великий Понедельник, 4 апреля 1977 года.¹

Воспоминания о. Владимира не являются «привычными» мемуарами священнослужителей, как правило, описывающими их биографию и пастырский путь. Владимир Феликсович излагает события своей жизни под иным углом – это воспоминания интеллигентного, образованного мирянина, причём

даже без акцента на духовные переживания и воцерковление с последующим рукоположением. Состоящие из четырёх частей, мемуары охватывают детство, юность и зрелый возраст Владимира Блазмы. О. Владимир описывает широкий спектр исторических событий, начиная с Первой мировой войны и революции (с точки зрения жителя провинциального города), а также систему начального, среднего и высшего образования, структуру правоохранительной системы и быт семьи среднего чиновника Латвийской республики. Во второй части воспоминаний отражены переломные моменты 40-х годов XX века: оккупация Латвии, Вторая мировая война, послевоенный период и различные аспекты жизни среднестатистического рижанина. Весьма примечательна гражданская позиция автора: критикуя советский режим, о. Владимир нелестно отзывался и о национальной политике К. Улманиса, хоть и называет 30-е годы «светлым и незабываемым сном» своей жизни. Критический подход к описанию политических событий является несомненным преимуществом автора, снижающим фактор субъективности, неизбежной для мемуаров как исторического источника.

* The publication has been written within the framework of the financial project of the University of Latvia «Letonika, Diaspora and Intercultural Communication», as well as within its subproject «Territory of Latvia as the Zone of Communication of Various Cultures, Religions, Political and Social Interests from the Prehistoric Times till Nowadays.» Project Nr. AAP2016/Bo60

Воспоминания написаны в весьма преклонном возрасте (64 года), однако это не отразилось на их содержании и хронологической последовательности благодаря изумительной памяти автора. Очевидно, именно возраст и увольнение за штат по болезни стали основными причинами открытой и резкой критики советского режима, в рамках которой автор приоткрывает занавес фабрикации политических дел 1940–41 гг. Судя по содержанию, опечаткам и другим техническим особенностям материала, воспоминания были написаны собственноручно, для чтения в семейном кругу. Возможно, по этой причине автор не вдаётся в описание личных духовных переживаний, направивших его на

путь воцерковления и последующего рукоположения, лаконично замечая: «Я никогда не был убеждённым неверующим, но никогда и не задумывался над этими вопросами, никогда не молился. А тут, в критический момент моей жизни, вспомнил о Боге.» К сожалению, о Владимир практически не описывает свой 27-летний пастырский путь, ссылаясь на сравнительную свежесть событий, которые, на его взгляд, не представляли интереса для членов семьи, но какими интересными они были бы для последующих поколений!

Помимо исторической ценности мемуары о Владимире являются несомненным назиданием о неисповедимых путях Господних и Его промысле о каждом из нас, грешных.

ДЕТСТВО. УКРАИНА

Родился я 2 августа 1910 года в городе Лохвице*, бывшей Полтавской губернии. Теперь, кажется, это районный центр, а тогда был маленький уездный городок без особых достопримечательностей. Само название «лохвица» происходит, очевидно, от украинского слова «льох», что значит пещера, провал или т.п. В самом деле, Лохвица находится в довольно глубокой впадине, среди окружающих её холмов, и изобилует пещерами в окрестности. Открывались там в пещерах и подземные ходы, как говорят, времён гетманства и казачества, но подробнее об этом не знаю. В городе была одна главная улица, гордо называвшаяся «Центральный бульвар». Одним концом она уходила в поле (впрочем, там, в кон-

це, эта улица, кажется, называлась иначе), а другим концом доходила до реки Сухая Лохвица, за которой уже продолжалась и тоже уходила в поле под другим названием. Центральный бульвар пересекался несколькими переулками, один из которых выходил на базарную или соборную площадь, посреди которой возвышался собор Рождества Пресвятой Богородицы, где я и крещён. Ещё один переулок – побольше других – тянулся далеко за город и в свою очередь пересекался, кажется, единственной улицей под названием Сенчанская (от села Сенча, которое находилось за несколько километров от города).

На этой улице находился дом нотариуса Скрыбина, где проживали мои родители и где родился я. Номеров дома не имели, так как каждый житель знал всех остальных и мог всегда указать дорогу постороннему человеку. В городе было 5 или 6 церквей и синагога (евреи составляли значительную часть населения). Было реальное училище (в очень хорошем здании), коммерческое училище, тоже неплохое, епархиальное

* Лохвица (укр. Лохвиця) город, административный центр Лохвицкого района, Полтавская область, Украина. Является административным центром Лохвицкого городского совета, в который, кроме того, входит село Криница. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Лохвица>

училище (для девочек), а вот насчёт женской гимназии – не помню. Был большой кожевенный завод и очень значительная махорочная фабрика Дунаевского (дяди знаменитого композитора, с братом которого я учился в одном классе)*. Был единственный кинематограф – своего рода сенсация нашего города, так как электричества у нас тогда не было (его устроили только в годы советской власти), и кинематограф добывал себе энергию при помощи нефтяного движка, который находился в погребе и распространял дым и зловоние, но всё же был предметом особого интереса для нас, мальчишек. Такова, вкратце, географическая сторона нашего города. Дальнейшие подробности, может быть, ещё приведу по ходу описания моего детства.

Отец мой, Феликс Карлович Блюм, был судебным следователем 2-го участка Лохвицкого уезда. По происхождению он латыш, но латышским языком он полностью так и не овладел до самой смерти, так как как учился в Псковской гимназии, затем в Петербургском университете, юридический факультет которого он окончил как раз во время беспорядков 1905 года, и всё время жил и служил в России. Его отец, которого, я, кажется, даже не застал в живых, был частным поверенным или просто ходатаем по делам во Пскове, где имел собственный дом. Когда братья моего отца (их было два) умерли, а затем скончался и их отец, мать их продала дом и переехала жить к нам в Лохвицу, она так и называлась у нас

«Лохвицкая бабушка», в отличие от «Лубенской бабушки» – по моей матери.

Мать моя Ольга Ивановна, урожденная Соколова, дочь ротного командира Псковского кадетского корпуса. Затем он вышел в отставку в чине генерал-майора и поселился в городе Лубны Полтавской губ., где выстроил свой дом с флигелем. Как говорила мне моя тетушка (сестра матери), тот дом сохранился и после гитлеровской войны и стоит до сих пор. Как хотелось бы его посмотреть!

Интересная маленькая подробность: дедушка, выйдя на пенсию и проживая в Лубнах, стал церковным старостой в церкви, находившейся прямо против его дома. Казалось бы, должность совсем спокойная и почётная, но он находил там много поводов для волнения по этой должности, что в конце концов врач запретил ему это занятие. Жил он после этого ещё очень долго и скончался в возрасте около 80 лет в Ленинграде, когда мы жили уже в Латвии.

Моя «Лубенская бабушка» – Варвара Васильевна Тилижинская – родом из украинской духовной семьи. Подробностей я не знаю. Так как мои предки, как видно из рассказанного, особенной знатностью не отличались, я мало вникал в их родословную.

Кроме меня у нас в семье был мой старший брат Георгий**, старше меня на 4 года, ныне скончавшийся (3 года назад) в Австралии.

Мы с ним никогда особенно близки не были, так как четыре года для мальчиков значительная разница, да и жить нам приходилось порознь: он главным образом находился в Лубнах, а я тем бывал только отдельными краткими периодами. Рассто-

* Дунаевский Исаак Осипович (18.01.1900 – 25.07.1955) – советский композитор и дирижёр, музыкальный педагог. Автор 11 оперетт и 4 балетов, музыки к нескольким десяткам кинофильмов, множества популярных советских песен, народный артист РСФСР, лауреат двух Сталинских премий. Депутат Верховного Совета РСФСР 1-го созыва. http://ru.wikipedia.org/wiki/Дунаевский,_Исаак_Осипович

** Блюм Георгий Феликсович (23.11.1906 – 02.05.1970), основатель рижской русской студенческой корпорации Ruthenia. В 1944 г. эмигрировал с семьёй в Австралию.

Члены русской студенческой корпорации *Fraternitas Arctica* в 1926 г.

С тростью брат автора воспоминаний, Георгий Феликсович Блюм.
(Фото из архива *Fraternitas Arctica*)

яние от Лохвицы до Лубен – около 40 км. И позже, уже в Латвии, наши жизненные дороги пролегли различно: произошла у нас с ним однажды крупная ссора, в результате которой мы с ним, живя в одной квартире (это было ещё до моей женитьбы), не разговаривали больше двух лет. Через несколько лет наши отношения несколько улучшились, но он жил около города Мадоны, где был начальником радиостанции, и мы встречались редко, а после его отъезда за границу мы даже не переписывались.

Нашей первой квартиры в доме Скрыбина я совсем не помню, – очевидно, вскоре после моего рождения мы переехали на упомянутый выше Центральный бульвар, в самое «шикарное» его место. Дом был двухэтажный, что в Лохвице было редкостью. Внизу находилась пекарня и хлебный магазин еврея Долцигера (или в этом роде) и его квартира, а весь верх занимали мы. Помню, как я ходил через чёрный ход по лестнице в подвал, где находилась пекарня, и брал горячие бублики к завтраку. Там же мы брали и мацу*, которую я очень любил.

* Маца – лепёшки из теста, не прошедшего сбраживание, разрешённого к употреблению в течение еврейского праздника Песах (в отличие от «квасного», запрещённого в этот праздник). <http://ru.wikipedia.org/wiki/Маца>

Квартира была большая, сколько комнат – точно не помню, но не меньше 7 или 8. Там же находилась и камера (служебный кабинет) моего отца. Огромная угловая комната со множеством окон и с камином служила одновременно столовой и гостиной. Дальше, по обе стороны длинного коридора, шли жилые комнаты: наша детская, спальня родителей, ещё какие-то комнаты, в одной из которых жила наша лохвицкая бабушка, уже тогда довольно немощная и малоподвижная. По-русски она говорила плохо, но мы её понимали.

Вспоминаю большие праздничные обеды (вернее, столы, которые не убирались несколько дней) на Пасху и Рождество, когда обилие еды, питья и визитёров поражали мой детский взор. Бывали у нас гости и в другое время – чаще всего братья Дунаевские, жившие прямо против нас.

Один из них (кажется, именно композитор) играл на рояле, другой на скрипке; какая-то дама или девица пела, кто-то декламировал, – словом, создавались домашние концерты. Я ими, конечно, мало интересовался.

Ещё о Дунаевских. Отца их я не помню, очевидно, его уже не было в живых, и они жили у своего дяди, которому кроме хорошего каменного дома принадлежала большая махорочная фабрика. Кроме упо-

мянутых двух старших братьев, были ещё два – с одним из них, Абрамом, я учился в одном классе, а другой, самый младший, запомнился тем, что он однажды достал из стола своего дяди револьвер и случайно застрелил свою родную сестру.

Помню ещё, как в начале Первой мировой войны через наш город проходил казачий полк. Это произвело на меня сильное впечатление, что под влиянием его я написал одно из своих первых произведений – вроде очерка о казаках; кажется, оно ещё сохранилось.

Учиться я начал рано. Так как в реальное училище принимали только с 8 или даже 9 лет, то меня определили в подготовительный класс коммерческого училища. Помню, как готовясь к вступительным экзаменам, я, лежа на диване дома, зубрил таблицу умножения. Плохо она мне давалась, а математических способностей у меня никогда не было и в дальнейшем, несмотря на то, что моя мать хорошо знала и любила математику (вообще она была одарённой и окончила гимназию с золотой медалью – мне далеко до этого). Этот подготовительный класс я окончил, получил свидетельство, и это единственный мой документ об образовании в России

Война приближалась и к нашему захолустью. В городе был устроен лазарет, и моя мать принимала деятельное участие в его работе. Дамы-патронессы шили у нас дома бельё для раненых; во дворе нашего дома в обширных амбарах (по местному – «коморах») находился склад всякого инвентаря и продуктов. В частности, там находились большие рогожные тюки с вяленой воблой. Не в то время, а несколько позже, когда лазарет уже эвакуировался, а эта вобла почему-то осталась, мы, мальчишки, очень охотно и усердно пожирали её. Правда, с другого конца тюка нам не менее усердно помогали крысы, но хватало на всех.

Потом пришли к нам немцы*. Это были не такие немцы, как мне довелось потом видеть в годы оккупации Латвии гитлеровскими войсками. Тогда это были дисциплинированные воинские части, главным образом, люди пожилые и очень добродушные. Очевидно, это были тыловые части, так как сражений с немцами в ближайшей окрестности не было. Помню, как в нашем саду мы, ребята, устроили себе на дереве маленькую площадку и часто сидели на ней и пили ячменный кофе, которым нас всегда снабжали немцы, их полевая кухня находилась здесь же во дворе.

Правда, через некоторое время мои добрые отношения с немцами были нарушены. У меня была любимая собака, чистокровная японская такса по кличке Ами. Она была очень привязана ко мне и даже спала вместе со мной на кровати под одеялом. И вот в один прекрасный день собака пропала. Украсть её могли, конечно, только немцы, так как они всегда были любителями именно такс, а другому никому такая собачонка не нужна была, да и она возвратилась бы домой. С той поры я невзлюбил немцев.

Дальше события шли бурно и разнообразно. Началась революция.** Прямо против нашего дома находился полицейский участок, и я видел, как там сжигали различные бумаги и дела. Вспоминаю и митинги на соборной площади и ещё где-то в городе, мальчишкам всё это было любопытно, и они составляли значительную часть посетителей митингов. Конечно, смысл произносимых речей мало кто понимал, а ещё меньше интересовался ими, – это, очевидно, бывает так и до сих пор: митин-

* Полтавская губерния была оккупирована австро-германскими войсками в марте-апреле 1918 г.

** Очевидно, речь идёт не о революции, а об установлении советской власти в ноябре 1918 г. после капитуляции Германии и Австро-Венгрии.

говые речи нужны тем, кто их произносит, а не тем, кто слушает.

Чем дальше, тем больше событий и перемен происходило в нашем тихом городке. Побывали у нас и белые, и красные, и петлюровцы, и махновцы*. Отца моего арестовали, как заложника, очевидно, красные, затем кто-то и почему-то его выпустил, и тогда он, не дожидаясь дальнейшего, ночью ушёл из города вместе с одним знакомым, и дальше след его пропал. Как выяснилось позже, он попал в Витебск, где был даже начальником милиции (?!), потом попал к белым, с ними вместе отступал до Крыма, а оттуда обычным путем эмигрантов – через Турцию в Югославию.

Мы с мамой и братом остались одни. Большую квартиру, конечно, пришлось оставить и перебраться в другую – маленький домик за рвом. Здесь уже мои воспоминания принимают более систематический характер. Мама зарабатывала шитьём, брат переехал в Лубны, где дядя и тётя (мамина сестра Шура и её муж) развили широкую кустарную промышленность: варили мыло и сапожную мазь, делали спички, ножи и другие мелочи, на которые тогда был большой спрос. Брат им помогал, а я в отдельные мои поездки в Лубны тоже принимал участие в этом производстве: клеил коробочки для спичек, сверлил отверстия в ножах, а также торговал цветами из нашего сада. Но это было летом, а зимой я безвыездно жил с моей мамой в Лохвице, помогал ей в шитье (моё дело было расширять швы), так как с малых лет я был обучен рукоделию, а большей частью ничего не делал. Учение в школе у нас практически прекратилось: на базе бывшего реального училища, куда мне предстояло поступить после окончания пригготовительного класса коммерческого училища, была устроена

* В июле 1919 г. город был занят частями Добровольческой армии, а в декабре 1919 г. была повторно установлена советская власть.

т.н. «трудовая школа», отметок не ставили, уроки проходили довольно беспорядочно, в классе стоял мороз, чернила замерзали. Сидели мы в пальто и шапках, дисциплины не было никакой, и мы нередко вообще не появлялись в школе, предпочитая кататься на коньках или санках. Введено было одно время преподавание на украинском языке, которого старые учителя не знали, – в общем, всё развалилось окончательно.

Мама кроме шитья устроилась на работу в городской Исполком: там собрались совершенно безграмотные люди, и им требовался понимающий секретарь, который фактически и руководил всей работой. Сложнее был вопрос с зарплатой: в то время денежная неразбериха была в самом разгаре: в ходу были и царские деньги, и «керенки»**, и денкинские, и новые советские, но всё это было настолько обесценено, что не было возможности установить подлинную стоимость денег. Тогда мама поставила условием, чтобы ей платили продуктами по ценам и нормам царского времени. Таким образом мы получали некоторые, хотя и далеко не все, необходимые продукты. Это давало возможность довольно неплохо существовать, а время было очень голодное. Я помню массы беженцев – голодающих с Поволжья. В Лубнах я видел переполненные товарные поезда с этими несчастными, которые везли с собой смерть и заразу.

Лохвица отстояла далеко от железной дороги, и к нам они добирались пешком или на верблюдах, которых я видел тогда впервые в жизни. В городе появилась эпидемия холеры, стали делать прививки всем желающим. Я тоже, любопытства ради, пошёл на прививку и, очевидно, вовремя,

** Керенки – бумажные денежные знаки, выпуск которых был организован Временным правительством с 18 сентября 1917 г. и продолжен в 1918-1919 гг. Народным банком РСФСР, а также незаконно в различных местных типографиях.

так как еле дошёл домой со страшными болями в желудке. Температура поднялась до 40 градусов, появился жесточайший понос. И я три дня пролежал без движения. Потом наступило облегчение, через неделю я был совсем здоров, зато имел полное право есть неспелые фрукты и овощи и купаться в реке, что всем запрещалось, и пользоваться всеми благами жизни. Впоследствии, при переезде в Латвию, мне ещё дважды прививали холеру, но больше прививки не действовали.

Кроме шитья я занимался рисованием игральных карт и икон. На то и другое был большой спрос, и я таким образом зарабатывал на сахарин (сахара не было, а сладкого хотелось), на семечки и на махорку – я тогда уже изрядно курил. Кроме того я страстно играл в карты. У меня была своя отдельная комната, где я жил с одним моим товарищем по школе — Сергеем Зубом. К нам приходили многие наши сверстники (порой даже солидные деревенские парни), мы заставляли дверь комнаты изнутри тяжёлым мраморным умывальником, чтобы нам никто не мешал, и резались в «очко» днями и ночами. Денег не всегда хватало, и в качестве «валюты» фигурировали... книги. У нас их было довольно много, и ценились они не по автору и содержанию, а по объёму и качеству бумаги (обратно пропорционально плотности и глянцеvitости, так как книги шли на «цигарки» и другие технические нужды. Не всегда мне везло, и было даже так, что я проиграл в карты замечательный складной ножик, который для меня специально сделали дядя и тетя за мою помощь в их «производстве».

Свою тогдашнюю жизнь и времяпрепровождение я в своё время описал подробней, – это было уже в Латвии, когда я в период «расцвета» моей писательской деятельности помнил ещё много разных подробностей и забавных фактов. Эти записки, наверное, уничтожены или потеря-

Аусейс Лонгин. Начало 20-х годов XX века.
(Фото: Cēsu Centrālā bibliotēka)

ны, а восстанавливать их по памяти больше не хочется.

Подходило к концу время моего пребывания на родине. Кажется, в конце 1921 г. мы получили письмо от отца из Латвии. Оказывается, он в Югославии, где работал кочегаром на лесопильном заводе, случайно получил номер рижской русской газеты, где было сказано, что профессор Лонгин Аусейс* назначен министром образования в Латвии.

Это был двоюродный брат отца, и отец сразу же обратился к нему с письмом по поводу возможности перебраться в Латвию.

* Аусейс Лонгин (Longīns Ausejs) (30.10.1885 – 09.06.1942) Родился в семье латышских колонистов в поселке Лавры, Псковской губернии. В 1900 г. окончил Псковское реальное училище, затем Псковскую классическую гимназию (в 1906 г.) и Математический факультет Императорского Санкт-Петербургского Университета (1910 г.). Работал учителем и директором Реальной школы в Цесисе, в 1917 г. возглавил городскую администрацию Цесиса. Основатель первого латышского отряда скаутов. Возглавлял школьную роту и принимал участие в боях за независимость ЛР в 1919 году. В 1921 г. был назначен министром образования ЛР. Член Рижской думы, депутат Сейма. Старший доцент Латвийского Университета. В 1941 г. арестован и депортирован. Расстрелян в 1942 г. по обвинению в контрреволюционной деятельности. http://lv.wikipedia.org/wiki/Longins_Ausējs

В то время, по соглашению между Латвией и многими европейскими странами, все люди, родившиеся на территории Латвии, имели право на латвийское подданство. Отец, правда, родился во Пскове, но и тут на помощь пришел упомянутый Аусейс: брат его жены был пастором и смог выдать ему фальшивую метрику, удостоверяющую, что отец родился в Латвии. На этом основании отец получил латвийское подданство и окружным путем, через ряд западно-европейских стран прибыл в Латвию. Здесь он сразу же устроился на работу по специальности. Юристы в Латвии были очень нужны, и, несмотря на то, что он совсем не владел латышским языком, был назначен камерным товарищем прокурора Рижского Окружного суда. Эта должность не была связана с выступлениями в судебных заседаниях, а состояла, в основном, в чтении дел, направляемых следователями на прекращение. Этим он и занимался вместе со своей учительницей латышского языка, изучая его «по ходу дела», но, как я уже говорил, так и не осилил всей премудрости и говорил прескверно.

Вскоре после своего приезда отец начал хлопоты о вызове нас. Мне он прислал самоучитель латышского языка, на внутренней стороне обложки которого были наклеены акварельные краски. Эти краски сразу же пошли у нас в ход, как валюта в карточной игре, и я скоро их проиграл, а самоучитель меня не заинтересовал. Наконец, летом 1922 г., мы получили разрешение на выезд в Латвию. Все вещи, за исключением одежды, пришлось оставить в Лубнах, так как в Латвии тогда именно одежда ценилась дорого, а остальное можно было приобрести.

При переезде из Лохвицы в Лубны произошло трагическое происшествие. Наша Лохвицкая бабушка ехала на подводе с вещами, по дороге подвода опрокинулась, и бабушка сломала ключицу. Из-за этого она

лишилась возможности вернуться на свою родину, так как ехать надо было в товарных вагонах, куда и здоровому человеку было трудно влезть. Мы, конечно, надеялись, что она поправится и сможет тогда поехать в Латвию, но, так как у старого человека кость упорно не срасталась, и, кажется, через год после нашего приезда в Латвию бабушка в Лубнах скончалась.

Итак, началось наше далекое путешествие в Латвию. Вместе с нами из Лубен выехала мамина сестра тётя Шура с мужем и дочерью. Они направлялись в Ленинград, и до Новосokolьников нам было по дороге. Там мы расстались, и мы поехали через Великие Луки на Себеж – пограничную станцию. Там, однако, оказалось, что ещё какой-то бумаги не хватало (кажется, латвийской визы, так как мы ехали не эшелон, как обычно все беженцы, а самостоятельно), и маме пришлось ехать в Москву. А так как в Себеже – на границе – пребывать длительно не разрешалось, то нам с братом пришлось вернуться в Великие Луки и там в специальных бараках для беженцев ожидать возвращения мамы. Бараки эти находились довольно далеко от города, и мне приходилось ходить на базар, кое-что и кое-как готовить, так как мой брат в хозяйственном отношении был совсем беспомощным. Через несколько дней мама вернулась, но нам не разрешили дальше ехать «своим ходом», а пришлось ждать эшелона с беженцами, так что ещё некоторое время мы задержались в Великих Луках. Наконец этот эшелон подошёл, и начался наш последний путь по русской земле навстречу неизвестному будущему. Описание всего пути я тоже в своё время составил, даже в лирическом духе, но, и это мое произведение не сохранилось.

Закончился первый период моей жизни, началась новая жизнь, так непохожая на прежнюю. С 12-летнего возраста я вступил в период юношества.

Юность. Первые годы в Латвии

Ранним июльским утром 1922 года эшелон наш прибыл в Ригу. Поезд остановился на запасном пути около теперешней улицы Кирова*. Отец встречал нас на станции. Вещи наши (а их было немало – кажется, 12 тюков с одеждой, кроме всякой другой мелочи) повёз на тележке «ВРИДЛО» («временно исполняющий должность лошади»), а мы налегке пошли пешком на квартиру дядюшки Аусея на ул. Ханзас. Вид у нас был далеко не авантажный: на мне была старая солдатская шинель, простреленная на груди, шёл я босиком, как привык ходить в Лохвице; у мамы и брата были самодельные тряпичные туфли на верёвочной подошве.

Город произвёл на меня потрясающее впечатление – я ведь не видел в жизни таких больших городов. Манекены в витринах магазинов, одетые в «европейские» костюмы (которых мне тоже, пожалуй, не приходилось раньше видеть), казались мне живыми людьми. И трамваи, и автомобили (правда, немногочисленные ещё тогда), и вся суэта большого города, чистота и великолепие – поразили меня. Припоминаю курьёз: когда мы пришли на квартиру Аусея и папа показал мне, как пользоваться ватерклозетом, я в первый раз очень испугался: вдруг с шумом полилась вода, и я подумал, что я что-нибудь испортил и начнётся потоп...

После кратковременного отдыха на квартире Аусея мы поехали на взморье, где отец нанимал дачу на одном участке со своей учительницей латышского языка (он продолжал ещё брать уроки, да и мне следовало заниматься). Дача находилась на улице Будуру в Авоты. Сейчас, 50 лет спустя, я иногда ходил посмотреть эту дачу, но там теперь всё так изменилось,

* Ныне ул. Элизабетес (Elizabetes iela).

что трудно её узнать. Поезда на взморье ходили с пересадкой: мост через Лиелупе ещё не был восстановлен после войны, и поезд из Риги доезжал до берега Лиелупе, там надо было выходить и идти пешком по временному плавучему мосту, а в Лиелупе (тогда Булли) пересаживаться на другой поезд. Вагоны были только товарные, хотя и оборудованные скамейками; перроны в местах высадки и новой посадки отсутствовали, и залезать в вагон с насыпи было нелегко, особенно людям пожилого возраста и женщинам. Кроме того, когда бывало много пассажиров, плавучий мост под их тяжестью погружался, и приходилось идти по воде. Таким образом, путешествие было не из приятных.

На именины или день рождения отец подарил мне оловянных солдатиков, и я с увлечением играл в них в палисаднике у веранды нашей дачи. Детство ещё требовало своего...

Однако приходилось думать о продолжении образования. Так как у меня документов не было, а мне было уже 12 лет, мне пришлось сдавать вступительные экзамены по всем основным предметам, чтобы поступить в школу. В Риге была знаменитая Ломоносовская гимназия**, в которой было 2 последних класса основной школы и 4 класса средней. К экзаменам я готовился домашним порядком, только по-немецки и по-латышски брал уроки у той же учительницы отца (она была балтийской немкой). Все экзамены сдал благополучно, кроме латышского, по которому я не одолел всей

** Ломоносовская гимназия – старейшая рижская средняя русская школа. Первоначально создавалась как гимназия для девочек. В 1919 году, когда в здании Ломоносовской гимназии начала работу Рижская городская русская средняя школа, по традиции она называлась Ломоносовской. В 1923 году школа была переведена в здание по улице Колодезной (Akas iela, 10). <http://http://www.russkije.lv/ru/lib/read/the-riga-city-russian-secondary-school.html>

Игорь Чиннов, студент факультета народного хозяйства и права Латвийского университета. 30-е годы XX века.
(Фото: russkije.lv)

требуемой премудрости и получил двойку. Меня приняли условно с тем, чтобы я через полгода сдал латышский язык.

Вскоре после начала учебного года мы переехали жить в Ригу. Отец, как товарищ прокурора, имел надзор над Политическим управлением («охранкой») и получил благодаря этому квартиру в доме на Альбертовской ул. (теперь ул. Фр. Гайлиса)*, на углу Стрелковой. Квартира находилась со стороны двора на пятом или шестом этаже и состояла из двух комнат с коридором и кухни. Комнаты были крошечные, в одной поместился брат, в другой (служившей нам и столовой) мама, а мы с отцом спали на одной кровати в коридоре. Мебель была самая скудная, разнокалиберная, конфискованная у осуждённых преступников. Но сравнительно скоро мы получили в этом же доме громаднейшую квартиру чуть ли не в 12 комнат на первом этаже.

Мебели пока не прибавилось, комнаты стояли пустыми, в длинном коридоре мы с товарищами играли в футбол, а в самой большой и пустой комнате отец учил

* Ныне ул. Альберта (Alberta iela).

меня танцевать. Ещё через некоторое время мы переехали там же на второй этаж, где комнат было, кажется, всего пять, но зато в каждой был балкон, выходящий на улицу. Здесь мы прожили, примерно, года два.

В школе нумерация классов велась по старому, «царскому» счету: предпоследний класс основной школы (первый, в который я поступил) считался третьим, и далее до 8 класса. В третьем классе учение было смешанным – учились и мальчики и девочки вместе.

Со мною в одном классе были две «знаменитости» – нынешний профессор Консерватории, народный артист СССР, певец Александр Вилюман** и ныне прославившийся в Америке поэт Игорь Чиннов***.

Отношения между нами, мальчиками, были ровные и дружественными. Един-

** Вилюман Александр (Aleksandrs Viļumanis) (15.07.1910 – 08.12.1980) Родился в Павловске в семье бухгалтера и учительницы музыки. После окончания Первой мировой войны семья переехала в Ригу, где мать основала детскую оперную студию. В 1936 году окончил Латвийскую Музыкальную академию. С 1934 по 1939 год работал в Лиепайской опере. В 1939 году стажировался в Италии, вернувшись, перешёл в Латвийскую национальную оперу в Риге. с 1948 по 1978 год преподавал в Латвийской Государственной консерватории. [http://lv.wikipedia.org/wiki/Aleksandrs_Viļumanis_\(dziedātājs\)](http://lv.wikipedia.org/wiki/Aleksandrs_Viļumanis_(dziedātājs))

*** Чиннов Игорь Владимирович (25.09.1909 – 21.05.1996) Родился в семье юриста Владимира Алексеевича Чиннова. Окончил Рижскую городскую русскую гимназию и юридическое отделение факультета народного хозяйства и права Латвийского университета. В 1950 году в Париже вышла его первая книга стихов. В 1953 году переехал в Мюнхен, где работал в русской редакции радиостанции «Свобода». С 1962 года – в США, профессор русского языка и литературы Канзасского университета, затем Питтсбургского и университета Вандербилта в Нэшвилле (до 1976 года). Выпустил несколько поэтических сборников. http://ru.wikipedia.org/wiki/Чиннов,_Игорь_Владимирович

Хор Всехсвятской церкви. 30-е года XX века. Во 2-м ряду первый слева Александр Вилюман (фото: russkije.lv)

ственный мой близкий друг был Борис Перов*, среди остальных ближе мне был Николай Харитоновский, отец которого тоже был видным юристом. Оба они кончили трагически: во время оккупации их расстреляли немцы. С девочками мы общения не имели и как бы избегали их.

Учение мне давалось легко, но отсутствие дисциплины сказывалось: кроме обычных мальчишеских шалостей, я учился «эпизодически», по настроению, и отметки бывали не очень устойчивыми. Так, по географии я даже в одной четверти имел двойку с минусом. Но в общем первый год учения прошел благополучно, меня перевели в следующий класс. В этом классе учение было раздельным: в одном классе учились мальчики, в другом девоч-

* Перов Борис Кузьмич (1910-1943). Родился в семье известного педагога, общественного деятеля и заведующего Рижской 7-й русской основной школой Перова Козьмы Ивановича. Брат знаменитого латвийского издателя, журналиста и общественного деятеля Анатолия Перова. Актёр Театра русской драмы. Во время немецкой оккупации был арестован и заключён в Рижскую центральную тюрьму. Расстрелян 22 октября 1943 года. <http://www.russkije.lv/>

ки. В то время была мода на скаутов, и я поступил в 3-й отряд, со мною был Перов, а в 5-м отряде – Харитоновский. Но скаутизм меня мало привлекал, и я довольно скоро вышел из отряда. Об основной причине этого скажу дальше. Больше я увлекался футболом, – целыми днями мы играли в него на нынешней площади Коммунаров**, а зимой там же подвизались на катке.

Много занимался я и тяжёлой атлетикой, в основном борьбой, но ни один вид спорта не сделал меня спортсменом, я был просто любителем и вообще противником всякой организованности и подчинения, поступал всегда так, как мне хотелось. Играл я иногда в шахматы, – этому искусству меня еще в детстве научил отец, но настоящего шахматиста, какими были некоторые мои товарищи, из меня не вышло.

Учение шло по-прежнему – удовлетворительно, но отнюдь не отлично. Природная лень не позволяла мне усидчиво заниматься, я даже в класс ходил без книг и тетрадей, довольствуясь листком бумаги, за что меня прозвали «студентом». К

** Ныне парк Эспланада (Esplanāde).

тому же именно в этот период у меня появился писательский зуд, и я усердно марал бумагу в стихах и в прозе, просиживая за этим делом до глубокой ночи. Учились мы во вторую смену, так что утром я спал до самого обеда. После уроков, если не было катка или футбола, мы часто бродили с Перовым, реже с Харитоновским, по улицам, рассуждая о всяких жизненных проблемах. В этом возрасте у человека появляется целый ряд сложнейших вопросов и проблем, которые он пытается разрешить собственным умом, а его-то часто не хватает. К чтению у меня пристрастия не было, в кино я тоже не любил ходить, так что жить было довольно скучно. Часто ходил в цирк, особенно меня привлекала борьба, и я мечтал в своё время стать борцом или жонглером. Развлекались мы игрой в карты, – теперь уже в преферанс, собираясь преимущественно у Харитоновского, так как у него была большая квартира и известная самостоятельность – родители не обращали на него внимания.

Занимался я ещё и коллекционированием почтовых марок, но весьма примитивно, по-детски, и скоро забросил это дело. В конце этого же 1923 года произошло событие, которое во многом изменило мою жизнь, интересы и поведение: я влюбился! Смешно, может быть, говорить об этом в 13-летнем возрасте, но в данном случае было вполне серьёзно: мой выбор остался неизменным вот уже 50 лет.

Произошло это дело так. Как я уже говорил, в 4-м классе мальчики и девочки учились отдельно. На Рождество, как обычно было принято, в школе устраивалась ёлка, и наш учитель русского языка решил поставить на сцене одно действие из пьесы Островского «Бедность не порок». В нём участвовали только ученики и ученицы нашего класса. Я не был назначен в число участников, так что и на репетициях не присутствовал.

Однако в последний день перед спектаклем мой приятель Харитоновский, назначенный к участию, категорически отказался играть, и его роль дали мне. Роль, правда, была бессловесная, но нужно было петь и играть на гитаре. Ни в одном, ни в другом я ничего не смыслил, но выхода не было. Я, правда, гитару только держал в руках, а играли за меня другие – за кулисами, но петь-то приходилось мне самому. Как это получилось – не берусь судить, но, очевидно, весьма гнусно. Участвовала в этом спектакле ученица из класса девочек – Раиса Реснайс. До этого я её и не знал, так как вообще не имел никакого общения с параллельным классом и знал из него только тех, которые учились со мною в прошлом году. Но даже с ними мы обычно не здоровались, и только некоторые «донжуаны» и здоровались, и даже разговаривали с ними.

Вот в этом серьёзном и ответственном моменте моего повествования мне, определённо, не хватает писательского таланта. Какой-нибудь профессиональный сочинитель развёл бы тут целую повесть о влечении юного сердца, тоске, страданиях, – а мне даже трудно представить себе, как всё это произошло. Особенно теперь, полвека спустя, восстановить ход и содержание моих мыслей и чувств нет возможности. Я влюбился, и это всё. Правда, и после этого факта я не имел никаких, хотя бы просто дружеских, отношений с объектом моей вспыхнувшей страсти, но всё же всегда невольно следил за ней, в задушевных беседах с моими ближайшими друзьями я говорил о ней, и это доставляло мне большое удовлетворение. Естественно, что и моя «муза» в значительной степени переключилась на романтический лад, но на этом всё остановилось до будущего года.

Этот следующий год был весьма значительным: дальше программа школы раздвигалась на две отрасли: реальное училище и реальная гимназия. Разница была в том,

что реалисты в большом объёме проходили математику, учились черчению – из них могли выйти инженеры, механики, архитекторы, преподаватели естественно-математических наук, а гимназисты изучали латынь, с расчётом на дальнейшую карьеру юристов, врачей, химиков, учителей. Большинство мальчиков из нашего класса пошло в реальное училище. Нас, гимназистов, осталось всего 11 человек. Зато подавляющее большинство девочек пошло именно по гимназической линии. Для меня выбор не представлял проблемы – я давно чувствовал интерес к юридическим вопросам, будучи юристом уже в третьем поколении. Избранница моего сердца тоже пошла в гимназическое училище. Однако этим ещё близкое знакомство не было обеспечено. Подружились мы только на катке, куда после уроков (уже довольно поздно вечером) ходили многие наши ученики и ученицы. Совместное катание перешло в прохождение домой. Разговоры, вначале чисто «деловые», постепенно принимали более глубокий и сердечный характер, и это уже было залогом более прочной и близкой дружбы. Вопреки принятому сейчас обычаю, мы, конечно, говорили на «вы». Когда прошла зима, дело уже дошло до свиданий. Помню, что наше первое свидание прошло в Старом городе на ул. Вальню между б. Известковой (теперь Ленина)* и Пороховой башней. Прогулки наши были весьма продолжительными, – теперь с завистью вспоминаю, как много и долго я мог ходить без усталости. Излюбленным местом отдыха у нас был скверик против нынешнего Дворца Пионеров – тогда Президентского замка.** Случалось ходить в кино, иногда на танцы, но я не был большим любителем этого развлечения, и меня интересовала только возможность побыть в

обществе любимой. Из-за этого же я вышел из скаутов, где отрядные сборы происходили именно в воскресенье, выходной день, когда можно было назначить свидание.

Следующий год не принёс ничего нового. Уроки шли своим чередом, а с ними вместе и обычные школьные шалости, – они впоследствии сыграли видную роль в моей жизни. Учился я неплохо, но так как Рая училась лучше, я однажды поставил себе целью превзойти её. У нас каждую четверть свидетельства выдавались в классе по порядку успеваемости, и в одну четверть я был первым учеником. Но так как меня это мало интересовало, то уже в следующей четверти я опять опустился в группу если не последних или средних, то, во всяком случае, не «призёров».

Моим любимым предметом была латынь, которую я знал (и теперь ещё знаю) действительно на «отлично». Немудрено, что на уроках латыни я мог позволять себе всякие шалости без опасения за отметку. Впрочем, и на других уроках шалостей было достаточно. Всё это вместе взятое, а также моя обычная манера обходиться без книг и тетрадей постепенно накапливало «зуб» на меня среди преподавателей и начальства. Нельзя сказать, что я был особенно злым шалуном, так же как нельзя отрицать и того, что нас было несколько. Но мои ближайшие товарищи и «соратники», Перов и Токарев, были сыновьями учителей, поэтому отношение к ним было несколько иным. Короче говоря, большинство проделок относилось на мой счёт, и пришла, наконец, минута, когда администрация решила отделаться от меня. Все дело, в сущности, заключалось в пустяке, но это была последняя капля, переполнившая чашу терпения начальства.

У нас был учитель русского языка Георгий Петрович Гербаненко. Как педагог, он звёзд с неба не хватал, но у него была одна слабость: он требовал, чтобы в клас-

* Ныне ул. Калкю (Kaļķu iela).

** Ныне Рижский замок (Rīgas pils).

се был очень свежий воздух. И, конечно, именно перед его уроками мы не только не проветривали класс, но даже устраивали «химическую обструкцию»: жгли в классе гребёнки и т.п., после чего наш педагог, придя на урок, велел открывать все окна, а нас выпускал в коридор. Таким образом мы получали дополнительно минуты отдыха и были этим очень довольны. И вот однажды мой сосед по парте, Токарев, принёс в класс бутылочку эфира. Если его налить на платок и основательно нанюхаться, получалось нечто вроде опьянения, и мы все с удовольствием нюхали этот эфир. Запах в классе от этого получился, конечно, потрясающий, – и это случилось как раз перед уроком Гербаненко. Проветрить класс от эфира было весьма затруднительно, и урок был сорван окончательно. Был вызван директор, началось расследование, и девочки, допрошенные без нас, сказали, что виновны мы с Токаревым. Очевидно, потому, что Токареву неудобно было признаться, я взял вину на себя: мне, мол, зубной врач выписал такое лекарство, и мы его нечаянно пролили. Последствия были самые решительные: меня отправили домой и велели на другой день явиться с родителями. Пришла моя мама, ей деликатно сказали, что «школа не подходит для вашего сына», а потому было решено исключить меня, притом с «волчьим паспортом», т.е. без права поступления в другую школу. Оставался один выход: держать экзамен экстерном при Министерстве образования. В виде некоторого послабления мне разрешили сдать при школе экзамены по всем предметам за предпоследний класс средней школы (из которого меня исключили), причем Министерство требовало, чтобы оценки были не ниже 5, и тогда я имел право экзаменоваться только за последний класс. Дело осложнялось тем, что экзамены при Министерстве надо было сдавать на латышском языке. Хотя я и овладел к тому времени этим языком довольно

хорошо, но вся терминология предметов была для меня совсем чуждой. Кроме того, в программе этих экзаменов было несколько таких предметов, которые в нашей школе вообще не проходились: психология, логика, история искусств, обществоведение, а по некоторым предметам (например, по латыни) программа была значительно шире, чем у нас в школе. К этому надо добавить латышскую литературу, которой у нас в школе почти не было, а там требовалось очень основательное её изучение. Одним словом, задача предстояла чрезвычайно серьёзная, если не сказать, невыполнимая. Но тут во мне заговорила гордость (вернее, упрямство, так как гордым я никогда не был), и я решил сдать все экзамены уже в этом самом году (исключили меня в январе), т.е. выиграть один год, и тем самым показать, что школа своим решением о моём исключении не только не повредила мне, но даже помогла на год раньше окончить школу. Играло здесь роль и то обстоятельство, что я уже тогда решил жениться на своей избраннице, и скорейшее окончание школы содействовало бы этому делу.

Итак, началась упорная борьба с наукой. Пришлось, конечно, брать частные уроки, а это стоило не дешёво, поэтому мы старались сократить эти расходы. Так, математику мне преподавал наш старый знакомый ещё по Лохвице, инженер В. Соколов, естественные науки – тоже старый знакомый моего отца и, кажется, даже коллега по Университету С. Шапот (он окончил юридический и естественный факультеты в Петрограде). Он заслуживает нескольких дополнительных слов. Дело в том, что он занимался астрологией, и от него я впервые услышал об этой науке. К сожалению, тогда не было времени подробнее заняться этим делом, но впоследствии, когда я уже поступил в Университет, я усердно брал у него уроки по астрологии в обмен на латышский язык, который я ему преподавал

(он хотел стать адвокатом). Не вдаваясь в подробности, должен сказать с убеждением, что астрология – действительно наука (а не шарлатанство, как о ней иногда говорят) и притом весьма интересная, хоть и не лёгкая. Между прочим, уже значительно позже, когда я несколько отстал от этой науки по недостатку времени, я встретил С. Шапота как раз в день рождения моего сына* и сообщил точное время рождения сына.

Шапот составил мне его гороскоп и дал его приблизительное объяснение, и оно до сих пор поражает меня своей точностью. Случалось и мне составлять интересные гороскопы, в частности, на полёт американских лётчиков Нанжессера и Колли** через океан (тогда эта была одна из таких смелых попыток). Точное время их было сообщено

* Блазма Георгий Владимирович (1936 – 2007) Посвящён в 1955–1956 гг. в иподиаконы, в 1956–1957 в диаконы. Служил в Христорожественском кафедральном соборе, в Дзинтарской церкви Казанской Божией Матери (в 1957–1958 гг.), во Всехсвятском храме (в 1958 г.), затем был переведён в Челябинскую епархию. В 1960 году рукоположён в сан. Отказавшись от сотрудничества с местными органами КГБ, вернулся в Латвию, служил регентом и выполняя, ремонтные работы в храмах. С 1990 по 2004 гг. служил в храме Петра и Павла в Кемери. <http://pravoslavie.lv/index.php?newid=1256>; <https://vunivere.ru/work12839/page10>

** Речь идет о «Белой птице» (фр. L'Oiseau Blanc) – французском биплане, на котором 8 мая 1927 г. была предпринята попытка пересечь Атлантический океан по маршруту Париж – Нью-Йорк, однако самолёт пропал без вести. Пилотами во время этого перелёта были ветераны Первой мировой войны Шарль Нунжессер и Франсуа Коли, которые намеревались получить за успешный перелёт премию Ортейга и 25 000 долларов призового вознаграждения. Исчезновение «Белой птицы» считается одной из самых известных загадок в истории авиации. По результатам последних исследований специалисты считают, что биплану удалось долететь по крайней мере до Ньюфаундленда, а разбился самолет на территории штата Мэн. [http://ru.wikipedia.org/wiki/Белая_птица_\(биплан\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Белая_птица_(биплан))

по радио, и я сразу же составил гороскоп, из которого мне было совершенно ясно, что лётчики погибнут. Так это и случилось. Ряд других личных наблюдений подтверждает серьёзность и основательность астрологии.

Жаль, что мне дальше не пришлось этим заниматься: в латвийское время можно было достать соответствующую литературу (в основном, немецкую и английскую), у меня было несколько интересных и важных книг по астрологии, но потом этой наукой заинтересовался мой брат, я его обучил основам астрологии, и эти книги он увез, с собой в провинцию, где работал. Во время войны они погибли, а сейчас, когда у меня есть достаточно свободного времени, достать что-нибудь по этому вопросу невозможно. Интересна, хотя и глубоко трагична судьба самого Шапота. Когда я у него в своё время спрашивал, составил ли он свой гороскоп и что в нём намечается, он ответил уклончиво. В этом году, т.е. 45 лет после нашего с ним знакомства, я встретился с одной старушкой, которая тоже в своё время училась у Шапота, и она мне рассказала, что во время немецкой оккупации Шапот, как и все евреи, был заключён в гетто. Вначале их оттуда вывозили на работы и их можно было там посещать, а потом постепенно стали расстреливать. Кто-то из знакомых предложил Шапоту спасти его – подкупить стражу или т.п. – и дать ему возможность скрыться. Однако он отказался, сказав, что от угрожавшей ему смертельной опасности (по гороскопу) он дважды спасался, но на третий раз конец неизбежен. Так он и погиб в гетто.

Но довольно об учителях. Латышскую литературу я учил сам: читал сотнями страниц всякую ерунду, чтобы знать хоть содержание, а разбор и критику надеялся произвести сам, – тогда еще не существовало «официальных» толкований на основании марксизма-ленинизма, как это принято теперь. Такие предметы как об-

ществоведение и история искусств я даже не читал, – отец читал в Государственной библиотеке книги об истории искусств и потом мне вкратце рассказывал, а обществоведение я, как потомственный юрист, понимал и сам, – это облегчалось тем, что содержание этого предмета сводилось к устройству государства, к основам законов и прав граждан, так что современная политическая (именно политическая) экономия не требовалась.

Как бы то ни было, но частные уроки и домашние задания отнимали у меня ровно 16 часов в сутки. И это в весеннее и летнее время! Немудрено, что такая нагрузка навсегда подорвала моё здоровье, – я потерял в весе до 20 кг ниже нормы (так мой вес и остался в пределах 60 кг) и испортил нервную систему. Для свиданий, естественно, времени не оставалось. Чтобы хоть изредка встречаться, Рая выходила мне навстречу, когда я шёл на какой-нибудь урок, и провожала меня.

Наконец наступило время экзаменов при Министерстве (в школе я всё сдал благополучно). Они начались 1 августа 1927 года и продолжались до 14 августа, ежедневно, иногда даже по 2 экзамена в день. Очевидно, Мин. Образования хотело уничтожить экстернат, – об этом свидетельствовало хотя бы и то, что из 32 экзаменовавшихся выдержали испытания только 3, и я был в числе этих счастливых, – об этом у меня сохранилась газетная вырезка.

Теперь предстояли новые хлопоты: 15 августа кончался срок подачи заявлений в Университет, так что за один день надо было получить аттестат, снять, заверить копию с него, собрать все остальные документы и всё это сдать в Университет. Но удалось и это, и осталось ждать конкурсных экзаменов, которые начинались 30 августа. По теперешним понятиям конкурс был совсем небольшой: из 3-х человек принимали одного. Конкурс проводился только по

одному латышскому языку (письменно), а остальные экзамены – кажется, немецкий и латынь – были только контрольными. Приёмным баллом оказалось 4,5, а я получил 4,7 и, следовательно, преодолел и этот последний барьер и стал студентом. С гордостью надел и белую студенческую шапочку (взял её у брата), взял в руки трость (так обычно ходили студенты) и пришёл 1 сентября к школе, где начинался новый учебный год, и с триумфом показал товарищам и преподавателям, что моё исключение из школы отнюдь не повредило мне.

УНИВЕРСИТЕТ. СЛУЖБА. СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ. ВОЙНА

Наступило время короткого отдыха. Занятия в Университете начинались 15 сентября, 1 семестр кончался 15 декабря, затем следовал месяц каникул, и 2-й семестр, с 15 января до 15 мая. Экзамены происходили обычно в конце каждого семестра или в первые дни каникул. Система «учёбы» была старинная: посещение лекций не было обязательным, лекции проходили в течение всего дня, и каждый мог по своему усмотрению ходить на одну или другую лекцию, а большинство вообще не ходило, предпочитая готовиться к экзаменам по стенограммам лекций, которые «самиздатом» выпускали некоторые бедные и усердные студенты, добывая этим средства к существованию.

Я несколько подробнее останавливаюсь на нашей университетской системе, так как нынешнее поколение понятия не имеет о тогдашней студенческой жизни, столь непохожей на современную.

Прежде всего, у нас существовала так называемая предметная система: нужно было сдать определённые предметы, правда, в некоторой последовательности, а срок не был ограничен. Существовал некоторый минимум для каждого года, но он никогда

не соблюдался, так что у нас было немало «вечных студентов», сидевших годами на одном факультете, затем переходивших на другой (это было возможно без всяких формальностей), затем возвращавшихся обратно и т.д. Конечно, это были состоятельные люди, так как за учение взималась плата, и совсем не маленькая. Ни о каких стипендиях и речи не было, только «орденоносцы» Освободительной войны учились бесплатно. Возраст студентов также не был ограничен, встречались даже 60-летние студенты. Перед началом каждого учебного года нужно было подать декану список предметов, которые студент хотел бы слушать в этом году. Декан ставил свою подпись в зачётной книжке на каждый предмет. Затем нужно было идти к соответствующему профессору и от него также получить подпись, – только тогда можно было в конце года сдавать экзамен по этому предмету. Декан мог не разрешить слушать некоторые предметы, если время лекций совпадало или не соблюдалась некоторая последовательность, – например, догму римского права нельзя было слушать раньше истории этого права; уголовный процесс – раньше уголовного права и т.д. Но на практике дело обстояло гораздо проще: декан не имел возможности проверять время лекций (ведь он имел дело с сотнями студентов и десятками предметов), не следил особенно и за последовательностью, только не одобрял слишком большое количество заявленных предметов. Я это дело ещё больше упростил: научился сам подписываться за декана так хорошо, что он сам не мог установить подлог даже когда я приходил к нему на экзамен с собственноручно подписанной зачётной книжкой.

Благодаря свободному посещению лекций, некоторые из них посещались весьма усердно, а другие совсем слабо. Так, например, лекции по гражданскому праву (его

читал профессор В. И. Синайский*, учёный с европейским именем) всегда бывали многолюдны, их посещали даже студенты других факультетов. Я в этом отношении грешен – бывал на них всего 2-3 раза, так как гражданское право вообще не любил. На других же лекциях – например по уголовной психопатологии, присутствовало всего 2-3 человека. Лекции эти начинались рано – в 7:30 утра, читал их весьма слабый доцент Леиньш, но меня этот предмет очень интересовал, так что я всегда был одним из двух этих слушателей. Интересно, что отец мне рассказывал, как этот предмет в Петербургском университете читался в огромном актовом зале – так велико было число слушателей. На лекциях по статистике я не был ни разу, даже плохо знал в лицо преподавателя. Зато весьма усердно слушал лекции по истории и догме римского права и всеобщей истории права. Тут надо заметить, что ко времени моего поступления в университет большинство преподавателей читали лекции по-русски, так как были ещё воспитанниками и даже преподавателями старых российских университетов. Но именно в тот год, когда я поступил этим

* Синайский Василий Иванович (25.07.1876 – 21.09.1947) Родился в семье священника в селе Лаврово, Тамбовской губернии, в 14 лет остался круглым сиротой. В 1897 г. окончил Тамбовскую Духовную семинарию, в 1904 г. юридический факультет Юрьевского университета. С 1904 по 1910 гг. преподавал римское право в Юрьеве, затем в Варшавском университете. В 1911-1922 гг. преподавал гражданское право в Киевском университете, профессор. За особые заслуги перед российской наукой В.И. Синайскому было присвоено дворянство. С 1922 по 1944 гг. – профессор Латвийского университета, заведовал кафедрой гражданского права. Участвовал в разработке гражданского кодекса Латвии. С 1928 по 1938 гг. – главный редактор юридического журнала «Jurists». С 21 декабря 1935 г. почётный филистр русской студенческой корпорации Fraternitas Arctica. http://ru.wikipedia.org/wiki/Синайский,_Василий_Иванович

В. И. Синайский при регалиях русской студенческой корпорации *Fraternitas Arctica*. 30-годы XX века. (Фото: artica.lv)

профессорам, в порядке гонения на всё русское в Латвии, было предложено перейти на немецкий язык и лишь очень немногим, в виде исключения, было разрешено читать по-русски.

Немецкий язык я знал далеко не в совершенстве, хотя понимал почти всё, а конспектировать лекции (в частности, по римскому праву) приходилось на трёх языках, как скорее придумается фраза, а затем переписывать на русском языке.

Моей целью было скорее окончить университет, чтобы поступить на службу и иметь возможность жениться. В силу этого я снова приналёг на занятия и в результате за два с половиной года окончил четырёхгодичный курс юридического факультета. Из-за этого же самого я не поступил в корпорацию*, где состояло подавляющее боль-

* В 20-30-е годы в Риге действовали 4 немецкие, 18 латышские и 2 русские мужские корпорации. Целью русских студенческих корпораций было воспитание русской академической молодёжи в духе верности родной культуре, товарищеской поддержки, чести в широком смысле этого слова, а главное – воспитание внутренней дисциплины. Старейшей русской корпорацией была *Fraternitas Arctica*, основанная ещё в Рижском политехникуме в 1880 г. и существующая до сих

шинство студентов. Это были, в сущности, неплохие организации.

С одной стороны, они воспитывали молодых людей во всевозможных правилах светского поведения и приличий, что было особенно важно для тогдашней латышской молодёжи, вышедшей из гущи простого народа; с другой, связь через корпорацию с «филистрами», т.е. раньше окончившими университет, давала известную протекцию по предстоящей службе. Нужно было молодёжи и некоторое развлечение, веселье. Недаром пели студенты о том, что «жизнь наша коротка и молодость проходит быстро». Правда, несколько грешили корпорации преувеличенным употреблением спиртных напитков, но и это, пожалуй, не так страшно: зато привыкали пить «культурно» и вести себя даже в подпитии вполне прилично.

По окончании первого года занятий я совершил путешествие в Италию. Произошло это несколько необычно. Со мной вместе учились два студента, которые брали уроки итальянского языка, преподававшиеся бесплатно при итальянском посольстве в Риге. Они-то и подали мысль поехать в Италию, а так как я всегда интересовался этой бывшей Римской империей, то охотно согласился участвовать в поездке. Отец финансировал это начинание, кстати, не так уж дорогое по тогдашним ценам. Однако в последний момент мои товарищи отказались от путешествия, а мне не хотелось оставлять этого дела, и я поехал один. До сих пор удивляюсь своей предприимчивости и решительности.

Путешествие оказалось не очень удачным, так как, во-первых, это был самый

пор. В 1929 г. в рядах *Fraternitas Arctica* произошёл раскол, и образовалась новая русская корпорация *Ruthenia*, одним из её инициаторов являлся Г.Ф. Блум, родной брат автора воспоминаний. <http://www.russkije.lv/ru/pub/read/russians-in-the-first-latvian-republic/feigmane-chapt2-10.html>

2-й съезд представителей русских студенческих организаций государств с коренным русским населением в штаб-квартире (СИО!) русской студенческой корпорации Ruthenia в Риге, 22.12.1930. В очках, у герба, брат автора воспоминаний, Г.Ф. Блюм. (фото: russianestonia.eu)

разгар лета, когда в Италии стоит страшная жара: ночью было до 36 градусов, а днём до 50; фруктов ещё почти не было, а самое главное – я совсем не интересовался и не разбирался в разных художественных вопросах, что ни музеи, ни архитектура на меня никакого впечатления не произвели. Да и скучно бродить одному, к тому же не зная как следует итальянского языка. В результате я сократил предполагавшийся маршрут и время, проехал только через Варшаву, Вену, Венецию, Флоренцию, Рим и вернулся обратно в Ригу. До Неаполя даже не доехал. Правда, основательно осмотрел остатки Древнего Рима и катакомбы, а это было для меня самым важным. Кое-какие путевые заметки сохранились у меня в одной записной книжке, но не стану их повторять.

Итак, от корпораций я отказался, стремясь скорее разделаться с учебой. Тут меня ждало новое препятствие (сколько их было на моём жизненном пути, и все не по моей вине!): была введена курсовая система, так что раньше 4 лет нельзя было сдавать экзамены. Приходилось ждать. Это время я использовал для того, чтобы практически изучить юридическую премудрость, – ведь университет давал юристу очень мало. Я стал писать проекты решений Сената, где мой отец работал тогда прокурором. Там установилась негласная практика, по которой все дела, поступавшие на рассмотрение Сената, делились поровну между тремя сенаторами и прокурором, и проект решения по делам своей «порции» писал каждый из них. Другой потом этот проект прочитывал и, если был согласен (а это было поч-

ти всегда), дело становилось решённым, и судебное заседание являлось простой формальностью. Кстати сказать, эти решения в полной мотивации и не объявлялись, а составляли только запас прецедентов на будущее. Отдельные принципиальные тезисы (напр., подробное толкование той или иной статьи закона) издавались впоследствии особым сборником, в который, должен не без гордости сказать, вошли и некоторые из моих юридических толкований. Это занятие, за которое я получал от отца по лату за дело, дало мне большой и полезный опыт в дальнейшей работе. И эта работа скоро началась: 2 августа 1929 г., в день, когда мне исполнилось 19 лет, я поступил на службу в Рижский Окружной суд на должность младшего кандидата на судебные должности. В то время было некоторое перепроизводство юристов, и на службу вначале пришлось поступить без жалования. Меня сразу прикомандировали к одному из лучших Рижских судебных следователей, и вскоре я получил зарплату и даже право самостоятельного производства следствия (за своей подписью). Получилось курьёзно: когда в 1930 году я женился, не будучи ещё «полноправным», так как мне не было ещё 21 года, то отец должен был давать письменное соглашение на мой брак, а право арестовывать и освобождать людей из-под стражи я имел ещё раньше.

Служба моя протекала очень успешно. Вскоре я стал одним из лучших следователей и был назначен в 1-й участок города Риги – самый трудный по характеру дел, так как там было множество дел коммерческого характера, и нужно было хорошо разбираться во всех тонкостях банковского, торгового и морского дела. Но именно это мне и нравилось и я досконально изучил все тонкости законных и незаконных сделок.

21 февраля 1930 г. состоялось мое венчание в Рижском Кафедральном Соборе (те-

перь там «Дом Знаний»). Последующие 10 лет были самыми радостными и благополучными в моей жизни. Зарабатывал я весьма достаточно: все судебные служащие получали очень много, – простой следователь мог иметь более 400 латов в месяц,* – это было установлено для большей неподкупности судебных деятелей, чему способствовал ещё и закон о несменяемости судей и следователей: их можно было уволить только по приговору суда, причём судить их могло только объединённое собрание департаментов Сената. Рая тоже работала с приличным окладом, как секретарша Коммерческого Института, которым руководил мой отец, и где я тоже некоторое время читал лекции. Жизнь тогда была сравнительно недорогой, за исключением квартирной платы, которая была высокой. Однако при наших доходах это тоже не являлось проблемой, мы имели очень удобную квартиру, обставленную прекрасной мебелью, сделанной по заказу. Приобрели мы и свою машину (с помощью отца), на которой совершили путешествие по Эстонии и много ездили по всей Латвии. Подробно на этом периоде жизни останавливаться не буду, – он промелькнул как светлый и незабываемый сон. В этот же светлый период у нас родился сын-первенец.**

* Минимальная зарплата в описываемый период составляла 40-60 латов, инженер зарабатывал 200-250 латов. В общем, жалование государственных служащих колебалось от 80 до 500 латов в месяц. Что касается цен на продукты, то литр молока стоил 0.2 лата, килограмм масла – 1 лат, килограмм мяса – 0.7 лата, хлеб – 0.1 лата, бутылка крепкого алкоголя – 1.5 лата. Мужской костюм стоил от 40 до 80 латов, обувь 10-15 латов. Плата за съём 2-х комнатной квартиры – 25-30 латов, 3-х комнатной – 30-40 латов. Конечно, в зависимости от удобств и расположения недвижимости цены варьировались. Подробнее см. Анохин. Д. Как мы жили в довоенной Риге. Рига, 1998.

** Блазма Георгий Владимирович.

Совершили мы с Раей путешествие в Берлин. Тогда в некоторые периоды (на праздники и т.п.) продавались льготные билеты на такие поездки, и мы этим воспользовались. Путешествие было приятное – со всем комфортом, шикарная и недорогая гостиница в Берлине, очень дешёвые фрукты, прекрасное пиво и т.д. Жаль только, что из-за наших валютных ограничений мы не смогли приобрести немецких денег по официальной цене: нам только разрешили вывезти известную сумму, а покупать эти деньги пришлось на чёрной бирже.

Этот светлый период жизни омрачился несколько тем гонением на всё не латышское, которое происходило при Улманисе*. По указанию начальства мне пришлось

* Улманис Карлис (Kārlis Augusts Vilhelms Ulmanis) (23.09.1877 – 20.09.1942) Родился в семье крестьян в Добленском уезде Курляндской губернии. С 1895 г. учился в Митавском городском реальном училище. Бросил учебу, уехал в Восточную Пруссию, где закончил 6-месячные курсы молочного хозяйства. С 1902 г. сам организовал курсы молочного хозяйства. В декабре 1905 г. был заключён в Псковскую тюрьму, освобождён в мае 1906 года. Уехал в США, где окончил курсы сельского хозяйства в 1909 г., получив диплом помощника агронома. Вернулся в 1913 г., работал агрономом и редактором журнала «Земе» («Земля»). После Февральской революции стал заместителем комиссара Временного правительства в Лифляндской губернии. В ноябре 1918 г. принял участие в создании Народного совета Латвии и провозглашении независимости Латвийской Республики. Стал первым премьер-министром Временного правительства Латвийской Республики. До 1934 года занимал посты премьер-министра (4 раза), военного министра, министра иностранных дел (4 раза), министра сельского хозяйства (2 раза). 15 мая 1934 года организовал военный переворот, распустил парламент, все партии, закрыл негодные печатные издания, приостановил действие конституции. 22 июля 1940 года депортирован, умер 20 сентября 1942 года в тюремной больнице Красноводска. https://lv.wikipedia.org/wiki/Karlis_Ulmanis

сменить фамилию на латышскую**. Этим я, правда, особо не огорчился, так как и прежняя фамилия была не из «столбового дворянства». Отец, как человек русской ориентации (а мать была видной русской общественной деятельницей), был вынужден уйти в отставку, не выслужив полной пенсии. Однако и то, что он получал, было больше моей зарплаты – более 400 латов в месяц. Кстати, здесь о пенсиях. В Латвии не было возрастного требования для ухода на пенсию, а только стаж. Проработав 10 лет, можно было уходить в отставку и получать 25% жалования. Таким образом в 1939 г., проработав 10 лет, я мог получать 100 латов пенсии, а после того, как я проработал еще 35 лет, я получаю 52 рубля! Печальный курьез, одна из тех гримас судьбы, которых так много было в моей жизни.

И вот наступили роковые 1940 и 1941 годы. В Латвии установилась советская власть. Начало этой власти было ещё более-менее терпимым: меня назначили даже и.о. следователя по особо важным делам, так как мой предшественник на этом посту был «скомпрометирован» прежней своей деятельностью по расследованию политических дел, в которых фигурировали все те, кто стал теперь у власти, а я, как следователь исключительно «коммерческого» плана, не вызывал пока нареканий. Мне было поручено следствие по громадному и очень сложному делу Латвийского Коммерческого банка, где в основном речь шла о том, что бывшие высокопоставленные государственные деятели (начиная с министров) погашали за государственный счет

** В результате государственного переворота 15 мая 1934 года было приостановлено действие конституции, распущен парламент и все политические партии, закрыт ряд периодических изданий, национальных организаций, школ и гимназий. Из государственных органов были уволены многие представители национальных меньшинств, в том числе и с латвийским гражданством.

свои личные долги, общая сумма которых достигала миллиона латов. Большинство участников этого дела успело благополучно скрыться до прихода советской власти, некоторые были арестованы по «политической» линии и уже увезены за пределы Латвии, а мне пришлось привлекать к ответственности только бывшего министра финансов Вальдмана*. Я вызвал его к себе в камеру и арестовал, несмотря на его просьбы о хотя бы кратковременной отсрочке – его жена ожидала ребенка, и он боялся за неё. К этому эпизоду мне ещё предстоит вернуться позже.

Вскоре следственный аппарат и прокуратура были реформированы по советским законам. Прежде у нас прокуроры и следователи состояли при окружных судах, которых в Латвии было четыре. Прежде следователи не подчинялись прокурорам, хотя и работали в связи с ними, а теперь все следователи и прокуроры распределялись по территориальному признаку, причём следователи подчинялись непосредственно прокурору. Следователь по особо важным делам подчинялся прокурору республики через начальника следственного отдела. В

* Вальдман Альфред (Alfrēds Artūrs Aleksandrs Valdmanis) (11.09.1908 – 11.08.1970) Родился в семье сельского учителя в селе Земупе (Либавская губерния). В 1931 г. окончил Юридический факультет Латвийского университета. В том же году начал работать в Министерстве финансов. С 1938 по 1939 г. находился на посту министра финансов Латвийской Республики. В 1940 г. исполнял обязанности генерального директора Кегумской ГЭС. Арестован 30 сентября 1940 г. Во время нацистской оккупации исполнял обязанности генерального директора Управления юстиции самоуправления Остланда. В 1945 году эмигрировал в Германию, затем в Канаду. В 1950 году был назначен директором Управления по экономическому развитию Ньюфаундленда. В 1954 году был арестован и приговорён к 4 годам тюремного заключения за мошенничество. Освобождён досрочно в 1956 году. https://lv.wikipedia.org/wiki/Alfrēds_Valdmanis

моё время таким начальником был некто В. Липин, конечно, партийный и советский, но чрезвычайно добрый и сердечный человек. К нему мне ещё предстоит вернуться в моих воспоминаниях.

Дело о Кредитном банке было почти закончено, я даже написал проэкт обвинительного заключения, когда поступило распоряжение передать дело в ведение Министерства Госбезопасности, что было весьма правильно, так как по чисто уголовной линии очень трудно было «натянуть» состав преступления. Было у меня ещё несколько дел хозяйственного характера: о выпуске недоброкачественной продукции, завышении цен и т.п.

Было у меня и несколько совсем маловажных дел – просто для того, чтобы чем-нибудь занять меня. Но скоро такое полубезделие закончилось. В порядке общей чистки судебного аппарата очередь дошла и до меня. Я оставался едва ли не последним из «бывших» людей и, как сын прокурора Сената и вообще «плутократ», естественно, не подходил к той высокой должности, которую занимал. Меня назначили следователем Екабпилсского района. Пришлось ехать в этот маленький городишко, где я прежде никогда не бывал. Жить пришлось в той же комнате, где и работать. Семья пока оставалась в Риге. Через некоторое время прокуратура получила новое помещение, где для меня была отдельная комната. Тогда приехали в Екабпилс и мои домашние – жена и сын, привезли кое-какую мебель, и устроились мы совсем неплохо, но это положение сохранялось недолго.

13-го июня 1941 г. я поехал в Ригу по служебным делам на своей машине. Вечером на взморье, в доме родителей, мы с отцом выпили по поводу встречи, не подозревая, что это будет последняя встреча. На другое утро я поехал в Ригу, а когда к обеду вернулся, оказалось, что отца увезли, – это

была знаменитая высылка 14 июня 1941 г., жертвой которой оказались десятки тысяч мирных и вполне лояльных латвийских граждан. Немногим из них удалось вернуться обратно...

Я сразу вернулся в Ригу, пошел к жившей в том же доме (ул. Гану 6) прокурору общего отдела Республиканской прокуратуры (кажется, Токаревой) и поинтересовался – чем может быть вызван вывоз моего отца. То ли она действительно не знала обстоятельств дела, то ли не хотела говорить правду, но сказала только, что дело будет несомненно разобрано, и отец, в случае невиновности, в которой она не сомневалась, будет освобождён. С такими неутешительными сведениями я возвратился в Екабпилс.

А через неделю началась война. Екабпилс был одним из первых объектов немецкого наступления, и, кажется, уже через 3-4 дня немцы пришли к нам. Эти первые дни войны проходили в большом смятении и путанице. Мою машину мобилизовали уже в первый день, причём я даже не успел получить квитанции на неё, благодаря чему впоследствии не смог получить даже денежной компенсации, которая полагалась. Наш районный прокурор уверял меня, что основательная оборона и остановка фронта произойдёт по линии Даугавы, и уехал со всеми делами (и моей пишущей машинкой) в г. Крустпилс – на другом берегу, пообещав приехать за мной и моей семьёй, как только найдёт в Крустпилсе подходящее помещение. События между тем развивались бурно и стремительно. В прокуратуру звонили, сообщая о нападениях «партизан» на советских работников в районе, убийствах и т.п. Я не имел возможности выехать на место происшествия, и вообще без прокурора не знал, что мне делать. Я позвонил в прокуратуру республики в Ригу. У телефона был заместитель прокурора республики Белов.

От Риги фронт был ещё далеко, положение вещей в нашем районе они не знали, и Белов велел мне оставаться на месте и ждать дальнейших указаний от своего прокурора. На всякий случай мы перебрались из помещения прокуратуры в комнатку на окраине в домике нашей секретарши, и, как оказалось, не напрасно: чуть ли не на следующий день пришли немцы, помещение прокуратуры было разгромлено, и если бы мы там оставались, трудно сказать, чем бы это всё закончилось, так как ненависть к советским работникам была большая. Город вообще был подвергнут разграблению, магазины были взломаны, и даже я, грешный, взял из одного магазина бутылку ликера и папиросы.

Некоторое время спустя была взята и Рига, и тогда к нам приехал брат Раи, железнодорожник, который помог нам отправить багажом некоторые вещи и переехать самим в Ригу. На этом екабпилсский период моей жизни, а, как оказалось, и моей юридической карьеры закончился.

НА ФАБРИКЕ

В Риге я, естественно, остался без дела. Я, правда, пытался обратиться в новообразованные судебные органы, где уже собрались многие из уцелевших от высылки старых судебных работников, но там на меня, как бывшего советского следователя, посмотрели весьма косо и подозрительно, так что я решил напрасно не мозолить им глаза и вынужден был искать другую работу. Недалеко от нашей квартиры находился Рижский ликеро-дрожжевой завод (бывшая знаменитая фирма Вольфшмидта), на который требовались рабочие. Оказалось, что заведующим отделения солода и дрожжей был инженер Высоцкий, старый знакомый моих родителей ещё по Пскову, а заведующий лабораторией – инженер Синицын, муж сестры моего одноклассника и

Рижский дрожжевой завод. 50-е годы XX века (фото: riga1201.wordpress.com)

служивца по прокуратуре Н. Харитоновского. Здесь, кстати, несколько слов о судьбе последнего. Когда я был следователем I участка, он был следователем II участка. При советской власти, когда меня назначили следователем по особо важным делам, он стал следователем по важнейшим делам, а в прокуратуре республики, так же как и я, стал следователем по особо важным делам.

Ему было поручено следствие по делу о так называемых «беспорядках 17 июня». Это было дело о поведении рижской полиции при разгоне демонстрантов, вышедших приветствовать советские танки, прибывшие в Ригу для установления советской власти. По этому делу многие, не успевшие скрыться полицейские были арестованы, высланы, а некоторые и расстреляны. Когда пришли немцы, родственники арестованных полицейских обратили свой праведный гнев на Харитоновского, и он был арестован. Несмотря на то, что его жена была немка (урождённая баронесса фон дер Пален) и имела знакомых, чуть ли не родственников, в Гестапо, ей не удалось добиться освобождения мужа. Он был заключен в известный Саласпилский лагерь и там погиб.

Когда я впервые пришёл на фабрику, впечатление было довольно жуткое. В бытность свидетелем мне приходилось бывать на разных фабриках и заводах, но одно дело – пройти из любопытства по разным цехам, а другое – включиться самому во всю эту тяжёлую и грязную работу. Воздух там был насыщен парами и углекислым газом, как в бане, всюду лилась вода, стоял несмолкаемый шум от работы моторов, особенно сепараторов. В этой атмосфере мне предстояло трудиться за 18 пфеннигов в час. Первой моей работой было мытьё громадных бродильных чанов или ящиков, как мы их называли. Множество медных труб разного диаметра, находившихся в этих ящиках, нужно было чистить содой и суперфосфатом, от которых разъедало руки, а затем промывать и продувать паром. Спецодежды не было, резиновые сапоги, полагавшиеся на этой работе, мне не подходили по размеру, и приходилось работать в своих ботинках да калошах. Конечно, и ноги и вся одежда промокали насквозь, и когда я возвращался домой (а дело было в конце года, уже зимой), всё замерзло на мне. Удивляюсь, как я не получил ревматизма или хотя бы основательной простуды. Это можно объяснить только тем, что на фабрике приходилось здорово выпивать. Пили мы и самодельное, замечательное по вкусу и крепости, пиво (из солодового экстракта, который производила наша фабрика), и спирт-сырец, в громадных количествах хранившийся у нас же, а когда случалось зайти в ликёрное отделение, то и ликёры различных сортов. Можно сказать, что за все 5 лет, что я проработал на фабрике, «трезвых» дней не наберётся и месяца.

Зарплата, конечно, не играла роли, так как норму пайка по карточкам можно было выкупить за весь месяц за недельную зарплату, а больше ничего за деньги нельзя было купить. Гораздо важнее было то, что нам разрешалось по казённой (очень не-

большой) цене получать в неделю по одной бутылке ликёра, а по праздникам и две. Так как алкогольные напитки жителям выдавались только по карточкам и в очень ограниченном количестве, ликёры эти пользовались большим спросом. Я, в частности, менял их на папиросы, которые также выдавали в ограниченном количестве. Но ещё важнее была возможность получать, вернее, стащить дрожжи. На них спрос был особенно большим – они шли главным образом в деревню на самогон, и котировались по цене масла или сала – килограмм за килограмм. Так как ежедневно удавалось стащить не один килограмм, а иногда и до 5, то доходы были весьма значительными. Конечно, это дело не поощрялось администрацией, на выходе была проходная, где полагалось обыскивать рабочих, но так как сами сторожа нуждались в дрожжах, а без нас они их достать не могли, то мы выносили дрожжи беспрепятственно. Когда этот промысел достиг значительных размеров, был поставлен особый, «неподкупный», сторож, и выносить дрожжи приходилось в мешочке за поясом (на голом теле) или даже в специальных мешочках под коленями. Но, в общем, дело процветало и жить можно было бы неплохо, если бы не общая бедность в смысле продуктов.

С приходом немцев в Латвии было организовано так называемое «самоуправление»: под верховным руководством немецкого областного комиссара были созданы отдельные «дирекции»: внутренних дел, юстиции, образования и т.д.* Генеральным директором юстиции был назначен тот самый Вальдманис, которого я в своё время привласкал к ответственности по делу

* Остланд (Ostlande) Структура самоуправления нацистской Германии на оккупированных территориях стран Балтии и части Белоруссии с административным центром в Риге в 1941-44 гг. https://en.wikipedia.org/wiki/Reichskommissariat_Ostland

Коммерческого банка. Каким образом ему удалось освободиться из тюрьмы и каким образом он узнал о моём существовании, я не знаю, но однажды он вызвал меня к себе. Хотя ничего доброго от этой затеи я не мог ожидать, однако пришлось идти. Кабинет Вальдмана находился в той самой комнате, которую я занимал в своё время как следователь по особо важным делам и в которой я арестовал этого Вальдмана. Ирония судьбы! Перед элегантно одетым генеральным директором сидел я, в мокрой и грязной одежде – я пришёл прямо с работы. Но, вопреки ожиданиям, беседа прошла в «дружественной обстановке». Вальдман весьма сожалел, что мне приходится работать в таких тяжёлых условиях и предложил мне вновь устроиться на какую-нибудь судебную должность. Однако я от этого отказался: не очень надёжным мне казалось положение немцев, да и я опасался более пристального внимания со стороны соответствующих органов гестапо – передо мною была судьба Харитоновского. Так мы и расстались с Вальдманом, очевидно, навсегда.

К работе на фабрике я постепенно привык. Упомянутые инженеры Высоцкий и Синицын приняли во мне участие, дали мне соответствующую литературу по дрожжевому делу, и так я изучил в совершенстве (теоретически и практически) всё производство. Так я стал бродильным мастером, а затем и сменным мастером, где работать было совсем не трудно и сравнительно чисто. Особенно я любил ночные смены, когда на фабрике не было начальства, работало всего 6-8 человек, и можно было и пить, и спать беспрепятственно. Снова я мог сказать, что лучшего не желаю, лишь бы не стало хуже, – а именно это и случилось.

В ходе войны наступил перелом, началось великое отступление немцев. Была объявлена «тотальная» мобилизация, многие из моих товарищей по работе были призваны в немецкую армию, а мне выда-

ли «бронь», как незаменимому работнику пищевой промышленности.

Это вполне соответствовало действительности, так как я остался едва ли не единственным дрожжевым мастером, а работа продолжалась полным ходом, в три смены. В это самое время, незадолго до освобождения Риги, родилась моя дочь Светлана. Крестины её мы ещё отпраздновали довольно широко. Директор фабрики дал нам известную по всей прежней Риге фабричную лошадь с эффектным «старорежимным» кучером для поездки в церковь, выдали и соответствующее количество спиртных напитков, только с закуской было слабее, так как на счёт продуктов было вообще трудновато.

Но вот настали и последние дни оккупации. На фабрике работы почти прекратились, многих рабочих угнали на строительство окопов и укреплений под Ригой, некоторые поспешили скрыться. Началось бегство в Германию и отчасти принудительный вывоз работоспособного населения. Из окон фабрики была хорошо видна Товарная станция, откуда уходили эшелоны, в которых вывозили людей и оборудование. Нам стали выдавать водку и ликёры уже ежедневно, так как надо было ликвидировать запасы. У меня скопилось порядочное количество разных напитков, и в один прекрасный день я сбежал с этими запасами на взморье. Семья уже раньше переехала туда. В последние дни были аннулированы все «брони» и всем людям призывного возраста приказано было явиться по мобилизации на призывные пункты. Жандармы всюду проверяли документы, и мне даже на взморье пришлось прятаться в боковую кладовку на верхнем этаже, а дверь заставляли Светланиной колыбелькой. Когда начался обстрел взморья и немцы уже удирали, мы скрылись в погребе. Дом в нескольких местах был прострелен осколками, пострадал и сарай.

Наконец 15 сентября 1944 г. русские пришли и на взморье. Общим приказом после освобождения Риги было предписано всем служащим и рабочим вернуться на свои места работы. Пришлось и мне возвратиться в Ригу. Железная дорога и мосты были взорваны, и путешествие пришлось совершать пешком, впоследствии я не раз пользовался этим средством передвижения. На фабрике передо мной предстала картина полного разгрома: были сожжены громадные цистерны со спиртом и всё ликёрное отделение. Ни электричества, ни воды, конечно, не было. Мы начали собирать все демонтированное и не вывезенное оборудование, а также восстанавливать много лет не работающую заводскую электростанцию. Было голодно – снабжение практически отсутствовало, стёкла в окнах нашей квартиры были выбиты взрывами, не работал водопровод и центральное отопление. По субботам я уходил на взморье, где получал кое-какие продукты: у мамы в доме жили ученики из Буддурского техникума, которые платили продуктами, и таким образом мы не голодали в полном смысле этого слова, но и сыты бывали редко.

Вскоре в Ригу возвратилась и прокуратура республики. Я, естественно, обратился туда и встретил там некоторых бывших довоенных работников. Когда я заявил, что являюсь следователем Екабпилсского района, начальство ко мне отнеслось весьма подозрительно: почему, мол, меня, советского следователя, немцы не расстреляли, и тонко намекнули, что эту оплошность немцев они могут исправить. Конечно, мне больше не захотелось туда обращаться.

Вернулся в Ригу и мой бывший начальник Липин, о котором я уже упоминал. На этот раз он был в форме полковника и исполнял обязанности прокурора рижского гарнизона. Пришёл он и к нам домой узнать о судьбе прокурора Токаревой, которая до войны жила в этом же доме,

в квартире напротив. Эта встреча с Липиным имела громадное значение в моей дальнейшей судьбе.

Электростанцию на фабрике кое-как восстановили, получили и воду (городскую), и понемногу стали налаживать производство дрожжей, конечно, в самых малых размерах. Я снова был мастером и снова получил «бронь», т.е. освобождение от мобилизации, но вскоре пришла новая беда: на фабрике кончилось топливо и производство пришлось остановить. Для получения топлива нужно было самим ехать на лесозаготовки. Составилась ударная группа человек в 20-30, и мы поехали в Гулбене, где нам отвели лесную делянку и где следовало заготовить около 10000 кубометров дров. Мы жили в пустом хуторском домике, устроили себе нары, на которых и спали вповалку. Лес находился от нас далеко – километров 6-7, и каждый день проходили этим путём, утром и вечером. Это было в январе-феврале месяцах, зима была снежная, но не холодная. В результате ходьбы и работы ноги промокали очень основательно, и за ночь мы едва успевали просушить обувь. В общем, работа была не легкая и кормили нас не слишком сытно. А если к этому прибавить то обстоятельство, что дома у меня осталась Рая с малюткой Светланой (в тяжёлых условиях, без воды, без света и отопления), то настроение было самое подавленное.

Однажды к нам в лес приехал секретарь нашей фабрики, чтобы взять и отвезти в Ригу наши «брони», срок действия которых подходил к концу и их было необходимо продлить. Вскоре после этого я получил телеграмму с фабрики – меня вызывали в Ригу для восстановления фабрики. Оказалось, что Рая, страдая двобавок ко всему язвой желудка, получила справку от врача, что ей необходима операция, с этой справкой она обратилась к директору фабрики, а он освободил меня

от лесных работ и вернул в Ригу. В то время (ещё продолжалась война) поезда ходили нерегулярно и билеты на них выдавались только по разрешению милиции. Я обратился в милицию, предъявляя свой паспорт и телеграфный вызов. В милиции какой-то военный (я тогда слабо ориентировался в формах и знаках различия) прежде всего заинтересовался, почему я не мобилизован. Я сослался на свою бронь, но ведь у меня с собой её не было! Оказалось, этот военный специально прибыл с целью «отлова» всех уклоняющихся от мобилизации и меня тут же задержали, а вместе со мной и ещё несколько «дезертиров». Несколько дней нас продержали в милиции под стражей. Дело получалось совсем неприятное: ведь никто не знал, куда я делся, выйдя из леса. На счастье, в милицию зашла, тоже за разрешением на билет, одна работница нашей фабрики. Она также находилась на лесных работах и была вызвана в Ригу, на фабрику. Я поручил ей сообщить моим домашним о моём положении. Через некоторое время меня со всеми «дезертирами» отправили по этапу в Ригу. Ехали мы в пустом товарном вагоне до станции Чекуркалнс, где нас выгрузили и оставили на ночь, а утром повели под конвоем через весь город на пересыльный пункт в Цитадели. Здесь уже собрались несколько сотен «новобранцев».

Продолжение было ужасное. Не говоря о том, что нас держали впроголодь, мне совсем не улыбалась перспектива идти на войну: в жизни своей я не держал оружия в руках, по близорукости всегда считался нестроевым, а тут в самый разгар военных действий предстояло идти воевать. К этому ещё прибавлялась постоянная забота о семье, о том, знают ли они, где меня искать. Оставалась одна надежда – на Бога.

В этом месте повествования мне снова недостаёт писательского таланта для выражения всех своих сложных чувств и мыслей. Я никогда не был убеждённым неве-

Православная церковь Петра и Павла
(ныне концертный зал Ave Sol) в Риге.
(Фото: citariga.lv)

рующим, но никогда и не задумывался над этими вопросами, никогда не молился. А тут, в критический момент моей жизни, вспомнил о Боге. Прямо напротив окон нашей камеры находился бывший Петропавловский собор* (некогда кафедральный собор Рижских архиереев, теперь, конечно, давно закрытый). И вот, обращаясь к этому собору, я стал молиться.

Я вспоминал отрывки молитв, сохранившихся с детства (в школе нам в своё время преподавали Закон Божий), а больше, конечно, молился своими словами или мыслями. И тогда я впервые ощутил, что я не одинок в своих тяжёлых переживаниях

* Православная церковь Св. апостолов Петра и Павла. Воздвигнута в 1728 г. на месте шведской гарнизонной кирхи. В 1785 г. на месте церкви был возведён новый храм по проекту Зигмунда Зеgefон Лауренберга. Первоначально церковь предназначалась для окормления духовных нужд гарнизона Цитадели, но вскоре храм стал главной православной церковью города, вплоть до 1884-го г., когда был возведён Кафедральный Христорождественский собор. С советских времен и по сей день в здании храма работает концертный зал Ave Sol. <http://www.russkije.lv/ru/lib/read/church-st-apostles-peter-paul.html>

и обстоятельствах, что со мною всегда Бог, к которому всегда можно обратиться за помощью. Это дало мне большую нравственную поддержку и некоторое спокойствие. Дальнейшие события совершенно наглядно подтвердили это убеждение, и с тех пор моя вера стала уже непоколебимой. Многие события и переживания в дальнейшей моей жизни только укрепляли эту веру.

Через несколько дней нас выстроили во дворе и должны были отправить на фронт под Елгавой, где шли тогда тяжёлые бои**.

В самый последний момент вышел главный делопроизводитель пересыльного пункта и спросил, кто владеет русским языком. Перед строем выступило несколько человек, в том числе и я. Он внимательно рассмотрел нас, и хотя мой вид был весьма непрезентабельным (давно небритая борода, одежда в лохмотьях и т.д.), но, очевидно, по очкам определил, что я интеллигентней других и вызвал меня. Спросил об образовании, дал для пробы написать несколько слов по-русски и объявил, что я остаюсь при пересыльном пункте для составления списков призванных и других писарских работ. Остальной компании было скомандовано «на-право», и под звуки гармошки они отправились на войну. Это было первое чудесное избавление от весьма сомнительной участи.

** Елгава была взята 31 июля 1944 г., воспоминания же затрагивают события ранней весны 1945 г. Очевидно, речь идёт о боевых действиях в «Курземском котле» на линии Тукумс – Лиепая. Вплоть до капитуляции Германии там велись ожесточённые бои с целью ликвидации «котла», но продвинуть линию фронта удалось лишь на несколько километров вглубь. Крупные боевые действия прекратились только после 23 мая 1945 года, спустя несколько недель после капитуляции Берлина.

Несколько дней, с раннего утра и до поздней ночи, я работал писарем: составлял нескончаемые списки призываемых и распределяемых по различным частям. В один прекрасный день я вышел из канцелярии покурить и вдруг увидел Раю, в слезах выходящую из комнаты начальника... Совершенно случайно я увидел её и узнал, что ей сообщили с фабрики о моём задержании, она пошла меня разыскивать, и начальник сообщил ей, что я призван и отправлен на фронт. Действительно, я значился в списках той группы, из которой меня так неожиданно взяли. Теперь поднялся вопрос – как вызволить меня из того неприятного положения, ведь я, в сущности, имел полное право на освобождение от мобилизации, вся беда была в том, что у меня не было на руках «брони». Тогда я и вспомнил про Липина (военного прокурора), и Рая сразу же пошла к нему. Опять-таки по случайной удаче встретила его и рассказала про моё положение. Он сразу же позвонил моему начальнику и велел послать меня к нему. За мной пришли два конвойных солдата и, с автоматами наперевес, повели меня к военному прокурору. Липин встретил меня весьма любезно, угостил хорошими папиросами, которых я уже давно не видал, освободил, конечно, меня, а так как мой паспорт находился на пересылочном пункте или даже был послан в ту воинскую часть, куда я уже был зачислен, то Липин выдал мне справку о том, что я имею право проживать без документов, которые находятся в военной прокуратуре, до окончания следствия по моему делу.

Я вернулся на фабрику. Скоро пустили в ход два маленьких отделения нашей фабрики – одно на ул. Ленина*, за ВЕФом, а другое – в конце ул. Красноармейской**.

* Ныне ул. Бривибас (Brīvības iela).

** Ныне ул. Бруниньку (Brūņinieku iela).

Я перешёл на первое из них. Всё более или менее вошло в свою колею: так же мы тащили дрожжи, продолжали и выпивать, правда, меньше, чем прежде.

Ещё одна деталь: меня от фабрики назначили народным заседателем в Народный суд Сталинского района. Там судьёй была сестра первого секретаря ЦК Латвии Калнберзинь. Это была симпатичная женщина, она не имела юридического образования и была весьма рада моим советам по разбиравшимся делам. Это знакомство мне очень пригодилось в скором времени, когда надо было получать наследство после моего отца, который умер в ссылке на следующий же год после его вывоза, как передавали, от голода. У нас не было документа о его смерти, так как маме сообщили об этом только устно, под расписку. Пришлось добиваться сначала признания его безвестно отсутствующим, а затем уже умершим. Это, с точки зрения закона, весьма щекотливое дело удалось быстро и просто решить благодаря этой Калнберзинь.

На фабрике скоро появился новый директор – заядлый советский человек, который с самого начала стал косо на меня смотреть, подозрительно недоумевая, как я, юрист и бывший следователь по особо важным делам, продолжаю работать на фабрике. Дальше – больше, и когда однажды на фабрике испортилась значительная партия дрожжей (не по моей вине, а просто из-за недоставленной вовремя углекислоты для холодильника), он объявил меня чуть ли не вредителем, и мне пришлось уходить с фабрики, не ожидая увольнения с «вольным паспортом.»

КОНЕЦ ГРАЖДАНСКОЙ РАБОТЫ. СВЯЩЕНСТВО

Наступил ещё один период моей жизни. Найти работу по специальности мне было невозможно, и мне пришлось, во-первых,

Храм Казанской иконы Божией Матери в Дзинтари (фото: sobori.ru)

переехать на постоянное место жительства на взморье, а во-вторых, искать здесь какую-нибудь работу. В Будурском техникуме директором был тогда наш старый знакомый Р. Спарныньш, очень милый и отзывчивый человек. Он предложил мне на выбор две должности в техникуме: ночного сторожа или заведующего хозяйством. Оплачивались они примерно одинаково, не слишком богато, но в техникуме было то преимущество, что служащим выдавали молоко и овощи, а также предоставляли значительный участок земли для индивидуального огородика. Была поздняя осень, ночи тёмные и холодные, как водится после войны, всюду происходили кражи, даже с применением оружия, и работа ночного сторожа мне мало улыбалась – я предпочёл должность завхоза. Правда, и тут было нелегко. Техникум нуждался во многом, а достать что-либо было очень трудно. Приходилось бегать по разным учреждениям,

требовать, выпрашивать, хитрить, а это всё было не по моему характеру. Хорошо было только то, что мне часто приходилось ездить в Майори и Дубулты, и я мог попутно посещать церковь в Дзинтари.*

Там я начал практиковаться в чтении, подробнее изучать порядок богослужения. Дело в том, что я уверовал полностью, пришёл к убеждению, что за всю чудесную помощь Божию я обязан отблагодарить Бога не только своими молитвами, но и служением Церкви. Это было тяжёлое для Церкви время: священников одного за другим ссылали, и недостаток кадров ощущался весьма остро. Короче говоря, я решил стать священником и, не обладая богословскими знаниями, заранее стал готовиться к этому служению.

Ввиду острого недостатка священников, разрешалось сдать только экзамен по сокращённой семинарской программе при Епархиальном Управлении, и можно было посвящаться. Занимался я с интересом и усердно, так что вскоре овладел всеми для начала нужными премудростями.

В техникуме я на следующий год, кроме завхоза, стал ещё и преподавателем бухгалтерии, а затем и русского языка, так что моя зарплата заметно повысилась. Всё шло более или менее хорошо, но тут нагрянула беда: директора Спарныня сняли как «бывшего», и на его место назначили нового – как полагается, советского и

* Церковь Казанской иконы Божией Матери в Дзинтари. Освящена 18-го июня 1894 г. в честь бракосочетания Великой Княжны Марии Александровны и принца Альфреда, герцога Эдинбургского. Храм сооружался трудами Рижского православного Петро-Павловского Братства на добровольные пожертвования дачников и для удовлетворения их религиозных нужд. В 1962 г. храм Казанской иконы Божией Матери был снесён. 28-го июля 2013 г., в Дзинтари была совершена закладка нового храма в честь Казанской иконы Пресвятой Богородицы. <http://www.pareizticiba.lv/index.php?newid=5129>

партийного, хоть и латыша. С ним у меня начались такие же отношения, как с дрожжевым директором: он смотрел на меня с недоверием, резко критиковал все наши недостатки, в которых мы не были повинны, превозносил все те блага и достижения, которые якобы имеются в советской России, а когда я спросил у него – чего же ради он ехал сюда, где всё так плохо – он рассердился окончательно. Очевидно, до него дошло и то, что я посещаю церковь,

а это для учителя был, конечно, смертный грех. Одним словом, мне пришлось уйти, на этот раз уже навсегда, с гражданской службы, на которой я провёл в общей сложности более 17 лет.

При Епархиальном Управлении я благополучно сдал все экзамены, даже по пению, в котором я как тогда, так и теперь мало смыслю. Рижской Епархией в то время управлял митрополит Виленский и Литовский Корнилий*, и надо было

Свято-Троицкий собор в Риге. Наши дни. (фото: citariga.lv)

ждать его приезда в Ригу. 18 июля 1947 г., в день преподобного Сергия Радонежского, Корнилий посвятил меня во диакона. Это происходило в теперешнем Кафедральном Соборе**, а тогда – летнем монастырском храме.

Через три дня, в день празднования Казанской иконы Пресвятой Богородицы, в Дзинтарской Казанской церкви (ныне разрушенной), где моя мать была старостой, меня посвятили в священники.

Уже до посвящения я был предназначен на должность настоятеля вентспилсской Николаевской церкви, где положение было очень тяжелое: постоянного священника там не было, а временные служители не отличались особой трезвостью и добрым

* Митрополит Корнилий (Константин Константинович Попов) (07.09.1874 – 27.10.1966) Родился в семье служащего. В 1894 г. окончил Вологодскую духовную семинарию, в 1896 г. рукоположен во священника. В 1906 г. окончил Казанскую духовную академию со степенью кандидата богословия. 2 сентября 1909 г. архиепископом Ярославским Тихоном (Белавиным) пострижен в монашество. В 1912 г. возведён в сан архимандрита. В 1915 г. назначен епископом Рыбинским, в 1921 г. епископ Сумский, викарий Харьковской епархии. В 1922 г. уклонился в обновленческий раскол. С 1923 года возведён обновленцами в сан архиепископа. С 1924 г. по 1935 г. — обновленческий архиепископ Ярославский, Саратовский, митрополит Свердловский и Уральской области, митрополит Воронежский и всяя Центральной Чернозёмной области. В 1935 г. арестован, приговорён к пяти годам исправительно-трудовых лагерей. Освобождён в

1940 г. В 1943 г., по принесении покаяния, принят в общение с Московской Патриархией в сане епископа и назначен епископом Сумским и Ахтырским. В 1945 г. архиепископ Виленский и Литовский. В 1945-1947 гг. управлял Рижской епархией. С ноября 1948 года архиепископ Горьковский и Арзамасский. В 1961 г. ушел на покой. <http://www.russkije.lv/ru/lib/read/kornilij-porov.html?source=persons>

** Речь идет о Свято-Троицком соборе, куда была перенесена кафедра митрополита после закрытия Рижского кафедрального Христорождественского собора в 1961 г.

О. Владимир Блазма. 60-е годы XX века (фото: ЖМП. 1978. № 5. С. 30)

поведением, в результате чего приход был «развален» и надо было его восстанавливать.

Подробнее о своём служении Церкви писать не буду. Это дело недавнее, произошло на глазах моих детей, да и выдающегося там ничего не было. Отмечу только моё поступление в Ленинградскую Духовную Академию и пребывание там.

Мне казалось недостаточно тех знаний, которые я приобрёл самоучкой, и мне хотелось иметь в своём распоряжении и весь тот арсенал духовных знаний (в частности, апологетики), которым вообще располагает наша Церковь. Для этой цели, по благословению митрополита Вениамина*, тогда

* Митрополит Вениамин (Иван Афанасьевич Федченков) (02.09.1880 – 04.10.1961) Родился в семье крестьянина. В 1903 г. окончил Тамбовскую Духовную семинарию, а в 1907 г. Санкт-Петербургскую Духовную академию. В том же году постри-

управлявшего нашей Епархией, я поступил в 1948 г. как экстерн в Ленинградскую Духовную Академию. В качестве экстерна я был освобождён от посещения лекций, но должен был 2-3 раза в год приезжать в Ленинград на экзамены, чтобы не отставать от своего курса.

Не скажу, что учиться было легко: годы были уже не те, предварительная подготовка была сильно недостаточной, учебных пособий было мало, да и поездки в то время были довольно затруднительны. Но я преодолел все трудности, окончил Академию со званием кандидата богословия 1-го разряда почти на одних пятерках (одна четвёрка имеет случайный характер). Я получил всё то, чего искал, хотя в свете

жен в монашество. В 1911 г. назначен ректором Таврической Духовной семинарии и возведён в сан архимандрита. Принимал участие в Поместном соборе. В 1919 г. хиротонисан во епископа Севастопольского, викария Таврической епархии. Был арестован ЧК в июне 1919 г., но вскоре освобождён. Вскоре после занятия белыми Крыма присоединился к Белому движению. Весной 1920 г. принял предложение П.Н. Врангеля возглавить военное духовенство ВСЮР. Эвакуировался вместе с частями отступающей Русской армии в ноябре 1920 г. Проживал в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, а также в Чехословакии. В 1923 г. назначен викарием архиепископа Савватия в Карпатской Руси. В 1925 г. переехал в Париж, где исполнял обязанности инспектора в Свято-Сергиевском православном богословском институте. В 1927 г. епископ дал подписку о лояльности Московскому Патриархату. В 1932 г. был возведён в сан архиепископа и назначен экзархом РПЦ в Северной Америке. В 1938 возведён в сан митрополита. В 1945 г. участвовал в Поместном соборе РПЦ в Москве. 21 августа 1947 г. назначен митрополитом Рижским и Латвийским. В 1951 г. назначен митрополитом Ростовским и Новочеркасским. В 1954 г. назначен митрополитом Ростовским и Каменским. С 1955 г. митрополит Саратовский и Балашовский. В 1958 г. был уволен на покой с благословением пребывать в Псково-Печерском монастыре. [http://ru.wikipedia.org/wiki/Вениамин_\(Федченков\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Вениамин_(Федченков))

своего теперешнего духовного опыта вижу, что этого было недостаточно. Основной недостаток заключался в сильно рационалистическом подходе к чисто духовным вопросам: Священное Писание толковалось и объяснялось с точки зрения материалистической возможности объяснить, например, чудеса, хотя при этом делалась большая натяжка.

Где же тогда сверхъестественность – необходимая составная часть потустороннего мира? В аскетике сообщались главным образом факты из жизни и учения некоторых столпов Церкви и веры, а практических выводов из их духовного опыта не делалось. По предмету аскетике я начал писать некоторые свои заметки, которые, надеюсь, будут небезынтересны для служителей и деятелей Церкви, если Господь даст мне время, силу и разумение систематизировать тот материал, который у меня накопился.

Гомилетика тоже отставала от современных требований: подробно разбирались проповеди и беседы «классиков», а не давались конкретные указания и советы для составления проповедей, особенно в условиях и специфике нашего времени. Ведь даже Златоуст не подошёл бы для наших слушателей, зато появился ряд новых проблем, над которыми предстоит работать современному проповеднику. Именно применительно к современной аудитории я и пытался составлять свои проповеди, которых за 27 лет служения произнес немало. Опять-таки, если Господь даст, попытаюсь их обработать и напечатать в более-менее приемлемой форме, так как я никогда не писал полного текста проповедей, а делал только краткие заметки для памяти.

Церковь в честь святых апостолов Петра и Павла в г. Кемерово (Фото: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Петропавловская_церковь_\(Кемерово\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Петропавловская_церковь_(Кемерово)))

В Академии я застал ещё многих выдающихся преподавателей, воспитанников старых русских Академий. Среди них должен упомянуть ныне покойного профессора-протоиерея Осипова*, лучшего из проповедников, которых я когда-либо слышал. Жаль, что он так бесславно, даже позорно, окончил свою жизнь, отрекшись от религии. Учёным с европейским именем был

* Осипов Александр Александрович (10.11.1911 – 25.10.1967) – православный богослов, бывший протоиерей и профессор Ленинградской духовной академии, отлучённый от Церкви священнослужитель Русской православной церкви. Магистр богословия. С 1959 года – профессиональный пропагандист атеизма. Кандидат философских наук (с ноября 1966 года. Один из авторов многократно издававшейся в СССР «Настольной книги атеиста» http://ru.wikipedia.org/wiki/Осипов,_Александр_Александрович

О. Владимир Блазма (первый слева среди сидящих) с архиепископом Филаретом (Лебедевым) и группой священнослужителей у храма в Кемери. 60-е годы XX века. (Фото из коллекции Д.И. Трубецкого)

профессор Сагарда* (церковный историк)

* Сагарда Александр Иванович (25.12.1883-09.05.1950) Родился в семье священника. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию в 1909 г., кандидат богословия. В 1910-1918 гг. преподавал на Второй кафедре патристики Санкт-Петербургской духовной академии, читал лекции по истории Антиохийской богословской школы и древнецерковной сирийской литературы. Работал над переводами творений св. Иоанна Дамаскина. С 1920 по 1925 гг. работал в советских организациях (земельном и финансовых окружных отделах). По совместительству в 1923-1925 гг. преподавал историю и психологию на педагогических курсах. С 1930 г. референт Николаевского молочного завода, с 1936 г. – начальник планового отдела банно-прачечного комбината в Николаеве, с 1938 г. — начальник планового отдела Николаевского областного коммунального банка. После возобновления работы духовных учебных заведений получил возможность вернуться к педагогической деятельности. С 1947 г. – преподаватель Одесской духовной семинарии. С февраля 1948 г. — профессор Ленинградской духовной академии. Читал лекции по Священному Писанию Нового Завета и истории

и ряд других талантливых людей. Навсегда храню о них добрую память.

В непрерывном (даже без отпусков) служении быстро прошли годы. Особенно напряжённым было служение в Кафедральном Соборе, где я пробыл более 11 лет, а наиболее трудным – последний, тоже 11-летний период в Кемери**, где церковь практически не отапливалась, а зимой приходилось служить при температуре значительно ниже нуля, когда замерзала не только вода, но и вино в чаше.

древней церкви. http://ru.wikipedia.org/wiki/Сагарда_Александр_Иванович

** Церковь в честь святых апостолов Петра и Павла в Кемери. Освящена 4-го июля 1893 г. Высокопреосвященным Арсением во имя святых первоверховных апостолов Петра и Павла. Храм предназначался как церковь для отдыхающих в лечебном заведении Кемери. Церковь построена без единого гвоздя и напоминает старинные деревянные храмы русского Севера. Храм сильно пострадал во время Первой мировой войны, но был восстановлен.

Может быть, именно здесь я окончательно подорвал свое, вообще не крепкое здоровье, может быть, просто Господь решил положить конец моему недостойному служению, но в общем, после 27 лет службы, я был вынужден уйти на пенсию. Эти строки пишу уже человеком свободным от служения, но далеко не свободным от многих серьёзных и тяжёлых болезней. Пора готовиться к последнему часу!

На этом практически закончилась моя жизнь, богатая всякими событиями. Моим

читателям останется только дописать «скончался тогда-то», и ещё одна человеческая жизнь канет в вечность.* Да будет милость Божия на мне, грешном! Моли-тесь за меня.

* В январе 1974 г. о. Владимир по болезни вышел за штат. Скончался о. Владимир в Великий Понедельник 4 апреля 1977 г. Отпевание 6 апреля, в Великую Среду, после литургии Преждеосвященных Даров, совершил архиепископ Рижский и Латвийский Леонид. Погребён о. Владимир на кладбище «Дубулты» в г. Юрмале. Некролог // ЖМП. 1978. № 5. С. 30

Публикация, предисловие и примечания Андрея Гусаченко.

Summary

Vladimir Blazma was born in 1910 in the town of Lokhvica (province of Poltava), located in the Eastern part of Ukraine. His family was Latvian colonists, who moved to the region of Poltava in the last decade of 19th century. After Latvia gained independence in 1918, his family returned to the motherland in 1922. Vladimir's father was a lawyer, and son chose the same profession as well: after the graduation of the University of Latvia in 1931 he worked as forensic investigator.

During the first Soviet occupation period of Latvia in 1940-1941 large political repressions took place. It didn't affect Vladimir personally, but his father has been arrested and deported to Siberia, where he died soon. V. Blazma carried out the same duties of forensic investigator also during the first Soviet occupation period.

Realizing the instability and potential threats of his forensic investigator position, he decided to quit all affairs linked to his profession. During the Nazi occupation in 1941-1944 V. Blazma worked as a supervisor at Riga's yeast factory, and worked there after the war as well.

At the end of the World War II, Vladimir Blazma experienced strong emotional stress, by coincidence of different obstacles he was not sent to the frontline in Kurzeme (Kurland) where bloody battles took place. This event was the turning point of his entire life – V. Blazma turned to God, became the member of the orthodox parish in Dzintari, externally passed appropriate exams and has been ordained as a priest in 1947.

The memories of father Vladimir are not “traditional” biography of the priest, usually describing the way of the priest service during his entire life. These memories mainly reflects his life before the priest service, covering the large timeframe starting from his childhood in Ukraine (including fragments of World War I, Russian Civil War and events took place afterwards), studies in the Republic of Latvia (description of the everyday life of forensic investigator's family, educational system and some aspects of the system of justice in Latvia), his experience as forensic investigator under the Soviet regime, life during the World War II and under the second Soviet occupation period as well.

Unfortunately, author doesn't share his memories describing the life of priest in 1960-1970's, but even these, published memories,

are undoubtedly valuable material for studies of the history of Latvia during the periods of 1918-1940 and the World War II.

The publication, commentaries, introduction and the summary are provided by Andrejs Gusachenko (Latvia).

Reference list

- 1 Blazma Vladimir Feliksovich (Lohvica, Poltavskaja gub., 2 avgusta 1910 – 4 aprelja 1977), protoierej (Rizhskaia eparhija): Nekrolog // ZhMP. 1978. # 5. S. 30

Публикация документов

Document publications

Латвийская епархия в 1945 году

The Orthodox Diocese of Latvia in 1945

Предложенные к публикации документы хранятся в фондах архива Санкт-Петербургской епархии РПЦ МП (г. Санкт-Петербург) и сосредоточены в одном деле № 42 под заголовком «Латвийская епархия 1945 г.» (Ф.1. Оп.13д. Д.42. К.7. объём дела – 35 листов). Хронологические границы этой небольшой коллекции документов колеблются от марта до конца июня 1945 года. Может возникнуть справедливый вопрос, каким образом церковная документация Латвийской епархии отложилась в архиве в тот период времени Ленинградской, а ныне Санкт-Петербургской епархии? Для ответа на этот вопрос следует обратить внимание на период немецкой оккупации, когда латвийские православные приходы входили в Прибалтийский Экзархат Московской Патриархии*, возглавляемый

митрополитом Виленским и Литовским Сергием (Воскресенским)**.

Непосредственно Латвийской епархией руководил епископ Иоанн (Гарклавс)***, чья

завершилась после освобождения прибалтийских республик от немецких войск.

** Митрополит Сергей (Воскресенский Дмитрий Николаевич) (1897-1944). Родился в семье московского священника. Окончил Московское духовное училище. С 1922 года в Свято-Даниловом монастыре на послушании у епископа Федора (Поздеевского), где принял монашеский постриг. С 1926 года секретарь Московской Патриархии. В 1933 году хиротонисан в епископа Коломенского, викария Московской епархии. В 1937-1941 гг. управляющий делами Московской Патриархии. В 1941-1944 гг. митрополит Виленский и Литовский, экзарх Латвии и Эстонии. Сумел сохранить большую часть церковных территорий Прибалтики в юрисдикции МП. Организатор внутренней (в границах Экзархата) и внешней (на оккупированных территориях Ленинградской области) православной миссии. Руководил деятельностью Прибалтийского экзархата весь период немецкой оккупации до своей гибели 29 апреля 1944 года. Похоронен на Покровском кладбище в Риге.

*** Иоанн (Гарклавс Иоанн Яковлевич) (1898-1982), архиепископ. Окончил Рижскую духовную семинарию. Рукоположен священным саном в 1936 году. В ноябре 1942 года принял монашеский постриг, а 28 февраля 1943 г. хиротонисан экзархом митрополитом Сергием во епископа Рижского. 22 сентября 1944 года эвакуировался в Лиепаяу,

* Прибалтийский экзархат Московской Патриархии был учрежден указом от 24 марта 1941 года как особая митрополичья область, объединяющая Латвийскую и Эстонскую епископии под началом митрополита Литовского и Виленского. Этот акт был направлен на укрепление позиций Московского Патриархата после возвращения Латвийской и Эстонской православных церквей в юрисдикцию МП. Деятельность Прибалтийского Экзархата продолжалась весь период немецкой оккупации с сохранением канонической принадлежности к Московской Патриархии и

хиротония состоялась 28 февраля 1943 года. Несмотря на непростые условия немецкой оккупации и оппозицию Московской Патриархии в лице митрополита Августина (Петерсона)* в Латвии, и митрополита Александра (Паулуса)** в Эстонии, Прибалтийский Экзар-

а затем в Германию, где продолжал служение в лагерях перемещённых лиц и после окончания войны. С 1949 года в США в юрисдикции Американской Православной Митрополии епископ Иоанн во главе Детройтской и Кливлендской епархий. С 1957 года епископ Чикагский и Миннеаполисский. В 1978 году вышел на пенсию. Скончался в Чикаго 11 апреля 1982 года.

* Августин (Петерсон Августин Адамович) (1873-1955), митрополит. Родился в крестьянской семье. В 1895 году окончил курс Рижской духовной семинарии. Служил псаломщиком, а в 1904 году был рукоположён в священник сан. В годы первой мировой войны состоял полковым священником. В 1921 году вернулся в Латвию и был направлен на служение настоятелем Двинского Борисо-Глебского собора. С ноября 1925 года служил гарнизонным священником в Двинской крепости. С 1936 года митрополит Рижский и всея Латвии в юрисдикции Константинопольского Патриарха. В апреле 1941 года после акта воссоединения с Московской Патриархией сдал дела Экзаршему управлению и ушёл на покой. После оккупации Риги немецкими войсками митрополит Августин обратился к оккупационным властям с просьбой о разрешении восстановления автономной Латвийской Православной Церкви под юрисдикцией Вселенского Патриарха. Поддержки православного латвийского клира и верующих мирян практически не получил. В 1944 году эвакуировался в Германию. С 1946 года перешёл в Русскую Православную Церковь Заграницей.

** Александр (Паулус Александр Карлович) (1872-1953), митрополит. Родился в крестьянской семье. В 1894 году окончил Рижскую духовную семинарию. В 1901 году рукоположён в священник сан и служил на эстонских приходах Рижской епархии. В 1918 году хиротонисан во епископа Порховского. В сентябре 1920 года Собором Эстонской Православной Церкви избран архиепископом Таллинским и Эстонским. С августа 1923 года возглавлял Эстонскую Апостольскую Православную Церковь, перейдя в юрисдикцию Константинопольского Патриархата. В марте

хат сохранил на протяжении всего периода войны свою юрисдикционную приверженность РПЦ МП.

После трагической гибели Экзарха Сергия (Воскресенского) 29 апреля 1944 года и эвакуации в Западную Европу епископа Рижского Иоанна (Гарклавса) 22 сентября 1944 года, Латвийская епархия на продолжительный период оставалась без архиерейского управления. Однако церковная жизнь после освобождения Прибалтики от немецких войск осенью 1944 года не замирала, и, судя по публикуемым документам, активно развивалась, несмотря на то, что часть православного клира и мирян вынужденно или добровольно покинули эти территории вместе с отступающими частями вермахта, а другая часть церковно и священнослужителей к весне 1945 года были арестованы советскими карательными органами за якобы профашистскую деятельность в период немецкой оккупации.

Руководящим органом вдовствующей Латвийской епархии стал Епархиальный Совет***, председателем которого в этот пе-

риод 1941 года после покаяния вернулся в юрисдикцию Московской Патриархии. С началом немецкой оккупации объявил о возвращении в юрисдикцию Вселенского Патриарха. В декабре 1942 года запрещён в священнослужении Собором епископов Прибалтийского экзархата МП. При этом большая часть православных приходов в Эстонии находилась под его руководством. В 1944 году эвакуировался в Германию, а затем переехал в Швецию, где возглавлял Синод Эстонской Апостольской Православной Церкви.

*** Епархиальный Совет по определению Поместного Собора Российской Православной Церкви 1917-1918 гг. есть «постоянное непрерывно действующее административно-исполнительное учреждение, состоящее из выборных членов, при содействии которого епархиальным архиереем производится управление епархией». Епархиальный Совет должен состоять из пяти выборных членов (на 6 лет), один из которых в пресвитерском сане выбирается Советом и утверждается правящим архиереем в должности председателя Епархиального Совета. В состав Епархиального

реходный период был протоиерей Николай Македонский*, исполнявший обязанность

Совета могут быть выбраны миряне, но количество членов Совета в пресвитерском сане не должно быть менее двух. (Определение Священного Собора Православной Российской Церкви о епархиальном управлении от 4 (14), 7 (20), 9(22) февраля 1918 года). В период немецкой оккупации Епархиальный Совет непрерывно продолжал свою деятельность, хотя и с нарушением норм принятых Поместным Собором 1917-18 гг. Так, например, Председателем Епархиального Совета был правящий архиерей Рижской епархии. Епархиальный Совет состоял из шести членов в пресвитерском сане, которые занимали штатные места в епархии и назначались правящим архиереем. По сути дела, Епархиальный Совет в период нахождения Рижской епархии в составе Прибалтийского Экзархата являлся совещательным органом при епархиальном пресвященном. В случае возникновения спорных вопросов дело передавалось на рассмотрение Экзарху или решалось правящим архиереем по своему усмотрению. В сентябре 1942 года в состав Епархиального Совета входили: товарищ Председателя протоиерей Николай Перехвальский, протоиерей Николай Македонский, протоиерей Николай Лисман, протоиерей Андрей Веглайс, протоиерей Иоанн Янсон, священник Леонид Ладинский. В случае отсутствия правящего архиерея на заседаниях Епархиального Совета председательствовал товарищ председателя. После освобождения Латвии от немецких войск из прежнего состава в Епархиальный Совет в 1945 году вошли протоиерей Иоанн Янсон, протоиерей Александр Лисман и в должности Председателя Совета – протоиерей Николай Македонский. Должность секретаря Совета занимал протоиерей Николай Смирнов.

* Николай Александрович Македонский (1865-1954), протоиерей. Родился в семье псаломщика в Валкском уезде Лифляндской губернии. В 1887 году окончил Рижскую духовную семинарию. В 1898 году рукоположен во диакона, до этого служил псаломщиком и народным учителем. В 1899 году рукоположен в пресвитерский сан. В годы первой мировой войны служил полковым священником. После возвращения в Латвию в 1922 назначен настоятелем Рижской Преображенской церкви. В 1923 возведен в сан протоиерея. В 1936 году избран членом Синода Латвийской Православной Церкви. В 1942 году награжден

управляющего делами Латвийской епархии МП.

В то же время деятельность Епархиального Совета нуждалась в архиерейской санкции, или говоря церковным языком, в благословении епископа. Это недостающее звено в иерархической вертикали церковной власти для Латвийской епархии восполнял архиепископ Псковский и Порховский Григорий (Чуков)**, находившийся в Ленинграде и управляющий одновременно несколькими епархиями – Ленинградской, Псковской, Петрозаводской и Новгородской. Нужно отметить, что большая часть документов дела №42 содержит материалы переписки канцелярии архиепископа Григория и Епархиального Совета в Риге. В основном это рапорты на имя архиепископа Григория, в которых указаны

митрою. В августе 1944 года протоиерей Николай Македонский был назначен настоятелем Рижской Александро-Невской церкви. В 1942-1944 гг. был товарищем председателя Епархиального Совета Латвийской Православной Церкви, с 1944 года он становится председателем Совета. В 1944-1954 гг. исполнял обязанности управляющего делами Латвийской епархии Московской Патриархии. Похоронен на Рижском Покровском кладбище.

** Григорий (Чуков Николай Кириллович) (1870-1955), митрополит. Родился в крестьянской семье. В 1895 году окончил обучение в Санкт-Петербургской академии. С 1897 года служил в Петрозаводском кафедральном соборе. Ректор Олонецкой духовной семинарии в 1911-1918 гг. Ректор Петроградского богословского института в 1920-1922. Настоятель Казанского собора в Петрограде в 1921-1922 гг. Арестован в 1922 году, освобожден по амнистии в 1923 году. Выслан из Ленинграда в Саратов в 1935 году. В 1942 году совершена хиротония во епископа, возглавлял Саратовскую кафедру. Участник архиерейского собора в Москве в 1943 году. В 1944-1945 гг. архиепископ Псковский и Порховский, в разное время был временно управляющий делами Таллиннской, Петрозаводской, Новгородской, Финляндской епархии. С 1945 года – митрополит Ленинградский и Новгородский. С 1946 года возглавлял Учебный комитет при Священном Синоде.

решения заседаний Епархиального Совета о перемещениях и назначениях церковно и священнослужителей по Латвийской епархии, о намеченном Советом списке кандидатов в благочинные, а также запрос о возможности рукоположения в священный сан кандидатов от Латвийской епархии (документы №1, 2, 6, 8, 11). Эти прошения и рапорты были направлены в канцелярию архиепископа Григория в Ленинград для утверждения. Судя по резолюциям, сделанным рукой архиепископа Псковского и Порховского Григория, все предложения Епархиального Совета без возражений и критических замечаний принимались к сведению и благословлялись.

Порой в канцелярию архиепископа Григория поступали прошения из Латвии, минуя Епархиальный Совет (документ №3). В апреле 1945 года игумения Евгения (Постовская)*, настоятельница Рижского Свято Троице-Сергиева женского монастыря, обратилась с просьбой о назначении в монастырь диакона на вакантную должность на постоянной основе, а не временно командирова, как то предлагал Епархиальный Совет. Прощение игумении получило положительную резолюцию из Ленинграда.

Один из наиболее поздних документов Епархиального Совета затрагивал проблему беженцев с территорий Ленинградской области, осевших в последний период не-

мецкой оккупации в Курляндии, и летом 1945 года возвращавшихся на родину (документ №15). В своё время беженцы с территории Ленинградской области вместе со своими пожитками вывезли в Прибалтику и церковные предметы, среди которых был чудотворный образ Богородицы. Церковная утварь и святыни были переданы тогда в местные латвийские православные приходы, но в новых условиях бывшие беженцы, возвращаясь в родные края, пожелали забрать с собой и церковное имущество, в том числе священные реликвии, хранившиеся ранее на приходах Ленинградской епархии. В своём рапорте Епархиальный Совет попросил архиепископа Григория дать указание по столь щепетильному вопросу.

Другая проблемная тема, отражённая в публикуемых документах, связана с положением латвийских православных приходов, которые оказались в новых территориально-административных границах Псковской области. Речь идёт о шести волостях Абрэнского уезда, которые отошли от Латвийской республики к Псковской области. В марте 1944 года архиепископ Григорий поручил Епархиальному Совету в Риге временно управлять делами этих приходов до выхода официального распоряжения, регулирующего их статус. Однако уже в апреле месяце от настоятелей двух приходов «спорных» территорий на границе Псковской области и Латвийской ССР в адрес Епархиального Совета пришли жалобы на грубое вмешательство во внутрприходские дела со стороны благочинного Абрэнского округа священника Николая Карзубова**. Карзубов был назначен в

* Евгения (Постовская Евгения Захаровна) (1864-1948), игумения. Евгения Постовская вместе с сёстрами Мансуровыми – Екатериной (игумения Сергия) и Натальей (монахиней Иоанной) принимала участие в создании Свято-Троицкой монашеской общины в Риге. В 1894 году Евгения Постовская пострижена в рясофор. В 1905 году становится настоятельницей женского Рождества Богородицы Иллукстского монастыря в Курляндской губернии. В годы первой мировой войны вместе с общиной эвакуировалась в Нижегородскую губернию. В 1918 году возвращается в Латвию, а с 1921 по 1947 год настоятельница Свято Троице-Сергиева монастыря в Риге. В 1947 году пострижена в великую схиму и уволена на покой.

** Карзубов Николай Сергеевич (1916-1947), протодиакон. В 1936 году окончил Яунлатгалскую Государственную русскую гимназию. В 1938 году окончил Рижский Православный Богословский институт. В 1938 году был рукоположён в священный сан. В 1941-1942 гг. находился под запретом за антицерковную деятельность в предвоенный советский период. В 1942 году запрет в священ-

Абренский приход распоряжением архиепископа Григория 25.12.1944 года, но не находился в подчинении Латвийского Епархиального Совета, а настоятели приходов, в отношении которых благочинный Карзубов применял административные методы воздействия, подкрепляя их угрозами церковных прещений, получили свои места служения по распоряжениям Епархиального Совета Латвийской епархии (документ №9).

Примечательно, что архиепископ Григорий в этом конфликте поддержал не благочинного Псковской епархии, а Епархиальный Совет, написав письмо священнику Карзубову, в котором призывал его воздержаться от жёстких методов администрирования в отношении приходов, чья церковно-каноническая участь до конца ещё не была решена (документ № 10).

Кроме переписки между канцелярией Архиепископа Григория и Епархиальным Советом (документы №9, 12, 13, 14), писем священника Карзубова настоятелям приходов, выразивших свое несогласие на претензии благочинного вмешиваться в управление внутриприходскими делами (документы №4, 5), к этому блоку документов был добавлен протокол заседания Церковного Совета Линовского прихода, оказавшегося в эпицентре конфликта, вызванного ситуацией церковного «двоевластия» (документ №7). Окончательную точку в этом спорном вопросе поставил Уполномоченный Совета по делам РПЦ по Псковской области, распорядившийся дела бывших латвийских приходов, оказавшихся в границах Псковской области, передать

нослужению был снят, после чего служил в различных приходах Латвии. В декабре 1944 года был назначен настоятелем Свято-Никольской церкви в Абрене с исполнением обязанностей благочинного Абренского округа. В декабре 1945 года переведён в город Остров Псковской области настоятелем кладбищенской церкви Святых Жён Мироносиц.

полностью в ведение Псковского архиерея (документ №12).

Следует добавить, что указом архиепископа Григория от 18.12.1945 года священник Карзубов был перемещён из Абрене на служение в кладбищенской церкви города Острова той же Псковской епархии. Возможно, одной из причин этого перевода была сохранявшаяся напряжённость в отношениях Карзубова с настоятелями некоторых бывших латвийских приходов Абренского благочиния.

В целом, благодаря этим документам, складывается весьма специфичная картина церковного управления Латвийской епархии в первой половине 1945 года – без прямого участия архиерея, а только усилиями Епархиального Совета. Как это часто бывает, любое явление и исторический факт несут в себе всю сложность и неоднозначность отражённых событий. Вероятно, отсутствие правящего архиерея в Латвийской епархии имело и свои отрицательные стороны и последствия, однако весной 1945 года Епархиальный Совет под руководством протоиерея Николая Македонского вполне успешно осуществлял функции церковного управления, несмотря на все сложности переходного периода. Следует отдать должное такту и мудрости архиепископа Григория, не пытавшегося непосредственно вмешиваться во внутренние дела Латвийской епархии, оставляя за собой роль блюстителя, но при этом предоставляя широкие права самоуправления местному Епархиальному Совету. Вместе с тем вполне справедливо прозвучит замечание о том, что у архиепископа Григория, на чьих плечах лежала ответственность одновременно за несколько крупных епархий, физически не хватало времени и сил для более активного вхождения в дела Латвийской епархии. К тому же нередко в церковной жизни на приходском и епархиальном уровне своё активное влияние оказывал представитель Совета по делам РПЦ,

что косвенно было засвидетельствовано и в публикуемых документах.

После июня 1945 года переписка между канцелярией архиепископа Григория и Епархиальным Советом Латвийской епархии, по-видимому, прекращается (документов более позднего периода в деле не выявлено), в связи с тем, что в июле 1945 года временно управляющим делами Латвийской епархии МП был назначен архиепископ Виленский и Литовский Корнилий (Попов). Это положение вдовствующей Рижской кафедры продолжалось до 24 февраля 1948 года, когда на служение в Латвийской епархии был назначен митрополит Вениамин (Федченков)*.

Большая часть представленных в публикации документов – машинописные подлин-

ники или машинописные копии на русском языке, заверенные печатью (надпись на русском и латышском языках – епархиальное управление Латвийской ССР) и подписями (автографами) должностных лиц, имеются пометки и резолюции архиепископа Григория (Чукова). Три документа (№3,7,10) – рукописные подлинники на русском языке, написанные от лица игумении Евгении (Постовской), церковного совета Линовского прихода Абренского благочиния, архиепископа Григория (Чукова). Подлинность документов не вызывает сомнения, благодаря печатям и штампам, а также резолюциям, пометам и номерам входящих документов.

При публикации документов сохранены все особенности стиля, орфографии и пунктуации, за исключением явных ошибок или опечаток. Документы опубликованы полностью, без сокращений и купюр. Коньектуры и комментарии публикатора помещены в квадратные скобки.

* Вениамин (Федченков Иван афанасьевич) (1880-1961), митрополит. В 1907 окончила Санкт-Петербургскую духовную академию. В тот же год пострижен в монашество. В 1911 году был назначен на должность ректора Таврической духовной семинарии и возведён в сан архимандрита. В 1913 году перемещён ректором Тверской духовной семинарии. Член Поместного Собора в 1917-1918 гг. В феврале хиротонисан во епископа Севастопольского. Возглавлял военное и морское духовенство Вооружённых Сил Юга России в 1920 году. Эмигрировал с частями Белой армии из Крыма. Вошёл в состав Высшего Церковного Управления за границей. В 1925 году приглашён в Париж в качестве инспектора и преподавателя Свято-Сергиевского Православного Богословского института в Париже. Принял Декларацию 1927 года о лояльности советской власти. В 1930 году покинул Парижский Богословский институт и основал в Париже Патриаршее подворье Московской Патриархии с храмом трёх святителей. С 1933 года назначен архиепископом Алеутским и Северо-Американским и Экзархом Московской Патриархии в Америке. В годы войны активно проводил просоветскую патриотическую работу. Участник Поместного Собора РПЦ МП в 1945 года. В феврале 1948 года приезжает в СССР и получает назначение на Рижскую кафедру. В 1951-1955 гг. возглавлял Ростовскую кафедру. На покое в Свято-Успенском Печерском монастыре Псковской области с 1958 года.

Публикация документов из архива Санкт-Петербургской епархии

Ф.1. Оп.13д. Д.42. К.7. (объем дела – 35 листов).

Документ №1. Рапорт Епархиального Совета Латвийской ССР архиепископу Григорию (Чукову) с перечислением поименного списка благочинных Латвийской епархии.

Его высокопреосвященству, высокопреосвященнейшему
ГРИГОРИУ, АРХИЕПИСКОПУ ПСКОВСКОМУ И ПОРХОВСКОМУ

Епархиального Совета
Латвийской ССР
православной церкви

РАПОРТ.

Долг имеем представить Вашему Высокопреосвященству на утверждение список благочинных Латвийской епархии, намеченных Епархиальным Советом на заседании 28 марта 1945 г.

1. Рижско-градский – протоиерей Н[иколай] Смирнов*.
2. Рижский уездный и Елгавский – протоиерей А[лександр] Лисман.
3. Мадонский округ – протоиерей И[оанн] Эньинь.
4. Валмиерский округ – священник Д[митрий] Околович**.
5. Эргальский округ – священник А[вгустин] Гофман.
6. Двинский округ – протоиерей С[авва] Легкий***.
7. Режицкий округ – протоиерей П[авел] Овсянкин****.

* Смирнов Николай Александрович (1891-1963), протоиерей. Родился в Риге в семье рабочего. В 1912 году окончил Рижскую духовную семинарию. В 1913 году был назначен для служения псаломщиком в Рижской Троице-Задвинской церкви. В 1915 году рукоположен в священник сан в Екатеринославской епархии. В 1917/1918 учебном году прослушал один курс Киевской духовной академии. В 1921 году вернулся в Латвию и получил назначение настоятелем Троице-Задвинской церкви в Риге. В 1930 году был возведен в сан протоиерея. В 1945 году протоиерей Николай был назначен секретарем Епархиального Совета, благочинным Рижско-градского округа. В 1956-1962 гг. состоял председателем Епархиального Совета Латвийской епархии.

** Околович Дмитрий Леонтьевич (1915-1985), священник. В детстве находился на воспитании у деда – священника Константина Околовича в Лудзенском уезде. С 1937 года обучался в Рижском Православном Богословском институте. В 1939 году Д.Околович был рукоположен в священник сан и приписан к Рижскому кафедральному собору. В 1943-49 гг. служил в Салацгривском приходе. В 1948 году поступил в Ленинградскую духовную академию. В 1949 году по доносу арестован и осужден по 58 статье к 25 годам заключения. Освобожден по амнистии. С 1969 по 1978 гг. служил в Архангельской епархии, затем вернулся в Латвию и продолжал служение в Салацгривской, Лимбажской и Алойской церквях.

*** Легкий Савва Феодосиевич (1877-1982), протоиерей. Родился в Гомеле. Окончил двухклассное Народное Министерское училище. Рукоположен в пресвитерский сан в 1923 году и назначен на служение в Каплавскую Покровскую церковь. В 1925 году назначен настоятелем Салиенской Иоанновской церкви. С 1950 года настоятель Краславской Александро-Невской церкви. Последние годы служения был настоятелем собора Рождества Пресвятой Богородицы в Резекне до 1962 года.

**** Овсянкин Павел Иоаннович (1875-1959), протоиерей. Родился в семье священника Коровской волости Островского уезда Псковской губернии. В 1897 году окончил обучение в Псковской духовной семи-

8. Люцинский округ – протоиерей Н[иканор] Трубецкой*.
9. Вилякский округ – священник И[оанн] Носевич**.
10. Единоверческий округ – протоиерей Е[встафий] Иванов.

Вашего Высокопреосвященства нижайшие послушники:
Председатель епархиального Совета протоиерей Н[иколай] Македонский
Член-секретарь – прот[оиерей] Н[иколай] Смирнов.

31 марта 1945 г. № 322

Ф.л. Оп.13д. Д.42. К.7. Л.2. Подлинник, машинопись, в нижнем левом углу штамп с надписью на латышском и русском языках – «Епархиальное управление православными приходами Латв. ССР», чёрными чернилами вписаны дата и номер документа. Подписи Председателя Совета и секретаря выполнены чёрными чернилами.

- нарии. В 1900 году был рукоположён в священник сан, после чего служил на приходах Порховского благочиния. В 1905 году назначен настоятелем в Вышгородецкий (Аугшпилс) Борисо-Глебский приход, где прослужил до последних дней жизни. С 1910 года состоял членом совета Островских благочинных.
- * Трубецкой Никанор Михайлович (1876-1959), протоиерей. Родился в с.Вяжище Витебской губернии. Рукоположён в священник сан в 1910 году. Служил в храмах Двинского уезда. В 1918 году был перемещён настоятелем Михаловской церкви Лудзенского уезда. В 1943 году назначен настоятелем собора в Лудзе и благочинным Люцинского (Адуза) округа. В 1945 году был возвращён в Михалово. В 1945 году состоял членом Латвийского Епархиального Совета.
- ** Носевич Иоанн Кондратьевич (1881-1953), протоиерей. Родился в семье священника в Витебской губернии. В 1897 году окончил Витебское духовное училище и один класс духовной семинарии. В 1912 году был рукоположён в священник сан. Служил в храмах Люцинского благочиния. В 1941 году был перемещён настоятелем Вилякской Покровской церкви, в которой служил до последних дней.

Документ №2. Рапорт Епархиального Совета Латвийской ССР архиепископу Григорию (Чукову) о перемещениях и назначениях клириков Латвийской епархии в период с 1 по 28 марта 1945 года.

ЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВУ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЕЙШЕМУ
ГРИГОРИЮ, АРХИЕПИСКОПУ ПСКОВСКОМУ И ПОРХОВСКОМУ

Почтительнейше сообщаем Вашему Высокопреосвященству о назначениях и перемещениях священноцерковнослужителей по Латвийской епархии в марте месяце:

I. Постановления от 1 марта.

1. Обслуживание Цесисского прихода поручили священнику Валмиерской церкви о. А[лександр] Мецу.
2. Освободили священника о. Н[иколая] Коленцева*** от заведывания Виксенским при-

*** Коленцов Николай Алексеевич (1896-1975), протоиерей. Родился в семье священника в Екабпилсе. В 1918 году окончил Рижскую духовную семинарию. В 1923 году рукоположён в священник сан и назначен настоятелем Ляудерского прихода. В 1927 году перемещён настоятелем к Воскресенской и Преображенской церкви в Старой Слободе. В 1937 году назначен настоятелем Аксено-Горской (Приежукалнс) Успенской

ходом и обслуживания Липновского и Ругайского приходов и назначили его настоятелем Смильтенской церкви и поручили ему обслуживание Пальцмарского прихода.

3. Перевели диакона Л[еонид] Костко от Елгавского собора временно к Вец-Салацкой церкви на должность псаломщика.

4. Назначили исп[олняющим] об[язанности] псаломщика Дагденской церкви Николая Квачева.

5. Поручили настоятелю Двинской Успенской церкви протоиерею Никону Заливскому* временное заведывание Двинскими Борисо-Глебским и Александро-Невским приходами.

II. Постановления от 8 марта.

.....

III. Постановления от 15 марта.

6. Перевели иеродиакона Дзинтарской церкви Сергея Афанасьева** к Рижскому Кафедральному собору.

7. Перевели священника Аксеново-Горской церкви В[ениамина] Вознесенского*** к Ливновской церкви.

8. Назначили вновь рукоположённого Архиепископом Григорием во иерея диакона Л[еонид] Костко исп[олняющим] об[язанности] Настоятеля Елгавского Симеоно-Анненского собора.

9. Назначили рукоположённого Архиеп[ископом] Григорием псаломщика Б[ ]. Трубина во диакона-диаконом Рижской Преображенской церкви.

IV. Постановления от 28 марта.

церкви. С 1944 года служил настоятелем Смильтенской Свято-Никольской церкви. В то же время обслуживал приходы: Алуксненский Свято-Троицкий, Липновский и Вецлайценский Покровский. С 1946 года служил настоятелем Лимбажского прихода. После 1956 гда служил в приходах Смоленской, Рязанской епархий. После 1960 года вернулся в Латвию и служил в разных приходах Латвийской церкви. С 1970 года находился за штатом.

* Заливский Никон Петрович (1864-1949), протоиерей. Родился в Полоцке Витебской губернии. Свыше 15 лет служил в Полоцке псаломщиком-регентом. Рукоположен в священный сан в 1906 году. Определён на служение в Придурыйский Свято-Николаевский приход Двинского уезда. С 1938 года служил в нескольких храмах города Двинска.

** Сергей (Афанасьев Дмитрий Алексеевич) (1917-1994), архимандрит. Родился в крестьянской семье в Абренском уезде. Послушник в Печерском Свято-Успенском монастыре с 1938 года. В 1943 году пострижен в монашество. Служил келейником у Экзарха Сергея (Воскресенского). Рукоположен в иеродиакона в апреле 1944 года. В 1945 году указом архиепископа Григория (Чукова) определён на служение к церкви Рижского Троице-Сергиева монастыря. В 1948 году перемещён для служения в Загорск в Троице-Сергиеву лавру. В 1949 году переведён в Свято Духов монастырь, где был в тот же год рукоположен во иеромонаха. В 1952 году вернулся в Рижскую епархию и был назначен настоятелем Илукстской церкви Рождества Пресвятой Богородицы.

*** Вознесенский Вениамин Алексеевич (1891-1965), протоиерей. В 1915 году окончил курс Петроградской духовной семинарии. Участник первой мировой войны. В 1922 году был рукоположен в священный сан. Служил в 1930-е гг. в Ляудерской Николаевской церкви. С 1942 года служил в Слободзинском Михайловском приходе. С 1944 года служил в Рижском Иоанновском приходе. В 1940-1950-е гг. служил на приходах Псковской епархии. В 1964 году был назначен настоятелем Рижской Скорбященской церкви.

10. Назначили псаломщика К[онстантина] Пытеля псаломщиком Болдерайской церкви.
11. Перевели священника Ново-Слободской церкви П[авла] Савицкого* на должность настоятеля Рижской Иоанновской церкви.
12. Поручили обслуживание Ново-Слободской церкви священнику Лядерской церкви И[оанну] Кондрашеву** и обслуживание Слободзинской церкви священнику Зилупской церкви В[ладимиру] Антипову***.
13. Поручили а) обслуживание Ругайской церкви Шкильбанскому священнику С[ергию] Петрову; б) обслуживание Виксенской церкви Гольшевскому священнику Б[орису] Раману**** и в) обслуживание Лиепновской церкви Ново-Муравейскому священнику П[авлу] Веселову-Суднову*****.

Протоиерей Н[иколай] Македонский
 Председатель Епархиального Совета
 Протоиерей Н[иколай] Смирнов.
 Секретарь

2 апреля 1945 г. № 328.

Резолюция: I.V.45. К сведению. АГ [архиепископ Григорий]

Ф.1. Оп.13д. Д.42. К.7. Л.1-10б. Подлинник, машинопись, в нижнем левом углу штамп с надписью на латышском и русском языках – «Епархиальное управление православными приходами Латв. ССР», чёрными чернилами вписаны дата и номер документа. Подписи Председателя Совета и секретаря выполнены чёрными чернилами.

- * Савицкий Павел Владимирович (1900-1963), протоиерей. В 1924 году служит псаломщиком в Рижском кафедральном соборе. В 1925 году был рукоположён в священнический сан и направлен в Каплавскую церковь. В 1931 году настоятель Яунслободской (Новая Слобода) церкви. В 1945 году перемещён в Рижскую Иоанновскую церковь. Ещё позже был назначен настоятелем Даугавпилсской Успенской церкви, где прослужил до выхода за штат.
- ** Кондрашов Иоанн Афанасьевич (1918-1989), протоиерей. Родился в крестьянской семье. В 1940 году окончил Рижский Богословский институт. В 1941 году рукоположён во диакона и служил в Псковской Миссии. В 1943-1944 гг. состоял воспитателем Богословских курсов в Вильнюсе. В 1943 году был рукоположён в священника. Служил на приходах в Латвии. В 1949 году окончил учебу в Ленинградской духовной семинарии и служил в Павловском соборе города Гатчины. В 1970-е годы был преподавателем и духовником Ленинградских духовных школ. Принял участие в юбилейном соборе РПЦ в 1988 году.
- *** Антипов Владимир Михайлович (1910-1986), протоиерей. Родился в городе Острове Псковской губернии. Отец из купеческого рода. В 1930-1933 гг. проходил обучение в Рижской духовной семинарии. В 1934 году был рукоположён в священнический сан. В 1935 году назначен для служения в Бриго-Зилупскую Кресто-Воздвиженскую церковь. В 1960-е гг. состоял благочинным храмов Резекненского округа.
- **** Раман Борис Иванович (1875-?), священник. Родился в латышской крестьянской семье. В 1899 году окончил Витебскую духовную семинарию. Служил псаломщиком. В 1915 году рукоположён в священнический сан и определён к Кокоревской церкви (Тилжа). В 1917 году перемещён к Айзгаршской (Гольшово) Свято-Троицкой церкви. До 1945 года обслуживал Виксенский приход. В 1949 году уволен за штат.
- ***** Веселов-Суднов Павел Николаевич (1897-1977), протоиерей. Родился в крестьянской семье. В 1916 году в Петрограде окончил гимназию. С 1931 года служил псаломщиком. В 1943 году рукоположён во диакона. В 1944 году окончил Богословские курсы в Вильнюсе. После учебы был рукоположён в пресвитерский сан и получил назначение в Ново-Муравейский приход. В 1945 году перемещён в Лиепновский приход, в 1946 году в Линовский Свято-Никольский приход Псковской епархии, где прослужил до своей кончины.

Документ №3 Прощение на имя архиепископа Григория (Чукова) от игумении Свято Троице-Сергиева монастыря в Риге о назначении штатного диакона от 4 апреля 1945 года.

Его Высокопреосвященству Высокопреосвященнейшему Григорию
Архиепископу Псковскому и Порховскому, управляющему Рижской
Епархией

ПРОШЕНИЕ

Настоятельницы
Рижского Св[ято] Троице-Сергиева женск[ого] монастыря
Игумении Евгении.

В нашей обители нет диакона. Мы обратились в Епархиальный Совет ЛССР Православной церкви, который от 3-го апр[еля] 1945 г. за № 347 сообщил, что к нам командировается иеродиакон Сергей Афанасьев, хотя мы просили назначить его не временно, а постоянно на диаконскую вакансию.

Просим Вашего Архипастырского благословения утвердить иеродиакона Сергия Афанасьева не временным, а постоянным диаконом монастыря, чтобы гарантировать благолепие богослужений.

Испрашивая Ваших святых молитв и Вашего Благословения себе и насельницам монастыря, остаюсь смиренно послушная настоятельница монастыря

Игуменія Евгенія

Резолюция: № 255 от 28.IV. 45

Утверждается. АГ [архиепископ Григорий].

Ф.1. Оп.13д. Д.42. К.7. Л.21. Подлинник, рукописный текст выполнен синими чернилами на тетрадном листе в линейку. В верхнем левом углу документа штамп монастыря на латышском языке с адресом Kr.Barona iela 126, чёрными чернилами вписаны дата – 4.IV.45г. и номер документа №66. Резолюция архиепископа Григория вписана чёрными чернилами, номер резолюции отмечен красным карандашом. В правом нижнем углу фиолетовыми чернилами отмечен входящий номер – №484/12 и дата регистрации – 14/V-45. В левом нижнем углу круглая печать с изображением восьмиконечного креста и надписью по кругу на латышском языке – «Рижский Свято Троице-Сергиев монастырь». Текст письма выполнен правильным каллиграфическим почерком и существенно отличается от автографа игумении Евгении в конце документа. Кроме того, что почерк игумении крупнее, порывистее и менее аккуратен, одновременно с этим буквы «и» написаны по образцу императорской России как «i», тогда как в основном тексте были соблюдены правила написания, принятые в советский период.

Документ №4 Письмо благочинного Абренского округа священника Николая Карзубова настоятелю Коровской церкви священнику Владимиру Соколову от 8 апреля 1945 года.

Копия.

Священнику о. Владимиру Соколову*.

1. Согласно распоряжения Владыки Григория от 20 го II с.г. за № 81 .

I комплект сосудов из Коровской церкви временно разрешается взять в Абренскую церковь. Прошу при случае таковой доставить мне в Пундури, в Абрене или Вышгородок к о. Павлу. Расписку о получении вышлю.

2. Прошу прислать акт в 3-х экз. о принятии Вами цер[ковного] имущества Коровской церкви, кот[орую] Вы фактически обслуживаете. При принятии должны присутствовать члены Совета и Ревизионн[ой] Комиссии.

3. Прошу прислать мне прошение на имя Владыки Григория с просьбой назначить Вас настоятелем в Коровскую церковь, если Вы желаете таковым быть. Ваше назначение и.о. настоятеля от Латв[ийского] Епарх[иального] управления не имеет [последние два слова подчеркнуты – К.О.] силы.

№9

о8. IV. 45 г

Священник Н[иколай] Карзубов.

Благочинный Абренского округа.

С подлинным верно: член-секретарь Латв[ийского]

Епарх[иального] Совета

Прот[оиерей] Н[иколай] Смирнов

Ф.1. Оп.13д. Д.42. К.7. Л.13. Машинописная копия. В левом углу документа круглая печать: в центре изображение Голгофы, под ним надпись на латышском и русском языке «епархиальное управление», по краю печати в нижней части «Латвийской ССР», та же надпись на латышском языке по краю печати в верхней части. Подпись секретаря Епархиального Совета выполнена чёрными чернилами.

* Соколов Владимир Евгеньевич (1894-1962), протоиерей. Родился в Риге в семье служащих. В 1914-1921 гг. состоял на военной службе. В 1924 году после возвращения в Ригу был рукоположен в священник сан и назначен настоятелем Дагденской Свято-Никольской церкви. В 1928 году перемещен настоятелем Бродайжской Иоанно-Предтеченской церкви. В августе 1941 года был перемещен к Ляудерской Свято-Никольской церкви. В июне 1944 года перемещен в Троице-Задвинскую церковь города Риги. После этого служил в Симеоно-Анненском соборе Елгавы, в Абренском Свято-Никольском приходе, а затем в конце 1944 года направлен на приход в Коровск Абренского благочиния. В 1950 году получил назначение настоятелем прихода в Абрене (Пыталово). После 1951 года служил на приходах Острова, Коровска, Саблино, Красного Села и Гатчины.

Документ №5 Письмо благочинного Абренского округа священника Николая Карзубова настоятелю Линовской церкви священнику Вениамину Вознесенскому от 10 апреля 1945 года.

Копия

Священнику о. Вениамину Вознесенскому.

Настоящим сообщая, что согласно распоряжению Высокопреосвященнейшего Григория, Архиеп[ископа] Псковского и Порховского от с.г. 17 марта за № 120, я назначен благочинным вновь основанного Абренского округа Псковской Епархии, куда входят все церкви, находящиеся на территории Пыталовского и Качановского районов, Псковской области (отношение Московской Патриархии Управляющего Ленинградской Епар[хии] от с.г. 22.III за № 491(16).

Так как до меня поступили сведения, что Вы назначены настоятелем Линовской церкви от Латвийского Епархиального управления, сообщая Вам, что назначение последней недействительно [последнее слово подчеркнуто – К.О.], ибо Вы должны получить назначение от правящего Архиерея Псковской епархии. Посему предписываю немедленно [последнее слов подчеркнуто – К.О] сдать ключи от Линовской церкви второму священнику ея о. Николаю Кудрявцеву*, который будет и[сполняющим] о[бязанности] настоятеля впредь до назначения настоятеля Линовской церкви.

За неподчинение распоряжению Высшим Духовным властям понесёте соответствующее наказание.

№7. 10. IV. 45 г.

г. Пыталово, Пионерская ул. 10.

Свящ[енник] Н[иколай] Карзубов,
Благочинный Абренского округа Псковской Епархии
С подлинным верно: член-секретарь Латв[ийского]
Епарх[иального] Совета
Прот[оиерей] Н[иколай] Смирнов

Ф.1. Оп.13д. Д.42. К.7. Л.14. Машинописная копия. В левом углу документа круглая печать: в центре изображение Голгофы, под ним надпись на латышском и русском языке «епархиальное управление», по краю печати в нижней части «Латвийской ССР», та же надпись на латышском языке по краю печати в верхней части. Подпись секретаря Епархиального Совета выполнена чёрными чернилами.

* Кудрявцев Николай Иванович (1913-?), священник. В 1933 году окончил Резекненскую Русскую гимназию, в 1938 году Рижский Православный Богословский институт. В 1938 году рукоположен в священный сан. Настоятель Алойской церкви и законоучитель в Бубневской 4-х классой школе Линавской волости. В 1939 году перемещен к Лиепновской церкви, затем к Слободзинской церкви. С 1944 года после ареста настоятеля отца Гордия Ольшевского служил в Линавском приходе.

Документ №6. Рапорт Епархиального Совета Латвийской ССР на имя архиепископа Григория (Чукова) с прошением о рукоположении в священник сан кандидатов от Латвийской епархии 13 апреля 1945 года.

Его высокопреосвященству, высокопреосвященнейшему
Григорию, архиепископу псковскому и порховскому

Епархиального Совета Латвийской ССР православной церкви

РАПОРТ.

Ваше Высокопреосвященство,
Высокопреосвященнейший Владыко!

В нашей епархии в настоящее время намечены 2 кандидатуры к посвящению во иереи и 2 кандидатуры во диакона.

Во иереи: иеродиакон Афанасьев Сергей, диакон Сергеев Александр. Во диаконы: Ауга-Грасис Давид (латыш) и Парфенович Владимир*. Почтительнейше просим указать нам, когда и где может быть совершено рукоположение этих лиц.

Вашего Высокопреосвященства нижайшие послушники:
Протоиерей Н. Македонский
Член-секретарь:
Прот[оиерей] Н[иколай] Смирнов.

13 апреля 1945 г.

г. Рига. № 375.

Резолюция: №236. 16, V, 45. Указанные лица могут прибыть для посвящения в г[ород] Ленинград после 1 июня с.г. АГ [архиепископ Григорий].

Ф.л. Оп.13д. Д.42. К.7. Л.8. Машинописный подлинник. В нижнем левом углу круглая печать епархиального управления Латвийской ССР. Резолюция выполнена чёрными чернилами, номер резолюции красным карандашом. Подписи председателя и секретаря Совета, а также исходящий номер документа №375 выполнены чёрными чернилами. В нижнем правом углу входящий номер документа – №574/15 выполнен синими чернилами.

* Парфенович Владимир Антонович (1923-2012), архимандрит. Родился в крестьянской семье в Двинском уезде. Обучался в гимназии. В 1943 году проходил обучение на Богословских курсах в Вильнюсе. В 1945 году рукоположён во диакона и направлен в Двинский Александро-Невский собор. В 1947 году принял монашеский постриг и до 1952 года находился в Виленском Свято-Духовом монастыре. После возвращения в штат Рижской епархии был рукоположён во иеромонаха и определён настоятелем Бауской Свято-Георгиевской церкви. С 1963 по 2010 г. служил настоятелем Даугавпилсской Гривской Свято-Никольской церкви.

Документ №7. Протокол заседания церковного совета Линовской Свято-Николаевской церкви Абренского благочиния от 14 апреля 1945 года.

ПРОТОКОЛ №1

14 апреля 1945 года
Заседания церковного совета
Линовской св[ято] Николаевской
православной церкви.

Присутствовали: Председатель собрания П. Хмелев, секретарь И. Тихов, члены Д. Гаршанов, И. Шумилов, И. Кудрявцев, П. Баклагин, Г. Беляев и В. Тихомиров.

Порядок дня.

- 1) Отношение на предписание о[тца] благочинного.
- 2) Просьба о назначении настоятеля нашей церкви.
- 3) Просьба о разрешении свальцевать пшеницы для просфор.
- 4) И текущие дела.

1) 22 марта с.г. в наш приход явился священник по слухам рекомендуя себя вновь назначенным настоятелем нашей церкви, о чём у него будто имеются распоряжения Рижского Епархиального управления. Миную о[тца] Николая Кудрявцева, который у нас служит с 25 февраля 1944 г. и нас, церковный совет, он обратился к светским властям, которых вызвал нашего священника о[тца] Николая Кудрявцева предложили уладить это дело мирным путем и служить обоим. Но когда священник о[тец] Николай Кудрявцев передал именуемому себя настоятелем новому священнику о[тцу] В[ениамину] Вознесенскому метрические книги он отказался принять его служить как второго священника нашей церкви. Когда же священник о[тец] Н[иколай] Кудрявцев обратившись к о[тцу] Благочинному Абренского округа Псковской Епархии привез от последнего предписание священнику о[тцу] В[ениамину] Вознесенскому о недействительности его назначения и о сдаче церкви и ее имущества священнику о[тцу] Н[иколаю] Кудрявцеву, он категорически отказал нам в этом; По его примеру воздействию последовал и сторож, отказав выдать нам ключи от церкви. Так [слово неразборчиво и зачеркнуто – К.О.] все наши усилия выполнить предписание о[тца] Благочинного Абренского округа Псковской Епархии священника о[тца] Н[иколая] Карзубова от 10 апреля 1945 г. за №9 оказались тщетными.

§ 2

Просим священника о[тца] Благочинного о назначении настоятеля нашей церкви похотайствовать об этом пред соответствующими властями. Наше желание чтобы настоятелем нашей церкви был бы второй священник нашей церкви о[тец] Н[иколай] Кудрявцев.

§3

Просим председателя промкомбината Качановского района А. Сафронова разрешить ссальцевать нам для нужд церкви 350 килограмм пшеницы не взимая за помол гарцеваго сбора за денежную плату.

§ 4

Церковный совет постановил выплатить из церковных сумм хору (певчим) за их службу в 1944 году три тысячи сорок рублей.

§ 5

За вырезку дров для церкви, священника и сторожки церковный совет постановил выплатить из церковных сумм Феодору [фамилия написана неразборчиво – К.О.] и Петру Кудрявцеву из дер[евни] Бубнево две тысячи пять рублей.

§6

Постановили приложить старание о приобретении свечей для праздника Св[ятой] Пасхи.

§7

О настоящей заседании все члены церковного совета были оповещены под роспись.

Председатель собрания П. Хмелев, Секретарь И. Тихов,
члены И. Шумилов, Г. Беляев, В. Тихомиров,
Д. Гаршанов, П. Баклагин, И. Кудрявцев.

Ф.1. Оп.13д. Д.42. К.7. Л.6-7. Подлинник, рукописный текст выполнен черными чернилами на двух тетрадных листах в линейку. Стил и своеобразие изложения сохранён полностью, в том числе написание буквы «i», характерное для дореволюционных правил орфографии. Никаких пометок, резолюций, печати на документе не обнаружено. Подписи председателя собрания, секретаря и членов церковного совета выполнены теми же черными чернилами, но носят яркий индивидуальный характер, что даёт основание предполагать о подлинность документа.

Документ №8. Рапорт Епархиального Совета Латвийской ССР архиепископу Григорию (Чукову) о перемещениях и назначениях клириков Латвийской епархии в период с 5 по 26 апреля 1945 года.

Его высокопреосвященству, высокопреосвященнейшему
ГРИГОРИУ, АРХИЕПИСКОПУ ПСКОВСКОМУ И ПОРХОВСКОМУ

Епархиального Совета
Православной Церкви Латвийской ССР

РАПОРТ

Почтительнейше сообщаем Вашему Высокопреосвященству о назначениях и перемещениях священно-церковно-служителей по Латвийской епархии в апреле месяце 1945 года.

5 апреля. Священник Владимир Паньков* утверждён настоятелем Старо-Слободской Вознесенской церкви и заведующим Вертуловским приходом и освобождён от заведывания Бродайжским приходом.

12 апреля. Священник Иоанн Носевич освобождён от обязанностей благочинного Вилякского округа по прошению.

« « Благочинный Режицкого округа протоирей Павел Овсянкин назначен заведующим Вилякским благочинием.

« « Священник Владимир Соколов освобождён от должности настоятеля Рижской Всехсвятской церкви и оставлен настоятелем Коровской Рождества Богородицы церкви.

« « Вера Соколова назначена и.о. псаломщика Коровской Рождества Богородицы церкви.

« « Псаломщик Режицкого Собора Георгий Цишко переведён псаломщиком к Ругайской Николаевской церкви по прошению.

19 апреля. Священник Коплавской Покровской церкви Александр Исаев** назначен настоятелем Ново-Слободской церкви.

« « Настоятель Салиенской Иоанновской церкви протоирей Савва Легкий назначен заведующим Коплавским приходом.

« « Псаломщик Ново-Слободской Покровской церкви Василий Костко переведен на должность псаломщика Елгавского Симеоно-Анненского Собора.

« « Кандидат в псаломщики Павел Никитин назначен на должность псаломщика Ново-Слободской Покровской церкви.

19 апреля. Диакон Павел Трубецкой*** переведён на должность диакона Михаловской Покровской церкви.

* Паньков Владимир Симеонович (1892-1967), протоиерей. В 1928 году рукоположён во диакона. В 1930 году окончил Рижскую духовную семинарию. В 1932 году рукоположён в пресвитерский сан и назначен настоятелем Вертуловского Богородице-Рождественской церкви. С 1944 по 1960 гг. служил настоятелем Старослободзинской Преображенской церкви. В 1961 году перемещён к Балтинавскому приходу, в 1965 году отправлен в Карсаву настоятелем Свято-Ефросиньевской церкви, незадолго до кончины назначен настоятелем Лудзенского Успенского прихода.

** Исаев Александр Андреевич (1921-?), священник. В 1938-1942 г.г. учился в Двинской гимназии. В 1944 году окончил Богословские курсы в Вильнюсе. В том же году рукоположён в пресвитерский сан. Назначен настоятелем Каплавской церкви. В 1945 году перемещён в Новослободскую Покровскую церковь. В 1949 году выбыл в Великолуцкую епархию.

*** Трубецкой Павел Никанорович (1919-1983), протодиакон. Родился в семье протоиерея Никанора Трубецкого. В 1938 году окончил Режицкую Русскую Правительственную гимназию. В 1940 году учился в Рижском Богословском институте до его закрытия. Работал учителем. В 1943 году рукоположён во диакона и служил в Рижской Всехсвятской церкви. В 1944 году перемещён к Рижской Преображенской церкви, а в 1945 году направлен в Рижский кафедральный собор. В том же 1945 году перемещён в Михаловскую Покровскую церковь. В 1948 году назначен в Рижскую Иоанновскую церковь. В 1950 году арестован по 58

« « священник Димитрий Григорьев* назначен вторым священником Двинской Успенской церкви.

26 апреля. Священник Иоанн Поляков** освобождён от должности настоятеля Режицкого Рождества Богородицы Собора и назначен настоятелем Рижского Всехсвятской церкви.

« « Настоятелем Режицкого Рождества Богородицы Собора назначен священник Филипп Чепик*** с обязательством обслуживания своего прежнего Малтенского /Розентовского/ прихода.

г. Рига.

30 апреля 1945 года.

Вашего Высокопреосвященства нижайшие послушники:
Протоиерей Н[иколай] Македонский
Секретарь прот[оиерей] Н[иколай] Смирнов

Резолюция: №237. 16, V, 45. Сообщить Латв[ийскому] Еп[архиальному] Совету, что сделанные им назначения и перемещения по епархии приняты к сведению. АГ [архиепископ Григорий].

Ф.1. Оп.13д. Д.42. К.7. Л.9-9об. Подлинник, машинопись. На лицевой стороне документа в верхнем левом углу резолюция архиепископа Григория выполнена чёрными чернилами, номер резолюции красным карандашом. В нижнем правом углу лицевой стороны документа синими чернилами вписан входящий номер №575/12. На оборотной стороне документа в левом нижнем углу круглая печать Епархиального Управления Латвийской ССР. Подписи председателя и секретаря Совета выполнены чёрными чернилами.

статье и осуждён на 10 лет ИТЛ. В 1956 году освобождён по амнистии. После этого служил в различных храмах города Риги. Последнее место служения – Благовещенская церковь города Риги.

* Григорьев Дмитрий Феодорович (1879-?), священник. Родился в Двинске в семье чиновника. В 1894 году окончил Полоцкое духовное училище. В 1900 году завершил обучение в Витебской духовной семинарии. В 1907 году рукоположён в пресвитерский сан и определён к Леховской Александро-Невской церкви Городокского уезда Витебской губернии. Служил в этом храме до его закрытия в 1930 году. В 1943 году служил в Даугавпилсской Петро-Павловской церкви. В 1945 гду перемещён к Даугавпилсскому Успенскому приходу.

** Поляков Иоанн Дмитриевич (1882-1951), протоиерей. Родился в Вятской губернии. В 1903 году окончил курс Витебской духовной семинарии. В 1911 году окончил обучение на историко-филологическом факультете Тартуского университета. С 1915 гду находился в эвакуации, преподавал в городе Котельнич, Вятке и Оханске. В 1921 году вернулся в Латвию и до 1943 работал преподавателем в Риге, Лудзе, Резекне. В 1943 году рукоположён в пресвитерский сан и определён к Резекненскому храму. В 1944 году перемещён к Малтскому приходу, вскоре вернулся в Резекне. Временно служил в Даугавпилсском Борисо-Глебском соборе. В 1945 году перемещён настоятелем Рижской Всехсвятской церкви.

*** Чепик Филипп Емельянович (1878-?), протоиерей. Родился в Лепельском уезде Витебской губернии. Учился в Витебской и Московской духовных семинариях. В 1904 году рукоположён в пресвитерский сан. В 1915 году зачислен за штат, в связи с поступлением на учебу в Московскую духовную академию. В 1920-30-е гг. работал учителем. Периодически служил в Розентовском (Малта) и Резекненском приходах. В 1945 году назначен настоятелем Малтской Всехсвятской церкви. Также служил в этот период в Резекне в соборе Рождества Пресвятой Богородицы. С 1950 года за штатом.

Документ №9. Письмо Епархиального Совета Латвийской ССР архиепископу Григорию (Чукову) о вмешательстве благочинного Абренского округа Псковской епархии священника Николая Карзубова в дела Коровского и Линовского приходов от 3 мая 1945 года.

ВАШЕ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВО!

Во время Вашего приезда в Ригу в середине марта месяца с.г. Вы поручили назначенному Вами Латвийскому Епархиальному Совету временно управлять делами переведённых из Латвийской республики в Псковскую область приходов до официального Вашего распоряжения об этом переводе и указании наименований этих приходов. До сего времени наш Епархиальный Совет и управляет всеми бывшими в пределах епархии приходами, делает перемещения, рассылает циркуляры, руководит церковно-приходской жизнью, представляя Вашему Высокопреосвященству все произведённые в епархии назначения и перемещения.

Между тем в апреле с.г. от настоятелей двух приходов, а именно – Коровского свящ[енника] В[ладимира] Соколова и Линовского свящ[енника] В[ениамина] Вознесенского, назначенных нашим Епархиальным Советом, получены донесения о вмешательстве в их приходские дела назначенного Вами благочинного Абренского округа священника Н[иколая] Карзубова, не состоящего на службе в Латвийской епархии.

Эти факты вызывают прискорбные недоумения у Епархиального Совета и у назначенных Советом священников, а также производят нежелательное замешательство и дезорганизацию как в управлении епархией, так и в церковно-приходской жизни на местах.

Принимая во внимание всё вышеизложенное, почтительнейше просим Вас, Ваше Высокопреосвященство, поставить Латвийский Епархиальный Совет в известность о выделенных из нашей епархии в Псковскую епархию приходах и дать указания, как нам реагировать на запросы Коровского и Линовского священников.

При сём прилагается 2 копии доставленных нам распоряжений священника Н[иколая] Карзубова на имя Коровского священника В[ладимира] Соколова и Линовского священника В[ениамина] Вознесенского.

ВАШЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВА НИЖАЙШИЕ ПОСЛУШНИКИ:

Председатель епархиального совета

Протоиерей Н[иколай] Македонский

Член-секретарь прот[оиерей] Н[иколай] Смирнов.

г. Рига 3 мая 1945 г.

Резолюция: См. особую резолюцию от 16.V. 45

Ф.1. Оп.13д. Д.42. К.7. Л.12. Подлинник, машинопись. В верхнем левом углу резолюция архиепископа Григория выполнена чёрными чернилами, без указания номера резолюции. В нижнем правом углу лицевой стороны документа синими чернилами вписан входящий номер №577/26 (последние две цифры были исправлены карандашом зелёного цвета). В левом нижнем углу круглая печать Епархиального Управления Латвийской ССР. Подписи председателя и секретаря Совета выполнены чёрными чернилами.

Документ №10. Письмо архиепископа Григория (Чукова) благочинному Абренокского округа Псковской епархии относительно превышения его полномочий в церковном управлении приходами, находящимися в ведении Епархиального Совета Латвийской ССР от 1 мая 1945 года.

Свящ[еннику] Абренокского прихода
О[тцу] Н[иколаю] Карзубову

Впредь до окончательного выяснения вопроса о том, к какой епархии д[олжны] б[ыть] отнесены приходы, находящиеся на территории Пыталовского и Качановского районов, они должны быть в распоряжении Латв[ийского] Еп[архиального] Совета. Посему прошу Вас воздержаться от распоряжений в отношении этих приходов до решения вопроса, о чём запрошен Уполномоченный Совета по делам РПЦ по Псковской области. В частности в отношении [последнее слово зачеркнуто и далее неразборчиво несколько слов – К.О.] ... с свящ[енниками] Соколовым Вл[адимиром] и Вознесенским Вен[иамином], которые д[олжны] исполнять распоряжения Латвийского Еп[архиального] Совета.

АГ [архиепископ Григорий].
16, V, 45.

Ф.1. Оп.13д. Д.42. К.7. Л.4. Рукописный подлинник, автограф архиепископа Григория (Чукова). Текст написан чернилами чёрного цвета на листке бумаги частично повреждённом с правой стороны. В верхней части документа по центру карандашом красного цвета сделана помета №235. По-видимому, этот рукописный текст был проектом для официального распоряжения канцелярии архиепископа Григория, которое либо не было оформлено, либо не сохранилось в архиве епархии. Поверх текста записки карандашом синего цвета большими буквами сделана надпись: «В дело. Ар[хиепископ] Григорий. 31.V, 45».

Документ №11. Рапорт Епархиального Совета Латвийской ССР архиепископу Григорию (Чукову) о перемещениях и назначениях клириков Латвийской епархии в период с 17 по 31 мая 1945 года.

ЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВУ, ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННОЙШЕМУ
ГРИГОРИЮ. АРХИЕПИСКОПУ ПСКОВСКОМУ И ПОРХОВСКОМУ

Епархиального Совета
Правосл церкви Латвийск[ой] ССР

РАПОРТ.

Почтительнейше сообщаем Вашему Высокопреосвященству о назначениях и перемещениях священно-церковнослужителей по Латвийской епархии в мае [последнее слово подчеркнуто – К.О.] месяце 1945г.

17 мая. Священник М[ихаил] Шершнев* назначен настоятелем Боловской церкви и заведующим Виксенским приходом.

Священник Ф[илипп] Чепик освобождён от обязанностей настоятеля Режицкого собора.

Прот Е[встратий] Рушанов** наначен временно заведующим Режицким Собором.

Псаломщик Ново-Слободской церкви переведён на должность псаломщика Корсовской церкви.

П[етр] Лейман назначен временно и[сполняющим] о[бязаности] псаломщика Цесиской церкви.

Прот[оиерей] Рижской Вознесенской церкви А[лександр] Лисман назначен заведующим Кокнесской церкви и протоиерей П[етр] Берзинь*** заведующим Цесиской церкви.

Священник Ново-Слободской церкви А[лександр] Исаев назначен заведующим Слободзинским приходом.

Священник Болдерааской церкви В[ладимир] Володин переведён на должность настоятеля Рижской Преображенской церкви и оставлен заведующим Болдерааским приходом.

* Шершнев Михаил Андреевич (1910-1986), протоиерей. Родился в крестьянской семье в Резекненском уезде. В 1938 году окончил Рижский Богословский институт. Работал учителем. В 1943 году рукоположён в пресвитерский сан. Служил в Лудзенском Успенском соборе. В 1945 году назначен настоятелем прихода в Балви. В 1947 году перемещён к Бродайжской церкви с обслуживанием Вертуловского и Дагденского приходов. В 1949 году назначен в Крустпилский приход. Заочно обучался в Ленинградской духовной академии. С 1962 по 1985 гг. настоятель собора Рождества Пресвятой Богородицы в Резекне.

** Рушанов Евстратий Николаевич (1873-1956), протоиерей. Родился в Гомеле. В 1900-1904 году служил помощником Могилевского епархиального миссионера. В 1904 году был рукоположён в священный сан и назначен настоятелем к Якубинской церкви Двинского уезда. С 1910 по 1834 гг. служил настоятелем Режицкой Никольской единоверческой церкви. В 1945 году назначен в Режицкий собор Рождества Пресвятой Богородицы. С 1955 года за штатом.

*** Берзинь Петр Давидович (1898-1958), протоиерей. Родился в Риге в семье латышского рабочего. В 1916-1918 гг. учился в Рижской духовной семинарии. В 1928 году рукоположён в священный сан и служил в кафедральном соборе Риги. С 1934 года служил в Рижской Вознесенской церкви, с 1953 года стал настоятелем этого прихода. С 1945 года дополнительно обслуживал Цесисский Спасо-Преображенский приход. С октября 1945 года состоял секретарём Епархиального Совета.

24 мая. Иеромонах Иллукстского женск[ого] монастыря Кирилл Смирнов* переведён в Валгундский монастырь.

Священник Лядерской церкви И[оанн] Кондрашов назначен заведующим Бродайжским приходом.

Священник Старо-Слободской церкви В[ладимир] Паньков назначен заведующим Вертуловским приходом.

Псаломщик Придруйской церкви В[ладимир] Парфенович назначен на должность диакона той же церкви с посылкой на посвящение в г[ород] Ленинград к Высокопреосвященнейшему Григорию.

31 мая. Псаломщик Краславской церкви И[осиф] Жунда** назначен на должность диакона в Ново-Слободскую церковь с посылкой его на посвящение в г[ород] Ленинград к Высокопреосвященнейшему Григорию.

Священник И. Бычевский назначен и[сполняющим] о[бязанности] настоятеля Адеркашской церкви.

Протоиерей С[авва] Легкий освобождён от заведывания Коплавской церкви.

Свящ[енник] Краславской церкви И[осаф] Добрецов*** назначен заведующим Коплавской церкви.

Рига.

5 июня 1945 г

Вашего Высокопреосвященства нижайшие послушники:

Протоиерей Н[иколай] Македонский

член-секретарь – прот[оиерей] Н[иколай] Смирнов

Резолюция: ю. VI. 45. К делу. АГ [архиепископ Григорий].

* Кирилл (Смирнов Косма Иванович) (1885-1968), иеромонах. Родился в крестьянской семье в Ярославской губернии. В 1910 году поступил послушником в Валаамский монастырь. В 1915 году призван на военную службу. В 1918 году поступил послушником в монастырь преп. Макария, а затем на Валаамском подворье в Петрограде. В 1923 принял монашеский постриг с именем Кирилл. В 1924 году рукоположён во иеродиакона, в 1925 году во иеромонаха. В 1931 году арестован и осуждён на 10 лет ИТЛ. После освобождения в годы войны служил в составе Псковской Миссии. С 1943 года служит на приходах в Латвии. В 1953 году назначен священником и духовником в Спасо-Преображенскую пустынь Рижского женского монастыря. Перед смертью был пострижен в схиму с именем Косма.

** Жунда Иосиф Иосифович (1924-2002), протоиерей. С 1942 года служил псаломщиком в Краславской церкви. В 1945 рукоположён во диакона, в 1946 году в пресвитерский сан. С 1952 по 1965 гг. служил в Лудзенском Успенском соборе. В 1973 году был назначен благочинным Даугавпилсского округа. В 1980-е гг. служил настоятелем Даугавпилсского Борисо-Глебского собора.

*** Добрецов Иосаф Трофимович (1907-1963), протоиерей. Родился в старообрядческой семье в Петербурге. После революции семья переехала на родину отца в Латвию. В 1928 году Иосаф Добрецов окончил Даугавпилсскую русскую гимназию. В 1930 году окончил Педагогические курсы в Риге. Работал учителем. В 1937 году обучался в Латвийском университете на Богословском факультете. В том же году рукоположён во диакона. В 1938 году рукоположён в пресвитерский сан и назначен настоятелем в Даугавпилсскую Успенскую церковь. В 1942 году получил назначение настоятелем Краславской церкви. В 1945-1946 гг. служит настоятелем Даугавпилсского Александро-Невского собора. В 1954 году назначен настоятелем Даугавпилсской Свято-Николаевской церкви, где прослужил до своей кончины.

Ф.1. От.13д. Д.42. К.7. Л.24-24 об. Подлинник, машинопись. На лицевой стороне документа в верхнем левом углу резолюция архиепископа Григория выполнена чёрными чернилами, номер резолюции не указан. В нижнем правом углу лицевой стороны документа синими чернилами вписаны дата 17/VI-45 и входящий номер №1045/26. На оборотной стороне документа в левом нижнем углу круглая печать Епархиального Управления Латвийской ССР. Подписи председателя и секретаря Совета выполнены чёрными чернилами.

Документ №12. Уведомление канцелярии митрополита Ленинградского и Новгородского в адрес председателя Латвийского Епархиального Совета протоиерея Николая Македонского о переходе православных приходов Абренского уезда в ведение Псковского архиерея.

Предс[едателю][Латв[ийского] Епархиального Совета
протоиерею Н[иколаю] Македонскому.

Канцелярия Митрополита Ленинградского и Новгородского сообщает Вам распоряжение Высокопреосвященного ГРИГОРИЯ, Архиепископа Псковского и Порховского от 30 мая с.г. за № 283:

«По сношении с Уполномоченным Совета по делам Русск[ой] Правосл[авной] Церкви по Псковской области* выяснилось, что приходы б[ывшего] Абренского уезда, отошедшие в гражданском отношении к Псковской области, должны считаться состоящими в ведении Псковского Епархиального Архиерея.

Посему прошу Латв[ийский] Епарх[иальный] Совет сообщить мне точный список этих приходов и находящегося в них духовенства и с получением настоящего извещения считать эти приходы в юрисдикции Псковского Архиерея.»

Секретарь Митрополита
Ленинградского и Новгородского
/протоиерей Павел Тарасов/

Ф.1. От.13д. Д.42. К.7. Л.22. Машинописная копия, в верхнем правом углу синими чернилами написана дата – 8/VI-45 и исходящий номер документа – №1005/26. Печать, автографы и прочие пометы отсутствуют.

* Уполномоченный Совета по делам РПЦ по Псковской области – Лузин Александр Иванович находился на этой должности с 1945 по 1960 гг.

Документ №13. Рапорт Епархиального Совета Латвийской ССР в адрес архиепископа Григория (Чукова) с запросом о точном перечислении приходов переходящих в Псковскую епархию.

Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнейшему Григорию,
Архиепископу Псковскому и Порховскому Епархиального Совета
Православной Церкви Латвийской ССР

РАПОРТ

По предложению Уполномоченного по делам Р[усской] П[равославной] Ц[еркви], Латвийский Епархиальный совет приступает к проведению в действие ПОЛОЖЕНИЯ об управлении РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ*, но Епархиальный Совет не имеет пока официального указа, какие приходы, находящиеся в ведении Латвийского Епархиального Совета, переводятся в Псковскую епархию. Посему Епархиальный Совет очень просит Ваше Высокопреосвященство дать нам по настоящему вопросу распоряжение.

Исправшивая Вашего святительского благословения
смирные послушники:

Председатель Епархиального Совета

Латвийской ССР – протоиерей Николай Македонский

за секретаря: протодиакон С[имеон] Варфоломеев**

г.Рига. 1945 г. 15 июня. №584.

Резолюция: 24. VI. 45. Просить Уполномоченного по Псковской области дать справку мне и в Латвию. АГ [архиепископ Григорий].

Ф.1. Оп.13д. Д.42. К.7. Л.35. Подлинник, машинопись, в верхнем левом углу резолюция архиепископа Григория выполнена чернилами чёрного цвета. Подписи Председателя Совета и секретаря, а также исходящий номер выполнены чёрными чернилами.

* Положение об управлении РПЦ было принято на Поместном Соборе в 1945 году и стало основным документом, регулирующим церковную жизнь в СССР. Этим Положением была восстановлена вертикаль церковной власти от патриарха к правящему архиерею и к приходскому священнику, что придавало больше устойчивости церковной структуре. В то же время новый устав РПЦ ещё дальше уходил от принципов соборного управления церковью, элементы которого сохранялись пока на приходском уровне, хотя в целом контроль советской власти за деятельностью религиозных организаций по-прежнему не ослабевал и оказывал влияние на положение дел в епархиях и на приходах. В период немецкой оккупации церковная жизнь и принципы церковного управления в Рижской епархии регулировались «Распоряжением по Латвийской епархии» за №44 от 5 августа 1944 года и «Временным положением о приходах» от 30 ноября 1942 года. Эти документы были подготовлены в Экзаршей канцелярии, а их действие было предусмотрено только на период военного времени.

** Варфоломеев Симеон Степанович (1904-1971), протоиерей. В 1930 году окончил Рижскую духовную семинарию и рукоположён во диакона. Служил в Елгаве, после 1938 года в Даугавпилсе. В 1942 году перемещён к Рижской Александро-Невской церкви. Был членом Поместного собора РПЦ МП в 1945 году. С декабря 1945 года рукоположён в пресвитерский сан и служил в кафедральном соборе города Риги. С 1965 года настоятель Рижской Александро-Невской церкви. В 1968 году настоятель Рижского Всехсвятского прихода. Исполнял должность председателя Епархиального Совета, секретаря Епархиального управления.

Документ №14. Рапорт Епархиального Совета Латвийской ССР архиепископу Григорию (Чукову) от 21 июня 1945 года с перечислением православных приходов Абренского уезда, подлежащих переходу в ведение Псковского архиерея.

Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнейшему Григорию,
Архиепископу Псковскому и Порховскому

РАПОРТ

Согласно распоряжения Вашего Высокопреосвященства от 30 мая с.г. за №283, Латвийский Епархиальный Совет честь имеет сообщить, что в гражданском отношении от Латвийской Республики отошли шесть волостей [последние два слова подчеркнуты простым карандашом – К.О.] Абренского уезда: Качановская, Упмалская, Линавская, Пурвмалская, Аугшпильская и Гаврская, и потому подлежат переходу из ведения Латвийского Епархиального Совета в ведение Псковского Епископа и находящиеся в этих волостях следующие приходы:

I. В Качановской волости:

1. Качановский Николаевский приход, священник Михаил Парийский*;
2. Даличенский Ильинский приход, священник Георгий Варфоломеев**;

II. в Упмалской волости:

3. Аксеново-Горский Успенский приход, самовольно священствует [два последних слова подчеркнуты простым карандашом – К.О.] Константин Гонестов***;
4. Ново-Муравейский Троицкий приход, священник Павел Веселов-Суднов;

III. в Линавской волости:

5. Ново-Троицкий Николаевский приход, священник Вознесенский;

IV. в Пурвмалской волости:

6. Верхне-Овсицкий Вознесенский приход, постоянного священника нет;
7. Гришино-Горский Троицкий приход, священник Димитрий Захаров****;

* Парийский Михаил Степанович (1896-1968), протоиерей. Из семьи священнослужителя. В 1918 году окончил Псковскую духовную семинарию. С 1944 года до своей кончины служил настоятелем Качановской (Кацини) Свято-Никольской церкви.

** Варфоломеев Георгий Степанович (1901-?), священник. Родился в Риге. В 1915-1920 годах в эвакуации в России. В 1928 году окончил обучение в Рижской духовной семинарии. В 1931 году рукоположен в священник сан. Служил на приходах Латвии. В 1937 году перемещен настоятелем Даличенской Свято-Никольской церкви. В 1944 году обслуживал Педедзский и Яунскудренский приходы.

*** Гонестов Константин, священник. После незаконченного обучения в Псковской духовной семинарии в 1911 году определен псаломщиком к Успенской церкви погоста Аксенова Гора Островского уезда Псковской губернии. В 1943 году был рукоположен в священник сан. С 1920 по 1944 гг. служил в Верхне-Овсицкой церкви (Аугшине) Вознесенской церкви Абренского уезда.

**** Захаров Дмитрий Иванович (1894- после 1951), священник. В 1915 году окончил Псковскую гимназию. В 1916 году – Гатчинское военное училище. В 1930 году окончил Рижскую духовную семинарию. В 1931 году рукоположен в священник сан и приписан к Рижскому кафедральному собору. В декабре 1931 года перемещен настоятелем Карсавской Свято-Ефросиниеттской церкви. С сентября 1941 года служил в Гришино-Горской (Ритупе) церкви, позже, около 10 лет, настоятель Вышгородской (Аугшпилс) церкви.

8. Абренский (городской) Николаевский приход, священник Николай Карзубов:

V. в Аугшпилльской волости:

9. Вышгородецкий Борисо-Глебский приход, протоиерей Павел Овсянкин;

VI. в Гаврской волости:

10. Коровский Богородице-Рождественский приход, священник Владимир Соколов.

Все поименованные приходы будут поставлены в известность о переводе их в ведение Псковского Архиепископа.

Рига. 21 июня 1945 г. №582.

Прот[оиерей] Н.Македонский
/Протоиерей Николай Македонский/
Председатель Епархиального Совета.
Протоиерей Н.Смирнов
Секретарь

Резолюция: приобщить копию благоч[инному] свящ[еннику]. Н[иколаю] Карзубову.
АГ [архиепископ Григорий].

Ф.г. Оп.гзд. Д.42. К.7. Л.31-31 об.ст. Подлинник, машинопись. На лицевой стороне документа в верхнем правом углу машинописным образом напечатано и подчеркнуто слово «копия». Однако печать Епархиального Управления Латвийской ССР, оригинальные подписи председателя и секретаря Епархиального Совета, выполненные чёрными чернилами, резолюция архиепископа Григория, дата и входящий номер (27/VII-45 № 1174/26) – , позволяют предположить, что это подлинник. Кроме того на лицевой стороне документа в его верхней части рукой архиепископа Григория чернилами чёрного цвета, как и резолюция, сделана надпись « пон[едельник] 17, VII, 45.». В самом тексте названия всех волостей, приходов и фамилии священников подчеркнуты. Особые пометки простым карандашом сделаны напротив строчек с названием Верхне-Овсицкого, Абренского и Вышгородецкого приходов.

Документ №15. Рапорт Епархиального Совета Латвийской ССР архиепископу Григорию (Чукову) от 27 июня 1945 года с вопросом о возможности возвращения церковных вещей, вывезенных в годы войны на территорию Латвии беженцами из Ленинградской области.

Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнейшему
Григорию, Архиепископу Псковскому и Порховскому

Епархиального Совета
православной церкви Латвийской ССР

РАПОРТ

В районе освобожденной от немецких оккупантов Курляндии в г[ороде] Вентспилсе (Виндаве) и г[ороде] Угалене в местные православные церкви в 1944 г[оду] была сдана вывезенная из Союза церковная утварь, а также чудотворная икона «Знамения» Божией Матери, в Виндавскую Николаевскую церковь – бывшим городским головой гор[ода] Пушкина В. И. Селезнева /в настоящее время задержанным/ и в Угаленскую Сергиевскую церковь – протоиереем из г[орода] Павловска, И. Коляденко, /ныне умершим/.

В настоящее время предположено возвращение на места [последние три слова подчеркнуты – К.О.] жительства находящиеся в Курляндии выселенцев из Ленинградской области, при чём эти выселенцы желают вывезти эти церковные вещи обратно.

Ввиду этого Епархиальный Совет просит Вас, Ваше Высокопреосвященство, срочно дать указание, оставить ли временно св[ятой] образ и церковную утварь в Виндавской и Угаленской церквах, или же можно их выдать для перевоза в Ленинградскую область и тогда кому они могут быть доверены.

Рига. 27 июня 1945. №586

Вашего Высокопреосвященства
Нижайшие послушники:
Протоиерей Николай Македонский
Член-секретарь прот[оиерей] Н[иколай] Смирнов

Резолюция: [рукой архиепископа Григория (Чукова)]. – 23.VII.45. Приобщить копию Уполномоченному.

Ф.1. Оп.13д. Д.42. К.7. Л.33. Подлинник, машинопись, в верхнем левом углу резолюция архиепископа Григория выполнена чернилами чёрного цвета. Подписи Председателя и секретаря Совета, а также исходящий номер выполнены чёрными чернилами. В левом нижнем углу круглая печать Епархиального Управления Латвийской ССР. В нижней части документа чернилами синего цвета написаны дата – 14/VII-45 и входящий номер 1274/26.

Публикация, предисловие и комментарии Константина Обозного.

Summary

The Saint-Petersburg Eparchy's archive repositories publication regards to a brief period in the Latvian Orthodox Church's life in spring-summer 1945. Over the above mentioned period, Eparchy church government was being performed by the Diocesan Council in Riga, for after Latvia had been liberated from the German army, the Bishop's office remained vacant. The main decisions were being taken at the Diocesan Council meetings in the Latvian SSR.

After this has been done, the ecclesiastical office submitted reports to father Grigory (Chukov) , the archbishop of Pskov and Porkhov and handed them over to Leningrad in order to strengthen their church activity.

Archbishop Grigory was simultaneously in charge of a few eparchies. He also compensated for the shortcomings of the archbishop government for the Latvian Orthodox Church.

Thanks to the documents published, one can get an impression on assignment, clerk and priesthood drifts within the Latvian Eparchy as well as on conflicts, having been brought about after the Latvian Republic's administrative boundaries had been adjusted. The latter resulted in the transition of some Christian churches into the Pskov Eparchy.

The publication, introduction, remarks and discriptions has been done by Konstantin Obozny.

Первый собор епископов Балтии Об идее сотрудничества православных церквей Финляндии, Эстонии и Латвии (1937–1939)

The First Congress of the Orthodox Bishops in Baltic States About the Idea of cooperation of the Baltic Orthodox Churches in 1937-1939

23 августа 1937 года в газете «Вести дня», выходящей в Таллинне, появилась заметка «Главы православных церквей Эстонии и Латвии выехали на совещание епископов в Финляндию». В ней, в частности, говорилось: «Как известно, на совещании будут обсуждаться вопросы о согласовании управления православными церквями названных трёх государств, а также вопрос об учреждении одного общего учебного заведения для подготовки духовенства всех трёх церквей»¹. Заметим, что эстонские ежедневные газеты обошли этот факт молчанием, однако в архиве Синода ЭАПЦ сохранилось дело, содержащее протоколы, переписку и другие документы епископских соборов глав православных церквей Эстонии, Латвии и Финляндии 1937-1939 годов². В нем сосредоточены документы, освещающие факт попытки кооперации православных церквей Балтии в документах первого собора в Финляндии, второго – в Эстонии и подготовительные бумаги третьего собора, который должен был состояться в Латвии в октябре 1939 года.

Идея сотрудничества православных церквей в Балтии возникла после хиротонии епископа Елгавского Якова, когда в Риге собрались все балтийские епископы, признавшие Вселенского патриарха*.

Этому предшествовала интенсивная переписка глав балтийских православных церквей, начавшаяся по инициативе архиепископа Выборгского и всея Финляндии Германа**. 10 апреля 1937 года он писал в Таллинн митрополиту Александру***: «В бытность мою в гор. Риге осенью минувшего года на хиротонии Епископа Эглавского (так! – Т.Ш.) Иакова, в беседе нашей я, между прочим, коснулся вопроса о созыве общего собора епископов Эстонской, Латвийской и

* Хиротония в епископа Иакова Елгавского (1865–1943, в миру Яков Карп) состоялась в Риге 27 сентября 1936 года.

** Архиепископ Карельский и всея Финляндии Герман (1878–1961, в миру Герман Аав) с 13.6.1925.

*** Митрополит Таллиннский и всея Эстонии Александр (1872–1953, в миру Александр Паулус) 1923–1944.

Финляндской Церковей, находящихся в одинаковом каноническом положении. Мне тогда показалось, что это моё предложение ни с чьей стороны не встретило возражений...»³. В письме от 11 июля 1937 года архиепископ Герман сообщил своим эстонским коллегам, что: «Ввиду того, что теперь окончательно определилось время епископского собора – собор состоится 24–27 августа с.г., сим имею честь пригласить Вас и архиепископа Николая прибыть в Сортавала* на собор епископов Эстонской, Латвийской и Финляндской Церквей, каковой собор начнётся 24 августа. Прошу подготовить доклады по намеченным Вами и архиепископом Николаем вопросам и тезисы к ним. Было бы хорошо, если бы могли к 1 августа сообщить мне список вопросов, которые Вы и архиепископ Николай намерены предложить на обсуждение Епископского Собора /может быть, к ранее присланным прибавились новые вопросы/»⁴. К 12 августу все ответы были получены: организатором собора стала Финская православная церковь, местом проведения оказалась резиденция архиепископа Германа в Сортавала (Сердоболь).

К обсуждению на соборе были предложены следующие вопросы:

- Установление тесной связи между церквями Эстонии, Латвии и Финляндии.
- Основание высшего православного богословского заведения.
- Единообразии в совершении богослужений.
- Празднование церковных праздников по новому и старому стилям.
- Материальное положение духовенства и приходов.

* Сортавала, до 1918 Сердоболь, город, расположенный близ Валаамского монастыря, в период вхождения в Финляндскую Республику принадлежал к Выборгской губернии. С 1920 года здесь находилось управление Финляндской православной церковью. В настоящее время входит в состав Республики Карелия (РФ).

• Наречение имён при крещении⁵.

О том, как проходил собор и какие решения на нём были приняты, повествуют протокол и стенограмма (черновик) протокола, которые текстуально полностью не совпадают. Опубликованный ниже текст протокола первого епископского собора православных церквей Балтии, подписанный всеми участниками собора, является экземпляром Эстонского епископата⁶. В примечаниях к публикации отмечены места, в которых разночтения со стенограммой и окончательным текстом бросаются в глаза.

Второй собор православных епископов стран Балтии состоялся в Эстонии 23–25 сентября 1938 года в Печерском монастыре. Организаторами были представители ЭАПЦ во главе с митрополитом Александром. На нём были рассмотрены следующие вопросы: 1) Отношение Эстонской, Латвийской и Финляндской Православных Церквей к деятельности «Всемирного союза развития дружбы между народами посредством церквей». 2) Преподавание Закона Божия для православных детей в местных учебных заведениях. 3) Организация православного юношества. 4) Установление точки зрения на постановления Собора Епископов. 5) Возбуждённые на Соборе вопросы и обсуждение их⁷.

Третий собор православных епископов Балтии должен бы состояться 13–14 октября 1939 года в Риге. На нём планировалось обсуждение конкретных вопросов пастырской службы, как то: причащение без покаяния; частое причащение; публичные церковные моления за иноверцев; введение в практику представительных грамот; вопрос об организации знакомства духовенства со свято-отечественной литературой; о днях, в которые нельзя совершать брак; отпевание самоубийц; погребение и отпевание лиц, не состоявших членами прихода и уклонявшихся от обязанностей членов прихода.

Кроме того, предполагалось провести торжественное освящение отремонтированного

Архиепископской
Финляндской Православной
Церкви.
26 ноября 1939 года.
№ 729.

115

Ваше Высочайшее Пресвященство!

Честно и радно при сем препроводить
ваше Высочайшее Пресвященство протокол
Свердлов 24-28 августа 1939 года собора еписко-
пов Финляндской, Латвийской и Финляндской
Церкви и почитательнейше прошить, прова-
рив протокол, подписать оба экземпляра
и переслать их для той же цели Архиепис-
копу Николаю, который в свою очередь, для
таковой же цели и имеет препроводить
протокол Латвийским Епископом.
Латвийского Митрополита прошу во-
вратить соответствующий экземпляр
протокола Вашему Высочайшему Пресвященству.

Его Высочайшему Пресвященству,
Высочайшему Пресвященнейшему
Александру,
Митрополиту Тамбовскому
и всея
Финляндии.

С любовью во Христе
Архиепископ Герман.

Рижского кафедрального собора с участием балтийского епископата в торжественном жёлтом облачении. В заключении приглашительного письма, разсланного главам Церквей-сестер митрополитом Рижским и всея Латвии Августин^{*} от 25 сентября 1939 года, говорилось: «В случае возникновения таких резких перемен положения Европы, кои вызвали бы необходимость отменить Собор Епископов, об отмене Собора Епископов будет сообщено письмом или телеграммой – «Собор отменён»⁸.

К 30 октября стало известно, что архиепископ Герман по политическим соображениям,

* Митрополит Рижский и всея Латвии Августин (1873–1955, в миру Август Петерсон) 1936–1944.

связанным с твёрдой позицией правительства Финляндии не допустить размещения советских баз на своей территории, в Ригу приехать не сможет. 4–6 ноября эстонская делегация в составе митрополита Александра, архиепископа Николая^{**} и епископа Нарвского Павла^{***} пребывала в Риге, но из-за отсутствия архиепископа Финляндского Германа очередной епископский собор не состоялся.

** Архиепископ Печерский Николай (1862–1947, в миру Николай Лейсман) 1936–1944.

*** Епископ Нарвский Павел (1872–1946, в миру Павел Дмитриевский) 1937–1942, с 1942 — архиепископ Таллиннский и всея Эстонии МП.

Протокол Собора православных епископов Финляндии, Эстонии и Латвии, состоявшегося 24–28 августа 1937 года в Финляндии в Сортавала.

Присутствовали: Архиепископ Карельский и всея Финляндии, Герман, Митрополит Эстонии Александр, Митрополит Рижский и всея Латвии Августин, архиепископ Печерский Николай, епископ Выборгский Александр^{****} и епископ Елгавский Иаков.

Секретарями собора были приглашены протоиерей Ник. Валмо и господин И. Милграв.

Собрание открыл Архиепископ Герман 24 августа 1937 г. в 10 ½ часов молитвою на финском, эстонском и латышском языках.

По окончании молитвы Архиепископ Герман приветствовал собравшихся ие-

**** Глава Выборгской епархии Финской православной церкви епископ Выборгский Александр (1883–1969, в миру Александр Карпин) 1935–1945.

рархов от имени Финляндской православной церкви и выразил свою радость по поводу того, что все откликнулись на его призыв. Все три представленные на соборе поместные церкви — была его мысль — находятся под одной и той же юрисдикцией Вселенского Патриарха и почти в одинаковых условиях. Однако, несмотря на это, они живут обособленно, мало интересуясь друг другом. Между тем, будущее нам неизвестно. Поэтому полезно было бы время от времени собираться для обсуждения общих нужд и общих вопросов, а в случае надобности оказывать друг другу и поддержку, хотя бы моральную.

Митрополит Александр, отвечая на приветствие Архиепископа Германа, благодарит его за инициативу созыва собора и за высказанные им добрые пожелания, а также за гостеприимство, оказанное чле-

нам собора. В заключение своей речи Владыка выразил надежду, что такие соборы состоятся также в Эстонии и Латвии. Выступавший затем с приветственной речью Митрополит Августин выразил этой своей речью те же самые мысли.

Вслед за этим Президенту Финляндской Республики была послана телеграмма следующего содержания: «Собравшийся в Сортавала собор епископов Финляндской, Эстонской и Латвийской Православных Церквей приветствует Вас, господин Президент, и спрашивает Божьего благословения и успеха Финляндской Республике и Вам. От имени собора Архиепископ Герман».

После этого приступили к рассмотрению следующих, поставленных на обсуждение собора, вопросов:

1. УСТАНОВЛЕНИЕ ТЕСНОЙ СВЯЗИ МЕЖДУ ЛАТВИЙСКОЙ, ЭСТОНСКОЙ И ФИНЛЯНДСКОЙ ЦЕРКВИ.

Митрополит Александр, выступивший докладчиком по этому вопросу, высказал следующие мысли:

Стремясь к единению, мы осуществляем заветы Спасителя о единстве Церкви. К единению побуждает нас и то обстоятельство, что наши Церкви входят в состав одной и той же автокефальной Церкви – Константинопольской. Но есть у нас и особые причины стремиться к единению. Во всех наших странах православие составляет исповедание меньшинства. Большинство – лютеране. Хотя отношение последних к нашей Церкви в общем хорошее, но большинство всё же оказывает известное влияние на меньшинство. Пагубно стараются влиять на жизнь нашей Церкви и разные сектанты, в последнее время особенно сильно увеличившееся в Эстонии. Они ве-

дут сильную пропаганду: своё восхваляют, православие хулят, стараясь таким путём наберечь себе как можно больше последователей среди других конфессий. Не дремлют и католики: они тоже ведут усиленную пропаганду среди православных. С этой целью в страну приезжают иезуиты, здесь они миссионерствуют, устраивают под руководством католических монахинь приюты для детей, принадлежащих к другим конфессиям, и т.д. Не приносит пользы православию и та внеконфессиональность, которая с 1920 года положена на основу преподавания Закона Божьего в школах. Хотя это преподавание и считается инконфессиональным, но так как преподавателями в большинстве случаев являются лица, принадлежащие к церкви большинства, то понятно, что при преподавании они часто влияют на детей в пользу исповедуемой самими ими конфессии. Немало вреда может принести Православию и воинствующее безбожие, в последнее время начинающее, подобно многим другим странам, развиваться и в Эстонии. Наконец, нельзя не упомянуть и о религиозном безразличии, которое заметно увеличивается среди людей, и тоже вредно отражается на религиозной жизни.

Всё это, взятое вместе, – заключил Митрополит Александр, – естественно побуждает нас к тесному единению с Православными церквями-сёстрами, дабы в этом единении найти себе моральную, а может быть, и иную поддержку.

Митрополит Августин ознакомил членов собора с положением Православия в Латвии и, в частности, с постановкою преподавания Закона Божия в школах*.

* В протоколе заседания выступление митрополита Августина записано в сокращении: В Латвии до 15 мая 1934 года преподавание З. Божия в школах было обязательно, но ученики могли и не посещать этих уроков. Теперь посещение уроков обязательно, и на каждые 10 учеников

Закон Божий входит в число обязательных предметов, и, если в школе есть 10 учеников какой-либо конфессии, то школа должна нанять для этих учеников особого преподавателя Закона Божия. Зatrуднения причиняет подыскание нужного количества православных законоучителей. К законоучительской работе привлекаются священники, а, если где-либо это невозможно, то и женщины, например, матушки. С этой же целью на богословский факультет рижского университета допускаются и женщины. В случаях официальных, общенародных богослужений правительственные органы всегда идут навстречу Православию. Однако в очень частых случаях всё тут зависит от такта и авторитета местного православного священника. Пропаганда сектантов и католиков в Латвии тоже довольно сильна. Так, напр[имер], в Риге католики стараются ввести униатские богослужения. Условия церковной жизни Латвии, Эстонии и Финляндии почти одни и те же. Поэтому мы должны сообща работать против недоброжелателей Православия. Сейчас не время для внешней миссии, а надо стремиться к тому, чтобы удержать православных в Православии. Для этого, в частности, необходимо обратить особое внимание на церковное пение и вообще на богослужение, чтобы они были внушительны, величественны, захватывающи и пропитаны духом церковности. Необходимо приучить народ к общему пению и к самообложению, наподобие католиков и сектантов. Нужно обратить должное внимание и на чистоту жизни духовенства, дабы поведение последнего не давало повода инославному хулить Православную Церковь.

дается один недельный часовой урок. И, по мнению митр. Августина, теперь не столько нужно стараться о привлечении новых сторонников православия, сколько о сохранении имеющихся. См.: ЕАА.1655.3.400:1320б.

Митрополит Александр тоже придавал большое значение делу внутренней миссии. Миссионеры, по его мнению, могли бы не только работать на пользу Православия, но и быть руководителями священников в пастырской и внутренне-миссионерской работе последних.

Архиепископ Николай, тоже придавая большое значение миссионерской работе, сообщил, что такая работа уже ведётся преподавателями и воспитанниками Печерской духовной семинарии: они довольно часто выезжают в села, совершают там богослужения, проповедают, устраивают церковные празднества. В проповедях им разрешается только объяснять православное учение, но не входить в какие-либо словопрения с сектантами*.

Архиепископ Герман после окончания обмена мнениями, предложил собору епископов принять следующий проект постановления:

1) По истечении каждого календарного года каждая церковь посылает се-страм-церквям краткий обзор своей церковной жизни за минувший год.

2) Если в местные церковные периодические издания будут посылаться статьи, рисующие жизнь Церкви-сестры с негативной стороны, то такая статья или информация может быть помещена лишь после того, как она будет проверена, исправлена и одобрена для напечатания Управлением той церкви, которой она касается**.

3) Желательно, чтобы в будущем во всех важных событиях церковной жизни (напр.,

* В черновике протокола краткая запись: Архиеп. Николай ездит с семинаристами по приходам, где они принимают участие в богослужении, и сам объясняет ход службы, не входя в диспут с сектантами. См.: ЕАА.1655.3.400:1320б.

** В черновике сформулировано так: «Следить, чтобы в периодических, духовного содержания, изданиях не появлялись тенденциозные статьи относительно соседей». См.: ЕАА.1655.3.400:1320б.

на соборы, хиротония и др.) приглашались прибыть, и на самом деле, по возможности, прибывали, представители всех Церквей-сестёр*.

4) Когда глава церкви, совершая литургию, говорит: «Помяни Господи...», то он поминает вслух поименно глав обеих Церквей-сестер, сразу же по окончании собора.

Предложенный проект постановления был единогласно принят.

II. О ВВЕДЕНИИ ЕДИНООБРАЗИЯ В СОВЕРШЕНИЕ БОГОСЛУЖЕНИЙ.

Епископ Иаков, выступивший докладчиком по этому вопросу, констатировал тот печальный факт, что в совершении богослужений в настоящее время, действительно, наблюдается большое разнообразие, как в отношении сокращения службы, так и в отношении обрядов, громкого и тайного чтения молитв и т.д. Это разнообразие, вызываемое отчасти личными склонностями совершителей богослужения, а отчасти отсутствием нужных богослужебных книг, очень соблазнительно для верующих, вызывает споры и нарекания и т.д. Для уничтожения этого соблазна необходимо издать новые богослужебные книги и потом требовать от духовенства, чтобы оно, совершая богослужения, точно придерживалось бы этих книг.

Митрополит Александр, подтверждая отсутствие единообразия в совершении богослужений, причину этого явления видел в нынешних богослужебных книгах. Последние имеют в виду, главным образом, монашествующих. Так как службы, совершаемые в полном соответствии с этими книгами, были бы слишком длинны

и обременительны для богомольцев приходских церквей, то священники стали сокращать эти уставы богослужения, причём каждый делал это по своему усмотрению, в результате чего и получилось разнообразие. Для введения единообразия, действительно, надо издать новые, сокращённые богослужебные книги, но богослужение в этих книгах надо сократить так, чтобы эти сокращения не противоречили духу Православной Церкви. Работу по введению единообразия в совершении богослужений каждая церковь должна начать у себя дома, со своих церквей, а потом, в качестве следующего шага, способствовать тому, чтобы единообразие было достигнуто и в богослужебной практике всех Церквей-сестёр. Для этого, по мнению оратора, Церкви-сёстры должны обмениваться друг с другом своими проектами сокращений богослужений.

Митрополит Августин тоже считал необходимым стремиться к введению единообразия в совершении богослужений, но вместе с тем полагал, что большою помехою в этом деле будет то обстоятельство, что службы, даже в пределах одной и той же церкви, не во всех приходах совершаются на одном и том же языке.

Архиепископ Герман, по окончании обмена мнениями, предложил следующий проект постановления:

1) Желательно, чтобы все Церкви-сёстры достигли единообразия в совершении богослужений.

2) Для осуществления этого Церкви-сёстры обмениваются своими проектами, начиная со всенощного бдения и литургии.

Проект постановления был единогласно принят**.

* В черновике значит: «Желательно, чтобы в важных случаях церковной жизни (как соборование, хиротония и др) приглашались и соседи, и чтобы их присутствие являлось бы обязательным». – Там же.

** В черновике протокола отмечено: «Чтобы достичь одинакового служения предлагается обмениваться проектами сокращения церковных служб, начиная со всенощной и литургии на народных языках, не касаясь церковно-славянского, и из

III. ОБ ОБЩЕМ ПЕНИИ ВО ВРЕМЯ БОГОСЛУЖЕНИЙ.

После краткого обмена мнениями **Архиепископ Герман** предложил следующий проект постановления:

1) Собор считает очень важным общепение для развития и оживления церковной жизни, а потому выражает пожелание, чтобы оно поддерживалось там, где оно есть, а где его нет – там было введено. Кроме того, в целях развития общего пения необходимо обратить серьезное внимание на преподавание церковного пения в духовных семинариях.*

IV. ОБ УЧРЕЖДЕНИИ ВЫСШЕГО ПРАВОСЛАВНОГО БОГОСЛОВСКОГО УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНИЯ.

С докладом по данному вопросу выступил секретарь Финляндского духовного православного Церковного Управления г[ос]п[оди]н Сомер.

Главные мысли сего доклада были следующие: подготовка духовенства в местных Церквях организована в общем удовлетворительно. Но есть такие должности в Церкви, кои требуют более глубоких богословских знаний, не говоря уже о том, что для сохранения престижа церкви в государстве необходимо, чтобы в рядах церковных работников были лица с высшим богословским образованием. В Финляндской церкви можно насчитать 10 таких должностей, кои требуют высшее

этих проектов выработать устав сокращённой службы». См.: ЕАА.1655.3.400:133, 135об.

* В черновике по этому пункту следующая запись: «Был затронут вопрос об общем пении. Решили поощрять общенародное церковное пение всеми возможными средствами, чтобы таким образом поднять общенародное религиозное настроение. Где нет, там ввести и обратить особое внимание на изучение церковного пения в учебных заведениях». См.: ЕАА.1655.3.400:135об.

богословское образование. Такая нужда, конечно, чувствуется и в соседних Церквях. В Финляндии этот вопрос обсуждался несколько раз в 1927 году и позже — в связи с просьбой о заграничной стипендии. В 1936 году этот вопрос снова был поднят, и выяснилось, что средствами одной только Финляндии не создать такого учебного заведения. Поэтому и было решено обратиться к соседям, чтобы они высказали своё мнение по этому вопросу. Эстония и Литва ответили, что желательно, а Латвия ещё не дала ответа.

По сведениям докладчика, всех православных в этих церквях около 400 тысяч, и поэтому количество студентов могло бы быть следующее – из Эстонии 20, Латвии – 15, Литвы – 7 и из Финляндии – 8, всего 50.

Средства на содержание могли быть распределены пропорционально по количеству православных, и Финляндской Церкви эта сторона дела особых затруднений не причинила бы.

Наилучшим местом для учебного заведения был бы Валаам, но докладчик не возражал и против других, как Тарту, Таллинн.

Что касается языка, то, казалось бы, что самым приемлемым был бы русский, но по чисто государственным соображениям он неприемлем. Неприемлем и немецкий язык, и потому из трёх языков были бы приемлемы эстонский или финский, как родственные языки. Нашлись бы, по мнению докладчика, и лекторы

В заключение своего доклада г-н Сомер** предложил одобрить следующие резолюции:

Общее совещание епископов Эстонской, Латвийской и Финляндской церквей, обсудив вопрос об организации высшего богословского образования для нужд Эстонской, Латвийской, Финляндской и

** Александр Сомер (Сомерсаари, 1873-1942), инспектор по делам Карельской епархии ПФЦ в Сортавала.

Литовской Православных Церквей, единомысленно констатировало необходимость срочной организации такого обучения путём открытия факультета или особого учебного заведения, расходы по учреждению и содержанию которого были бы распределены между теми государствами, для удовлетворения нужд коих названное учебное заведение было бы учреждено.

Вследствие этого собор выражает надежду, что административные органы названных Церквей приступят к спешному принятию нужных мер для благополучного решения этого важного в настоящее время вопроса.

При начавшемся затем обмене мнениями были высказаны следующие мысли:

Митрополит Августин. Высшее образование духовенству необходимо, чтобы приравняться к духовенству остальных конфессий. Самым удобным местом для открытия высшей богословской школы было бы Тарту. Язык – лучше всего был бы русский, так как на этом языке имеются лекции и пособия, но язык этот теперь неприемлем. Кроме того, в Латвии этот вопрос уже разрешён – с открытием в Латвийском университете при богословском факультете православного отделения.

Митрополит Александр. В Эстонии высшее образование поставлено довольно слабо, так как при Тартуском университете имеется только один профессор по православным богословским предметам. Однако сомнительно, чтобы правительство дало средства для найма ещё новых таких профессоров. Валаам, конечно, был бы подходящим местом для такого учебного заведения, но ещё лучше было бы Тарту или Таллинн: там легче было бы найти лекторов, так как там профессора, кроме чтения лекций, могли бы иметь занятия и в других местах.

По окончании обмена мнениями собор утвердил следующую резолюцию:

Как видно из вышеприведенных сообщений, вопрос об организации высшего православного богословского образования в Латвии решён уже полностью путём открытия православного отделения при богословском факультете Рижского университета. В Эстонии этот вопрос отчасти тоже решён путем открытия при Тартуском университете кафедры православного богословия. Поэтому названные Церкви в настоящее время не имеют нужды стремиться к учреждению общего для всех трёх Церквей-сестёр высшего богословского учебного заведения. Ввиду этого настоящий вопрос оставляется собором пока открытым. Вместе с тем собор, радуясь тому, что правительство Латвии уже основало богословское отделение для православных при Латвийском университете, а Эстонское правительство уже с 1920 года содержит кафедру православного богословия при Тартуском университете, выражает надежду, что этот вопрос будет в ближайшем будущем счастливо разрешён и правительством Финляндии.

v. О ПРАЗДНОВАНИИ ПРАЗДНИКОВ ПО НОВОМУ И СТАРОМУ СТИЛЮ.

Присутствовавшие на соборе главы Церквей сделали доклад о положении данного вопроса во вверенных им Церквях. Так,

Митрополит Александр сообщил, что в Эстонии издан закон, по которому все праздники должны праздноваться по новому стилю, и все этому подчинились, за исключением старообрядцев, которые ещё придерживаются старого стиля.

Архиепископ Герман сообщил, что в Финляндии тоже введён новый стиль, и все его придерживаются, за исключением небольших групп в Выборге и Гельсинки (так! – *Т.Ш.*), которые празднуют по старому стилю и образуют особую, отдельную от

Финляндской Православной Церкви, церковную общину.

Митрополит Августин сообщил, что в Латвии на соборе духовенства в 1936 г. было решено перейти на новый стиль, но когда стали служить по новому стилю, то прихожане в Латвии перестали посещать церковные службы, выражая таким образом своё неудовольствие. Это неудовольствие особенно резко было в старообрядческих приходах, и, чтобы не смущать умов, службы стали служить по старому и по новому стилю, что, правда, не всегда бывает удобно.

Постановили: Принять к сведению.

VI. О МАТЕРИАЛЬНОМ ПОЛОЖЕНИИ ДУХОВЕНСТВА И ПРИХОДОВ.

При начавшемся обмене мнениями по данному вопросу,

Митрополит Августин сообщил, что в Латвии духовенство обеспечено слабо, и потому для пополнения своего бюджета ему приходится заниматься побочными трудами, как преподавание в школах и пр.

Митрополит Александр доложил собору, что точно такое же положение в Эстонии.

Архиепископ Герман сделал пространный доклад о материальном положении духовенства в Финляндской Православной Церкви.

Согласно этому докладу, в приходах, где число прихожан не превышает 1000 человек, священник получает жалованье в год 18 000 финских марок*, а псаломщик в год 9000 финских марок. В приходах, где число прихожан 1001—3000 человек, священник получает 24 000 финских марок, а псаломщик — 12 000 финских марок. В приходах, где число прихожан 3001—6000 человек, настоятель получает 26 000 ф.марок,

* По курсу 1936 года 2000 лат = 18 000 финских марок.

младшие священники по 22 000 ф.марок, дьякон или катихизатор 14 000 ф. марок и псаломщики 12 000 ф.марок. В приходах, где число прихожан выше 6001 чел[овека] настоятель получает 30 000 ф.мар., остальные священники по 26 000 ф.мар.**, диаконы или катихизаторы по 16 000 ф.мар. И псаломщики по 14 000 ф.мар. Это жалованье три раза через каждые пять лет увеличивается на 5%.

Кроме того, все члены причта получают от прихода приличную бесплатную квартиру с нужными хозяйственными постройками и дрова для отопления. В сельских приходах члены причта в дополнение к этому получают ещё известное количество пахотной земли и выгон для скота. Если квартиры или земли приход не может дать натурою, то платит деньгами. Венчание, крещение, причащение и погребение совершается бесплатно, но за другие требы духовенству платится по особой таксе, которая для каждого прихода утверждается особо, в каждый раз на три года.

Средства, необходимые для содержания членов причта, приход получает от продажи лесов, аренды земли, подушных податей и подоходного налога, который исчисляется по налоговым единицам (считая за единицу 100 ф. мар.). Если приход по бедности не в силах уплачивать членам причта жалованье в вышеуказанном размере, то недохватка восполняется из общецерковной кассы***.

** 2850 лат.

*** В черновом варианте протокола этот фрагмент изложен несколько подробнее: «В приходах — до 1000 прихожан священник получает 2000 лат = 18 000 марок и жилой дом из 3-4 комнат с канцелярией и кухней с отоплением и освещением и хозяйственными строениями. Псаломщик около 1000 лат /9 000 марок/, квартиру из 3-х комнат и хозяйственные строения. Если приход достиг 6 000 прихожан, то назначается второй священник и дьякон. Настоятель получает 2 860 лат /26 000 марок/ и квартиру из 3-х комнат и хозяйствен-

В Финляндии 80 000 православных, рас-
пределённых на 29 приходов. Регистрацию
рождения, брака и смерти производит. В
гражданской регистрации регистрируются
только те, кои не принадлежат ни к какой
церкви*.

Заслушав доклад Архиепископа Германа,
собор сделал следующее постановление:

Собор, удостоверив, что вопрос о ма-
териальном положении духовенства в
Финляндской Православной Церкви уре-
гулирован вполне удовлетворительно, вы-
сказал пожелание, чтобы столь же удачно
этот больной и важный вопрос церковной
жизни был разрешён и другими Церквя-
сестрами.

VII. ЗАСЛУШАЛИ ОТВЕТНУЮ ТЕЛЕГРАММУ Г-НА ПРЕЗИДЕНТА ФИНЛЯНДСКОЙ РЕСПУБЛИКИ,

полученную Архиепископом Германом
в ответ на приветственную телеграмму
собора, следующего содержания: Архие-
пископу Герману. Сердоболь.

Благодаря за телеграмму православных

ные строения. Кроме того, через пять, десять и
пятнадцать лет прибавляется по 5% к основному
жалованию. В деревне священник получает ещё
пахоты 2 га и пастбище для двух коров. Если не
могут дать натурой, то возмещают деньгами. За
венчание, крещение и погребение не платят, но
за заказанную обедню – 50 марок, панихида и
молебен – 10 марок; иноприходные платят на
100% больше. Средства на содержание церков-
ного причта составляются от продажи лесов,
арендования земли, подушных податей (3–5 ма-
рок) и подоходного налога, который исчисляется
по налоговым единицам (считая за единицу 100
марок). Если же приход по бедности не может
содержать причта, то разницу доплачивает цер-
ковное управление». См.: ЕАА.1655.3.400:135об.

* Здесь в черновике протокола отметка в скобках:
«В Латвии все должны быть зарегистрированы в
гражданском регистрационном отделе». См.:
ЕАА.1655.3.400:135об.

церквей – шлю своё почтительное привет-
ствие.

Президент Республики**.

VIII. О НАРЕЧЕНИИ ИМЕН ПРИ КРЕЩЕНИИ.

Архиепископ Герман, выступивший с
докладом по данному вопросу, сообщил
собору, что он запросил 19 церквей о том,
как у них разрешён этот вопрос. Десять
церквей ответили, а от остальных ответы
пока не поступили. Из полученных отве-
тов видно, что некоторые церкви имена
национализируют и переводят, а некото-
рые дают по несколько имен. В частности,
Вселенский Патриарх сообщил, что, по его
мнению, существенная часть в крещении –
само крещение, так как именно в креще-
нии имя получает освящение, а имя даётся
лишь для того, чтобы отличить одного от
другого, и не есть существенно. Лучше да-
вать одно имя, взятое из святцев, но не воз-
браняется давать и иные имена, напр., на-
ционализированные, дабы не оскорблять
национального чувства. Архиепископ Ан-
дрей из Болгарии в своём ответе был того
мнения, что при поминании надо произ-
носить оригинальное имя, а не переводное.

Митрополит Августин был того мне-
ния, что можно давать только те имена,
кои имеются в святцах. Эти имена можно
и национализировать.

Митрополит Александр был того мне-
ния, что при крещении надо предлагать
родителям выбрать для последнего имя
какого-либо святого из святцев. Если же
родители с этим не согласятся, то записать
два имени: а/ то, которого хотят родители
и б/ имя какого-либо святого, которое по
произношению наиболее близко к имени,

** Послана из Або (Турку) 25 авг. 1936. Президен-
том Финляндии с 1931 по 1 марта 1937 года был
друг эстонского президента К. Пятса Пер Эвинд
Свинхувуд (Pehr Evind Svinhufvud, 1861—1944).

выбранному родителями. Что касается стремления давать имена национальных героев, то такое стремление вполне понятно.

По окончании обсуждения этого вопроса собор сделал следующее постановление:

1. Православию свойственно давать крещаемым имена в честь святых, что имеет глубокое духовное и нравственное значение.
2. Национализм понятен как забота о сохранении духовного и физического облика своего народа.
3. Дабы предотвратить столкновение религиозных и национальных интересов, следует пользоваться претворёнными в местном языке и наречии святцами.
4. Не избегать имен национальных героев.

IX. ВОПРОС О ДНЯХ, В КОИ МОЖНО ВЕНЧАТЬ БРАКИ.

Архиепископ Герман, поставивший на обсуждение собора этот вопрос, сообщил следующее:

По старым церковным правилам в году было более 200 таких дней, в кои венчание было запрещено. Так как эти правила сильно стесняли верующих, то докладчик по данному запросил указаний от Вселенского Патриарха. Последний ответил, что венчать нельзя: от 12 декабря до 6 января, в течение всего великого поста и пасхальной недели, в Успенском посту и в день Воздвижения. Впрочем, в случае крайней нужды можно венчать и в эти дни /за исключением страстной недели/, однако без праздничной торжественности и без свадебного пиршества. Патриарший указ 2.06.1928 № 1461.

Митрополит Александр сообщил, что в Эстонской Православной Церкви, согласно постановлению местного собора 1922 года, не венчают только в великом посту.

Митрополит Августин сообщил, что в Латвийской Православной Церкви этот вопрос пока не поднимался, но на ближай-

шем местном соборе он предложит его обсудить.

Никакого постановления по данному вопросу собор не сделал.

X. О ВЕНЧАНИИ БРАКОВ НЕ В ЦЕРКВИ, А НА ДОМУ.

Митрополит Августин, представивший на обсуждение собора настоящий вопрос, сообщил по поводу сего следующее: иногда верующие испрашивают разрешение венчать их не в церкви, а на дому. Возникает вопрос: как поступать в таких случаях? Сам докладчик был того мнения, что в особо важных случаях такое разрешение следовало бы давать.

Мнения собора по данному вопросу разделились, и никакого постановления по данному вопросу собор не сделал*.

XI. В КАКИХ СЛУЧАЯХ СВЯЩЕННИКИ И ДИАКОНЫ ДОЛЖНЫ НОСИТЬ ОДЕЖДУ ДУХОВНОГО ПОКРОЯ / ПОДРЯСНИК И РЯСУ/

Архиепископ Герман, представивший на обсуждение собора данный вопрос, сообщил следующее: в старину духовенство носило только платье духовного покроя. Но в последнее время, наряду с платьем духовного покроя, вошла в употребление и штатская одежда, причём последняя часто старается совершенно вытеснить одежду духовного покроя. Между тем ношение рясы и подрясника есть старинный, освященный веками и всеобщим освящённый, обычай, который уже поэтому заслуживает бережного к себе отношения, не говоря о том, что ношение духовного платья важно с чисто психологической стороны, увели-

* В черновике протокола значится: «Можно разрешать, но только в случае особой нужды (По финляндским гражданским законам венчать нужно по вере невесты)». См.: ЕАА.1655.3.400:136.

чивая авторитет и влияние священнослужителей среди мирян.

После длительного и оживлённого обмена мнениями по данному вопросу собор сделал следующее постановление:

1) Совет епископов находит, что ношение рясы является обязательным для священнослужителей при исполнении своих пастырских или законоучительских обязанностей.

2) Выходя из дому в церковь для совершения богослужения, священнослужители уже тогда должны быть одеты в подрясник и рясу, а не так, чтобы переодевание происходило из светского в духовное платье в алтаре или прилегающем к нему помещении, что явно оскорбительно для святости храма.

3) В приходской канцелярии в приёмные часы священники и диаконы должны быть в подрясниках.

4) Собор считает желательным, чтобы во всех трёх представленных на соборе Церквя местная церковная власть сделала это соборное постановление теперь же, не откладывая, обязательным для всего духовенства.

ХII. О ВВЕДЕНИИ ДЛЯ ДУХОВЕНСТВА ПЛАТЬЯ СВЕТСКОГО ПОКРОЯ, НО ОСОБОГО, ТАКОГО, ПРИ ПОМОЩИ КОТОРОГО ЯСНО БЫ ВИДНО, ЧТО ДАННОЕ ЛИЦО ПРИНАДЛЕЖИТ К СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЯМ

Архиепископ Герман, возбудивший этот вопрос, сообщил собору, что платье такого покроя введено в очень многих государствах среди духовенства разных конфессий, а потому нет ли оснований ввести такого же покроя платье и для православного духовенства, представленного на соборе Церквей.

Настоящий вопрос не встретил сочувствия среди членов собора, а потому ника-

кого постановления по данному вопросу собор не сделал

ХIII. О ЦВЕТЕ УПОТРЕБЛЯЕМЫХ ПРИ БОГОСЛУЖЕНИЯХ ОБЛАЧЕНИЙ.

Архиепископ Герман, выступивший с докладом по данному вопросу, сообщил собору, что, согласно собранным им сведениям, в церквя употреблялись разнообразные цвета, в общей сложности до 20. Во избежание такой пестроты он дал подведомственному ему духовенству распоряжение об употреблении облачений только восьми, точно перечисленных им цветов.

Заслушав доклад Архиепископа Германа, главы Эстонской и Латвийской Православных Церквей сообщили собору, что они тоже имеют в виду стремиться к урегулированию этого вопроса в своих Церквя, сообразно с средствами каждой Церкви и применительно ко временам года и церковным праздникам.

ХIV. ОБ ОБЩИХ ЗАКАЗАХ МАТЕРИИ ДЛЯ ШИТЬЯ ОБЛАЧЕНИЙ.

Архиепископ Герман ознакомил собор с образчиками изготавливаемой в Эстонии материи, пригодной для шитья церковных облачений и предложил представителям Церквей-сестёр делать заказы на указанные сорта материи сообща, так как наименьший заказ на каждый сорт материи, по сообщению фабрики, не может быть меньше 50 метров.

Постановили: предложение одобрить.

ХV. О ВРЕМЕНИ СЛЕДУЮЩЕГО ОЧЕРЕДНОГО СОБОРА ЕПИСКОПОВ ЦЕРКВЕЙ-СЕСТЁР.

Постановили: В 1938 году в конце сентября собор епископов Церквей-сестёр созывается в Эстонии. Созывает собор и

составляет программу его работы, а также председательствует на соборе глава той Церкви, на территории которой собор собирается.

XVI. ПО ОКОНЧАНИИ РАБОТЫ СОБОРА
ВСЕ ЧЛЕНЫ ПОСЛЕДНЕГО ВЫЕХАЛИ
В ВАЛААМСКИЙ МОНАСТЫРЬ И ТАМ
СООБЩА СОВЕРШИЛИ БОЖЕСТВЕННУЮ
ЛИТУРГИЮ И ПРИЧАСТИЛИСЬ
ЗА НЕЮ СВЯТЫХ ТАИН.

XVII. ПО ВОЗВРАЩЕНИИ С ВАЛААМА
ЧЛЕНЫ СОБОРА ПОСТАНОВИЛИ
ОБРАТИТЬСЯ К СВОИМ ПАСТВАМ
СО СЛЕДУЮЩИМ ПОСЛАНИЕМ
ОТ ИМЕНИ СОБОРА:

Святительское послание архипастырей православных церквей Финляндии, Эстонии и Латвии своим пасомым.

Мы, по милости Божией, Епископы Православных церквей Финляндии, Эстонии

и Латвии, собравшись в гор. Сортавала для обсуждения вопросов, касающихся более близкого сотрудничества и единения в делах веры, и вознесши Пастыреначальнику Христу общую усердную молитву об утверждении благосостояния братских Церквей и народов, призываем Божие благословение на всех верных чад названных Церквей.

Герман, Архиепископ Карельский и вся Финляндии.

Александр, Митрополит Таллиннский и вся Эстонии.

Августин, Митрополит Рижский и вся Латвии.

Николай, Архиепископ Петсерский.

Александр, Епископ Выборгский.

Иаков, Епископ Елгавский.

XVIII. СОБОР БЫЛ ЗАКРЫТ
АРХИЕПИСКОПОМ ГЕРМАНОМ
28 АВГУСТА 1937 ГОДА.

Публикация, предисловие и комментарии Татьяны Шор.

Summary

The idea of cooperation of the Orthodox Churches in the Baltic States emerged after the consecration of the Bishop of Jelgava Jacob in Riga. The First Congress of the Orthodox bishops of Finland, Estonia and Latvia took place on 24-28 August 1937 in Sortavala (Finland).

A lot of issues of the Orthodox service, demanding unification and accounting of the new public and political conditions were discussed there.

Following questions has been considered during the Congress:

- Establishment of close connection and cooperation between the Orthodox Church-

es of Estonia, Latvia and Finland.

- Uniformity in commission of the Church services.
- The celebration of the Church holidays concerning to the New and Old styles.
- Financial position of the clergy and parishes.
- Issue of the given names in Baptizing.

The publications presents the full text of the protocols of the Congress which is stored in the Archive of the Synod of Estonian Orthodox Churches (Estonian National Archive in Tartu).

The publication, introduction, remarks and discriptions has been done by Tatiana Shor.

Валаам в начале 30-х годов XX века

Архиепископ Герман,
Митрополит Александр,
Архиепископ Николай.
1935. EAA.5355.1.288

Reference list

- 1 Vesti dnja. 1937. 23 avgusta. # 188. S. 1.
- 2 Nacional'nyj arhiv Jestonii v Tartu, RA, EAA.1655.3.400. Eesti, Läti ja Soome Piiskoppide Kogu koosolekute protokollid, Utrechti konverentsi otsused, World Alliance Eesti Rahvusnõukogu põhikiri ja kirjavahtus Soome piiskopi, Läti metropoliidi, Eesti Evangeelse Luteriusu Kiriku piiskopi ja teistega koosolekute organiseerimise, osavõtu ja muudes küsimustes [Protokoly soborov episkopov Jestonii, Latvii i Finljandii, resh-enija Utrehtskoj konferencii, Ustav jestonskogo nacional'nogo soveta Mirovogo al'jansa i perepiska s finljandskim, latvijskim, ljuteranskimi episkopami i drugimi ob organizacii i uchastii v soborah i po dr. voprosam]. 144 l.
- 3 Nacional'nyj arhiv Jestonii v Tartu, RA, EAA.1655.3.400: 123.
- 4 Tam zhe. L. 118.
- 5 Tam zhe. L. 128.
- 6 RA, EAA.1655.3.400. L. 137–144 (Jekzempljar jestonskogo episkopata).
- 7 Protokol Sobora Episkopov sm. EAA.1655.3.400. L. 53–60.
- 8 EAA.1655.3.400. L. 53–60. L. 10b.

Православие в Балтии
№ 8 (17)
Научно-аналитический журнал

Pareizticība Baltijā
Nr. 8 (17)
Zinātniski analītisks žurnāls

The Orthodoxy in the Baltics
№ 8(17)
Scientific-Analytical Journal

Izdevējs: LU Filozofijas un socioloģijas institūts

Kalpaka bulvārī 4, Rīga, LV-1050
tāl. – 67034520 e-pasts – fsi@lza.lv www.fsi.lu.lv

Iespiests SIA "Latgales druka", Baznīcas iela 28, Rēzekne, LV-4601